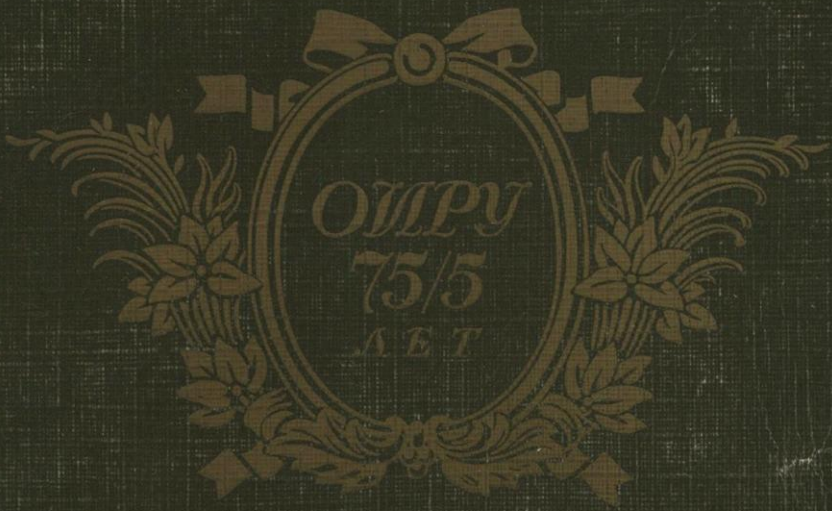
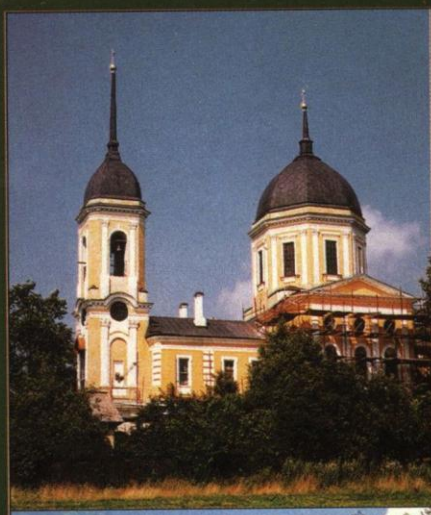
РУССКАЯ



УСАДЬБА

Выпуск 4(20)

Посвящается
75-летию
Общества изучения
русской усадьбы



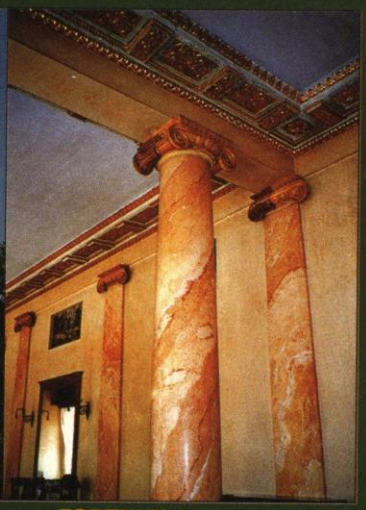
ОТРАДА, Московская обл.

Никольская церковь. 1778—1788 гг., арх. К. И. Бланк; 1835, арх. А. Джилярди.

Фрагмент ограды парадного двора. Середина XIX в., арх. Г. А. Боссе.

Оранжерея. 1848 г., арх. М. Д. Быковский.

Павильон (конец XIX в.), оранжерея (1848 г.) и главный дом (1775—1779 гг.).



ГОРЕНКИ, Московская обл.

Главный дом. 1780—1790-е гг., арх. А. Менелас, 1912—1916 гг., арх. С. Е. Чернышев. Фото 1996 г.

Интерьер зала. 1912—1916, арх. С. Е. Чернышев. Фото 1996 г.

АЛМАЗОВО, Московская обл.

Главный дом (?). Фото 1996 г.

НИКОЛЬСКОЕ-ГАГАРИНО Московская обл Фото 1997 г.

ДУБКИ кн. Ливен, Московская обл.

Главный дом. Фото 1997 г.

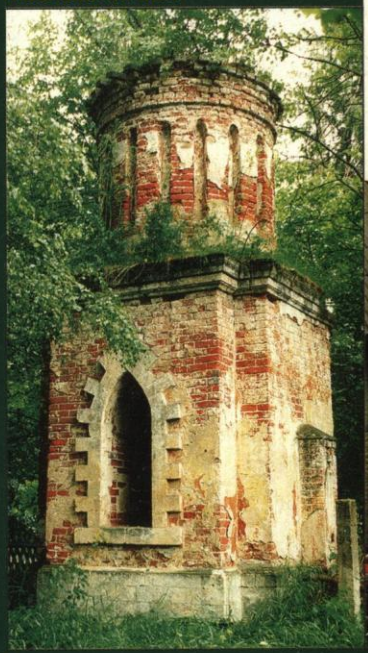
КРИВЯКИНО, Московская обл.

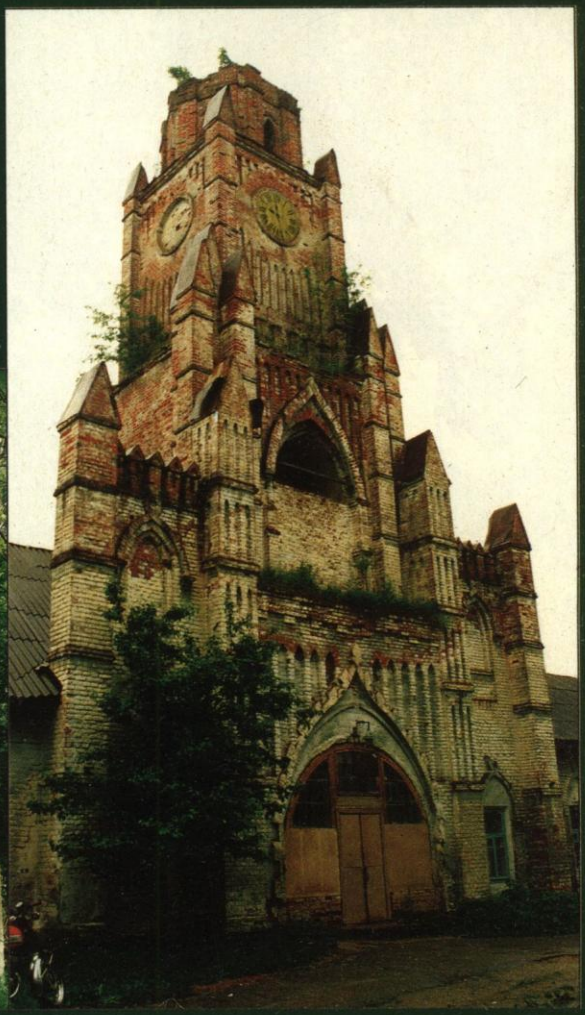
Главный дом. Фото 1997 г.

Крыло главного дома. Фото 1997 г.

СПАССКОЕ, Московская обл.

ОСТАШЕВО,
Московская обл.





Башня въезда на парадный двор. Середина XIX в. (?). Фото 1997 г.

Ворота конного двора. Середина XIX в. Фото 1997 г.

МЕЩЕРСКОЕ-ПОКРОВСКОЕ,
Московская обл.

Герб баронов Бодэ на воротах. Фото 1996 г.

ПОРЕЧЬЕ, Московская обл.

Усадьба Поповых. Главный дом. XIX в. Фото 1995 г.

Усадьба Медведниковых. Главный дом. Начало XX в. Фото 1995 г.

МАТРЕНИНО, Владимирская обл.

Церковь в селе Матренине — вотчине графов Воронцовых. Фото 1996 г.

ЛОПАСНЯ-ЗАЧАТЬЕВСКОЕ,
Московская обл.

Зачатьевская церковь. 1689—1694, 1820-е гг. Фото 1997 г.

Восточный фасад главного дома. 1770-е гг., после 1812 г. Фото 1997 г.

Некрополь Пушкиных близ церкви. Фото 1997 г.

АНДРЕЕВСКОЕ, Владимирская обл.

Подъезд к главному дому. Середина XVIII в., XIX в. Фото 1996 г.

Церковь. 1780-е гг., арх. К. И. Бланк (?). Фото 1996 г.

Главный дом. 1885—1887, арх П. С. Бойцов. Фото 1995 г.

ПОДУШКИНО, Московская обл.

ВАС

СКОБЕЕВО, Московская обл.

ПЕТРОВСКОЕ, Псковская обл.

Аллея к главному дому.
Фото И. Н. Слюньковой. 1997 г.

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

МОСКВА
Издательство «Жираф»
1998

Р У С С К А Я У С А Д Ь Б А

Сборник
Общества изучения
русской усадьбы

В Ы ПУСК

4

[20]

Издательство «Жираф»
Москва, 1998

5—89832—002—4
УДК 728.8 (470-25) (082)
ББК 85.113 (2)1 И20

Общество изучения русской усадьбы
приносит благодарность руководителю
Архитектурной мастерской № 15 Моспроекта-2
С. Б. Ткаченко за заинтересованное участие
в издании этой книги

Для оформления использованы виньетки и силуэты
В. В. Гельмерсена, Э. В. Голлербаха, Г. И. Нарбута,
А. И. Кравченко из коллекции А. И. Фролова.

Научный редактор-составитель д.и.н. Л. В. Иванова.
Подбор иллюстраций — канд. арх. М. В. Нащокина.
Художественное оформление:
С. И. Мухин, канд. арх. М. В. Нащокина.
Макет — С. И. Мухин.
Компьютерный набор к.и.п. А. И. Фролов.
Верстка — В. М. Дзядко.

Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 4 (20). Колл. авторов. Научный редактор-составитель Л.В. Иванова. М.: Общество изучения русской усадьбы, 1998. 368 с.; с илл.

Четвертый выпуск сборника «Русская усадьба» посвящен 75-летию образования Общества изучения русской усадьбы (1922—1930 гг.). Публикуются некоторые малодоступные исследователям труды ОИРУ, в том числе «Памятники усадебного искусства. I. Московский уезд» (М., 1928), впервые напечатаны очерки П. С. Шереметева, А. П. Греча и Д. Д. Иванова.

В связи с 5-летием воссоздания ОИРУ в сборнике представлены также современные исследования, характеризующие основные направления научной, координирующей и экскурсионной работы ОИРУ.

© Общество изучения русской усадьбы. 1998.
© Л. В. Иванова. Составление. 1998.
© Художественное оформление: С. И. Мухин, М. В. Нащокина. 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. В. Иванова. Два юбилея (Вместо предисловия) .....…7

I

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ
1920-х ГОДОВ

Документы и материалы

В.В. Згура. Общество изучения русской усадьбы 17

От Общества изучения русской усадьбы. [Анкета 1924 г] 23

Действительные члены Общества изучения
русской усадьбы (1922—1930) 24

Издания Общества изучения русской усадьбы.....29

Хроника ОИРУ 1920-х годов 30

Экскурсии в Подмосковные 41
I. План летних экскурсий на 1924 г…… 43
II. План летних экскурсий на 1925 г.....55
III. План летних экскурсий на 1926 г……...69
IV. План летних экскурсий на 1928 г……...81
V. План летних экскурсий на 1929 г…….. 90
VI. Зимние экскурсии 1926—1927 гг.....94
VII. План зимних экскурсий на 1927—1928 гг.....96

Памятники усадебного искусства. I. Московский уезд.....99
Подготовка к публикации Г. Д. Злочевского

Гр. П. С. Шереметев. Поездка в Юрино.....161
Публикация И. Н. Слюньковой

А. Н. Греч. Музыка в русской усадьбе.....171
Публикация Л. П. Ивановой

Д.Д. Иванов. Искусство в русской усадьбе.....180
Публикация Т.А. Тутовой

II
ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ 1990-х ГОДОВ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ОИРУ 1920-Х ГОДОВ

М. Ю. Меленевская. Размышления у портрета В. В. Згура 201

М. Ю. Меленевская, Е. С. Меленевская.
Д. И. Шаховской: «философические письма».
По материалам семейного архива 204

В. М. Рудчснко. К истории моей коллекции материалов ОИРУ 213

И. Л. Кызласова. Новое о судьбе А. И. Греча и Г. В. Жидкова 216

ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Ю. Стернин. Русская загородная усадьба
в современных историко-культурных интересах..... 245

Л. Н. Летягин. Русская усадьба: мир, миф, судьба..... ... 253

И. И. Рязанцев. Монументы усадеб 260

Л. А. Перфильева. Архитектурные увражи Ж.-Ф. Неффоржа
и практика усадебного строительства в России
второй половины XVIII в 270

Н. Г. Преснова. Екатерина II и подмосковные усадьбы 303

М. В. Нащокина. Русские усадьбы эпохи символизма 316

ХРОНИКА ВОЗРОЖДЕННОГО ОИРУ

М. А. Полякова. Общество изучения
русской усадьбы (1992—1997): люди и время..... 346

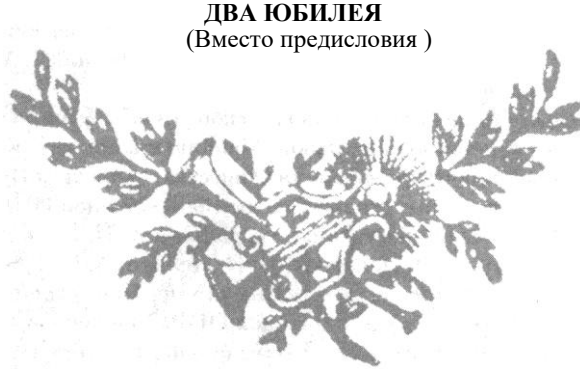
М.Б. Михайлова. Экскурсионная работа ОИРУ в 1993—1997 гг. ..358

Научные и отчетные конференции ОИРУ 365

Хроника..... 366

Коротко об авторах 368

ДВА ЮБИЛЕЯ
(Вместо предисловия)



22 декабря 1922 г. в Москве группа энтузиастов во главе с молодым талантливым искусствоведом Владимиром Васильевичем Згура создала Общество изучения русской усадьбы. Это было совершенно новое не только для России, но и для Запада объединение, сыгравшее важную научную и общественную роль в истории отечественной усадьбы.

Начиная с «красного петуха» 1905 года — поджогов и разграблений помещичьих усадеб, — шел угрожающий судьбам русской культуры процесс разрушения усадеб, который катастрофически ускорился после того, как первыми декретами Советского правительства усадьбы были насильственно вырваны у их бывших владельцев. И вот впервые раздался громкий голос научной и художественной интеллигенции в защиту русской усадьбы.

Этот призыв нашел самый живой отклик — ряды Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ, как его сокращенно называли) быстро росли, и к своему пятилетию (1927 год) оно насчитывало 150 человек.

ОИРУ знали и любили не только в Москве, хотя тяжелые годы после революции и гражданской войны ограничивали масштабы его деятельности вне Москвы и Московской губернии. Не случайно программу его первого заседания взялись оформить известные графики А. И. Кравчен-

ко и И. Н. Павлов, а первый план экскурсий по подмосковным усадьбам в 1924 г. издал М. В. Сабашников. Всех привлекали новизна и благородство целей — систематически изучать н пропагандировать огромный и своеобразный пласт русской культуры — усадебную культуру. Это объединило вокруг ОИРУ и известных ученых, деятелей культуры, таких как А. Н. Бенуа, принявшего звание почетного члена Общества, как Б. Р. Виппер, В. Я. Курбатов, Д. В. Поленов, П. П. Вейнер, и в то же время молодых людей, в основном аспирантов искусствоведов и историков Московского университета: А. Н. Греча, Г. В. Жидкова, М. А. Ильина, Г. А. Новицкого и многих других.

Деятельность Общества изучения русской усадьбы была очень плодо-
творной, по, увы, непродолжительной. Машина сталинских репрессий в 1930 г. настигла второго председателя Общества — Алексея Николаевича Греча, а следом за ним и наиболее активных членов ОИРУ: около двадцати человек были арестованы, сосланы, а А. Н. Греч, А. В. Григорьев, В. К. Клейн, А. И. Некрасов, О. И. Пенчко, А. Н. Тришевский, Г. А. Тюрк, А. А. Устинов расстреляны или умерли в ссылке.

Об этих трагических судьбах членов ОИРУ мы еще далеко не все знаем, так как до последних лет это была одна из закрытых страниц нашей истории, которая будет прочитана только после изучения материалов всех сфабрикованных судебных процессов 1930-х годов.

Но ведь были доступны, хотя бы исследователям, многочисленные (около восьмидесяти) издания ОИРУ. Среди них — даже периодический орган ОИРУ — «Сборник Общества изучения русской усадьбы», издававшийся несмотря на все трудности (ведь работа ОИРУ никем не финансировалась) в течение 1927—1929 гг.

По роду своей научной работы — изучение роли интеллигенции в первое советское десятилетие — я давно была знакома с трудами ОИРУ, понимала их значимость и в то же время неординарность для тех лет, узнавала среди фамилий членов Общества имена известных современников. В том числе — историка, декана Исторического факультета МГУ Георгия Андреевича Новицкого, писателя Ивана Евдокимова, историка русского искусства профессора МГУ Михаила Андреевича Ильина, театрального деятеля Василия Григорьевича Сахновского, создателя и директора музея в Мураново Николая Ивановича Тютчева, архитектора и блестящего лектора профессора Сергея Александровича Торопова...

Чем дальше, тем больше поражало: почему и они, и историки русского искусства почти не упоминают о роли Общества изучения русской усадьбы. Эта мысль буквально не оставляла меня после того, как довелось познакомиться с сохранившейся частью архива В. В. Згура, которую сберег и сдал в РГАЛИ вернувшийся из ссылки И. М. Картавцов.

Тогда же вспомнились бытующие в научной среде разговоры о том, как после арестов и закрытия ОИРУ его члены пытались спасти материалы, накопленные Обществом. К 1987—1988 гг, окончательно созрело решение написать о В. В. Згура и ОИРУ. Первая публикация об Обществе уви-

дела свет в 1989 г. в специальном номере (№ 19) альманаха «Памятники Отечества», посвященном краеведению в 1920-х годах. Долго лежавший в издательстве «Московский рабочий» первый выпуск «Краеведов Москвы» вышел, наконец, в 1991 г. с очерком о В. В. Згура.

С той поры я не раз обращаюсь к судьбам ОИРУ (на сегодня это 16 публикаций), будучи уверена, что история и опыт этого замечательного Общества не должны оставаться втуне.

Надо было, однако, предпринимать для этого и какие-то практические шаги. На первой, весьма представительной конференции по проблемам культуры русской провинции (4—5 апреля 1991 г.), проходившей в МГУ по инициативе Российского института культурологии, выступая с докладом об опыте ОИРУ в изучении русской усадьбы, я внесла предложение создать научно-просветительное общество «Русская усадьба» в качестве координирующего центра изучения и сохранения усадебной истории и культуры. В числе его участников, помимо энтузиастов-исследователей, виделись Фонд культуры, Всероссийское общество охраны памятников, воссозданные Дворянское и Купеческое собрания. «Используя опыт наших предшественников, опыт ОИРУ, можно разработать программу не только изучения, но и возрождения

русской усадьбы... создания Музея истории русской усадьбы. Возможна организация постоянного историко-художественного семинария при обществе «Русская усадьба», интересной могла бы стать издательская программа», — так представлялась мне тогда самая идея (к моменту затянувшегося выхода трудов конференции — 1993 год — Общество уже было создано).

Идея была одобрена и принята. Но, как каждая идея бывает «наказуемой», так и эта настоятельно требовала раздумий и действий. Последовали многочисленные беседы и советы с коллегами. И вот 10 октября 1991 г. в зале заседаний Института культурологии на Берсеневской набережной (где много лет еще до 1917 года трудились научно-общественные организации) собрались 35 человек — историки и искусствоведы, музееведы и реставраторы, издатели и архивисты, преподаватели высшей школы и работники в сфере охраны памятников. Помимо хозяев были представлены МГУ и РГГУ, Институт российской истории и Археографическая комиссия РАН, Институт искусствознания, музей «Царицыно», церковь Покрова в Филях, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Профиздат, «Памятники Отечества» и журнал «Советский музей», ВНИИР и даже исполком Мособлсовета. Решение было единодушным: необходимо воссоздать Общество изучения русской усадьбы.

Как подойти к этому на практике, — этот вопрос был важен принципиально и, одновременно, требовал быстрого решения, так как приближался юбилейный для ОИРУ 1992 год.

Важный совет и пример подал С. О. Шмидт, тогда уже успешно работавший но программе российского краеведения под эгидой Фонда культуры. Зная о том, как высоко оценивал возглавлявший Фонд культуры академик Д. С. Лихачев русскую усадьбу и усадебную культуру, можно было не сомневаться, что фонд возьмет под свое крыло и новую, усадебную, программу.

Действительно, 29 декабря 1991 г. Президиум Российского международного фонда культуры рассмотрел вопрос: «Об инициативе общественности Москвы по созданию при РМФК научно-общественного совета но программе «Возрождение русской усадьбы». Он поддержал и одобрил эту инициативу, утвердил состав Совета (первое его заседание как руководитель программы я провела уже 18 декабря 1991 г.) и предложил нам подготовить план ближайших работ с обязательством финансировать их уже в 1992 г.

Следующие почти полгода прошли в интенсивной работе Научно-общественного совета — обсуждались основные направления программы «Возрождение русской усадьбы» и, прежде всего, воссоздание Общества изучения русской усадьбы. Совет собирался ежемесячно в знамени-

том Каминном зале дома П. П. Рябушинского на Пречистенском бульваре. Вот как выглядел состав Совета: Л. В. Иванова (председатель), С. В. Фицева (секретарь), В. И. Азар, В. Ю. Афиани, Ю. А. Веденин, А. П. Вергунов, В. И. Выголов, М. К. Гуренок, Е. С. Ерицян, Т. П. Каждая, О. И. Карпухин, О. Г. Ласунский, В. В. Лепешинский, С. А. Малышкин, А. С. Попов, В. В. Синдеев, А. А. Сундиева, Л. В. Тыдман, П. М. Шульгин, С. О. Шмидт.

Думаю, что почти все участники тогдашних заседаний вспоминают их тепло и заинтересованно, — столько хороших идей здесь прозвучало, так велико было объединявшее всех желание как можно быстрее помочь усадьбам. Негласным девизом были страстные слова В. В. Згура семидесятилетней давности: «Для нас русская усадьба — еще далеко не исчерпанная сокровищница памятников искусства подчас непревзойденного мастерства... Красота русской усадьбы еще не умерла!».

Одновременно велась работа по нескольким линиям: уточнялись основные направления программы (Л. В. Иванова), коллективно готовилась первая в истории России усадебная конференция (на ней согласились выступить более 50 человек, но до этого их надо было найти, разъяснить им цели, выстроить более или менее стройную программу конференции как основу для объединения специалистов самых разных профессий), создавался Устав Общества (в этом особенно помогли В. Ю. Афиани и Л. В. Тыдман).

Собирали материалы об ОИРУ, в том числе библиографию его трудов, реконструировали состав действительных членов Общества (Л. В. Иванова, Г. Д. Злочевский), искали фотографии и любые сведения о членах Общества. Тогда я успела, к счастью, побеседовать с членом ОИРУ Юрием Борисовичем Шмаровым. А однажды раздался телефонный звонок от Марины Юлиановны Меленевской, заслуженного работника печати, москвички 1907 года рождения, которая работала в ОИРУ и теперь радостно восприняла весть о его возрождении. Позднее, на учредительной конференции, она выступила так эмоционально, что мы почувствовали энтузиазм членов Общества 20-х годов. Тогда же М. Ю. Меленевская и Д. С. Лихачев были избраны почетными членами ОИРУ.

Теперь, по прошествии пяти лет, понимаю, что мы своим бурным началом несколько даже удивили спокойных штатных сотрудников Фонда культуры. Так, они довольно скептически («мало времени») отнеслись к предложению издать к конференции специальный выпуск «Вестника Международного фонда культуры». Но мы его сделали, он включил в себя около десяти важных материалов, давших возможность участникам открывшейся 20 апреля 1992 г. учредительной конферен-

ции составить представление как об ОИРУ 1920-х годов, так и о принципах и целях его возрождения. К сожалению, небольшой тираж (100 экз.) сразу сделал это издание трудно доступным — выпуск, наверное, сохранился только у участников конференции. Тем не менее именно с

него, помеченного апрелем 1992 г., следует начинать историю ОИРУ 1990-х годов. Не забывая, однако, и предистории.

Не касаясь здесь всех сторон работы возрожденного ОИРУ (основные результаты этой работы представлены на страницах четырех выпущенных сборников «Русская усадьба»), скажем лишь, что с уходом Д. С. Лихачева из Фонда культуры ослабла живая связь ОИРУ с Фондом. Так что, начиная с 1993 г., Общество стало работать, как и наши предшественники в 1920-е годы, без какой-либо поддержки со стороны официальных органов. Это нелегко. Но главная сила Общества — люди, подлинные подвижники и энтуазиасты, любящие русскую усадьбу и отдающие все свободное время ее проблемам. Низкий им поклон!

Итак, 22 декабря 1922 г. и 23 апреля 1992 г. отмечают вехи в истории Общества изучения русской усадьбы и два юбилея: 75-летие ОИРУ 1920-х годов и 5-летие ОИРУ 1990-х.

Настоящий, четвертый (двадцатый), выпуск «Сборника Общества изучения русской усадьбы» посвящен этим двум юбилеям. И, соответственно, состоит из двух разделов.

Первый раздел — «Общество изучения русской усадьбы 1920-х годов: документы и матерналы» — почти целиком отдан переизданию

наиболее ценных трудов ОИРУ, давно ставших библиографической редкостью (они печатались тиражами от 250 до 1100 экз. и сохранились лишь в двух-трех крупных библиотеках, да у библиофилов). Между тем, как показывают современные публикации, отсылки к трудам ОИРУ есть почти в каждом исследовании по русской усадьбе и, особенно, по подмосковным. Значит, эти издания нужны и сегодня.

Наряду с такими крупными работами, как «Памятники усадебного искусства. 1. Московский уезд» (1928 г.) и семь выпусков «Экскурсий в Подмосковные» (1924—1929 гг.), публикуются небольшие по объему, но важные документы, позволяющие объективно представить историю и деятельность ОИРУ. Это написанный В. В. Згура манифест-программа Общества (1923 г.), анкета, по программе которой собирались материалы и описывались усадьбы, хроника жизни усадеб в 1920-х годах (перепечатка из «Сборников ОИРУ).

Два материала здесь ретроспективны: это реконструированный состав действительных членов ОИРУ и список трудов, вышедщих под грифом Общества (за его рамками остались работы членов Общества (их более шестидесяти).

Наконец, впервые публикуются три очерка об усадьбах И. С. Шереметева, А. Н. Греча и Д. Д. Иванова. Разделенные между собой рубежом революции, они показывают, что интерес к русской усадьбе не угасал, что в архивах великое множество интересных о том материалов. Владелец усадеб граф II. С. Шереметев стал членом Общества изучения русской усадьбы и основателем музея в Остафьеве. Очерк А. Н. Греча «Музыка в русской усадьбе» характеризует многогранность личности председателя ОИРУ, ныне хорошо известного по его посмертно опубликованному «Венку усадьбам». Также впервые печатается лекция Д. Д. Иванова — директора Оружейной палаты, современника А. Н. Греча и, также как он, человека трагической судьбы. Это тоже голос из 1920-х годов, когда об усадьбе еще знали немного, но уже понимали ее особую роль в отечественной культуре и место в общеевропейской культуре.

Второй раздел — «Общество изучения русской усадьбы 1990-х годов» — состоит, в свою очередь, из трех групп материалов, которые в целом характеризуют основные напрааления нашей современной деятельности.

Устав Общества, подчеркивая преемственную связь с ОИРУ 1920-х годов, нацеливает на постоянное изучение истории ОИРУ и судеб его членов. Поэтому в разделе помещены воспоминания М. Ю. Меленевской о Д. И. Шаховском, потомке декабриста, члене ОИРУ, ученом, расстрелянном в 1939 г., ее же небольшое эссе, обращенное к впервые здесь

воспроизводимому силуэтному портрету В. В. Згуры, обзор архива «старого» ОИРУ в коллекции члена Правления Общества В. М. Рудченко, а также основательное исследование судеб А. Н. Греча и Г. В. Жидкова по следственным делам ФСБ И. Л. Кызласовой.

Небольшая (в силу ограниченности объема выпуска) группа традиционных исследовательских работ, предлагаемых читателю, отличается в каждом конкретном случае своеобразием, которое характеризует современные подходы к усадьбоведению. В одних случаях это методологические подходы, у нас пока, к сожалению, мало разработанные. В других — широкая проблемная постановка темы или обращение к мало изученным источникам.

Наконец, мы решили познакомить читателя с повседневными делами Общества, с его научной (конференции, издания), координирующей, экскурсионной работой. Как всегда, завершает сборник хроника ОИРУ.

Содержание и структура юбилейного издания «Русской усадьбы» определили состав иллюстративного материала. Это фотографии участников ОИРУ 1920-х годов и виды усадеб, которые они посещали и описывали (из собрания В. М. Рудченко). Это и снимки, сделанные в ходе нынешних экскурсий по подмосковным усадьбам. Среди них и те, что видели наши предшественники семьдесят лет назад, и те, что мало кому известны даже сегодня.

Л. В. Иванова

Правление Общества
благодарит за помощь в подготовке выпуска
М. А. Арабоглы, Е. П. Голуб, Г. Д. Злочевского,
В. М. Рудченко, А. И. Фролова

I

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ 1920-х ГОДОВ: Документы и материалы

В.В. Згура

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

Для истории нового русского искусства очень важное значение имеет факт образования в Москве «Общества Изучения Русской Усадьбы», возникшего в конце прошлого года усилиями группы лиц, в большинстве причастных к 1 Московскому Государственному Университету. Особенный интерес оно должно представить для людей, занимающихся изучением русской архитектуры, так как во главе деятельности Общество выдвигает историю и проблемы русской архитектуры XVIII и первой половины XIX вв. в памятниках загородного строительства.

По своим специальным задачам и методам классификации изучаемого материала возникшее Общество является первым и совершенно новым не только в России, но, сколько нам известно, и на Западе. В особенности это, конечно, касается нас; если виллы Италии или замки Германии уже достаточно хорошо обследованы и прошли сквозь жернова искусствоведной науки, то у нас едва ли известен наиважнейший материал. Изучение усадеб, как художественных памятников велось до настоящего времени случайно и беспорядочно. Теоретическая сторона совсем отсутствовала, методология оставалась совершенно незатронутой, формальное рассмотрение не применялось; словом, усадьбоведение в том смысле, как склонно понимать его Общество Изучения Русской Усадьбы, не существовало вовсе. Если принять во внимание ничтожный промежуток времени, за который стали обращать внимание на новое русское искусство, то не придется удивляться сказанному и нельзя будет никого в том обвинять: так же, как нельзя не замечать положительных, в некотором смысле, результатов попыток изучения усадеб, без которых, быть может, и не возникло бы новое общество.

Стоя теперь в некотором отдалении, мы спокойно можем оценивать всю дореволюционную работу в нашей области; отмечая ряд недостатков, неправильностей и неудовлетворяющих нас моментов, не-

льзя не признать исключительного значения этой работы в сей ее важности для нас. Не говоря уже о практической стороне, о том, что многое было зарегистрировано, а многое, ныне не существующее, так или иначе зафиксировано, укажем на то, что усилиями наших предшественников была выяснена художественная значительность русских усадеб и последние стали понятны не только небольшой кучке людей, причастных к искусству, но и широким кругам Общества. Здесь прежде всего следует вспомнить «Старые годы», которым, в лице имеющего огромные заслуги перед историко-художественной наукой. П. П. Вейнера и его ближайших сотрудников, принадлежит главная честь «раскрытия» русской усадьбы. С точки зрения пропаганды и популяризации имели значение даже такие нелепые издания, как журнал «Столица и усадьба», такие слабые книги, как «Подмосковные» Ю. Шамурина (1). Несомненно приходится признать, так сказать, идеологическое значение за деятельностью, предшествовавшей Обществу Изучения Русской Усадьбы. Но не надо думать, что только им исчерпывается весь объем предыдущей работы. Не имея места перечислять всего сделанного в нашей области, скажем только, что в настоящее время мы располагаем некоторым количеством положительного материала и многими данными для дальнейшей разработки. Но, конечно, по сравнению с наличием колоссального художественного наследия загородной культуры и значительностью памятников искусства, находящихся в усадьбах, сделанное — ничтожно. Да, эпизодические попытки отдельных лиц и случайные описания памятников всегда будут недостаточны. Нужны годы работы и совместные усилия многих лиц; нужна систематичность непрерывность исследований. Имея в виду все сказанное, а также катастрофическое положение и даже гибель многих памятников загородного искусства, думается, что чрезвычайно своевременно обратить внимание на художественные усадьбы, желательность чего признается и правительственными кругами (2). Будем думать, что Общество Изучения Русской Усадьбы образовалось именно в тот момент, когда наиболее всего ощущается в том потребность, когда после революционных бурь Государство приступает к мирному строительству.

Что такое усадьбоведение? Возможно ли оно как самостоятельная дисциплина? Вот вопросы, которые приходят, когда начинаешь думать об Обществе, изучающем русские усадьбы. На последнее соображение приходится отвечать отрицательно; конечно, было бы странно видеть в усадьбоведении обособленную науку, но как одну из самостоятельных отраслей историко-художественной науки его несомненно приходится признать. Можно двояко истолковывать самое понятие: I) как изучение элементов и композиции, а также органических образований

усадебного целого на фоне историко-бытовой перспективы, как воздействующего фактора (собственно усадьбоведение) и II) как исчерпывающее изучение всего художественного материала, находящегося на усадебной территории, не считаясь с его усадебным или внеусадебным образованием и смыслом (усадьбоописание).

Стоя целиком на точке зрения усадьбоведения (I), Общество Изучения Русской Усадьбы, вместе с тем, не только не исключает, но даже признает необходимым «усадьбоописание» (II). Было бы даже странно при изучении, скажем, архитектуры какой-либо отдаленной усадьбы не зафиксировать в то же время встретившиеся продукты первоклассного художественного мастерства только потому, что последние, может быть, не имеют никакой внутренней связи с местом, где они находятся. Поэтому, например, изучение живописи занимает в Обществе совершенно самостоятельное место.

Согласно характеру усадебного материала, работа Общества распадается на следующие рубрики:

I. Архитектура.
II. Сады и парки.
III. Теоретические вопросы.
IV. Театр.
V. История и быт.
VI. Живопись и скульптура.
VII. Прикладное искусство.

Первая рубрика представляется наиболее интересной и значительной, ибо внешние элементы композиции усадеб — главным образом архитектурные сооружения. Работа по этому отделу даст исключительно ценный материал для истории русской архитектуры. Не говоря о том, что здесь мы встретимся с совершенно новыми и неожиданными типами сооружений; вспомним, что в усадьбах работали все лучшие русские архитекторы — и Кваренги, и Старов, Казаков, Жилярди и множество других. Таким образом, oeuvre многих первых мастеров русского зодчества должен будет пополниться. Увлекательнейшие данные находим в усадебной архитектуре для суждений о трансформациях, отражениях и искажениях стиля, а также его эволюции.

Кроме предметов, входящих в круг усадьбоведения или усадьбоописания, Общество не исключает других проблем загородной культуры, как, например, крестьянского искусства и искусства крепостных, архитектурного внегородского пейзажа и т. п. (см. параграф I Устава Общества).

Первые работы, к которым Общество уже приступило и которые придется вести непрерывно все время, должны стать основой научного аппарата Общества. Это составление:

I. Усадебной картотеки (в двух экземплярах — 1-й алфавитной и 2-й топографической).

II. Усадебной карты (в связи с работой 1).

III. Иконографической картотеки (усадьба в картинах, рисунках, гравюрах, литографиях, фарфоре и других памятниках прикладного искусства).

IV. Указателя источников (1 — архивные материалы, 2 — литературные материалы: дневники, записки, воспоминания, переписки, путешествия и современные описания).

V. Библиографического указателя (усадьба — объект изучения).

Не приходится говорить о ценности и вместе с тем колоссальности работы, заключающейся в указанных пяти разделах. Но это тот фундамент, без которого нельзя строить здание, и общество, принявшее на себя труд систематического и специального изучения усадеб, должно направить все усилия к успешному проведению этих совершенно необходимых работ.

Для удобства и более успешной организации работы Общество Изучения Русской Усадьбы приняло деление всей территории Республики на усадебные округа с центрами, где имеются уполномоченные Общества, ведающие всем округом. Таких округов семь:

I. Подмосковный (Московская губ. Центр — Москва).

II. Центральный (губернии: Тверская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Владимирская, Ярославская, Костромская. Центр — Москва).

III. Поволжский (губернии: Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская. Центр — Казань).

IV. Северный (губернии: Петроградская, Новгородская, Псковская, Вологодская, Вятская, Пермская, Архангельская. Центр — Петербург).

V. Южный (губернии: Киевская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская. Центр — Киев).

VI. Западно-окраинный (губернии: Могилевская, Минская, Житомирская, Каменец-Подольская. Центр — Минск).

VII. Крымский (полуостров Крым, Центр).

Пока что живая связь установлена, не считая Подмосковного и Центрального округов, с округами: северным, уполномоченным какового является П. П. Вейнер (Петербург) и Поволжским с уполномоченным П. М. Дульским (Казань). Кроме главных уполномоченных окружных центров предполагаются отдельные представители во всех губернских городах, имеющие непосредственное общение с главными уполномоченными, которые в свою очередь постоянно сообщаются с

самим Обществом. Впоследствии возможна организация филиальных отделений Общества в окружных центрах.

Вся научная деятельность Общества Изучения Русской Усадьбы разделяется на две части: 1) обследование и 2) разработку. Материал по русским усадьбам сравнительно так незначителен, что обследованию и зафиксированию его придется уделить главное внимание; этой работе будет отводиться летний сезон, который будет целиком занят обследованием, описанием и фотографированием усадебных памятников. В связи с этим предполагается ряд поездок, разведок и экспедиций.

Подмосковные больше всего повлияли на художественное образование русских усадеб; кроме того, в них наибольшее количество абсолютных художественных ценностей. Поэтому в первую очередь Общество Изучения Русской Усадьбы обращается к самому серьезному обследованию Московской губернии. Уже начата большая работа по Кускову с широкой фотографической съемкой, которая будет коллективным трудом всех членов Общества. Эту работу, составляющую программное задание на нынешний летний сезон, предполагается закончить к январю 1924 года, когда будет готова обширная и исчерпывающая монография, достойная одной из самых замечательных усадеб в России. В настоящее время в работе по Кускову принимают участие: Ю. П. Анисимов, Ю. А. Бахрушин, проф. Б. Р. Виппер, А.Н. Греч (член правления), нроф. Б.П. Денике (секретарь Общества), И.В. Евдокимов (зампред), В.В. Згура (Председатель Общества), В.К. Станюкович (в СПб), проф. В. Г. Сахновский, архитектор С. А. Торопов (член правления). Кроме того, в это же лето будут изучены некоторые мелкие подмосковные. Также будет совершена экспедиция в Андреевское, Владимирской губ. (бывш. имение Воронцовых-Дашковых). Возможно, что помимо чисто исследовательской работы уже в настоящий сезон удастся наладить образовательно-популяризаторскую деятельность. Во всяком случае помимо публичных лекций Общество предполагает организовать и ряд экскурсий по ближайшим подмосковным, в которых смогут принять участие все желающие. Эти экскурсии должны приобрести интерес, потому что, несмотря на популярность их, они будут руководиться несколькими членами Общества, специалистами по различным отраслям; таким образом, вместе с общедоступностью они будут и строго научны.

Наряду с осуществлением вышеуказанных работ самое серьезное внимание Общество обращает на фотографирование и накопление фотографического и чертежного архива, который вместе с карточными каталогами должен стать важнейшим научным капиталом Общества. Будут приложены все старания к отысканию фотографий с памятников уже не существующих. Архитектурные сооружения, представ-

ляющие интерес, будут обмеряться и вычерчиваться, что явится ценнейшим вкладом в науку, так как эта работа не сделана еще и в отношении большинства столичных сооружений после-петровской эпохи.

Как работы отдельных членов, так и результаты коллективных обследований Общество Изучения Русской Усадьбы предполагает так или иначе опубликовывать. В ближайшее время Госиздатом будет приступлено к печатанию двух монографий членов общества. Остафьево — А. Н. Греча и Ольгово — Ю. П. Анисимова, с совершенно новыми и нигде еще не опубликованными материалами и фотографиями.

В дальнейшем предвидится издание усадебного сборника, материал для которого отчасти уже собран.

Такова работа, таковы предположения. Многое зависит от общественной поддержки и помощи. Если сочувствие, каким было встречено Общество Изучения Русской Усадьбы, будет иметь место и впоследствии, то в этом, не скроем, главный залог успешной реализации всех замыслов, в каковой, без всякого сомнения, живейшим образом должна быть заинтересована русская историко-художественная наука.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Не вникая в плохие стороны названной книги, следует сказать, что за автором большая общественная заслуга. Публика знает о «подмосковных», главным образом, по Шамурину, а вся приторная лирика автора все же порождает некоторые поэтические образы.
2. См. «Известия В ЦИК». 1923. 24 февр. № 42.

Оттиск из журнала «Архитектура». М., 1923. № 3—5.

ОТ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

[Анкета 1924 г.]

Общество Изучения Русской Усадьбы обращается ко всем учреждениям и лицам, располагающим какими-либо материалами и сведениями но старинным усадьбам и памятникам загородного искусства, с просьбой не отказать сообщить таковые в Общество, придерживаясь по возможности следующей формы, принятой для усадебной картотеки:

1. Название.
2. Местонахождение.
3. Последний владелец.
4. Преобладающий архитектурный характер.
5. Сохранность в настоящее время.
6. Историческая справка.
7. Архитектура (перечисление и краткое описание памятников).
8. Садовая архитектура и парк.
9. Внутреннее убранство усадебного дома.
10. Собрание.
11. Библиотека.
12. Архив.
13. Театр и театральное здание.
14. Библиография и архивные источники.
15. Архитектурный материал (планы, чертежи и проч.).
16. Иконография (рисунки, гравюры, картины и проч. с изображением описываемых памятников).
17. Примечание.

Заполнение всех пунктов анкеты вовсе необязательно.

Общество было бы также очень признательно за присылку фотографий, рисунков, чертежей и т. п. материалов для научного собрания Общества.

Корреспонденцию направлять на имя Председателя Общества В. В. Згура: Москва, 1-й Знаменский пер., д. 25, кв. 14.

Опубликовано в кн.: План летних экскурсии на 1924 г. М., 1924.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ (1922—1930)*

В. В. Згура.

* Список составлен Л. В. Ивановой н Г. Д. Злочевским по прямым и косвенным дан ным. Знаком вопроса перед фамилией отмечены те люди, в членстве которых есть со мнения. Просьба сообщить составителям об уточнениях и дополнениях.

Адольф Викентий Андреевич (умер после 1934 г.)
Александровский Михаил Иванович (1865—1943)
Андреев А. С.
Аниеимов Юлиан Павлович (1886—1940)
Ареньев Василий Сергеевич (1883—1947)
Балыкин Михаил Семенович (1900—1930)
Бакланов Николай Борисович (1881—?)
Батенин Александр Иванович (1895—?)
Бахрушин Юрий Алексеевич (1898—1973)
Безсонов Сергей Васильевич (1885—1955)
Бенуа Александр Николаевич (1870—1960), почетный член ОИРУ
Бритова Наталья Николаевна (1901—1968)
Брунов Николай Иванович (1898—1971)
? Вайнштейн Марк Григорьевич (1894—?)
Вейнер Петр Петрович (1878—1931, расстрелян)
Виноградов Константин Яковлевич
Виноградов Николай Петрович (умер после 1928 г.)
Волкова Ольга Васильевна
Греч (Залиман) Алексей Николаевич (1899—1938, расстрелян), второй председатель ОИРУ
Григорьев Александр Васильевич) 1895-после 1933 г., расстрелян)
Губарев Александр Александрович (1862 — не ранее 1939)
Денике Борис Петрович (1885—1941)
Дульский Петр Максимилианович (1879—1956)
Евдокимов Иван Васильевич (1887—1941, подвергался репрессиям)
Жидков Герман Васильевич (1903—1953, подвергался репрессиям)
Згура Александра Гавриловна (1878—?)
Згура Владимир Васильевич (1903—1927), первый председатель ОИРУ
Иезуитов Николай Михайлович (1899—1941)
Ильин Михаил Андреевич (1903—1981)
Картавцов Илья Михайлович (1895—1971, подвергался репрессиям)
Касаткин Павел Семенович (1901 —1945)
Клейн Владимир Карлович (1883—1935, умер в тюрьме)
Климовская Ольга Н.
Кноблок Борис Георгиевич (1903—1984)
Колобов Владимир Михайлович (1984- после 1954, подвергался репрессиям)
? Коплан Борис Иванович (1898—1943)
Кравченко Алексей Ильич (1889—1940)

Н. Н. Бритова.

В. М. Лобанов.

В. А. Мамуровский.

М. Ю. Меленевская. 1924—1925 гг.

Н. П. Погребова.

Л. П. Харко.

Крюков Михаил Николаевич
? Курбатов Владимир Яковлевич (1878—1957)
? Лазаревский Иван Иванович (1880—1948)
Лансере Николай Евгеньевич (1879—1942, умер в тюрьме)
Лебедев Алексей Васильевич (1888—1944)
Лобанов Виктор Михайлович (1885—1970)
Львова Ирина Михайловна (1912—1994)
Львова Кира Николаевна
Лаговский М.
? Макаров Александр Михайлович (1891- ?)
Мамуровский Владимир Антонович (1890—1974, подвергался репрессиям)
Меленевская Марина Юлиановна (род. 1907)
Метельский Владимир Захарович
Милонова Наталья Ивановна (1897 — не ранее 1964, подвергалась репрессиям)
Некрасов Алексей Иванович (1885—1950, был репрессирован, умер в ссылке)
Новицкий Георгий Андреевич (1896—1982)
Оночинин Евгений Николаевич (1858—1928)
Пенчко Онуфрий Иванович (1896—?, репрессирован)
Первухин Нил Григорьевич (1874 — ?)
Погребова Надежда Николаевна (1902—1960)
Поленов Дмитрий Васильевич (1886—1968, подвергался репрессиям)
Порфиридов Николай Григорьевич (1893—1980)
Пустоханов Николай Алексеевич
Савин Николай Иванович (1890 — ?)
Сахновский Василий Григорьевич (1886—1945)
Свирин Алексей Николаевич (1886—1976)
Смидович Николай Викентьевич
Смирнова Елена Ивановна (1892—1973)
Станюкович Владимир Константинович (1874—1939)
Степанов Валерий Яковлевич (1875—1943)
Стина Афанасий Петрович
Томиловекая Е. М.
Торопов Сергей Александрович (1882—1964)
Тришевский Александр Николаевич (1882—?)
Троицкий Василий Иванович (1868—?)
Тюрк Густав Адольфович (1872—1937, расстрелян)
Тютчев Николай Иванович (1876—1949)

Урениус Мария Сергеевна (1884—?)
Устинов Александр Андреевич (1882—1937, расстрелян)
Фабрикант Михаил Исаакович (1887—1965)
Федорова Нина Михайловна
Филатов Иван Гаврилович
ХаркоЛев Петрович (1899—1961)
Худяков Михаил Георгиевич
Цветков Ю. М.
Чаянова Ольга Эммануиловна (1897—1983, подвергалась репрессиям)
Чердынцев Виктор Викторович (1912—1971)
Черемухина Наталья Михайловна (1891—?)
Чулков Георгий Иванович (1879—1939)
Шамурин Евгений Иванович (1889—1962)
Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939, расстрелян)
Шереметев Павел Сергеевич (1871—1943, подвергался репрессиям)
Шмаров Юрий Борисович (1898—1989, подвергался репрессиям)
Щербаков Николай Арсеньевич (1884—1933)
? Щусев Алексей Викторович (1873—1949)
Юргенсон Петр Борисович (1903—1971)

ИЗДАНИЯ
ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ
1923—1929 ГГ.

1. Злу/ш В. В. Общество изучения русской усадьбы. М., 1923. 12 с. 500 экз.
2. От Общества изучения русской усадьбы: [Анкета]. М., 1924. 4 с. 1000 экз.
3. [Згура В. В., Бахрушин Ю. А., Греч А. Н.]. План летних экскурсий на 1924 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы. М., 1924. 32 с. 1000 экз.
4. [Згура В. В., Греч А. И.]. План летних экскурсий на 1925 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы. М., 1925. 48 с. 1100 экз.
5. Искусство в усадебном быту: Зимние экскурсии 1925—1926 гг. План экскурсий. М., 1925. 500 экз.
6. [Згура В. В., Греч А. Н.]. План летних экскурсий на 1926 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы. М., 1926. 32 с. 1100 экз., в том числе 100 экз. нумерованных.
7. План зимних экскурсий, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы [1926—1927]. М., [1926]. 4 с. 300 экз.
8. План зимних экскурсий на 1927—1928 гг., организуемых Обществом изучения русской усадьбы. М., 1927. 8 с. 250 экз.
9. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1. М., 1927. С. 1—8. 375 экз.
10. То же. Вып. 2. М., 1927. С. 9—16. 400 экз.
11. То же. Вып. 3. М., 1927. С. 17—24. 425 экз.
12. То же. Вып. 4—5: Старое Кусково. М., 1927. С. 25—40. 600 экз.
13. То же. Вып. 6—8: [Памяти Владимира Васильевича Згура]. М., 1927. С. 41—96. 450 экз.
14. Згура В. В. Коломенское: Очерк художественной истории и памятников. М., 1928. 74 с. 700 экз.
15. Лобанов В. М. Виктор Васнецов в Абрамцеве. М., 1928. 40 с. 500 экз.
16. Памятники усадебного искусства. [Вып.] 1: Московский уезд. М., 1928. 106 с. 1000 экз.
17. [Греч А. Н., Лобанов В. М.]. План летних экскурсий на 1928 год, устраиваемых Обществом изучения русской усадьбы. М., 1928. 16 с. 250 экз.
18. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1. М., 19’28. С. 1—8. 450 экз.
19. То же. Вып. 2—3. М., 1928. С. 9—24. 450 экз.
20. То же. Вып. 4. М., 1928. С. 25—32. 450 экз.
21. То же. Вып. 5—6. М., 1928. С. 33—48. 450 экз.
22. То же. Вып. 7—8. М., 1929. С. 49—64. 450 экз.
23. Безсонов С. В. Усадьба Панское: Очерк. М., 1929. 32 с. 500 экз.
24. План летних экскурсий на 1929 год, организуемых Обществом изучения русской усадьбы. М., 1929. [4] с. 250 экз.

Составитель Г. Д. Злочевский

ХРОНИКА ОИРУ 1920-х ГОДОВ

1922 год

• «Общество Изучения Русской Усадьбы возникло в конце 1922 г. усилиями небольшой группы лиц, в большинстве причастных к 1-му Московскому университету. 22 декабря 1922 г. состоялось заседание членов вредителей, на котором была выяснена настоятельная необходимость немедленного изучения памятников искусства, находящихся в усадьбах, организации специального общества, и были намечены меры по его оформлению, а также и план ближайших работ. Этот день следует считать днем рождения общества. 29-го декабря в следующем заседании было избрано правление, в состав которого вошли: В. Згура (председатель), И. Евдокимов (зам. председателя), А. Греч (ученый секретарь) и С. Торопов (хранитель научных материалов).

1923 год

• С первых же дней существования Общества, правление и члены-учредители принялись за дружную работу. Понемногу стал собираться иконографический материал по усадьбам и библиотечка; начала составляться картотека усадеб. На немноголюдных еженедельных заседаниях общества, происходивших в квартире председателя, читались следующие доклады и сообщения (в хронологическом порядке): А. Греч — «Задачи усадебного изучения», А. Греч —- «Нерастанное», Ю. Бахрушин — «Две усадьбы» [Троицкое-Черкасово и Воскресенское Сухово-Кобылиных], И. Картавцов — «О церкви в с. Глушкове, Рыльского уезда, имение б. гр. Потемкиных», С. Торопов — «Ярополец», Ю. Бахрушин — «Несколько усадеб Смоленской губ.», В. Згура — «Шаболово», Ю. Бахрушин —«Три усадьбы» [Студенец, Старые Николы и Прохорово], А. Греч — «Два масонских имения» [Савинское и Глинки], А. Свирин — «Вифания», В. Згура — «Братцево и Рождествено», В. Згура — «Рюмина роща и Большая Песошна, Рязанской губ.», А. Греч — «Милынино и Руднево», В. Згура — «Дядьково и Редькино Рязанской губ.», А. Греч — «Богучарово Хомяковых Тульской губ.», В. Дульский — «Экспедиция в район Отни, Менгер и др. летом 1923 г.» (О загородных постройках татар), И. Евдокимов — «Куркино» (усадьба Резановых и Андреевых в Вологодской губ.), В. Сахновский — «Усадебный театр».

• 24-го апреля 1923 г. Общество было утверждено Народным Косиссариатом Внутренних дел и почувствовало под ногами твердую почву. В связи с утверждением Общества, временное правление сложило полномочия и 7-го нюня были произведены выборы правления, в состав коего вошли: В. Згура (председатель), И. Евдокимов (тов. Председателя), проф. Б. Денике (ученый секретарь), А. Тришевекий (казначей), Ю. Бахрушин, А. Греч, И. Картавцов и С. Торонов.

• В начале лета 1923 г. правление произвело несколько поездок по подмосковным. Были обследованы Черемушки, Шаболово, Ясенево, Рождеетвено и др.

• В этот же период Обществом были устроены два вечера усадебной музыки, первый — 8-го июня в помещении студии «Синяя Птица», а второй — 21-го июля в Кусковском дворце. Программы концертов были составлены из произведений XVIII и первой половины XIX вв. Оба вечера прошли с большим успехом.

• С наступлением летнего сезона членами Общества были обследованы некоторые провинциальные усадьбы в Тульской, Рязанской и Вологодской губ.

• С началом зимнего сезона возобновились доклады уже в более широкой аудитории. С 25-го октября открытые заседания Общества происходили в помещении московского Архитектурного общества. Отчеты об этих заседаниях своевременно помещались на страницах «Среди коллекционеров». Интересно подобранный ряд докладов привлек внимание публики и надо отметить, что все заседания Общества были довольно многочисленны.

• В декабре 1923 г. Общество вступило во второй год своего существования. Оглядываясь на прожитый год, можно смело утверждать, что Общество оказалось вполне жизнеспособным. Количество активных членов увеличилось многими деятелями искусства, художниками, историками и т. д. В связи с эти расширяется и самая деятельность Общества. Налаживается связь с провинцией в лице отдельных краеведов, пополняется понемногу библиотечка Общества, расширяется иконографический архив.

1924 год

• Намечаются и отчасти исполняются издательские возможности. Так, летом прошлого года была издана небольшая брошюра В. Згура о задачах ОИРУ. Затем в Вене печатается сборник «Русская усадьба», составленный из работ членов Общества. Приготовлен другой сборник для издания его в Казани и настоящий специальный номер «Среди коллекционеров».

• При Обществе организованы три комиссии: 1) экскурсионная, 2) библиографическая, 3) по составлению усадебной карты.

• С наступлением весеннего времени доклады Общества прекратились, и все внимание правления было устремлено на организацию экскурсий, в чем ему оказала помощь экскурсионная комиссия. Был разработан детальный план организации экскурсий по подмосковным с целью популяризации идей Общества. Издательством М. и С. Сабашниковых выпущен изящный путеводитель «Экскурсии в подмосковные». Руководить экскурсиями выразили желание многие из деятельных членов Общества, и экскурсии протекали с большим успехом.

• Комиссии библиографическая и по составлению усадебной карты находятся в стадии организационной и предварительной работы, главным образом потому, что большинство членов, изъявивших желание работать в них, находятся в отпусках и командировках. Надлежащим образом работа в них развернется только зимой 1924 года.

• Следует отметить, что правление Общества за все время работало в том же составе, потерпев небольшие изменения лишь в распределении работы между своими членами.

И. Картавцов»

Среди коллекционеров. 1924. № 7—8. С. 54—55.

1926 год

• «В результате закончившегося в ближайшее время обследования Московской рабоче-крестьянской инспекцией музеев Моек. г. намечены некоторые изменения в музейной сети и постановке работы. Фактом первостепенной важности должно быть признано предполагаемое свертывание замечательного в историко-социологическом и художественном отношениях Ольговского музея, которому предоставляется лишь небольшой уголок; остальное помещение будет использовано под другие нужды. Покровско-Стрешневский музей предположено перевести в домик Елисаветина; большой дом в случае его пригодности будет использован для санатория или дома отдыха. Остальные музеи сохраняются. Культурно-просветительная работа во всех музеях будет расширена; особое внимание должно быть обращено на постановку экскурсионного дела.

• Губмузеем в настоящее время организуется музей в Царицыне. Производится работа по выяснению облика старого Царицына. Музей, для которого ремонтируется помещение в 3 кавалерском корпусе, должен будет сконцентрировать все материалы по архитектуре и садовому убранству Царицына. В ближайший строительный сезон будет приступлено к реставрации и укреплению художественных памятников усадьбы.

• Управлением усадеб Главнауки ведется работа по выяснению старого облика музеев-усадеб и подготовляются материалы для выставок. В Останкине предполагаются перестановки соответственно описи 1802 г. Здесь же будет организована небольшая выставка «Бюджет Шереметевых». В Кусково с весны начнутся парковые работы, имеющие в виду реконструировать утерявшиеся части парка XVIII в. Предполагается открытие Грота и помещение здесь крупных экспонатов, хранящихся сейчас в подвалах дома. В Архангельском будет по описи восстанавливаться зал Тьеполо, на месте нынешней нижней библиотеки. В Покровском -Стрешневе возможна организация выставок по быту конца XIX в. и по экономическому быту усадьбы. По Остафьеву ведутся подготовительные научные работы.

• Театральным музеем им. А. Бахрушина совместно с Управлением Усадеб организуется выставка по крепостному театру, долженствующая познакомить с рядом неизвестных материалов. Открытие ее предполагается в феврале.

• Музеем Изящных Искусств летом 1926 г. перевезены из усадьбы Кораллово, Звенигор. у., античные мраморы (рельефы и фрагменты надписей), собранные в 50-х гг. XIX в. Васильчиковым в Риме и вмазанные в стены вестибюля Коралловского дома.

Тем же музеем получено мраморное надгробие Чернышева работы скульптора Триппель, вывезенное из Яропольца, Волоколамского уезда.

• В ближайшее время Музеем Изящных Искусств будут получены из Отрады, Серпуховск. у., майоликовое тондо, приписываемое итальянскому художественному семейству делла-Робиа, и некоторые предметы античного и западноевропейского искусства, до сих пор сохранявшиеся в усадьбе.

• Оружейной Палатой летом 1926 года вывезены из Подушкина (Мейндорф) два громадных примечательных нидерландских гобелена XVI в. с изображением истории Ноя. Указанные памятники являются ценным дополнением к соответствующей коллекции музея.

• В Историческом музее обнаружен альбом акварелей и рисунков, изображающих, по преимуществу, усадьбу Студенец кн. Енгалычевых, о которой сообщалось в Сборнике трудов ОИРУ (Среди коллекционеров. 1924. № 9—12).

• В Кузьминках проданы на слом летом 1926 г. почти все чугунные скамейки и диваны, являвшиеся единственным в своем роде подбором парковой мебели первой пол. XIX в.

• Известная усадьба Бакуниных Прямухино, Новоторжск. у. Тверской г., родина анархиста М. А. Бакунина, была прошлым летом монографически зарисована художником И. С. Воронцовым по поручению Тверского музея. В прямухинском доме находится сейчас детская колония; уцелевшие вещи вывезены из усадьбы в музеи Твери и Торжка.

• В усадьбе Плесненское, Звенигорода«, уезда, в настоящее время перестроен
под школу деревянный дом XVIII в., выстроенный при владельце усадьбы Щербатове. В доме до последнего времени в одной из комнат находится превосходный чугунный камин. В старом липовом парке еще недавно стоит каменный обелиск, связанный с войной 1812 года.

• В усадьбе Бобарыкино, Подольск, у., весной прошлого года разобран каменный дом XVIII в., сохранявший ряд расписных плафонов. В усадьбе уцелел старый парк.

• Летом прошлого года [1926 г. — ред.] окончательно разобран дворец в Баклани, принадлежавший некогда К. Г. Разумовскому, Почепск. у., Брянской г., проданный уисполкомом местному потребительскому о — ву за 700 руб. Двухэтажный центральный в плане дворец до последнего времени сохранял внутренние отделки и росписи. О. фон-Гун (1805) описывает его как «превеличественное здание, подобное рыцарскому из времен протекших столетий. Оно построено не прежде, как лет пять тому назад в подражание Итальянским сельским около Рима домам». Единственное и недостаточно удовлетворительное изображение его см. Труды XIV Археологич. съезда, т. II., М., 1911 год. С. 196, и Горностаев — Дворцы и церкви юга. М., 1914. С. 57.

• Правлением ОИРУ обращено серьезнейшее внимание на обследование и фиксацию историко-художественных памятников, как на задачу, представляющуюся наиболее актуальной в настоящее время. Экспедиционная работа ближайшего прошлого [1925 г.] дала богатые научные результаты. В. В. Згура обследовал ряд усадеб Смоленской и Московской губ. — Самуилово (Гжатск. у.), Белый

Холм (Ельнинск. у.), Алексино (Дорогобужск. у.), Никольское-Гагарино (Рузского у.), сохранивших исключительные по интересу архитектурные памятники. А. Н. Греч совершил поездку по Тверской губ. в поисках художественного наследия архитектора Н. А. Львова (Раек, Никольское, Арпачево) и посетил неизвестные усадьбы Московской губ. Плесненское (Звенигородск. у.), Пару (бывш. Верейск. у.), Ермолово (Серпуховск. у.). Совместно с В. В. Згура им было обследовано Белкино (Калужск. губ.). Кроме того отдельными членами Общества посещались более мелкие усадьбы.

Особенно пристальное внимание было обращено Обществом на Московский уезд, по которому еще с конца 1925 г. начата состаатяться историко-художественная карта, являющаяся первой русской художественно-топографической работой. За истекшее лето удалось закончить предварительные изыскания по выяснению интересующего содержания уезда, и в настоящее время приступлено к обработке добытых материалов. Указанную работу ведет специальная Картографическая Комиссия.

• Текущая Академическая работа проводится как Комиссиями, так и отдельными членами. На открытых заседаниях текущего академического года были прочитаны следующие доклады: А. Н. Греч — «Белкино», А. А. Устинов — «Усадьбы Смоленской губ.», В. Я. Степанов — «Архангельский театр по новым материалам», А. В. Лебедев — «Воронцовка, Тамбовск. губ.», А. В. Лебедев — «Картинная галерея Воронцовки», А. Н. Греч — «Альбом литографий Шаблыкина», В. В. Згура — «Interieur'ы Пущина, Рязанск. губ.», Г. А. Новицкий — «Старые хоромы Останкина».

• В области популяризации должна быть отмечена экскурсионная работа, протекавшая в минувшем году с исключительным успехом. По изданному отдельной книжкой «Плану», осуществленному полностью, были совершены 21 поездка. Кроме того проводились историко-художественные экскурсии, связанные с искусством усадьбы по Москве и ближайшим окрестностям. В настоящее время проводится «План зимних экскурсий», изданный листовкой, по музеям и архитектурным памятникам. Заведование технической стороной всех экскурсий лежало на А. В. Григорьеве.

• С начала академического года начали функционировать при О-ве утвержденные Губполитпросветом Историко-художественные курсы, имеющие в виду дать слушателям серьезную подготовку в области истории русского искусства XVII—XIX в.в. До настоящего времени читались следующие курсы: История русской архитектуры XVIII—XIX вв. (В. В. Згура), История русской живописи (А. Н. Греч), История русского театра (проф. В. Г. Сахновский), История русского интерьера (Г. А. Новицкий). Кроме того В. В. Згурой и В. Г. Сахновским ведутся семинарские занятия по соответствующим курсам. В конце декабря слушателями совершена экскурсия в Ростов Великий под руководством В. В. Згура.

• С февраля [1927 г. — ред.] открываются новые курсы Русское декоративное искусство (проф. А. И. Некрасов) и Садово-парковое искусство (В. В. Згура)».

Сборник Общества изучения русской усадьбы. 1927. Вып. 1. С. 7—8. С. 7.

1927 год

• «В настоящее время частично разобран архив сологубовской усадьбы Телятево (Рождествено), Серпух, у., осенью 1926 г. поступивший в Серпуховской музей. Обнаружены интересные материалы, относящиеся к деятельности небезызвестного автора «Тарантаса» В. А. Сологуба. Его тетрадка под заглавием «Mes essais» испещрена стихами в водевильном стиле и мелкими карикатурными рисунками на полях. Не меньший интерес представляют около 80 рисунков, преимущественно театральных эскизов, Ф. Л. Сологуба, автора рисунков к пушкинскому «Золотому Петушку», создавшему целую эпоху в русской иллюстрации. Как театральный декоратор, Федор Львович в свое время весьма ценился, о чем свидетельствуют многочисленные письма Ф. Комиссаржевского, Правдина, Гельцер и мн. др. Среди остальных материалов имеется много писем к В. А. Сологубу, между прочим, кн. П. А. Вяземского, тетрадка с двумя рисунками Лермонтова, письма от Тютчевых и пр. В настоящее время этот интересный в научном отношении усадебный архив подготовляется для специальной выставки музея.

• По постановлению Главнауки Наркомпроса в настоящее время ликвидируется музей-усадьба Алексино, Смоленской губ., Дорогобужского у., и материалы его передаются Дорогобужскому музею. Музей занимал всего лишь три комнаты, но тем не менее давал очень яркую картину художественного быта нач. XIX века и помещичьих вкусов второй половины XIX ст. (кажется, единственно сохранявшийся охотничий кабинет). В особой комнате сохраняется богатейший архив, позволяющий как восстановить любопытную картину жизни владельцев имения — Барышниковых, так и обрисовать экономический быт усадьбы, взаимоотношения помещиков и крепостных и т. д. Архив дает ряд ценных указаний по истории крепостного искусства, хранит чертежи и проекты крепостных архитекторов (Я. Жданов, Д. Поляков), деятельность которых еще так мало выяснена. Именно с точки зрения изучения крепостной архитектуры Алексино представляет наибольшую ценность. Это, пожалуй, единственный памятник, где можно проследить постепенное развитие замысла крепостного художника и его осуществление. Помимо большого ампирного дома, расписанного крепостными, в усадьбе сохранилась прекрасная церковь XVIII в. и ряд интереснейших хозяйственных построек, раскинувшихся на большой территории. Обширные пруды, являющиеся главным содержанием парка, составляют лучшее украшение усадьбы: совсем недавно исчезли последние лебеди, бороздившие тихую гладь алексинских вод.

• В недавнее время на антикварном книжном рынке появился альбом 1753 г. с чертежами Нескучного; альбом этот изготовлен известным архитектором Д. Ухтомским и с посвятительной надписью поднесен владельцу имения — кн, Трубецкому. Чертежи восстанавливают облик усадьбы, начиная от пышного барочного дома и кончая решетками и садовой скульптурой. Таким образом, альбом этот представляется исключительно интересным как для истории русского искусства вообще, так и для уяснения архитектора Ухтомского в частности».

Сборник Общества изучения русской усадьбы. 1927. Вып. 2. С. 16.

• А. А. Бахрушина совместно с Управлением усадеб Главнауки, знакомит со своеобразной областью служения музам и помещичьей России. Первый, архитектурный отдел выставки посвящен театральному зданию; здесь развернуты планы и чертежи, знакомящие с историей построения «храмов Талии и Мельпомены» в Останкине, Кускове, Архангельском и других местах. Особенно полно представлен материал по Останкину, позволяющий выяснить степень участия крепостных в этой постройке; редкими документами являются также чертежи по кусковскому театру (XVIII и серед. XIX в.). Второй отдел выставки посвящен портретам владельцев крепостных трупп, масляным и гравированным, сопоставленным с некоторыми видами дошедших до наших дней усадебных театров. К сожалению, экспонаты этого отдела все же численно очень недостаточны: хотелось бы видеть здесь большее количество хотя бы снимков с загородных театральных построек, еще кое-где сохранившихся. Третий, последний отдел выставки отведен иконографии актеров, вообще очень редкой, документам, с ними связанным, репертуару крепостных представлений и некоторым «смежным» увеселениям, процветавшим некогда в русских усадьбах — каруселям и роговой музыке, этому истинному порождению крепостной эпохи. Отдел этот производит несколько отрывочное впечатление. Особое значение имеют образцы сценической бутафории, происходящие из Ольгова. В чисто художественном отношении исключительно интересной представляется серия портретов «графини крестьянки», П. И. Ковалевской, начиная от овального пастельного портрета ее, принадлежащего, так же как и прочие, кисти крепостного шереметевского художника Н. И. Аргунова. Наряду с ними достаточно нелепо выглядит огромная картина Н. Матвеева, изображающая встречу Параши с Н. П. Шереметевым. Виол не естественный акцент, сделанный на шереметевском крепостном театре, отразился, однако, очень сильно на прочих экспонатах, низведенных в конце концов на роль некоторого «привеска» к шереметевской «сцене».

* Саратовский губмузей в настоящее время обследование усадеб выдвигает в качестве первоочередной и ударной задачи. Работа по обследованию усадеб ведется с лета 1925 г., но до настоящего времени удалось совершить лишь три поездки. Надеждино, Сердобского у. (б. Куракиных), посещенное два раза, подверглось исчерпывающей фотографической документации (80 фотогр.). Удалось выяснить ряд вопросов, обойденных в статье А. Голомбиевского (Старые годы, 1911, янв.). Обследованы церкви на кладбище и в селе с находившимися в них предметами искусства. Произведено черновое описание усадьбы. Аналогичная работа, еще не вполне закопченная, произведена и в Зубриловке, Балашовского у. (б. Прозоровских-Голицыных). Здесь сделано 50 фотографий. На главной лестнице сгоревшего в 1905 г. дворца сохранились еще мраморы; существует пейзажный парк с прямой главной аллеей, идущей на версту. Если допускать предположение авторства Кваренги для исчезнувшего дворца (см. И. Грабарь. История русского искусства, т. III, стр. 414), то возможно такое допущение и по отношению к классической зубриловской церкви с отдельно стоящей колокольней. В соседнем имении б. Орловой-Кот - ляревской Отрадино (в 8 в. от Зубриловки) сохранились остатки внутреннего убранства дома. Не лишена интереса и обследованная Губмузеем усадьба

б. Устиновых при с. Бекове, Сердобск. у., откуда перевезены в Саратов ряд художественных предметов и остатки усадебного архива. Здесь сделано свыше 20 фотогр. снимков. С наступающим сезоном Губмузей продолжит начатые работы».

Сборник Общества изучения русской усадьбы. 1927. Вып. 3. С. 24.

• «17 июля [1927 г. — ред.] открывается выставка садово-паркового искусства, устраиваемая Управлением усадеб Главнауки, при участии ОИРУ, в помещении Кусковского грота. Ставя в центр внимания Кусковский сад, выставка пытается обрисовать облик преимущественно подмосковных садов. Начало регулярных садов в Москве относится еще к XVII столетию. Однако, наиболее ранний из показанных памятников относится уже к середине XVIII в., сохраняя, правда, куски еще допетровской эпохи (сад Салтыкова). Наиболее блестящим памятником этого стиля является Кусковский сад. Последний прекрасно иллюстрируется в момент его наивысшего расцвета большими масляными картинами, гравюрами Лорана, фотографиями с чертежей А. Миронова и т. д. Материальными остатками старого кусковского сада являются надписи, бывшие при входе в некоторые исчезнувшие павильоны. Ряд чертежей и рисунков иллюстрирует и другие подмосковные сады XVIII столетия. Наряду с регулярными показано развитие пейзажных садов.

Мысль устройства выставки именно в Кускове нельзя не признать удачной.

• Историко-художественный семинарий, руководимый В. В. Згурой, в настоящее время занят разработкой вопросов, связанных с Кусковым. Почти закончена монография о садовой скульптуре, исследующая исторические и стилистические проблемы, а также дающая описание сохранившихся произведений. Приступлено также к подробному изучению отдельных сооружений».

Сборник Общества изучения русской усадьбы. 1927. № 4—5. С. 40.

• «3 декабря 1927 г. состоялось заседание памяти В. В. Згура, организованное Государственной Академией Художественных наук, Научно-исследовательским институтом археологии и искусствознания и Обществом изучения русской усадьбы. С речами выступили: Г. В. Жидков — «Памяти В. В. Згура», Н. И. Брунов — «В. В. Згура, как исследователь архитектуры», А. Н. Греч — «В. В. Згура в русской усадьбе», П. Денике — «Работа В. В. Згура в области изучения Востока», А. А. Сидоров — «В. В. Згура, как собиратель рисунка», А. В. Григоров — «В. В. Згура, как педагог». Ко дню траурного заседания была выпущена памятка с силуэтным портретом В. В. Згура, работы Л. П. Харко.

• 11 декабря состоялось собрание группы слушателей В. В. Згура Историко-художественных курсов ОИРУ. Участники собрания поделились воспоминаниями о педагогической и экскурсионной деятельности В. В. Згура, в связи с прочитанным покойным, в прошлом академическом году, курсом новой русской архитектуры.

• Друзьями покойного В. В. Згура при ближайшем участии матери его А. Г. Згура подготовлена и сдана в печать диссертация его «Проблемы и па-

мятники, связанные с Баженовым». Книга печатается в Казани под наблюдением П. М. Дульского и имеет выйти весной 1928 г.

• В № 2/3 журнала «Искусство», издаваемом Государственной Академией Художественных наук, помещен некролог В. В. Згура.

• В ближайших выпусках Сборника ОИРУ редакция надеется опубликовать ряд статей и исследований В. В. Згура, обнаруженных при разборе его архива.

• Первый номер сборника за 1928 г., готовящийся к выходу в свет еще в 1927 г., смонтирован В. В. Згура и будет напечатан без изменений. Подписная цена на сборник — 1 р. 50 к. за четыре выпуска или 3 руб. за восемь выпусков».

Сборник Общества изучения русской усадьбы. 1927. № 6—8. С. 81.

• «Художественной галереей Пермского Гос. Областного музея обследована усадьба кн. С. Е. Львовой в заводе Пожва Верхнекамского округа. Усадьба ранее принадлежала Всеволожским и перешла ко Львову в 1880-х гг. Громадный барский дом с немногими служебными постройками находится в большом парке, в 6 десятин, через дорогу же от парка расположены конный двор и бывшее управление имением.

• В годы революции усадьба подверглась разрушению и расхищению. В доме находилась мебель в разбитом виде: кресла и диван карельской березы начала XIX в. — без сидений и часто без ножек, в подобном же виде и стулья из масонской комнаты и другая мебель. Лучше сохранился «кабинет князя» в главном управлении, где нашлись также большие модели паровой машины 1830-х гг., которая ставилась на первые в России пароходы и паровоз, построенные в Пожевском заводе, и башенных часов, изготовлявшихся тогда здесь же для Москвы и Петербурга. В кабинете же находилась библиотека.

Из предметов искусства сохранились лишь в несколько поврежденном виде мужской бюст — скульптура работы П. Трубецкого и картины: «Мадонна» Козлова и три — неизвестных художников.

В парке, страшно запущенном, с пересохшим прудом, недалеко от барского дома сохранились каменные памятники над собачьими могилами.

В конном дворе нашлись зимние и летние экипажи конца XVIII — первой трети XIX в. (кареты, возки, ландо и др.).

Так как обеспечить сохранность описанных предметов искусства, быта и фабрично-заводской старины в усадьбе на месте не было возможности, а Уратьский Областной Совнархоз, которому принадлежит завод и усадьба, согласился с передачей этих предметов Пермскому Музею, то экспедиция, собрав материал об усадьбе и зафотографировав наиболее интересное, все предметы, имеющие историческое или художественное значение, и библиотеку перевезла в Пермский Музей по Каме. (Сообщ. Н. Серебреникова).

• В м. Батурине, Конотопского округа погибает шедевр строительного искусства на Украине конца XVIII в. — дворец гетмана К. Разумовского. Незадолго до войны дворец начали реставрировать, но война помешала его вос-

становлению и дворец снова остался без охраны. События 1917 г. и последовавшая гражданская война значительно ускорили процесс разрушения. Дворец был брошен на произвол судьбы, непрерывно подвергаясь разграблению. Сделанная во время реставрации крыша главного корпуса была частично разобрана и железо с нее расхищено. То же произошло и с деревянными частями постройки. Подверглись частичному разрушению стены, доходящие до сажени в толщину, лепная отделка комнат, капители колонн и даже вековые липы парка. Осенью 1919 г., во время бомбардировки Батурина, была повреждена колоннада.

Значительному разрушению дворец подвергся в 1923 г. вследствие пожара.

Наконец, тяжелое испытание постройке нанесли военные маневры, происходившие возле Батурина летом 1925 г., сопровождавшиеся взрывом фугасов; объектом взрыва был избран Батуринский дворец; от взрыва существенно пострадали — нижний и второй этажи главного корпуса, что засвидетельствовано особым актом.

Первые попытки к приостановлению дальнейшего разрушения дворца были сделаны в 1923 году. Незадолго до пожара, по инициативе б. заведующего Конотопским музеем М. Г. Вайнштейна, было произведено обследование постройки и поднят вопрос об его охране и ремонте. Была состаалена смета, но вследствие отсутствия средств осуществить намеченный план не удалось. Несмотря на это, в прессе время от времени стали появляться заметки, указывающие на необходимость принять неотложные меры к охране Батуринского дворца. Угрозу целости дворца вызвало решение нового заведующего Конотопским музеем, гр-на Поплавского, разрушить правый корпус постройки и тем нарушить весь ансамбль. К счастью, это не осуществилось.

Приведенные факты красноречиво говорят, что для сохранения Батурина необходимо принять неотложные меры, тем более, что он в настоящее время находится в гораздо худшем состоянии, чем было до реставрации, продолжая разрушаться. (Сообщ. В. Ризниченко).

• В текущем акад. году в ОИРУ были прочитаны следующие доклады: М. А. Ильин. Годуновские усадьбы (Вяземы, Хорошово, Спас-Михнево). К проблеме Ренессанса в русской архитектуре; А. Н. Греч. Псевдорусский стиль в усадебной архитектуре (Лукино и Зенино); Б. И. Коплан (уч. секретарь Пушкинского дома Академии Наук СССР). Из поэтических исканий конца XVIII в. (А. М. Бакунин, В. В. Капнист, Н. А. Львов); А. В. Григорьев. Русская архитектура рубежа XVII—XVIII вв. (Таболово, Курово).

• Картографическая комиссия ОИРУ закончила работу по обследованию историко-художественных памятников Московского уезда и приступила к ее напечатанию».

Сборник Общества изучения русской усадьбы. 1928. Вып. I. С. 8.

• »Саратовский Губмузей произвел второе обследование Зубриловки.

К имевшейся коллекции добавлено 66 новых снимков. Фотографировались с новых точек: общие виды усадьбы, сохранившийся остов главного дома,

сгоревшего в 1905 г., церковь, предметы в ней, мраморная фигура Мадонны, по-видимому, итальянской работы конца XVIII или нач. XIX в., колокольня, здание бывшей усадебной больницы первой половины XIX в., башня-руина, водоем, парк. Сфотографирован домик в селе на краю ближайшем к усадебному холму, в котором жил В. Э. Мусатов, когда он работал в Зубриловке. В самой усадьбе фотографировались и те мотивы, которые вошли в его произведения: южный фасад главного дома (в «Призраках» Третьяковской галереи), северный фасад (в «Прогулке при закате» Русского музея), западный фасад главного дома с уходящим в перспективу северным (в «Гобелене» Третьяковской гадереи), водоем («Водоем» Третьяковской гадереи) и несколько других. Поскольку позволяли фокусные расстояния объективов, точки брадись близкие к точкам Мусатова.

До последнего времени Саратовской Областной Музей не имел иных вещей из Зубриловки, кроме фотографий и 5-ти предметов, поступивших из церкви при изъятии ценностей. Губмузей доставил и передал двух небольших мраморных амуров, из числа скульптур на лестнице главного дома. Один лежащий, по-видимому, итальянской работы XVIII в.; другой стоящий, опирающийся на урну с медальоном, работы начала XIX в., изображенный слегка видоизмененным в картине Мусатова «Сон божества» (Третьяковская галерея).

Попутно были обследованы деревянная церковь XVIII в., с более поздней колокольней, в с. Бельцине в 5-ти верстах от Зубриловки и усадьба «Отрадино» б. Орловой-Котляревской, находящаяся в 8-ми верстах от Зубриловки.

«Отрадино» подкупает своим живописным положением: находится на площадке, окруженной со всех сторон растительностью, на нравом высоком берегу р. Хопра. Но архитектурных памятников усадьба не имеет. Главный дом (двухэтажный, каменный) или построен в 3-ей четверти XIX в. или капитально ремонтировался в это время, с пристройками по обоим сторонам, по-видимому, еще более поздними. В «Отрадине» произведено 8 фотографий. Ряд предметов, имеющих ту или иную историко-художественную ценность, Губмузеем был доставлен в Саратов и передан Радищевскому музею: портрет Е. Н. Кривцовой работы Винтергальтера, (воспр. «Русские портреты. Т. III (?). Вып. 2); два портрета старика и старухи неизвестных художников фламандской (?) школы, датированные 1630 и 1610 гг., портрет пожилой дамы неизвестного западного мастера, портрет молодой женщины работы Жодейко 1865 г., два этюда В. Маковского и несколько предметов прикладного искусства.

• В августе прошлого года [1926 г. — ред.] Губмузей был ликвидирован. Губоно удалось восстановить инспектуру по делам музеев и охране памятников искусства и старины только с мая месяца с. г. Инспектура восстановлена фактически в прежнем составе работников (бывш. Губмузея). Работа по обследованию усадеб Саратовского края будет продолжена Губоно и в текущем сезоне. (Сообщ. А. и В. Леонтьевых).

• Государственным Институтом Истории Искусств в Ленинграде устроена выставка русской провинциальной архитектуры в чертежах, планах, фо-

тографиях и обмерах, имеющая целью показать взаимоотношения столичного строительства с архитектурой провинциальных городов и усадеб. Последние представлены богатыми коллекциями снимков, воспроизводящими по преимуществу усадьбы Севера. К выставке вышла книжка Н. А. Кожина «Русская провинциальная архитектура».

• 22 июня [1927 г. — ред.] в Останкине открылась чрезвычайно интересная выставка осветительных приборов конца XVIII и начата XIX вв. Материалом для нее послужили богатые коллекции дворца, ряд экспонатов из московских музеев и от частных лиц. Интерес выставки заключается в возможности благодаря ряду таблиц, чертежей и схем начертать техническую и стилистическую эволюцию осветительных приборов, нашедших свое применение в Останкинском быту. К выставке издан иллюстрированный каталог.

• 8 июля в Кускове в помещении грота открылась выставка садово-паркового искусства, повторившая в общих чертах прошлогоднюю.

• Зимою 1927—1928 гг. заканчивались занятия Историко-художественных курсов ОИРУ. Велись семинарии: по усадьбоведению — А. Н. Гречем; по истории древнерусской архитектуры — Н. И. Бруновым; по истории древнерусской живописи — Г. В. Жидковым.

1928 год

• Весною 1928 г. состоялось годичное общее собрание членов ОИРУ, на котором было избрано новое Правление Общества в составе: А. И. Греч (председатель), Г.В. Жидков (зам. председателя), В.М. Лобанов (ученый секретарь), Г. А. Новицкий (казначей), А. В. Григорьев (зав. научно-популяризационной частью), Н. И. Брунов, С. А. Торопов».

Сборник Общества изучения русской усадьбы. 1928. Вып. 4. С. 34.

• «По сведениям, полученным недавно автором статьи о деревянном классицизме, напечатанной в вып. № 2—3 сборника ОИРУ за 1928 г., дом в Пальне был построен в 1812 г. М. В. Перваго по проекту архитектора Л. Витберга. Внутри были парадные двери цельного красного дерева, плафоны работы Скотти. Дом сгорел в 1908 г. Таким образом, оригинальная постройка в Пальне связывается с деятельностью одного из самых примечательных и еще мало изученных русских зодчих начала XIX в.

• В издании ОИРУ вышли: Труды картографической комиссии Общества. Памятники усадебного искусства. Вып. 1. Московский уезд, работа С. В. Бессонова «Усадьба Панское», посвященная памятнику деревянного классицизма Калужской губ.

• Вышла из печати диссертация В. В. Згура «Проблемы и памятники, связанные с В. И. Баженовым».

• Музеем-дворцом «Останкино» подготовляется к печати работа члена ОИРУ К. Я. Виноградова «Мастера Останкинского дворца».

1929 год

• При ОИРУ осенью текущего года организована комиссия по изучению загородной окраины Москвы, имеющей памятники усадебной архитектуры, вошедшие в настоящее время в черту города.

• Летом текущего года продолжена реставрация в усадьбе Кузьминки. Восстановлены полностью конный двор и «египетский» домик. В будущем году предположено реставрировать пристань и «пропилеи». Ремонтно-реставрационные работы ведутся под наблюдением члена Общества С. А. Торопова.

• В истекшем году были заслушаны следующие доклады: Н. И. Савина и Е. М. Томиловской — «Усадьба Алексино»; М. А. Ильина — «Старки»; П. Б. Юргенсона — «Юркино»; С. В. Бессонова — «Усадьба Панское» и А. Н. Греча — «Степановское».

Сборник Общества изучения русской усадьбы. 1929. Вып. 7—8. С. 64.

ПРИМЕЧАНИЕ

Первое сообщение отчетного характера о деятельности ОИРУ было опубликовано на страницах журнала «Среди коллекционеров» в 1924 г. В дальнейшем рубрика «Хроника» публиковалась в восьми выпусках «Сборника Общества изучения русской усадьбы» и составлялась, в основном, В. В. Згура.

Хронология называемых здесь фактов определяется рамками конца 1922 — конца 1929 гг. (определяется датами выхода соответствующих выпусков «Сборников ОИРУ»).— Ред.

ЭКСКУРСИИ В ПОДМОСКОВНЫЕ

I. ПЛАН ЛЕТНИХ ЭКСКУРСИЙ НА 1924 ГОД, УСТРАИВАЕМЫХ ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ*

Устраиваемые Обществом Изучения Русской Усадьбы экскурсии по подмосковным имеют целью познакомить широкие круги интересующихся лиц с той, подчас исключительной, художественной стариной, которую представляют русские усадьбы. В выборе мест Общество, с одной стороны, руководилось их малой известностью, с другой — некоторым специальным разрезом при обследовании того или иного усадебного ансамбля. Некоторые подмосковные, где устроены музеи — Остафьево, Дубровицы, Ольгово, вошли сюда как необходимые в общем цикле загородные дома, с сохранившимся в них прежним внутренним убранством. Ту же цель преследуют осмотры Звенигородского и Воскресенского музеев. Экскурсии, сообразно заданиям Общества, должны быть как бы перенесенными на места докладами, являясь таким образом дальнейшим развитием происходивших зимой 1923—1924 года открытых заседаний в помещении Московского Архитектурного Общества.

Помимо историко-художественного осмотра, каждая из поездок в то же время является и чудесной прогулкой по наиболее красивым местам Московской губернии. Сообразно с этим внесена в план экскурсия в Лыткарино и Петровское (Барятинских) с проездом на пароходе по Москва-реке. Несколько двухдневных экспедиций в наиболее отдаленные места с довольно значительными пешеходными переходами, вполне вознаграждаются находящимися в них исключительно интересными художественными памятниками.

Для руководства экскурсиями Общество пользуется любезным содействием ряда своих членов, часто назначая несколько человек на одну поездку с целью дать исчерпывающие художественно-исторические сведения о каждой из обозреваемых усадеб.

* М., Издание М. и С. Сабашниковых, 1924.

Помимо чисто технических указаний к каждой экскурсии даны краткие художественные справки почти номенклатурного характера и, где это возможно, библиографические указания; за качество последних не всегда можно поручиться, но все же и в отрицательных случаях желающие заранее ознакомиться с материалом экскурсии смогут кое-что получить из указанных источников.

Идя навстречу запросам школьных, рабочих, профессиональных и других организаций, Общество дает своих руководителей для поездок в то или иное из нижепоименованных мест, а также и по другим индивидуальным планам.

Председатель О.И.Р.У. Вл. Згура

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ЭКСКУРСИЙ

1924 г.

11 мая

СУХАНОВО (Волконских) *, Подольского уезда, в 2-х верстах от ст. Расторгуево.

Одна из наиболее типичных подмосковных с многочисленными памятниками усадебного искусства. Дом конца XVIII в. с переделками середины XIX столетия. Внутри сохранилась кое-какая обстановка и художественные предметы; среди них севрская жардиньерка — подарок кн. П. М. Волконскому от Карла X и венецианское зеркало начала XVIII в.

Среди служебных построек особенно выделяются своим бутафорски-декоративным характером полуготические корпуса, свидетельствующие о романтических увлечениях времени. Самым замечательным сооружением является монументальный мавзолей, построенный в 1813 году, — несколько необычайное явление в русском empir'е. Сухановский парк, целиком английского типа, поразителен своими пейзажными ансамблями и архитектурными вкраплениями, ныне разрушающихся, но прекрасных садовых сооружений. Большой пруд образован посредством запруды маленький речки Гвоздни. В парке — памятники; среди них чугунная скульптура — «девушка с разбитым кувшином» работы П. П. Соколова.

Иваск У. Г. Село Суханове, подмосковная светлейших князей Волконских. М., 1915.
Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 2. М., 1914. С. 57—65.

Руководитель В. В. Згура.
Сбор на Саратовском вокзале (трамваи Б, В, 19, 25) в 11 $^1/_2$ час.
Плата 75 коп.

* В скобках проставляется фамилия владельцев-устроителей усадьбы.

18 мая

НЕСКУЧНЫЙ САД и МАМОНОВСКАЯ (Ноевская) ДАЧА.

Нескучный сад является примером загородной резиденции вельможи XVIII века. Дом, построенный при Демидове (1756 г.), значительно переделан в начале XIX столетия, когда он был приспособлен для царского дворца. Обширный двор с въездными фигурными воротами. Громадные конюшни и саран,
где теперь развернут экипажный музей. В большом английском парке сохранился Летний дом, здание «ванны» над небольшим прудиком и беседка в конце
сада. Около дома гауптвахта, выстроенная Е. Д. Тюриным в стиле николаевского
empir'a. Во дворце развернут единственный у нас музей мебели, дающий исчер-
пывающий обзор эволюции форм, особенно с конца XVIII до середины XIX в.;
среди выставленных предметов много вещей из усадеб.

Александров Л. П. Прошлое Нескучного сада: Историческая справка. М., 1923.
Родионов С. К. Нескучное. М.,1923.
Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 2. М., 1914. С. 43—56.

Мамоновская дача в прежнее время принадлежала кн. Н. Б. Юсупову. Главный дом, относящийся к XVIII в., был перестроен в начале XIX столетия. Внутри кое-где осталась старая роспись. Около дома развалины empir'ной

25 мая

ОСТАНКИНСКИЙ ТЕАТР (в усадьбе Шереметева).

Последние открытия показали Останкино, одну из популярнейших подмосковных усадеб, с новой стороны — историко-театральной. Вся планировка дворца обусловлена устройством театра, который позднее значительно искажен, находясь в бездействии уже с начала XIX в. Самый зрительный зал со сценой легко восстанавливаем. Сохранились ложи амфитеатра, верхние места, портальная арка с ложами в ней, раздвижные колонны. Над сценой с раскрывающимся потолком расположены колосники, технические приспособления и машины. Остались любопытные образцы старинной театральной техники — гром, ветер и др. По дворцу разбросано много предметов былой театральной бутафории. Останкинский театр в результате последних открытий, сделанных членом О.И.Р.У. Н. А. Пустохановым, является в своем роде единственным театральным зданием последних годов XVIII в.

Сахновский В. Останкинский дворец-театр // Сборник «Русская усадьба». Вена, 1924. [Не издан].

Вейнер П. Быт и искусство в Останкине // Старые годы. Спб., 1910. Май-июнь. С. 38—72.

Руководитель проф. В. Г. Сахновский.
Сбор у ворот дворца (трамвай 9) в 12 час. Плата 50 к.

1 ИЮНЯ

РОЖДЕСТВЕНО (Кутайсова), Воскресенского уезда, в 3-х верстах от ст. Снегири, Виндаво-Рыбинской ж. д.

Усадьба выстроена фаворитом Павла I П. И. Кутайсовым в начале XIX в. Редкий образец крупного ансамбля построек из дерева. Дом исключителен в плановом отношении (пример непосредственного использования палладианских приемов). Отделка залы — современная дому, комнат — середины XIX в.; незначительные остатки обстановки. Деревянные службы начала прошлого столетия, каменные конюшни — отличный образец зрелого московского empir'a, несколько провинциальная церковь Казаковской школы 1810 года. Парк, английский, с любопытными гротовыми сооружениями. Подъездная липовая аллея украшена мраморными вазами. Местоположение очень живописное, благодаря обтекающей парк р. Истре и далеким панорамам.

Згура В. Усадьба Рождествено // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 6—8.М., 1927.

Руководитель В. В. Згура.
Сбор на Виндавском вокзале (трамваи 9, 17, 19) в 11 час. Плата 1 р. 25 к.

8 июня

ИВАНОВСКОЕ и ДУБРОВИЦЫ, в 2-х верстах от ст. Подольск, Курской ж. д.

Ивановское (Толстых). Огромный дом конца XVIII в., около 200 комнат. Очень интимный домовый театр. Парк на берегу реки Пахры. Памятник гр. Каменскому. Надворные постройки.

Дубровицы (Голицыных), в 1 $^{1}/_{2}$ версты от Ивановского на полуострове между реками Пахрой и Десной.

Знаменитая церковь стиля барокко (1690—1704) изобилующая декоративной скульптурой, по своей обработке является единственной в истории архитектуры: внутри, где замечательно строится взлет огромного столпа, большой интерес представляет деревянная резьба хор и иконостаса. Дом конца XVIII в., где в настоящее время устроен музей, сохранил много художественных и бытовых памятников. Небольшой парк.

Дмитровский И. Дубровицы .— знатное село, имение князя С. М. Голицына. М., 1908.
Маковский С. Две подмосковные кн. С. М. Голицына // Старые годы. СПб., 1910. Январь. С. 24—37.

Руководители: Ю. А. Бахрушин и Г. В. Жидков.
Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31) в 9 1/4 час. Плата 1 р. 25 к.

14—16 июня

ЗВЕНИГОРОДСКАЯ УСАДЕБНАЯ ЭКСКУРСИЯ. Ст. Звенигород, через Голицыно, Александровской ж. д.

Введенское (Лопухиных). Дом, заново выстроенный в начале нынешнего века, удачно повторяет старый деревянный. Сохранились отчасти флигеля начала XIX столетия. В парке оранжерея — образец empir'rorо понимания Египта и не блещущая мастерством церковь, построенная в 1812 г. Место совершенно исключительное по своей живописной панораме.

Лукомский Г. К. Введенское // Столица и усадьба. Пг., 1916. № 59. С. 3—6.

Ершово (Олсуфьевых). Дом позднего классицизма 30-х г.г., с остатками старинной обстановки. Хороший пример интимной подмосковной с небольшим
английским парком. Церковь двадцатых годов, стоящая на самой возвышенной точке уезда, является замечательным памятником московского empir'a. Внутри коммеморативные плиты, в том числе бывавшему в усадьбе А. Фету.

Коралово (Васильчиковых). Дом 70-х гг., но представляет особый интерес сохранившимися в вестибюле многочисленными античными мраморными фрагментами. Служебные постройки стиля empire и курьезные въездные ворота со львами. Английский парк с системой прудов.

Звенигородский музей (в Саввинском монастыре). Ряд художественных предметов и интерьеров, образованных из усадебной обстановки, восполняют картину убранства, утраченного в предыдущих усадьбах (портреты, картины, мебель, фарфор, бронза, гравюры, оружие и т. д.).

Руководители: В. В. Згура, А. Н. Греч и В. З. Метельский.

Сбор на Александровском вокзале (трамваи 1, 6, 8, 13) в 5 $^1/_4$ час. вечера. Возвращение в понедельник вечером. Плата 3 рубля.

22 июня

ПЕТРОВСКОЕ (Демидовых), б. Верейского уезда, в 1/4 версты от ст. Алабино, Брянской ж. д.

Усадьба целиком спроектирована и выстроена М. Ф. Казаковым. Дом представляется одним из лучших произведений знаменитого зодчего, являясь в то же время редким образчиком своеобразного композиционного построения. Четыре флигеля, подчеркивающие единство планового замысла. Церковь, с отдельно стоящей колокольней, того же мастера. Внутри — надгробие Демидовых и шкаф данцигской работы XVII в. Остатки регулярного парка, ограниченного рекой Десной. Остатки старой усадьбы в соседнем Бурцеве с небезынтересной церковью.

Руководители В. В. Згура и Ю. А. Бахрушин.

Сбор на Брянском вокзале (трамвай 4) в 10 1/2 часов. Плата2 руб. 25 коп.

28—29 июня

МОСКВОРЕЦКАЯ УСАДЕБНАЯ ЭКСКУРСИЯ, Андреевский шлюз Бронницкого уезда.

Лыткарино (Чернышева). Усадьба — начата XIX в. Дом, позднейший, сохранил обстановку разных эпох. При усадьбе обширный английский парк с прудом.

Петровское (Барятинских). Дом, по-видимому, конца XVIII века, расположен на высоком берегу[7] Москва-реки: сохранилась архитектурная отделка и росписи. Две церкви — усыпальница Барятинских, одновременная с домом, и шатровая — неизвестный в литературе пережиток монументального стиля в XVII столетии. С высокого бельведера дома раскрывается вид на далекие окрестности.

Руководитель В. В. Згура.

Сбор на пристани у Устинского моста (трамваи А, 19, 27) в 4 час. Возвращение в воскресенье по Казанской ж. д. Плата 2 руб. 25 к.

6 июля

ЛЮБЛИНО и КУЗЬМИНКИ, Московского уезда, в 1/2 версте от ст. Люблино.

Люблино(Дурасова). Оригинальный дом в виде аннинского креста, строенный архитектором И. В. Еготовым и сохранивший пышную внутреннюю отделку, с плафоном и росписями известного декоратора Скотти. Два флигеля и оранжерея того же времени.

Кузьминки (Голицыных), в 3-х верстах от Люблино. Образец крупной художественной подмосковной. Большинство построек выполнено знаменитым Д. Жилярди и его помощниками. Главный дом в руинах после пожара 1915 г. По берегу обширного пруда сохранились знаменитый «Конный двор» и «Пропилеи». Ворота представляют копию Павловских «Чугунных». Несколько хозяйственных построек, в том числе прекрасный египетский домик. Церковь конца XVIII в. и ампирный склеп в виде ротонды. В парке памятники.

Порецкий Н. А. Село Влахернское, имение кн. С. М. Голицына. — М., 1913. Маковский С. Две подмосковные князя С. М. Голицына // Старые годы. СПб., 1910. Январь. С. 24—37.

Ша.иурин Ю. Подмосковные. Кн. 1. М., 1912. С. 66—75.

Руководитель С. А. Торопов.

Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31) в 10 1 /2 час. Плата 1 рубль.

12—13 июля

САБИНСКОЕ и ГЛИНКИ, Богородского уезда, в 14-ти верстах от ст. Щелково, Ярославской ж. д.

Савинское (Лопухина). Усадьба славилась своими садами. Парк заглох, но крайне интересен, являясь миниатюрным архипелагом с островками, прудами и каналами. На Юнговом острове полуразвалившийся «Храм Дружбы». На другом острове плита Квирину Кульману. В деревне памятники Эккартгаузену и масону И. В. Лопухину.

Глинки (Брюса). Одна из самых ранних русских усадеб. Интересный ансамбль построек времен петровских преемников. Дом, службы, кордегар-

дня, садовый павильон, мавзолей. В церкви великолепное надгробие работы Мартоса на могиле гр. П. А. Брюса. Старый парк интересен рассадкой деревьев по масонским знакам.

Греч Л. Глинки // Сб. «Русская усадьба». Вена, 1924. [не издан].

Руководитель А. Н. Греч.

Сбор на Ярославском вокзале (трамваи В, 4, 6, 8, 34) в $9^1/_2$ часов. Возвращение в воскресенье вечером. Плата 2 рубля.

19 — 20 июля

ОЛЬГОВО (Апраксиных), Дмитровского уезда, в 10-ти верстах от ст. Яхрома, Савел. ж. д. (Дворец-музей).

Дом представляет сложный конгломерат стилей, начиная с первой половины XVIII в., и хорошо сохранился внутри. Обстановка XVIII и начала XIX вв., портретная галерея, произведения местной ковровой фабрики. Интересный усадебный театр. Большой английский парк.

Анисимов Ю. Ольгово // Сб. «Русская усадьба». Вена, 1924. [не издан].

Руководитель Ю. П. Анисимов.

Сбор на Савеловском вокзале (трамваи 12, 18, 27) в 3 1/2 час. Возвращение в воскресенье вечером. Плата 2 руб. 25 коп.

27 июля

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ и ПОКРОВСКОЕ-РУБЦОВО, Воскресенского уезда, в 2-х верстах от ст. Воскресенск.

Новый Иерусалим представляет из себя патриаршую усадьбу, устроенную Никоном в XVII столетии. Самый монастырь заключает ряд построек XVII в.; из них некоторые, как, напр., собор, переделывались в XVIII столетии при участии Растрелли. Вокруг стен раскинулись большие монастырские сады, в которых неподалеку от р. Истры находится пустынь — ныне необитаемый домик, где жил основатель монастыря. В музее при монастыре, помимо церковных древностей, имеется несколько комнат, убранных целиком усадебной обстановкой из окрестных имений — Рождествена, Коралова, Яропольца и др.

Леонид [Кавелин Л. А.] . Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим, именуемого, монастыря // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1874.

Покровское-Рубцово (Голохвастовых). Остатки небольшой усадьбы среднего помещика. Дом, сильно искаженный, сохраняет некоторые детали первоначальной архитектуры. Липовый парк.

Руководители В. В. Згура и Г. В. Жидков.

Сбор на Виндавском вокзале (трамваи 9, 17, 19) в 11 час. Плата 2 рубля.

23 августа

ОТРАДА (Орловых), Серпуховского уезда, в 14-ти верстах от ст. Михнево, Рязано-Уральской ж. д.

Усадьба выполнена в стиле английских загородных дворцов братом екатерининского фаворита Г. Орлова. Громадный дом с оранжереями и флигелями. Внутри росписи работы крепостных и большой плафон К. Брюллова (?). Сохранилась часть убранства, в том числе пять хороших мраморных бюстов Орловых. Интерес представляют две итальянских майолики эпохи Возрождения, эллинистический живописный портрет, античные вазы пр. Среди раскинутых на большом пространстве хозяйственных построек любопытна готическая сторожка. Церковь XVIII в. и ротонда-мавзолей, где погребены все пять братьев Орловых, представляющая последнее произведение Д. Жилярди (1832 г.). В парке, изобиловавшем прежде различными затеями, сохранились беседки (руинированная колоннада над могилой собаки с мраморной плитой) и многочисленные пруды; в середине парка протекает река Лопасня.

Кондаков С. Отрада // Столица и усадьба. Пг., 1917. № 83—88. С. 1—7.

Руководители: В. В. Згура, А. Н. Греч, проф. Н. А. Щербаков.

Сбор на Саратовском вокзале (трамваи Б, В, 19, 25) в 3 часа. Возвращение в воскресенье вечером. Плата 3 руб. 50 коп.

6 августа

ЗНАМЕНСКОЕ и ЯСЕНЕВО, Московского уезда, в 2-х верстах от пл. Битца, Курской ж. д.

Знаменское (Трубецких). Дом, построенный в XVIII в., основательно переделан М. Н. Катковым. Сохранилась торжественная отделка двух зал. Английский парк, ведущий в Ясенево.

Ясенево (Бутурлиных). Усадьба елизаветинского или ранне-екатерининского времени. Дом в стиле барокко, с вычурной лестницей и пандусом. Два идентичных флигеля. Церковь 1737 г. Французский регулярный сад с хорошо сохранившейся планировкой. Система копанных прудов. В полутора верстах находится санаторий ЦКУБУ-Усское.

Руководитель А.Н. Греч.

Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1,3) в $9^1/_4$ час. Плата 1 рубль.

10 августа

ОСТАФЬЕВО (Вяземских), Подольского уезда, в $3^1/_2$ версты от пл. Щербинка, Курской ж. д. (Дворец-музей).

Усадьба выстроена А. И. Вяземским в конце XVIII в. Дом, соединенный колоннадами с двумя флигелями, исполнен, быть может, по чертежам Старова. Внутренность дома целиком сохранилась. Картинная галерея с интересным отделом немецких примитивов, собрание оружия, стекла, фарфора и

мебели. Обширные библиотеки. Карамзинская комната; реликвии Пушкина, Карамзина и поэтов «Плеяды». Парк английский с новыми памятниками Пушкину, Жуковскому, кн. Вяземскому и Карамзину. Аллея «Русский Парнас». Церковь, современная дому.

De Baye J. Ostafiewo: Souvenirs d'une mission. Paris, s. d.
Шереметев С. Д. Остафьсво. СПб.. 1889.

Руководитель П. С. Шереметев.
Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31) в $9^1/_4$ час. Плата 1 руб. 60 коп.

15 августа

ЦАРИЦЫНО (Царская усадьба), Московского уезда, в 1/2 версте от ст. Царицыно.

Живописно раскинувшиеся на обширных прудах развалины недостроенного «готического» дворца Екатерины II, с многочисленными примыкающими постройками. Часть последних принадлежит знаменитому русскому зодчему В. И. Баженову, строившему первоначально и дворец, который в настоящем виде является памятником творчества другого славного архитектора — М. Ф. Казакова. В английском парке остались павильоны и беседки. Царицыно является блестящим образчиком грандиозной и романтической затеи XVIII в.

Путеводитель по Царицыну. М., 1912.
Шамурин Ю. Подмосковные. Кн 1. М. 1912 С. 59—66.

Руководитель проф. Б. П. Денике.
Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31) в $10^1/_2$ час. Плата 1 рубль.

17 августа

ИЗМАЙЛОВО (Царская усадьба), в 3-х верстах от Семеновской заставы. От усадьбы XVII в., расположенной на острове, с так называемой Мостовой башней, сохранились: собор (1679 г.), церковь Иосафа (1678 г.), являющаяся одним из раннейших памятников московского барокко, и двое ворот. Усадьба представляет большой интерес для изучения искусства XVII века.

Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 2. М. 1914. С. 21—27.

Руководитель проф. В. К. Клейн.
Сбор у ворот заставы (трамваи 3, 22) в $11^1/_2$ часов. Плата 50 коп.

24 августа

КУЧИНО и ТРОИЦКОЕ-КАЙНАРДЖИ, Московского уезда, ст. Кучино, Нижегородской ж. д.

Кучино (Рюминых). Усадьба 30-х годов прошлого столетия сохранила парк с прудами, полуразрушенные беседки и службы. Все строения старой

усадьбы деревянные. Дом второй половины XIX века с интересной террасой, сохранившейся от старого сооружения.

Погожее Е. Кучино // Столица и усадьба. СПб., 1914. № 18. С. 3—10.

Троицкое-Кайнарджи (Румянцева), в 2-х верстах от Кучина. Остатки усадьбы XVIII в. Дом сохранил лишь фундамент: другие постройки превращены в руины, что создает вместе с парком и прудами насыщенный романтикой пейзаж. Церковь 1777 г. представляет выдающийся интерес для истории русской архитектуры. Памятник Екатерины II Демут-Малиновского.

Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 2. М., 1914. С. 36- 40.

Руководитель О. И. Пенчко.

Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31) в 10 час. Плата 1 рубль.

31 августа

МАРФИНО (Паниных), Московского уезда, в 3 $^1/_2$ верстах от ст. Катуар, Савеловской ж. д.

По своему общему виду усадьба является интересным образчиком николаевской готики. Здания, выстроенные в этом стиле, принадлежат архитектору М. Д. Быковскому. Дом стоит над большим прудом с перекинутым через него мослом своеобразной «крепостной» архитектуры. Пристань с грифонами. От первоначальной усадьбы сохранились — барочная церковь петровского времени. беседки XVIII в. и псарни. Обширный английский парк.

Вейнер П. Марфино // Старые годы. СПб., 1910. Июль-сентябрь. С. 115—129.

Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 1. М. 1912. С. 81—87.

Руководитель С. А. Торопов.

Сбор на Савеловском вокзале (трамваи 12, 18, 27) в $10^1/_2$ час. Плата 1 руб. 50 коп.

7 сентября

КУСКОВСКИЙ ПАРК (в усадьбе Шереметевых), Московского уезда, ст. Кусково, Нижегородск. ж. д.

Единственный по сохранности своей разбивки и выдержанности образец французского регулярного сада под Москвой. Спланированный на небольшом квадрате в 200 саженей, Кусковский парк демонстрирует все средства садового искусства середины XVIII века Из построек, заполнявших его прежде, дошло немногое — архаичная по своим формам оранжерея, голландский домик 1749 г., барочный грот, Эрмитаж 70-х гг., итальянский домик того же времени. Сохранились остатки воздушного театра из зелени. В расстилающихся перед домом партерах — обелиск и колонна, подаренные П. Б. Шереметеву Екатериной II. Партеры, площадки и пересечения аллей заставлены многочисленной мраморной скульптурой декоративного характера, дающей возможность хорошо ознакомиться с техникой и сюжетами садовой скульптуры. Существуют до настоящего времени копанные пруды.

Згура В. Кусковский регулярный сад//Среди коллекционеров. 1924. июль-август. С. 4—19. Греч А. Н., Згура В. В. Подмосковные музеи: Путеводитель. М., 1926. С. 20—21.

Руководитель В. В. Згура.
Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31) в $10^1/_2$ час. Плата 1 рубль.

14 сентября

КОЛОМЕНСКОЕ (Царская усадьба), в 4-х верстах от Серпуховской заставы.

От древней усадьбы московских царей сохранились немногочисленные, но замечательные для истории русского искусства сооружения. Древнейшим из них является Дьяковская церковь (1529), расположенная за оврагом. Вознесенская церковь (1532) — один из самых значительных памятников русского искусства. Перед ней сильно искаженная церковь Георгия. От знаменитого дворца Алексея Михайловича осталось лишь двое ворот (одни с часовой башней). Казанская церковь, непосредственно соединявшаяся с дворцом, и Водовзводная (т. н. Соколиная) башня. Все они представляют по разному характерные постройки XVII в. Из памятников прикладного искусства особенно интересна плащаница митр. Фотия XV в., находящаяся в Георгиевской церкви. Коломенское славится своими изумительными видами на Москву и уходящими в бесконечность далями.

Згура В. В. Коломенское: Очерк художественной истории и памятников. М., 1928.

Руководитель проф. В. К. Клейн.
Сбор у конечной остановки трамвая № 19, в 11 часов. Плата 50 коп.

21 сентября

ЧЕРЕМУШКИ и ШАБОЛОВО, в 2 $^1/_2$ верстах от Серпуховской заставы.

Черемушки (Меншиковых) выстроены в конце XVIII в. Дом с незначительными перестройками сохранил более поздний (empir'ный) зал. Интересный, к сожалению, сильно испорченный, Эрмитаж вблизи дома В небольшом французском парке два «увеселительных» домика. Любопытные конюшни, образующие четырехугольник двора, расположены на одной оси с домом перед главными воротами XVIII в. Церковь в парке барочная 1747 г.

Шамурин К). Подмосковные. Кн. 2. М., 1914. С. 28—35.

Шаболово (Бутурлиных) — интересный остаток подгородной усадьбы XVIII в. Дом с круглым углом и куполом сохранился лишь отчасти. От двора и служб уцелели готические ворота. Небольшой французский сад с двумя круглыми копанными прудиками разбит по квадратам.

Руководитель проф. Б. П. Денике.
Сбор у конечной остановки трамвая № 19, в 11 часов. Плата 50 коп.

28 сентября

Заключительная экскурсия **в СУХАНОВО, Подольск**ого уезда.

При участии: Ю. А. Бахрушина, А. Н. Греча, проф. Б. П. Денике, Г. В. Жидкова, В. В. Згура, С. А. Торопова и др.

По предварительной записи.

* * *

Заведующий хозяйственно-технической частью всех экскурсий, секретарь Экскурсионной комиссии О.И.Р.У., Онуфрий Иванович Пенчко (Миусская площадь, д. 2, против Университета имени Свердлова). Прием по пятницам — Красная площадь, Москворецкая ул., № 39, от 3-х до 5-ти часов.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сборный пункт на вокзалах железных дорог назначается у главного подъезда вокзала, кроме Савеловской ж. д., где сборный пункт — на перроне у заднего фасада вокзала, и Александровской ж. д., где — у подъезда к III классу.

Сбор назначается за час, а в некоторых случаях и более, до отхода поезда, с тем, чтобы за это время запастись проездными билетами. В тех же случаях, когда экскурсанту приходить заблаговременно неудобно, он может предварительно записаться в книжном магазине «Кооперативное Издательство», угол Моховой и ул. Герцена (б. Б. Никитская) и на экскурсиях у руководителей. Предварительная запись заканчивается за сутки до сбора экскурсии.

Рекомендуется в целях наиболее планомерного проведения экскурсии и во избежание потери ее следовать указаниям ответственного руководителя, не упуская его из виду, а при остановках сверяться о продолжительности их.

На все экскурсии забирать с собой закуску, кружку для чая, а в экскурсии с ночевкой, кроме того, одеяло.

В стоимость экскурсии включаются проезд в оба конца, устройство чая, ночевки, плата за вход в музей и организационные расходы. Если экскурсант отделяется от экскурсии, деньга, оставшиеся от поездки, ему не возвращаются, равно как и записавшемуся предварительно, но не принявшему участия в экскурсии.

Общество оставляет за собой право перемены руководителей.

Организации (школьные, рабочих, служащих и др.), желающие получить руководителя на любую из вышепоименованных экскурсий, а также и в другие подмосковные усадьбы, благоволят обращаться за таковым с письменным заявлением по адресу секретаря Экскурсионной Комиссии О. И. Пенчко за неделю до желательного для них дня поездки, сообразуясь с приведенным для каждого отдельного случая расписанием времени сбора.

II. ПЛАН ЛЕТНИХ ЭКСКУРСИЙ НА 1925 ГОД, УСТРАИВАЕМЫХ ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ*

Проведенные Обществом Изучения Русской Усадьбы летом 1924 года экскурсии в Подмосковные** показали большое внимание к ним со стороны интересующихся русским искусством и культурой. Идя навстречу ряду запросов, поступивших в Общество от различных лиц, Правление сочло нужным поручить Экскурсионно-экспедиционной Комиссии в нынешнем году выработать новый план проведения летних общедоступных поездок. Опыт прошлого года убедил в том, что мало известные художественные памятники вызывают особую заинтересованность экскурсантов. Поэтому и в текущем сезоне Общество предлагает к осмотру ряд новых мест, не повторяя прошлогоднего плана за исключением Марфина, которое лежит на пути к еще не осмотренным усадьбам. Значительное часть намеченного совершенно ускользнула от внимания художественной литературы. Побудительной причиной к осмотру некоторых подмосковных явилась неминуемость их ближайшего и окончательного разрушения.

Несколько экскурсий в отдаленные от Москвы места, находящиеся на значительном расстоянии от железных дорог (Никольское-Гагарино, Яропольцы, Денежниково), вызваны желанием ознакомить широкие круги интересующихся искусством и стариной с примечательными, заброшенными в глуши, художественными памятниками. Подобно плану прошлого года в настоящее расписание внесено несколько обзоров усадебных музеев, сохранивших полностью прежнее внутреннее убранство (Никольское-Урюпино, Вифания, Абрамцево, Мураново).

Обозрение Архангельского театра, недоступное отдельным лицам, выделено как тема особой поездки в связи с повышенным интересом в настоящий момент к русскому усадебному театру.

Попутно с памятниками искусства и старины Общество сочло нужным показать и некоторые природные достопримечательности Московской губернии, связанные с усадьбой Горенки и рядом других мест, отличающихся особой живописностью ландшафта.

Помимо чисто технических указаний, к каждой экскурсии даны краткие художественные справки почти номенклатурного характера и, где это возможно, библиографические указания, имеющие в виду почти исключительно новую историко-художественную литературу и отнюдь не претенду-

* М., 1925

** См. Экскурсии в подмосковные. План летних экскурсий на 1924 г., устраиваемых ОИРУ. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1924.

ющие на полноту. Текст настоящей книжки составлен по поручению Экскурсионно-экспедиционной Комиссии В. В. Згурой и А. Н. Гречем, воспользовавшимися некоторыми указаниями членов Комиссии.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ЭКСКУРСИЙ

1925 г.

3 мая

НИКОЛЬСКОЕ-УРЮНИНО (Голицыных) Звенигородского уезда в 4-х верстах от ст. Опалиха Белорусско-Балтийской ж. д. (Дворец-музей).

Исключительно интересный усадебный ансамбль, целиком сохранившийся до настоящего времени. В доме 1811 г., где устроен музей, осталось прежнее убранство комнат, ряд фамильных портретов, библиотека, вывезенная владельцами в нач. XIX в. из Архангельского, фарфор, бронза и т. д. Среди небольшого парка, разбитого во французском вкусе, стоит одноэтажный изумительный «Белый домик», выстроенный, по-видимому, Шевалье де Герном, автором дворца в соседнем Архангельском, сохранивший великолепную внутреннюю обработку стен и росписи плафонов. Кругом усадьбы раскинуты многочисленные служебные постройки. Неподалеку церковь, любопытный образчик архитектуры второй половины XVII века.

Торопов С. А. Никольское-Урюпино // Подмосковные музеи: Путеводитель / Под ред. И. Лазаревского и В. Згуры. Вып. 2. М.; Л., 1925. С. 39—66.

Руководитель С. А. Торонов.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, 19, автобус № 3.) в 10 час. Плата 1 руб.

10 мая

ГОРЕНКИ (Разумовских) Московского уезда в 4-х верстах от пл. Салтыковская Московско-Нижегородской ж. д.

Дом в усадьбе выстроен в конце XVIII в., по-видимому, архитектором Менеласом и заново отделан в начале нынешнего столетия. Главный корпус, украшенный большой колонной лоджией, соединен двумя открытыми галереями с боковыми павильонами; сооружение, раскинувшееся на большой территории с целым лесом монументальных колонн, производит необычайно величественное впечатление. Обширные надворные постройки за каменной оградой, ограничивающей усадьбу от села, подчеркивают общий характер вельможной резиденции. В XVIII и начале XIX вв. Горенки славились ботаническим садом, оранжереями и питомниками, устраившимися под наблюдением

известных русских и иностранных ученых своего времени, отдаленным воспоминанием чего служит нынешний обширный парк с прудами и некоторыми архитектурными украшениями (мосты, беседка, грот).

Бондаренко И. Е. Горенки // Старые годы. СПб., 1911. Декабрь. С. 69 и 70.

Руководитель проф. Б. П. Денике.

Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31, автобус № 2) в 10 час. Плата 1 рубль.

17 мая

ВИНОГРАДОВО и ВЕШКИ, Московского уезда в 1 версте от ст. Долгопрудная, Савеловской ж. д.

Виноградово (Глебова). От старой усадьбы с длинным прудом и потерявшим задуманные очертания парком, сохранились незначительные фрагменты; все же главные постройки возведены на старых местах в классическом стиле в 1911 году. Главный интерес усадьбы обуславливается сохранившейся старой церковью 1777 г., построенной, по-видимому, М. Ф. Казаковым (1733—1812) и исключительной по своему плановому разрешению в виде треугольника.

[Ильин Л.]. Село Виноградово. М., 1912.

Вешки (Алмазовых) в 4-х верстах от Виноградова. Деревянный дом с флигелями, соединенными полуциркульными галереями, является повторением в небольших размерах обычного приема усадебного дома. В комнатах сохранились расписные плафоны, богатые разнообразием орнаментальных узоров. Небольшой липовый парк тянется по берегу пруда.

Руководитель В. В. Згура.

Сбор на Савеловском вокзале (трамваи 12, 18, 27) в 9 $^{3}/_{4}$ час. Плата 1 рубль.

24 мая

БРАТЦЕВО (Корсакова) Московского уезда в 3-х верстах от пл. Тушино Белорусско-Балтийской ж.д. Дом в конце длинной подъездной аллеи, стоящий на откосе, сбегающем к небольшой речке, построен в конце XVIII в. и представляет интересный, редко встречаемый тип усадебного дома, стилистически сближаемый с произведениями А. Н. Воронихина (1760—1814), но безусловно выполнен крепостным архитектором. Внутри сохранилось прекрасное ротондальное помещение с колоннами и любопытным живописным изображением старой Братцевской усадьбы, написанным на стене клеевыми красками.

Неподалеку от дома церковь XVII века, образчик московского зодчества времени Алексея Михайловича с некоторыми позднейшими добавлениями. В «пейзажном» парке красивая колонная беседка, одновременная с домом обычного усадебного типа.

Руководитель С. А. Торопов.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (Трамваи 9, 17, 19, автобус № 3) в 10 час. Плата 90 коп.

31 мая

БЫКОВО (Воронцовых) Бронницкого уезда в 2-х верстах от ст. Быково, Московско-Казанской ж. д.

Усадьба особенно интересна церковью и парком. Церковь 1789 г. построена М. Ф. Казаковым (1733—1812) в стиле готики екатерининского времени, очень ярко и полно показывая приемы и декоративные элементы этого течения.

В парке с громадными прудами находится двухэтажный павильон эрмитажного типа и исключительная но тонкости архитектурного разрешения круглая полузакрытая беседка. Дом в усадьбе середины XIX в. воспроизводит в своеобразном толковании формы итальянского возрождения.

Руководитель П. М. Черемухина.

Сбор па Московско-Казанском вокзале (трамваи 4, 6, 8, 34, В, автобус № 1) в 10 час. Плата 1 руб. 20 к.

6—8 июня

ДЕНЕЖНИКОВО (Талызиных) Бронницкого уезда в 20-ти верстах от ст. Бронницы Московско-Казанской ж. д.

Каменный дом XVIII в. являет оригинальный пример усадебной архитектуры. Центральная часть с углубленной лоджией имеет семь ионических ко лонн и завершается вышкой с барочными волютами. От боковых частей отходят, бывшие прежде открытыми, колонные галереи, соединяющие дом с круг лыми башнями; одна из них служила прежде арсеналом. Обширные хозяйственные постройки, флигеля, оранжереи, церковь несколько провинциальной архитектуры, большой регулярный парк.

Г—г. Старое дворянское гнездо // Старые годы. Пг., 1915. Ноябрь. С. 34—35.

Руководитель В. В. Згура.

Сбор на Московско-Казанском вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобус № 1) в 3 $^{1}/_{2}$ час. Возвращение в понедельник вечером. Плата 2 руб. 25 кон.

14 июня

ЯКОВЛЕВСКОЕ-ПЕХОРКА (Голицыных) Московского уезда в 4-х верстах от пл. Кучино Московско-Нижегородской ж. д.

Усадьба представляет замечательный архитектурный ансамбль крупных построек 70-х годов XVIII в. с некоторыми позднейшими дополнениями. Церковь, круглая в плане с двумя симметрично расположенными по сторонам

входа башенками-колокольнями, имеет большое композиционное и отчасти формальное сходство со Старовским собором Александро Невской Лавры и по вполне достоверному преданию построена архитектором К. И. Бланком (1763). Вероятно тому же строителю принадлежит центральная двухэтажная часть дома, выдержанная в стиле Louis XVI. От нее отходят открытые колонные галереи, полуциркулем соединяющие центр с боковыми флигелями начала XIX в. Наконец к флигелям примыкают с двух сторон еще каменные корпуса с тяжелыми дорическими колоннадами, могущие служить прекрасным примером зрелого Empir'а. Садовый фасад дворца открывается на площадку, которая но прямой оси имеет терассобразную барочную лестницу, подымающуюся к парку. Лестница украшена известняковой скульптурой львов и сфинксов, оригинальных по своим иконографическим типам и несомненно имеющей связь с крепостным искусством. У лестницы валяется мраморный амур — хорошее произведение барочной скульптуры, когда-то весело бросавший вверх струю фонтана. В самом парке на центральной же оси очень интересен фонтан из трех известняковых женских фигур грубоватых по фактуре, одинакового происхождения с лестничными скульптурами. В парке, совершенно запушенном, встречаются опрокинутые вазы и следы былых садовых затей.

Некрасов А. И. Забытая подмосковная Пехра-Яковлевское. М., 1925.

Руководитель проф. А. И. Некрасов.

Сбор на Курском вокзале (трамваи Б. 1, 31, автобус № 2) в 10 час. Плата 1 руб.

21 июня

СТАРОЕ-НИКОЛЬСКОЕ (Гудович) Подольского уезда в 5-ти верстах от ст. Апрелевка Московско-Киево-Воронежской ж. д.

Большой дом конца XVIII века с отлогим пандусом со стороны сада, приводящим непосредственно во второй этаж, несколько искажен позднейшими переделками. Любопытные службы стиля московского Empire тянутся в одну линию по стороне въездного фасада, соединяясь между собой узорными решетками. За оврагом находится церковь конца XVII века крестообразная в плане, являющаяся отзвуком Дубровицкого храма, лишенным его пышной украшенности, выстроенная боярином Ртищевым. Внутри сохранился исключительный по высокой художественности мастерства резной деревянный иконостас, Превосходящий многие из известных работ подобного характера, относящихся к искусству рубежа XVII — XVIII веков.

Обширные регулярный и английский сады, включающие висячие пруды, окаймлены рекой и тянутся но откосу вдоль Десны.

Руководитель Ю. А. Бахрушин.

Сбор на Киево-Воронежском (Брянском) вокзале (трамваи 4, автобус № 2) в $10^1/_2$ час. Плата 1 руб. 30 коп.

27—28 июня

ИЕВЛЕВО-ЗНАМЕНСКОЕ (Мартыновых) Московского уезда в 8-ми верстах от ст. Крюково.

Скромный деревянный дом с колоннами первой половины XIX века, где жил Мартынов, убивший на дуэли М. Ю. Лермонтова, сохранивший некоторые остатки внутреннего убранства, характерные для усадьбы средней руки. Службы. Парк.

Руководитель Г. В. Жидков.

Сбор на Октябрьском (Николаевском) вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобус № 1) в 4 $^1/_2$ час. веч. Возвращение в воскресенье вечером. Плата 1 руб. 75 коп.

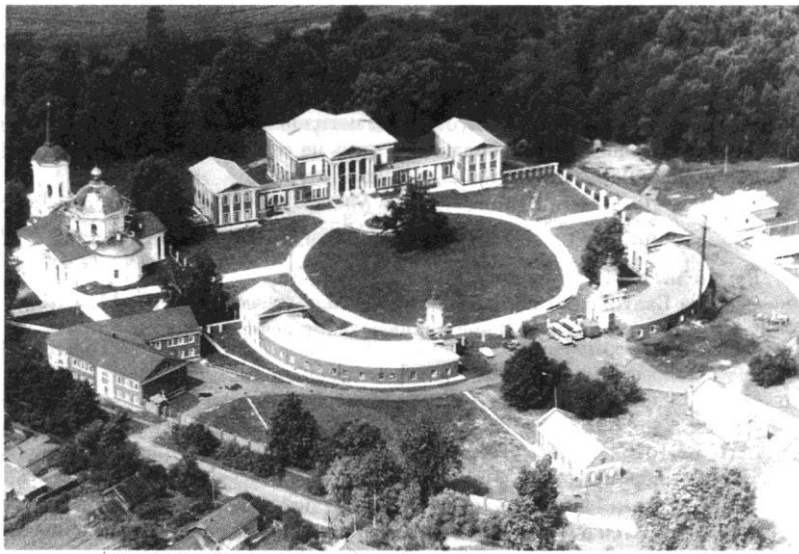
4—6 июля

ЯРОПОЛЬЦЫ, Волоколамского уезда в 18-ти верстах от Волоколамска.

Ярополец (Чернышевых). По богатству и размаху художественных затей усадьбу недаром называли в прежнее время «Русским Версалем». Ее французский характер сказывается в наружной архитектуре дома, сохранившей внутри целую вереницу нарядно обработанных комнат, в том числе парадную залу с невстречающейся в других усадьбах галереей предков, состоящей из вмазанных в стены барельефов. Через дорогу против дома находится церковь, быть может проектированная М. Казаковым, со скульптурным надгробным памятником екатерининского вельможи З. Чернышева внутри, первоклассной работы.

В разросшемся парке с водоемом находятся оранжерейные постройки, также украшенные барельефами, домик-баня, храм Екатерине II, напоминающий известный Павловский мавзолей «супругу-благодетелю», построенный Тома-де-Томоном, превосходно нарисованный и оригинальный по плану эллиптический «храм» и мечеть с минаретами, близкую к таковой же в Лондонском парке Кью, чрезвычайно интересный и показательный пример увлечения мусульманским искусством, построенную к празднованию мира с турками. Неподалеку сваленный обелиск в честь побед Румянцева.

Ярополец (Гончаровых) непосредственно прилегает к Чернышевской усадьбе и отделяется от последней огородами и каменной стеной. Главная въездная аллея обозначена монументальными готическими башнями, предсказывающими многочисленные находящиеся здесь постройки этого рода. Башни и стены парка и некоторые сооружения на хозяйственном дворе дают богатый материал для изучения «вторых путей» русской архитектуры екатерининского времени. В парке сохранилась тенистая аллея, называемая Пушкинской в память посещения поэтом имения своей тещи. Церковь усадьбы построена одновременно с домом. Последний классического стиля, интересен разнообразием архитектурных деталей, красно-кирпичный со штукатурными орнаментациями, — конца XVIII века. Внутри его уцелела роспись комнат, исполненная крепостными художниками, и ряд печей со старинными изразцами. До



Усадьба Ярополец Гончаровых. Общий вид с птичьего полета. Фото 1996 г.

Усадьба Ярополец Гончаровых. Въездные ворота и церковь. Фото 1996 г.

последнего времени была цела Пушкинская комната,— спальня, разделенная деревянными колонками, со старой обстановкой и письменным столом, где в 1833 году Пушкин провел два дня.

Интересно особое здание усадебного театра.

Уже на деревне находится часовня над могилой владельца обоих Ярополь-цев гетмана Дорошенки, проживавшего здесь на склоне лет.

Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 1. М., 1912. С. 75—80.
Гиляровский В. Ярополец: Из поездки 1903 г. // Столица и усадьба. СПб., 1914. № 5. С. 1—3.
Краснов В. Усадьба Гончаровых // Там же. С. 3—6.
Торопов С. Ярополъцы // Среди коллекционеров. 1924. Июль-август. С. 45—48.

Руководитель С. А. Торопов.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 19, 17, автобус № 3) в 8 час. утра. Возвращение в понедельник вечером. Плата 4 рубля.

12 июля

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ТЕАТР (в усадьбе Юсуповых), Звенигородского уезда, в 4-х верстах от ст. Павшино.

Театр в Архангельском — одна из интереснейших и вместе с тем наименее известных затей в популярной подмосковной. Множество книг, специальных альбомов и чертежей, находящихся в библиотеке главного дома, указывают на глубокий интерес к театру со стороны владельца Н. Б. Юсупова, бывшего, между прочим, директором императорских театров. Есть основание думать, что самое здание спроектировано было в конце XVIII века знаменитым итальянским художником П. Гонзаго (1836), чьи декорации частично сохранились до настоящего времени. Вытянутая вдоль шоссе постройка украшена по лицевому фасаду рядом полуколонн, а со стороны входа — лестницей в два марша, уставленной вазами. Внутри полностью сохранился колонный зрительный зал, выдержанный в палевых тонах, с амфитеатром и двумя ярусами лож. Вокруг него проходят коридоры и лестницы, сохранившие прежние осветительные приборы. Под сценой находится помещение для декораций, по сторонам же комнатки-клетушки — уборные артистов.

Здание Архангельского театра по своей сохранности представляет редкий интерес в историко-театральном отношении.

Руководитель проф. В. Г. Сахновский.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, 19, автобус № 3) в 10 час. Плата 1 р.

18 - 19 июля

РЕЧНАЯ УСАДЕБНАЯ ЭКСКУРСИЯ. Пристань Северка (нс доезжая Коломны 10 верст).

Северское (Головкиных) в $^1/_2$ версте от пароходной остановки. Усадебный дом начала XIX века с новыми переделками. Хозяйственные постройки ничем особенным не выдаются. Прекрасный старый парк.

Черкизово (Черкасских) в 3-х верстах от Северского. Дворец был сломан после освобождения крестьян; от него сохранился один флигель, выполнявший в последнее время назначение усадебного дома. При усадьбе 3 церкви — каменная екатерининских времен с чертами барокко, деревянная XVIII века и усыпальница в стиле екатерининской готики с гробницами Черкасских. Небольшой липовый парк.

Руководитель В. А. Мамуровский.

Сбор на пристани у Устинского моста (трамваи А, 19, 27,) в 4 час. Возвращение в воскресенье но Московско-Казанской ж. д. Плата имеет быть установлена.

25 — 26 июля

ГРЕБНЕВО (Бибикова), Богородского уезда в 8 верстах от ст. Щелково.

Трехэтажный дом классического стиля, не блещущий выдающимся мастерством, низкими переходами соединяется с купольными павильонами, от которых под прямым углом идут стены-переходы к двухэтажным флигелям с колонными портиками. В одном из павильонов дома, сохранившем остатки сцены, прежде был устроен театр. Старинное внутреннее убранство дома не уцелело; дошли только архитектурные отделки, как например, тонкие лепные карнизы в двухсветном зале.

Главный въезд в усадьбу отмечен большими триумфальными воротами с арочным пролетом в центре и боковыми проходами, заключенными между тосканскими колоннами, несущими тяжелый антаблемент. Другие ворота представляют собой два пилона с ионическими колоннами. В самом парке интересна башенка в стиле Баженовско-Казаковской «готики».

Из двух церквей одна построена в 1823 г., а другая в 1786—1791 гг. и представляет произведение незнакомого нам по другим сооружениям архитектора Ивана Ветрова.

Лукомский Г. И. Гребнево // Столица и усадьба. Пг., 1917. № 75. С. 4—8.

Руководитель Н. А. Пустоханов.

Сбор на Северном (Ярославском) вокзале (трамваи 4, 6, 21, 34, В, автобус № 1) в 3 1/2 час. Плата 2 рубля. Возвращение в воскресенье вечером.

1— 2 августа

ВИФАНИЯ и КОРБУХА (Троице-Сергиевской Лавры), Дмитровского у., в 2 $^1/_2$ верстах от ст. Сергиево.

Вифания (б. монастырь), устраивавшаяся митрополитом Платоном в 1783—1787 гг., представляет редкий пример резиденции крупного духовного деятеля, одного из «князей церкви».

Центр этой монастырской усадьбы, обнесенной со всех сторон стеной с башнями, занимается барочной церковью с затейливым внутренним устройством. На восточной стороне был копанный четырехугольник пруда, а напротив него по стене спланирован узкой лентой французский сад, почти не со-

хранившийся. Самый митрополичий дом небольшого размера, несколько искаженный снаружи, внутри сохранил зато старинное убранство покоев и некоторые художественные предметы, являясь интереснейшим бытовым музеем.

Леонид [Кавелин Л. А.] арх. Вифанские келии митрополита Платона и их убранство // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. IV. М., 1879.

Корбуха в данный момент представляет лишь незначительные остатки «для летних увеселительных посещений» дома, устраившегося с 1740-х годов лаврскими «владыками». Из архитектурных сооружений уцелели лишь полуразрушенные ворота. Парк с ортодоксальной французской разбивкой прослеживается по остаткам аллей и копанных прудов.

Свирин А. Н. Корбуха: Очерк истории загородного дома б. Троицкой Лавры. Сергиев, 1925.

Руководитель А. Н. Свирин.

Сбор на Северном (Ярославском) вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, автобус № 1), в 4 $^{1}/_{4}$ час. Плата 2 руб. 50 коп.

5-6 августа

НИКОЛЬСКОЕ-ГАГАРИНО (Гагариных), Рузского уезда, в 15 верстах от ст. Румянцево.

Здания усадьбы выстроены в 1774—1776 гг. По чертежам архитектора И. Е. Старова (1743—1808). Дом на возвышенности посреди парка причудливого вида с полукруглой врезающейся в него террасой выдает черты стиля барокко; внутри сохранил некоторые предметы убранства.

Церковь с красивым иконостасом, также проектированным Старовым, исключительно интересна как памятник, предвосхищающий художественные идеи следующего поколения. С этой точки зрения особенно примечательна высокая цилиндрическая колокольня, стоящая отдельно.

Усадьба окружена вековым парком, спускающимся к реке Озерне.

Руководитель А. Н. Греч.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, 19, автобус № 3) в 8 час утра. Возвращение в воскресенье вечером. Плата 2 руб. 75 коп.

9 августа

ЗНАМЕНСКОЕ-ГУБАЙЛОВО (Долгорукова-Крымского), Московского уезда в 2-х верстах от ст. Павшино Белорусско-Балтийской ж.д.

Усадьба интересна своими руинами — чудесного павильона XVIII века в парке, готического сооружения того же времени, служебных построек: Главный дом сильно искажен и переделан. Другие жилые постройки подделаны под empire. Парк с целой системой рытых прудов, хранящий остатки каких-то фундаментов и гротовых сооружений, раскинулся по обе стороны дороги.

Поляков Я. А. Село Губайлово-Знаменское, Московского уезда. М., 1883; 2-е изд. М., 1906. Знаменское-Губайлово // Среди коллекционеров. 1924. Июль-август. С. 53—54.

Руководитель С. А. Торопов.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, 19, автобус № 3) в 10 час. Плата 1 руб.

15—16 августа

МАРФИНО, НИКОЛЬСКОЕ-ПРОЗОРОВСКОЕ и ПЕСТОВО, Московского уезда, в 3 1/2 верстах от ст. Катуар, Савеловской ж. д.

Марфино (Паниных). От первоначальной Голицынской усадьбы сохранилась интересная барочная церковь 1707 г., построенная крепостным архитектором В. Белозеровым. Псарни и беседки второй половины XVIII века. Все остальное — дом, ворота, служебные корпуса, мост своеобразной «крепостной» архитектуры, пристань с грифонами— построено архитектором М. Д. Быковским (1801—1885) в стиле Николаевской готики, красивой лишь в общем ансамбле. Очень интересен скотный двор, построенный Быковским.

Вейнер П. П. Марфино//Старые годы. СПб., 1910. Июль-сентябрь. С. 115—129.

Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 1. М., 1911. С. 81—87.

Никольское-Прозоровское (Прозоровских) в 4-х верстах от Марфина.

Усадьба крупного масштаба. Двухэтажный дом с флигелями представляет исключительный интерес как редкий пример настоящей барочной архитектуры растреллиевской школы. Внутри сохранились остатки декоративных росписей. Церковь XVIII века также интересна в архитектурном отношении. Английский парк с гротом, руинами и громадным прудом.

Пестово (Ермоловых) в 4-х верстах от Никольского. Построенный, повидимому, в 30-х годах деревянный дом выглядит милым пересказом каменной архитектуры уже упадочного классицизма. В большом английском парке, расположенном на берегу живописной речки, своеобразная затея — магометанское кладбище, устроенное знаменитым А. П. Ермоловым в воспоминание о его кавказской деятельности, с подлинными каменными плитами, привезенными сюда; здесь, быть может, хоронились Ермоловым его многочисленные восточные жены.

Курово в 6-ти верстах от Пестова. Старая вотчина боярина Шеина с уцелевшей церковью «Нарышкинского» стиля.

Руководитель В. А. Мамуровский.

Сбор на Савеловском вокзале (трамваи 12, 18, 27), в $3^1/_2$ час. Возвращение в воскресенье вечером по Северной ж. д. (ст. Пушкино). Плата 2 рубля.

22 — 23 августа

УБОРЫ, ПЕТРОВСКОЕ, УСОВО и ИЛЬИНСКОЕ. Звенигородского у., в 8-ми верстах от пл. Юдинка Белорусско-Балтийской ж. д.

Уборы (Шереметевых). Барочная церковь не без подражания знаменитой Дубровицкой построена в 1693 году Янкой Григорьевым Бухвостовым «с товарищи» Мишкой Тимофеевым и Митрошкой Семеновым. Полуторасотлетний регулярный сад.

Петровское (Голицыных) в 5 верстах от Убор.

Усадьба расположена при слиянии Истры с Москва-рекой. Дом конца XVIII в.
классической архитектуры со стенными росписями и остатками прежнего убранства. Павильон-флигель современный дому. Обширные старые служебные постройки. Церковь усадебного характера конца XVII века. Большой парк с беседкой-ротондой и прудами.

Голицын Л. //. Петровское. СПб., 1914.

Усово (Хрущевых), в 2-х верстах от Петровского.

Всего интереснее в усадьбе empir'ная церковь с цилиндрической колокольней. Дом в «шотландском вкусе» выстроен в начале нынешнего столетия. Старые службы. Парк с копанными прудами и гротом.

Ильинское (Остерман) в 2 верстах от Усова.

От старой усадьбы сохранились сравнительно незначительные остатки — парк с беседкой и гротом и некоторые служебные постройки. Все остальное переделано после приобретения Ильинского для царской семьи.

Степанов М. П. Село Ильинское: Исторический очерк. М., 1900.

Руководитель Л. П. Греч.

Сбор на Белорусско-Балтийском (Александровском) вокзале (трамваи 1, 6, 13, автобус № 1), в $3^1/_2$ час. Плата 2 руб. 50 кон.

30 августа

МАЙДАНОВО, ДОМ ЧАЙКОВСКОГО и ДЕМЬЯНОВО, Клинский уезд в 3 верстах от ст. Клин, Октябрьской ж. д.

Майданово (Карцевых). Усадьба связана с именем композитора Чайковского. Дом в основе XVIII века, перестроен. Церковь также носит следы позднейших переделок. Остатки старого парка, сливающегося с живописными окрестностями.

Дом и еад Чайковского (окраина Клина) сохранили целиком вид, который они имели при последних годах жизни композитора. В двухэтажном уютном доме «с фонарем» в сад-кабинет, где работал Чайковский, и ряд комнат с обстановкой 80-х годов и многочисленными вещами, принадлежавшими композитору. Большое собрание портретов, книг, рукописей и т. д.

Прошлое русской музыки. 1. II. 11. Чайковский. Пг., 1920. С. 65—98, 135—139, 172, 174—184.

Демьяново (Мертвого). В 3 верстах от Клипа. Усадьба второй половины XIX века со следами конца XVIII столетия. Обширный парк с рядом прудов и живописными аллеями, в котором часто бывал Чайковский. До недавнего времени в парке находился обелиск со статуей Минервы наверху. Дом, службы и оранжереи переделаны в XIX веке.

Руководитель Н. М. Черемухина.

Сбор на Октябрьском (Николаевском) вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобус № 1) в 9 час. Плата 3 рубля.

6 сентября

АХТЫРКА и АБРАМЦЕВО, Богородского уезда в 4-х верстах от ст. Хотьково, Северной ж. д.

Ахтырка (Трубецких). От старой некогда славной усадьбы в связи с недавним пожаром осталось лишь немногое — обширный парк вокруг пруда-озера, флигеля empir'ного дома, въездные ворота и церковь с колокольней, сооруженные последователем Жилярди архитектором А. Купеповым.

Абрамцево (Аксакова) в 2 $^1/_2$, верстах от Ахтырки (Усадьба-музей).

Деревянный дом 40-х годов является примером скромной помещичьей усадьбы, где в свое время протекала культурная жизнь, объединявшаяся писателем С. Т. Аксаковым. В доме сохраняются реликвии Аксаковского кружка, славянофилов — Хомякова, Киреевских, Гоголя. В остальных комнатах развернут музей, отражающий новые культурные наслоения — художественный кружок С. И. Мамонтова, с его искательством национального русского искусства. В доме много картин и рисунков художников Поленова, Васнецова, Серова, Коровина, Врубеля, а также комната с предметами древнерусского прикладного искусства (резьба, набойка, керамика). В саду церковь, созданная В. Васнецовым и два домика построенные: один — Ропетом и другой — Гартманом в русском стиле. До сих пор здесь работает абрамцевская столярная мастерская. В недавнее время в Абрамцевский музей перевезены некоторые предметы обстановки из Ахтырки.

Поленова Н. Абрамцево: Воспоминания. М., 1922.

Урениуе М. Абрамцево // Подмосковные музеи: Путеводитель / Под род. И. Лазаревского и В. Згура. Вып. 3. М., 1925. С. 63—79.

Руководитель Ю. П. Анисимов.

Сбор на Северном (Ярославском) вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобус № 1), в 10 1/2 час. Плата 2 руб. 50 коп.

13 сентября

МУРАНОВО (Боратынских), Дмитровского уезда, в $2^1/_2$ верстах от ил. Ашукинская, Северной ж. д.

Усадьба живо связана с рядом литературных воспоминаний. Дом, малоинтересный с архитектурной стороны, наполнен великолепной мебелью, бронзой и фамильными портретами Боратынских и Тютчевых, нередко кисти лучших художников. Усадьба была устроена в 40-х годах и носит ярко выраженный отпечаток эпохи. Много вещей — письменные принадлежности, книги, рукописи и автографы сохранились здесь от поэта Ф. И. Тютчева. Ряд предметов, сосредоточенных в доме, принадлежал поэту Е. А. Боратынскому и И. С. Аксакову.

Ерее. Сельцо Мураново // Столица и усадьба. Пг., 1915. № 33. С. 3—7.

Мураново // Художественная жизнь: Бюллетени художественной секции Народного комиссариата по просвещению. № 2. М., 1920.

Тютчев Н. И., Чулков Г. И. Мураново // Подмосковные музеи: Путеводитель / Под ред. И. Лазаревского и В. Згура. Вып. 3. М.; Л., 1925. С. 37—61.

Сбор на Северном (Ярославском) вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобус № 1) в $10^1/_2$ час. Плата 2 руб.

20 сентября

ЛУКИНО и ИЗМАЛКОВО Московского уезда у пл. Переделки Киево-Воронежской ж. д.

Лукино (Бодэ). Дом, ныне находящийся в развалинах, был сооружен в 60-х годах XIX века «в русском вкусе» и, по преданию, включил старые части XVII века. Сохранились любопытные ворота с башней, две церкви и другие постройки, позволяющие судить о единственном в своем роде применении древнерусских форм в усадебном строительстве. Посреди двора находится любопытный обелиск с перечислением казненных по повелению московских царей, представителей семьи Колычевых. В старом регулярном парке XVIII века сохранились статуи около аллей и вокруг фигурного водоема.

Измалково (Самариных) в $1^1/_2$ верстах от Лукина. Образчик русского деревянного строительства позднего empir'а. Обширный дом с частично сохранившимися в нем предметами убранства стоит па пригорке над прудом: справа от него службы, также деревянные и небольшая каменная церковь обычного усадебного типа, относящаяся к XVIII веку. В старом липовом парке остатки декоративной скульптуры.

Руководитель О. И. Пенчко.

Сбор на Киево-Воронежском (Брянском) вокзале (трамвай 4, автобус № 2) в $10^1/_2$ час. Плата 1 рубль.

27 сентября

ТРОИЦКОЕ-ЛЫКОВО (Нарышкиных) Московского уезда в 3-х верстах от конечной остановки трамвая № 13.

От древней боярской усадьбы остались две церкви. Одна деревянная, почти единственный пример под Москвой, знакомящий хотя бы отчасти с древнерусской деревянной архитектурой. Другая, построенная в 1708 году, замечательный памятник «нарышкинского стиля». Внутри сохранился отличнейший барочный деревянный иконостас и «царская ложа». За церковью располагаются остатки запущенного парка XVIII века. Местоположение усадьбы, расположенной на крутой возвышенности над прихотливым изгибом Москва реки, очень красиво.

Руководитель проф. В. К. Клейн.

Сбор у конечной остановки трамвая № 13, в $10\ ^1/_2$ час. Плата 75 коп.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

[Повторяется текст предыдущего плана. — Ред.]

По всем делам связанным, с экскурсиями, обращаться к секретарю Экскурсионно-экспедиционной Комиссии В. М. Лобанову телеф. 3—67—09.

III. ПЛАН ЛЕТНИХ ЭКСКУРСИЙ НА 1926 ГОД, УСТРАИВАЕМЫХ ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ*

Двумя летними экскурсионными циклами Общество Изучения Русской Усадьбы исчерпало не только усадебные музеи и известные подмосковные, но дало возможность интересующимся художественной стариной ознакомиться с рядом мало известных, а отчасти и совсем неведомых усадеб**. Однако неизученный материал еще настолько обширен, а художественных памятников настолько много, что и в этом году Общество сумело построить план поездок, не повторяя предыдущих. Встречавшиеся раньше Архангельское и Царицыно взяты в совершенно новом аспекте, долженствующем выяснить некоторые важные историко-художественные вопросы, связанные с этими подмосковными. Также Общество не сочло возможным пропустить лежащее на пути к Обольянинову Ольгово, уже фигурировавшее в 1924 году, ввиду исключительности его интереса. По соображениям технического порядка Общество должно было отказаться от включения в план некоторых интересных мест, находящихся в значительном удалении от железных дорог, найдя, с другой стороны, приемлемым допустить сравнительно отдаленные от Москвы пункты, обладающие примечательными, заброшенными в глуши художественными памятниками (Рай-Семеновское, Александрова слобода). Возможность посетить художника В. Д. Поленова в его усадьбе и осмотреть своеобразный музей, а по дороге ознакомиться с любопытными памятниками архитектуры заставила выйти в данном случае за пределы Московской губернии. Подобно прошлогодним, настоящая книжка имеет преимущественно практическое значение и не преследует научных целей. Новые усадьбы и художественные памятники находят здесь лишь самую предварительную публикацию, не могущую претендовать ни на исчерпаемость, ни на проработку. Помимо кратких справок и чисто технических указаний, где это возможно, даны библиографические указания, имеющие в виду только историко-художественную литературу и отнюдь не претендующие на полноту. Текст настоящей книжки составлен В. В. Згура и А. Н. Гречем, воспользовавшимися некоторыми материалами членов Комиссии и руководителей экскурсий.

* М., 1926.

** См. «Экскурсии в подмосковные. План летних экскурсий на 1924 г., устраиваемых ОИРУ». Издание М. и С. Сабашниковых. М., 1924 и «Экскурсии в подмосковные. План летних экскурсий на 1925 г., устраиваемых ОИРУ». Издание ОИРУ. М., 1925.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ЭКСКУРСИЙ 1926 г.

9 мая

МИХАЛКОВО и ПЕТРОВСКОЕ-РАЗУМОВСКОЕ рядом с конечной остановкой трамвая № 12.

Михалкове (Паниных)*. Усадьба была задумана смотрителем ее П. И. Паниным в подражание взятой им крепости Бендеры и относится к 70-м гг. XVIII в. Полуциркульный двор образован двумя изогнутыми флигелями, между которыми помещаются въездные ворота с башнями, выстроенными в стиле екатерининской готики. Подобные же парные башни, замечательные по мастерству, отмечают боковые въезды. От главного дома сохранились только флигеля. К двору примыкает регулярный парк с террасообразными прудами и двумя симметричными цилиндрическими беседками, одна из которых служит пристанью и снабжена лестницей, приводящей к воде.

Петровское-Разумовское (Разумовских) в 1 версте от Михалкова.

Обширный, славившийся в свое время французский парк, расположенный на трех террасах на берегу озера; старый разрушающийся грот, остатки воздушного театра. Дом Тимирязевской Академии, построенный арх. Л. Бенуа, относится к серед. XIX в. Сохранилась любопытная церковь 1690 г., образчик так назыв. «нарышкинского барокко».

Чаянов Л. В. Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем: Путеводитель по Тимирязевской сельокохоляйственой академии. М., 1925.

Чаянова О. Парк и воздушный театр в Петровско-Разумовском // Среди коллекционеров. 1924. Июль-август. С. 48—50.

Руководитель В. Згура.

Сбор у остановки трамвая № 12, в 12 час. Плата 50 коп.

16 мая

ЛОПАСНЯ и САДКИ, Серпуховского уезда, в 3-х верстах от ст. Лопасня, Моск.-Кур. ж. д.

Лопасня (Васильчиковых). Каменный двухэтажный дом с барочными наличниками окон серед. XVIII в., представляющий редкий пример раннего усадебного дома, расположен в исключительно живописной местности, где растянулся регулярный парк с многочисленными, расположенными террасообразно прудами, спускающимися к реке. Церковь 1689 г. Типична для своего времени. Колокольня и трапезная 1820 г. В стиле ампир с переделанным внутренним убранством.

Садки (Еропкиных), в 2 вер. от Лопасни. Небольшой деревянный дом 20-х гг. XIX в. с позднейшими переделками сохранил ничтожные остатки об-

* В скобках проставляется фамилия владельцев — преимущественно устроителей усадьбы.

становки. Церковь конца XIX в. с позднейшими трапезной и колокольней. Небольшой липовый парк.

Руководитель В. А. Мамуровский.

Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31, автобус № 2) в 8 час. Плата 2 руб.

23 мая

ОПАЛИХА-АЛЕКСЕЕВСКОЕ (Рамих), Моск. у. в 1 версте от ст. Опалиха, Бел.-Балт. ж. д.

Небольшая усадьба с деревянным домом второй трети XIX в. с двумя характерными крыльцами и любопытной вышкой-каланчой. Ограда перед домом с каменными столбами и воротами в виде пилонов, украшенных сдвоенными колоннами, заканчивается с двух сторон круглыми башнями XVIII в. с деревянными надстройками, современными дому и схожими с его вышкой. В парке копаные пруды.

Руководитель А. А. Устинов.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, автобус № 3) в 9 час. Плата 1 руб. 20 кон.

30 мая

РАЙ-СЕМЕНОВСКОЕ (Нащокиных) Серпуховского уезда в 6 верстах от ст. Шарапова-Охота.

Усадьба была некогда благоустроенным курортом, организованным здесь ее владельцем благодаря наличию целебных железистых источников. Из архитектурных памятников исключительно интересна церковь XVIII в., являющаяся ранним созданием знаменитого московского архитектора М. Казакова (1733—1812). Здание церкви и колокольни отличается замечательным соотношением масс и исключительным умением в членении стен. Вокруг церкви ограда XVIII в. с зубцами и башнями, напоминающая стены крепости. Усадебный дом сохранился лишь в средней своей части. Внутри уцелел камин и частично архитекту рная разделка стен в комнатах. Обширный парк спускается к реке, являясь очень живописным ландшафтным окружением усадьбы. Денине Б. Рай-Семеновское: Усадьба-курорт // Среди коллекционеров. 1924. Сентябрь-декабрь. С. 31—38.

Руководитель проф. Б. П. Денике.

Сбор на Курском вокзале (трамваи Б. 1. 31. Автобус № 2) в 8 час. Плата 2 руб. 25 коп.

6 июня

ТИН1КОВО и КУРОВО, Московского уезда в 11 вер. от ст. Пушкино, Северной ж. д.

Тишково-Спасское (Собакиных). Остатки «готической»усадьбы 1792 г. Башни-пилоны выдержаны в типе московской псевдоготики. Исключительно

интересны трехарочные ворота в парке с башнями по углам с несомненным западным влиянием. Церковь с высокой башней-колокольней также напоминает английскую «готику» XVIII в. Внутри интересен иконостас. Небольшой октотональный дом разрушен внутри. Отдельное здание театра с овальным зрительным залом, сохранившим лишь общие очертания; остатки служебных построек, большой старый парк.

Курово (Шеина), в 7 вер. от Тишкова (по дороге в Пушкино). Остатки старого парка с садовой террасой. Одна из двух церквей 1681 —1687 гг. в духе украинского барокко, сохранившая отчасти старый иконостас и некоторые живописные произведения XVIII XIX вв., между прочим, работы марфинских крепостных живописцев. Вторая церковь стиля барокко относится к 1752 году.

Руководители С. А. Торопов и А. А. Устинов.

Сбор на Северном (Ярославском) вокз. (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобус № 1) в 8 $^{1}/_{2}$ час. Плата 1 р. 50 к.

13 июня

БАБАРЫКИНО и ЛОБАНОВО, Подольского уезда в 3 вер. от ст. Барыбино, Ряз.-Уральской ж.д.

Баба рыки но (Полуяктовых). Полуразрушенный барский дом с двумя флигелями покоем, в стиле псевдоготики XVIII в.; внутри сохранились расписные плафоны с классическими мотивами конца XVIII в. Старый парк с вековыми деревьями над каскадными прудами. Церковь XVIII в., сильно испорченная новейшими переделками.

Лобаново (Бельгард), в 2 вер. от Бабарыкина. Усадебный дом не сохранился. Старый липовый парк расположен на крутом берегу реки Северки. Церковь XVII в. сильно переделана в позднейшее время.

Руководитель В. А. Мамуровский.

Сбор на Саратовском вокзале (трамваи 9, 25, Б, В, автобус № 3) в 9 час. Плата 2 руб. 10 коп.

20— 21 июня

БЕХОВО и ПОДМОКЛОЕ, Тульской губ. Алексинского уезда; ст. Серпухов, Курской ж. д. — на пароходе до Тарусы, от Тарусы 3 вер.

Бехово (Поленова). Дом-музей, знакомящий с творчеством художника В. Д. Поленова, с картинами передвижников и мастеров Союза. Любопытные изделия древнерусского прикладного искусства (изделия из дерева, игрушки, керамика, вышивка и т. п.). Портреты семьи Поленовых, коллекции бытовых мелочей начала XIX в., греческой керамики и египетских древностей. Здание мастерской художника Поленова. В 2 вер. в деревне Бехово (на берегу Оки) церковь в русском стиле, построенная В. Д. Поленовым.

Подмоклое (Долгоруких), в 13 верстах от Бехова. Старый парк с копаными прудами; сильно переделанный дом XVIII в. Исключительно любопыт-

пая ротондальная церковь, украшенная статуями 12-ти апостолов, являющаяся дальнейшим развитием Дубровицкого храма. Внутри на паперти находится фреска с изображением Страшного Суда, где среди грешников представлен М. Ю. Лермонтов.

Попутно можно осмотреть музей художника Борисова-Мусатова в Тарусе и историко-бытовой музей в гор. Серпухове.

Га—ев Н. Рец. на кн.: Памятники искусства Тульской губернии: Материалы. Вып. II. М., 1913 // Старые годы. СПб., 1913. Декабрь. С. 42.

Руководители В. М. Лобанов и Д. В. Поленов.

Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31, автобус № 2) в 8 час. Плата имеет быть установленной.

27 июня

ОЧАКОВО и ТРОЕКУРОВО, Московского уезда в 1 вер. от платф. Очаково, Брянской ж. д.

Очаково (Нарышкиных). Остатки усадьбы начала XIX в. Господский дом переделан в церковь с интересным ампирным иконостасом. От парка осталась лишь липовая аллея и небольшой пруд-сажалка.

По дороге в соседнее Троекурово сохранился парк давно несуществующей усадьбы с вековой тополевой аллеей и круглым копанным прудом с островком в центре.

Троекурово (Троекуровых), в 3 верстах от Очакова. От времени Троекуровых сохранилась большая каменная двухъярусная церковь, выполненная несмотря на раннюю дату своего построения (первое десятилетие XVIII в.), в духе европейского барокко. Церковь интересна разработкой своих фасадов и рядом деталей скорее конструктивного, чем декоративного характера. Колокольня пристроена к лестнице, приводящей во второй этаж храма. Дом в усадьбе деревянный, па каменных сводчатых подвалах, относится к началу XIX века и является постройкой времен владения усадьбой Зубовым. Со стороны сада фасад разработан лоджией, со стороны двора снабжен колонным портиком. Половина дома разделяется на два этажа расположенными здесь антресолями. Внутри сохранилась в парадных комнатах архитектурная разделка стен и живописный плафон в зале. В парке ряд прудов, каменный сводчатый мост, большая липовая аллея, приводящая от дома к церкви.

Возвращение на ст. Немчиновский пост, Белорусской ж. д.

Сбор на Брянском (Киево-Воронежском) вокзале (трамвай 4, автобус № 2) в 10 1/2 час. Плата 90 коп.

4 июля

КРИВЯКИНО и СПАССКОЕ, Коломенск. у. в 3 вер. от ст. Воскресенск, Московско-Казанской ж. д.

Кривякино (Лажечникова). Усадьба расположена на живописном берегу Москвы-реки. Каменный двухэтажный дом с мезонином представляет интересный памятник архитектуры XVIII ст., выдержанный в стиле Louis XVI. В старом липовом парке не сохранилось архитектурного убранства.

Спасское (Гагариных), в 2-х верстах от Кривякина. Усадьба является примером загородных построек после-крепостного периода. Для восьмидесятых годов XIX в. типичен большой каменный дом, выполненный в стиле французских замков. Характерны также хвойные посадки парка.

Руководитель В. А. Мамуровский.

Сбор на Казанском вокзате (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобус № 1) в 8 час. Плата 3 руб.

11 июля

СРЕДНИКОВО-СПАССКОЕ (Столыпиных), Московского уезда, в 3 вер. от платф, Фирсановка, Октябрьской ж. д.

Сохранился полный усадебный ансамбль конца XVIII в. Каменный двухэтажный дом, соединенный с 4-мя боковыми двухэтажными каменными флигелями. Внутри во 2-м этаже овальный зал. В комнатах сохранилась часть обстановки XVIII—XIX вв. (мебель, портреты, книги). Перед домом cour d'honneur; по сторонам въездной аллеи, заканчивающейся воротами, расположены конный двор и службы. Английский парк с лестницей, прерванной террасами, ведущей от дома к пруду с островком на нем. В парке; арочный мост, обелиск Лермонтову. Неподалеку от усадьбы церковь конца XVIII в. Имение тесно связано с именем Лермонтова, написавшего здесь ряд своих произведений.

Столыпин А. Средниково: Из семейной хроники //Столица и усадьба. СПб., 1913. № 1. С. 1—4.

Руководитель Ю. Б. Шмаров.

Сбор на Октябрьском вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобус № 1) в 9 час. Плата 1 руб. 50 коп.

18 июля

ВЯЗЕМЫ и НАЗАРЬЕВО, Звенигородск. у. в 1 вер. от ст. Голицыно, Белорусско-Балт. ж.д.

Вяземы (Голицыных). Еще от времени Бориса Годунова сохранилась в усадьбе церковь, представляющая замечательный памятник древнерусского зодчества, в создании которого, быть может, принимали участие иностранные мастера. Также чрезвычайно интересна находящаяся подле древняя звонница — единственный пример в Московской области.

Большой дом, отмеченный чертами стиля Louis XVI (несколько подновленный), с отдельно стоящими флигелями, полукруглым выступом выходит в красивый парк. Среди каменных служб выделяется огромный конный двор.

Любопытен каменный моет у начала длинного пруда. Недалеко от церкви старый колодезь.

Шереметев П. Вязмы. Пг., [1916].

Назарьево (Михалковых), в 4-х верстах от Вязем. Небольшая усадьба с каменным двухэтажным домом серед. XIX в., выстроенным в готическом вкусе. Парк с вековыми дубами дает ряд живописных пейзажных кусков. Сохранилась часть екатерининского «большака».

Руководители Ю. А. Бахрушин и Н. А. Пустоханов.

Сбор на Белорусско-Балтийском вокзале (трамваи 1, 6, 13, автобус № 1) в 10 час. Плата 2 руб.

25 июля

ЧАШНИКОВО, НЕТЕСОВО и БЕРСЕНЕВКА, Московского уезда в 6 вер. от ст. Крюково, Октябрьской ж. д.

Чашниково (Собакиных). Деревянный дом 40-х гг. с чертами стиля Боше XVI, сохранил часть прежней обстановки. Обширная конюшня является выразительным примером московского ампира. Церковь 1807 г. относится к интересной, сравнительно редко встречаемой группе двухколокольных храмов. Парк с прудами.

Нетесово (Краевского), в 5-ти вер. от Чашникова. Деревянный двухэтажный дом начата XIX в. с двумя большими закрытыми крыльцами. Отдельное деревянное здание кухни с четырехколонным дорическим портиком. Парк, пруды. Церковь 1687 г. с колокольней и центральным круглым куполом 1816 г.

Берсеневка (Строгановых) в 1/2 вер. от Нетесова (2 вер. от ст. Поваровка, Октябрьской ж. д.). Из остатков старой усадьбы наиболее занимательна каменная баня с тяжелыми колоннами-столбами на двух сторонах. Парк с остатками старой ограды и прудом.

Руководитель А. А. Устинов.

Сбор на Октябрьском вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобус № 1) в 9 час. Плата 1 руб. 70 коп.

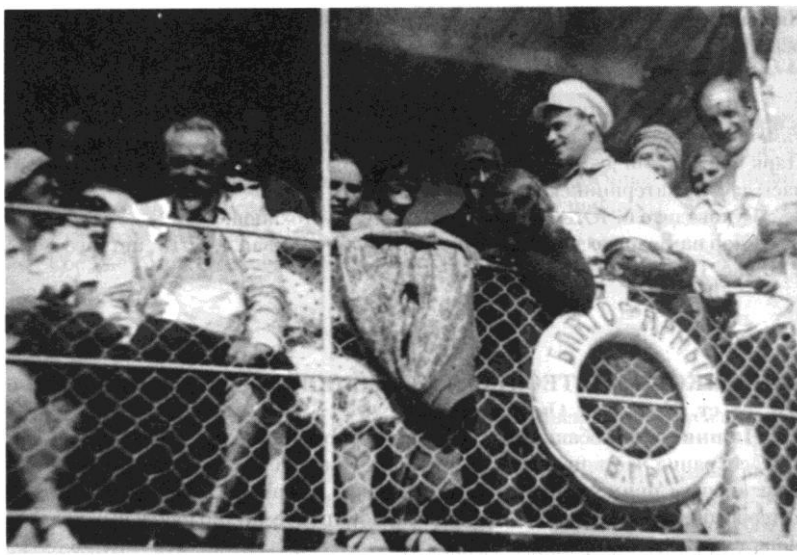
1 августа

ЛИПКИ-АЛЕКСЕЙСК (Руперти), Московского уезда в 3-х вер. от ст. Лианозово, Савеловской ж. д.

Вся усадьба спроектирована архитектором И. В. Жолтовским и, таким образом, является интересным примером предреволюционной неоклассической архитектуры. Дом с полуциркульными галереями построен в типе вилл Палладио. Старый парк с прудом использован архитектором, внесшим сюда художественное убранство, между прочим мост с аркой.

Руководитель С. А. Торопов.

Сбор на Савеловском вокзале (трамваи 12, 18, 27, автобус № 5) в 9 $^{1}/_{2}$ час. Плата 1 руб.



Совместная экскурсия ОИРУ и общества «Старая Москва» в Углич на пароходе «Благодарный». 1920-е гг.

5-8 августа

ОЛЬГОВО и ОБОЛЬЯНИНОВО, Дмитровского уезда в 10 вер. от ст. Яхрома, Савеловской жел. дороги.

Ольгово (Апраксиных). Усадьба являет ансамбль построек второй половины XVIII в. Большой дом на высоких подвалах, более старый в своей основе, был перестроен архитектором Кампорези. Со стороны двора любопытны барочные лестничные сходы, со стороны сада — пристроенный колонный портик. Длинные галереи соединяют дом с флигелями и зданием театра. Внутри дома развернут бытовой музей. Стильная мебель XVIII—XIX вв., портретная галерея Апраксиных, библиотека, старая посуда, костюмы, театральная бутафория. Исключительно полно может быть прослежен здесь бытовой уклад жизни крепостной эпохи. Ряд комнат сохранил свою архитектурную раздел ку. Неподалеку от дома полуциркульные флигеля «холостого флигеля» для дворовых и ряд хозяйственных служб. На деревне — церковь, современная постройке дома. Громадный английский парк, живописно раскинувшийся вокруг прудов.

Анисимов Ю. II. Ольгово // Подмосковные музеи: Путеводитель / Под ред. И. Лазаревского и В. Згуры. Вып. 4. М.; Л., 1925. С. 7—65.

Обольяниново (Обольяниновых), в 5-ти верстах от Ольгово. Каменный барский дом с колоннами, интересный в архитектурном отношении, сохранивший некоторые предметы убранства. Церковь, современная дому. Обширный липовый парк.

Руководители С. А. Торопов и А. В. Лебедев.

Сбор на Савеловском вокзале (трамваи 12, 18, 27, автобус № 5) в $3^1/_2$ час. Плата 2 руб. 90 к.

15 августа

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПАРК. (Юсуповых), Московского уезда в 4-х вер. от ст. Павшино Белорусско-Балтийской ж. д. (дворец- музей).

Знаменитые архангельские сады являются отзвуком дворцового паркового искусства Франции и, по-видимому, были проектированы строителем усадьбы, Шевалье де Герном. Тесно связаны с архитектурой дома и флигелей две уступчатые террасы, соединенные лестницей и сходом по сторонам центрального гротового сооружения. Статуи обводят дорожки верхней площадки, украшают перила террас, оттеняют декоративные вехи в разбивке партера. Отдельные фигуры и бюсты частью дают повторение знаменитых образцов классического искусства, частью вполне оригинальными декоративными скульптурами XVIII в. Любопытны стриженные аллеи по сторонам партера, боскетные дорожки в примыкающей к шоссе части сада, ряд мемоpативных колонн, отмечающих главнейшие архитектурные точки. В регулярном парке, кроме того, сохранилась аллея со статуями, приводящая к памятнику Пушкина, часть классического павильона «Каприз», беседка-фонтан и памятник Екатерине II, исполненный Рашеттом, в архитектурном обрамлении. За дорогой, в английском парке отдельное здание усадебного театра. В противоположной части, в сосновой роще, колонная беседка-Миловида, с чудным видом на долину Москвы-реки. Крайне характерны руинированные ворота в духе Гюбер- Робера.

Вениаминов Б. Архангельское // Мир искусства. СПб., 1904. № 2. С. 2—40.
Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 1. М., 1912. С. 40—50.
Греч А. // Подмосковные музеи: Путеводитель / Под ред. И. Лазаревского и В. Згура. Вып. 2. М.; Л.,1925. С. 7—37.

Руководитель С. А. Торопов.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, 19, автобус № 3) в 9 час. Плата 1 руб. 40 коп.

22 августа

КОНСТАНТИНОВО (Похвисневых), Подольского уезда, в 3-х вер. от ст. Домодедово, Рязано-Уральской ж. д.

Усадьба, некогда входившая в число громадных земельных угодий кн. Ромодановских, представляет из себя ансамбль построек, относящихся в пер.

половине XIX в. Большой дом с колонным портиком стоит на высоком откосе с видом на реку Рожай, протекающую в полуверсте от усадьбы. Со стороны двора колонный портик заменен открытой террасой. Внутри дома сохранился зал, во всю ширину здания разделенный на две части колоннами. На стенах уцелели здесь куски старых обоев. Характерная деревянная лестница приводит в мезонин; под лестницей расположена любопытная диванная комната. Справа от въездной аллеи за каменным мостом, перекинутым через водослив пруда, находится небольшой каменный дом, также снабженный колонным портиком. В парке сохранились беседка-ротонда под куполом, ряд регулярных аллей, с тесно сдвинутыми деревьями. Большой треугольный памятник поставлен, по преданию, над прахом любимой собаки. Уцелел современный дому конный двор. В конце деревни, отделяющейся от усадьбы рядом прудов, стоит церковь начала XIX в. с хорошими ампирными иконостасами. В Константинове жил известный путешественник Пржевальский, приобретший имение от Похвисневых.

Руководитель А.Н. Греч.

Сбор на Саратовском вокзале (трамваи Б, В, 25, автобус № 3) в 8 час. Плата 1 руб. 60 коп.

29 августа

ФРОЛОВСКОЕ и ГОЛЕНИЦЕВО, Клинского уезда в 1-й вер. от ст. Фроловское, Октябрьской ж. д.

Фроловское (Паниных). От усадьбы XVIII в. сохранились копаные пруды с островами и аллеи регулярного сада. Кроме того имеется английский парк с мостиками через овраги. В деревянном доме середины XIX в. жил некоторое время П. И. Чайковский. Церковь середины XIX в., мало интересная в художественном отношении.

Голенищеве (Волконских), в $2^1/_2$ вер. от Фроловского. От усадьбы, перестроенной в XIX в., сохранились дом, службы и следы парков. Церковь начала XVIII в. переделана в XIX в., сохранив, однако, оригинальные купола и портики; внутри древняя утварь и иконы.

Руководитель Н. М. Черемухина.

Сбор на Октябрьском вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, автобус № 1) в $7\ ^1/_2$ час. Плата 2 р. 50 к.

4—5 сентября

АЛЕКСАНДРОВА СЛОБОДА (царская вотчина), Владимирской губернии, ныне город Александров.

Знаменитая резиденция Ивана Грозного и центр опричнины. От древней усадьбы сохранился ряд сооружений, включенных позднее в монастырь и обнесенных оградой. Уцелели остатки дворца Ивана Г разного, еще мало обследованный памятник гражданской архитектуры XVI века. Величественный Троицкий собор относится ко временам Юрия Звенигородского, но искажен позднейшими

доделками. Покровская церковь, построенная между 1505 и 1513 гг. дает пример древнейшего каменного шатра. Исключительно интересна по типу и художественному разрешению отдельно стоящая колокольня, выстроенная Иваном Грозным и являющаяся предшественницей колокольни Ивана Великого в Московском Кремле.

Некрасов Л. И. Древние подмосковные: Александрова слобода, Коломенское, Измайлово. М,, 1923. С. 4—28.

Руководитель И. М. Иезуитов.

Сбор на Северном (Ярославском) вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, автобус № 1) в 4 час. Плата 5 р.

11 сентября

ВОРОНЦОВО и ЗЮЗИНО, Московского уезда, в 5 вер. от Серпуховской заставы.

Воронцово (Воронцовых) сохранило небезынтересные остатки усадьбы конца XVIII века — две башни ворот в стиле екатерининской псевдоготики и здания по сторонам их, очевидно караульни. Уцелели липовые аллеи старого парка.

Зюзино (Луниных), в 2 вер. от Воронцово. От главного дома сохранилось лишь два боковых корпуса, относящихся к 20-м гг. XIX века, выходящие прямо на дорогу. Наибольший интерес представляет церковь 1688 г., по типу относящаяся к так наз. «нарышкинским» храмам, с великолепным современным построению иконостасом.

Руководитель Г. В. Жидков.

Сбор у Серпуховской заст. (трамвай № 10). Плата 50 к.

18 сентября

БАЖЕНОВСКИЕ ПОСТРОЙКИ в ЦАРИЦЫНЕ (царская усадьба), Московского уезда, в $^1/_2$ вер. от ст. Ленино, Моск.-Курской ж. д.

Царицыно, представляющее замечательный ансамбль готических построек XVIII в., связано с именем знаменитого русского зодчего В. И. Баженова (1737—1799), который первоначально проектировал всю эту дворцовую резиденцию. Казакову принадлежат только фасады дворца. План же последнего, хлебный дом с воротами, пять отдельных домиков кавалерских корпусов, оперный дом и два моста через дорогу являются подлинными и непосредственными произведениями Баженова, на которых могут быть прослежены любопытные проблемы псевдоготики. В конце парка построенная Баженовым круглая, уже классическая беседка-храм Цереры или золотой сноп — прототип подобных сооружений в подмосковных.

Путеводитель по Царицыну. М., 1912.

Шамурин Ю. Подмосковные. Кн. 1. М., 1912. С. 59—66.

Згура В. Царицыно // Подмосковные музеи: Путеводитель / Под ред. И. Лазаревского и В. Згура. Вып. 6. М.; Л., 1925. С. 7—36.

Руководитель проф. А. И. Некрасов.

Сбор на Курском вокзале (трамваи Б, 1, 31, автобус № 2) в 8 $^1/_2$ ч. Плата 1 руб.

26 сентября

ФИЛИ и КУНЦЕВО в $^1/_2$ вер. от платф. Фили Белорусско-Балтийской ж. д.

Фили (Нарышкиных). Одна из немногих, отчасти сохранившихся, боярских усадеб XVII в. Знаменитая церковь 1692 г., в стиле так наз. Московского барокко, центрическая в плане с ходовой открытой папертью, блещет стройным соотношением масс и изысканным убранством. Внутри замечательный иконостас, современный построению, и царская резная ложа. В стороне хорошо сохранивший регулярную разбивку старый липовый парк.

Кунцево (Нарышкиных) в 2-х вер. от Фили. Большой дом, соединенный с флигелями полуциркульными колоннадами, стоит на высоком откосе МосКвы-реки. Перед ним барочная группа «Похищение Прозерпины». В обширном парке остатки декоративного убранства.

Забелин И. Кунцево и древний Сетуньский стан: Исторические воспоминания. М., 1873.

Руководитель проф. В. К. Клейн.

Сбор на Белорусском вокзале (трамваи 1, 6, 8, 13, автобус № 1) в 9 час. Плата 75 коп.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

По всем делам, связанным с экскурсиями, обращаться к секретарю Экскурсионно-экспедиционной Комиссии В. М. Лобанову, телеф. 3—68—09 или к председателю Общества В. В. Згура, телеф. 1—34—60.

IV. ПЛАН ЛЕТНИХ ЭКСКУРСИЙ НА 1928 ГОД, УСТРАИВАЕМЫХ ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ*

Четырьмя летними экскурсионными циклами Общество Изучения Русской Усадьбы исчерпало не только усадебные музеи и прославленные подмосковные, но и дало возможность интересующимся художественной стариной ознакомиться с рядом малоизвестных, а отчасти и совсем неведомых усадебных мест. «Сто усадеб», перечисленных в Указателе 1926 г., отметили, однако, еще не все художественное наследие «подмосковных». Ряд новых памятников, подчас первостепенного значения, как, напр., Белкино, Старки, Новлянское, Ивановское Козловских, вошли в летние планы 1927 и 1928 гг., наряду с повторением обследовательских поездок в те места, где открылись новые историко-художественные данные (Ершово, Михалково, Яропольцы). Два крупных краеведных центра стоят в летнем плане настоящего года — Дмитров и Сергиев Посад, — сами но себе исключительно интересные как значительные памятники искусства. Несколько, относительно дальних, поездок (Ивановское Козловских, Никольское-Гагарино, Яропольцы, Бехово) помещены в план в связи с постоянно высказываемым желанием осмотреть эти трудно доступные для одиночного посещения и отдаленные усадьбы. Ввиду того, что технические условия не позволили Обществу напечатать очередную книжку в 1927 г., к настоящему плану приложен краткий список мест, осмотренных прошлым летом. Этим будет достигнута непрерывность картины развития исследовательской деятельности Общества, а также сохранится полнота того материала, который, как показал опыт прошлых лет, встречает свое применение в общей экскурсионной работе.

Подобно прошлогодним, новые усадьбы и художественные памятники находят здесь лишь самую предварительную публикацию, не могущую претендовать ни на исчерпаемость, ни на проработку. Помимо кратких сведений и чисто технических указаний, где это возможно, даны библиографические справки, имеющие в виду только историко-художественную литературу и отнюдь не претендующие на полноту. Текст настоящей книжки составлен А. Н. Гречем и В. М. Лобановым, воспользовавшимися материалами членов Комиссии и руководителей экскурсий.

* М., 1928

ПЛАН ЭКСКУРСИЙ

1924 г.

12 мая

МИХАЛКОВО (Паниных), рядом с конечной остановкой трамвая **№ 12.**

Псевдоготический ансамбль построек Михалкова принадлежит творчеству архитектора В. И. Баженова.

(См. План III).

Згура. В. В. Новые памятники псевдоготики // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1. — М., 1927. — С. 1—4.

Руководитель С. А. Торопов.

Сбор у последней остановки трамвая № 12, в II ч. Плата 50 коп.

19 мая

МОЛОДИ (Салтыковых), Серпуховск. у., в $1^1/_2$ км. от ст. Столбовая Курской ж. д.

Усадьба вт. полов. XVIII в. Хорошо сохранился каменный двухэтажный дом, расчлененный пилястрами, и церковь, дающая довольно редкий образчик двухколокольного храма. Другой каменный дом, а также служебные постройки относятся к нач. XIX ст. Сохранился парк, частично обнесенный оградой XVIII в. со столбами, украшенными вазами.

Руководитель Ю. Б. Шмаров. Сбор на Курском вокзале (трамваи 1, 31, Б, автобусы № 2, 9) в 8 час. Плата 2 р. 60 к.

27 мая

ЛОСИНЫЙ ЗАВОД И ГЛИНКИ, Богородск. у., в 3 км. от ст. Монино Северной ж. д.

Лосиный Завод — поселок, образовавшийся вокруг Лосиной фабрики, учрежденной Петром I. Сохранились церковь XVIII в. с высокой колокольней (в слободке), одноэтажные корпуса амбаров, службы и деревянные ампирные дома (на территории завода).

Глинки (Брюса), в 1 км. от Лосиного Завода. Постройки в усадьбе принадлежат, возможно, Г1. Еропкину. В доме частично сохранилась барочная отделка центрального зала.

[Греч. А. Н.] . Глинки // Среди коллекционеров. 1924. Июль-август. С. 51.

Руководитель А. Н. Греч.

Сбор на Северном (Ярославском) вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобусы № 1, 6) в 8 1/2 час. Плата 2 р. 20 к.

2-4 июня

ИВАНОВСКОЕ И ЯРОПОЛЬЦЫ, Волоколамского у. в 7 км. от ст. Волоколамск Бел.-Балт. ж. д.

Ивановское (Чернышевых). Постройки в усадьбе относятся к 30—40-м гг. XIX в. Сохранился дом с псевдоготическими службами. Двухколокольная церковь, построенная в 1772 г., сильно переделана, однако сохранила любопытные детали внутреннего убранства, в частности, резной иконостас классического стиля.

Ярополъцы (Чернышевых), в 20 км. от Ивановского. (См. План II).
Ярополъцы (Гончаровых) непосредственно прилегает к Чернышевской усадьбе. (См. План II).

Руководители С. А. Торопов и А. А. Устинов.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, 19, автобусы № 3, 8) в 8 1/2 час. Возвращение в понедельник вечером. Плата 4 р. 90 к.

10 июня

САНИНО, Подольского у., в 7 км. от ст. Барыбино Рязанско-Уральской (Павелецкой) ж. д.

В усадьбе сохранился дом классической архитектуры конца XVIII в. Двое выездных ворот украшены декоративной скульптурой. Старый регулярный липовый парк, прекрасно сохранивший свою планировку.

Руководитель. В. А. Мамуровский.

Сбор на Саратовском вокзале (трамваи 19, 25, Б, В, автобус № 3) в 8 1/2 час. Плата 2 р. 80 к.

16—17 июня

НЕРАССТАННОЕ И ОТРАДА. Серпуховского уезда, в 17 км. от ст. Шарапова-Охота Курской ж. д.

Нерастанное (Орловых). Усадьба образует крайне любопытный ансамбль псевдоготических построек. Главный дом не сохранился. Уцелело двухэтажное здание богадельни, псовый двор, построенный в виде миниатюрной средневековой крепости, обширный конный двор и церковь, воспроизводящая формы английской готики. Все здания раскинуты среди обширного векового парка, спускающегося к живописным берегам реки Лопасни.

Отрада (Орловых), в 7 км. от Нерасстанного. (См. План I, С. ???).

[Греч А. Н.]. Нерастанное // Среди коллекционеров. 1924. Сентябрь-декабрь. С. 44.
[Греч А. Н.] . Музей в Отраде //Там же. 1923. Январь-февраль. — С. 59—61. Подп.: 4. Г—ч.
Згура В. В. Неизвестное произведение Жилярди //Труды отделения искусствознания Института
археологии и искусствознания РАНИОН. Т. I. М., 1926. С. 87—90.

Соколов Ф. Я. Нерастанное, бывшее имение господ Беклемишевых, ныне Алексеевых. М., 1914.

Сбор на Курском вокзале (трамваи 1, 31, Б, автобусы № 2, 9) в 8 час. Возвращение в воскресенье вечером. Плата 3 р. 90 к.

24 июня

ПОЯРКОВО И ИЕВЛЕВО-ЗНАМЕНСКОЕ. Московского у., в 7 км. от ст. Сходня Октябрьской ж. д.

Поярково (Матвеевых). Большой интерес представляет церковь 1665 г. с богатой орнаментацией на северной стороне, с небольшой звонницей над входом.

Иевлсво-Знаменское (Мартыновых), в 3 км. от Пояркова. Скромный деревянный дом перв. полов. XIX в., где жил Мартынов, убивший на дуэли М. Ю. Лермонтова. Дом сохранил остатки внутреннего убранства. Сохранились службы и парк. Церковь нач. XIX в. в стиле ампир.

Руководитель А. А. Устинов.

Сбор на Октябрьском вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобусы № 1, 6) в 8 1/2 час. Плата 1 р. 80 к.

1 июля

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ТЕАТР (в усадьбе Архангельское), Звенигородского уезда, в 5 км. от ст. Павшино Бел.-Балт. ж. д.

(См. План II и План III).

Руководитель С. А. Торопов.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале, (трамваи 9, 17, 19, автобусы № 3, 8) в 9 час. Плата 1 р. 50 к.

7—8 июля

НИКОЛЬСКОЕ-ГАГАРИНО (Гагариных), Рузского у., в 15 км. от ст. Румянцеве Бел.-Балт. ж. д.

(См. План 11).

Руководитель В. М. Колобов.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, 19, автобусы № 3, 8) в 8 1/2 час. Возвращение в воскресенье вечером. Плата 3 р. 50 к

14-15 июля

ГРЕБНЕВО (Бибиковых), Богородского у., в 7 км. от ст. Щелково Северной ж. д.

Обширный усадебный ансамбль XVIII в. (См. План II, С.....)

Руководитель А. А. Устинов.

Сбор на Северном (Ярославском) вокзале (трамваи 4, 8, 21, 34, В, автобусы № 1, 6) в 8 1/2 час. Возвращение в воскресенье вечером. Плата 2 р. 20 к.

22 июля

СТАРКИ И ЧЕРКИЗОВО, Коломенского у., в 2 км. от ст. Пески Казанской ж. д. .

Старки (Черкасских). В усадьбе, расположенной на правом берегу реки Москвы, сохранился дом эпохи классицизма, носящий черты казаковского стиля. Исключительный интерес представляет церковь псевдоготической архитектуры, являющаяся прототипом церкви в Быкове и принадлежащая творчеству В. И. Баженова. Колокольня построена также и псевдоготическом стиле. Частично уцелел парк.

Черкизово (Черкасских), в 1/2 км. от усадьбы Старки. (См. План II).

Руководитель М. А. Ильин.

Сбор на Казанском вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобусы № 1, 6) в 9 час. Плата 2 р. 90 к.

29 июля

ВВЕДЕНСКОЕ И ЕРШОВО, Звенигородского у., около ст. Звенигород Бел.-Батт. ж. д.

Введенское (Лопухиных). В постройках усадьбы возможно авторство Н. А. Львова. Интересен корпус служб, украшенный ионическим портиком. Обширный английский парк. (См. План I).

Ершово (Олсуфьевых), в 5 км. от Введенского. Ампирная церковь является одним из лучших произведений московского архитектора А. Г. Григорьева. (См. План I, стр. 13).

[Згура В. В.]. Ершово // Среди коллекционеров. 1924. Сентябрь-декабрь. С. 45.

Руководитель Е. И. Смирнова.

Сбор на Белорусском вокзале (трамваи 1, 6, 8, 13, автобусы № 1, 6, 8, 15) в 10 час. Плата 2 р. 90 к.

4—6 августа

БЕХОВО (Поленовых), Тульской губ. Алексинского у., в 20 км. от ст. Тарусская Курской ж. д. Дом-музей «Борок» им. художника В. Д. Поленова. (См. План III)

По Тульскому краю. Тула, 1925. С. 486.

Руководители В. М. Лобанов и Д. В. Поленов.

Сбор на Курском вокзале (трамваи 1, 31, Б, автобусы № 2, 8) в 8 час. Возвращение в понедельник вечером. Плата имеет быть установленной.

12 августа

КУЧИНО И НИКОЛЬСКОЕ-АРХАНГЕЛЬСКОЕ, Московского у., около ст. Кучино Нижегородск. ж. д.

Кучино (Рюминых). От старой усадьбы сохранилась исключительно интересная лестница в парке, сложенная из белого камня и являющаяся единственным в своем роде памятником стиля барокко. Заслуживает внимания также флигель, снаружи отделанный березовой корой.

Никольское-Архангельское, в 2 км. от Кучино. Каменная церковь 1773 г., воссоздающая формы центрических построек «Нарышкинского стиля», сохранила внутри ленную и резную отделку в стиле рококо.

Руководитель Н. Н. Бритова.

Сбор на Курском вокзале (трамваи 1, 31, Б, автобусы № 2, 9) в 9 час. Плата 1 р. 20 к.

19 августа

НОВЛЯНСКОЕ (Лажечниковых), Коломенского у., в 1 $^1/_2$ км. от ст. Воскресенск Казанской ж. д.

Дом серед. XVIII в., двухэтажный, с мезонином, разработанный но фасаду сдвоенными колоннами, украшающими центральный выступ. Дом может быть отнесен к школе Растрелли. Внутри дома зал с уцелевшей старой обработкой. Регулярный парк сохранил все детали своей планировки, а также систему ступенчатых прудов.

Руководитель М. А. Ильин.

Сбор на Казанском вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобусы №1, 6) в 9 час. Плата 2 р. 70 к.

25-26 августа

ПОЛЕВШИНА, НИКОЛЬСКОЕ-ДАРАГАН И ИВАНОВСКОЕ-КОЗЛОВСКОЕ, Воскресенского у., в 7 км. от ст. Новый Иерусалим Бел.-Балт. ж. д.

Полевшина (Балк-Полевых). От старой усадьбы уцелела каменная двухэтажная церковь 1704 г. с восьмигранной главкой, украшенной парными полуколоннами. Колокольня, современная церкви, перекрыта шатром. В нижнем притворе сохранилась усыпальница с интересными надгробными камнями.

Никольское (Дараган), в 2 км от Полевшины. Дом нач. XIX в. дает типичный пример русского деревянного классицизма как со стороны внешней архитектуры, так и со стороны плана и расположения комнат. К усадьбе ведет широкая подъездная аллея. Запущенный английский парк.

Ивановское-Козловское (Гагариных), Клинского у., в 20 км. от Никольского.

Дом в усадьбе относится к первым годам XVIII в., но с течением времени потерял свой первоначальный облик. Каменный, двухэтажный, он состоит из двух частей, соединенных переходом и выдает характерные черты барочной архитектуры. Внутри сохранились остатки прежней меблировки. Усадьбу с ее хозяйственными постройками и оранжереей окружает громадный запущенный английский парк.

Леонид [КавелинЛ. А.] Село Палево или Полевщина, и его владельцы Палевы и Балк-Полевы // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. IV. М., 1872. С. 1 —14.

Модзалевский Б. Ивановское-озлловское // Столица и усадьба. Пг., 1917. № 79. С. 5—10.

Руководители В. М. Колобов и Г. А. Новицкий.

Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, 19, автобусы № 3, 8) в $8^1/_2$ час. Возвращение в воскресенье вечером. Плата имеет быть установленной в зависимости от получения транспортных средств.

2 сентября

ДМИТРОВ — уездный город Моск. губ.

Центр прежнего удельного княжества. Сохранился земляной кремль с собором 1509—1523 гг., в подклети которого имеются остатки собора XIV-XV вв. На стенах собора находятся знаменитые рельефы перв. полов. XVI в. местной школы. Архитектурные памятники города раскрывают эволюцию русского зодчества на протяжении четырех столетий (кон. XV- нач. XIX вв.) по памятникам церковного и гражданского строительства. Музей краеведения знакомит с историко-художественными памятниками Дмитровского уезда. Некрасов. А. И. Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. М., 1928. С. 118—132.

Руководитель Н. М. Иезуитов.

Сбор па Савеловском вокзале (трамваи 12, 18, 27, автобус № 5) в 8 час. Плата 2 р. 80 к.

9 сентября

ВАСИЛЬЕВСКОЕ (Яковлевых), Рузского у., в 2 км. от пл. Подушкино Бел.-Балт. ж. д.

В усадьбе, живописно расположенной па берегу реки Москвы, сохранились дом с колоннами нач. XIX в. и церковь. В имении жил А. И. Герцен, оставивший описание Васильевского и окружающих его мест на поэтических страницах «Былое и Думы». Сохранился старинный заглохший английский парк.

Руководитель Г. А. Новицкий.

Сбор на Белорусском вокзале (трамваи 1, 6, 8, 13, автобусы № 1, 6, 8, 15) в 8 час. Плата 2 р. 80 к.

16 сентября

РОЖДЕСТВЕНО (Кутайсова), Воскресенского у., в 4 км. от ст. Снегири Бел.-Балт. ж. д.

(См. План I). Экскурсия памяти основателя О.И.Р.У. В. В. Згура, в годовщину смерти.

Згура В. В. Усадьба Рождествено // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 6—8. М., 1927. С. 81—94.

Руководитель А. Н. Греч. Сбор на Балтийском (Виндавском) вокзале (трамваи 9, 17, 19, автобус № 3) в 10 час. Плата 1 р. 90 к.

23 сентября

СЕРГИЕВ ПОСАД, в 1 км от ст. Сергиево Северной ж. д.

Знаменитый монастырь, основанный в XIV в. В центре ограды Троицкий собор 1432 г., сохранивший внутри известную икону «Троицы» А. Рублева. Пятиглавый Успенский собор, выстроенный в 1585 г., дает характерный образчик московского строительства. Крепостные стены серед. XVI в. с позднейшими декоративными надстройками. Трапезная 1686 г. — редкий образчик пышного «нарышкинского барокко». Колокольня Лавры серед. XVIII в. построена по проекту Растрелли арх. Д. Ухтомским. В трапезной и монастырских корпусах развернут музей древнерусского декоративного искусства.

Свирин А. И. Сергиевский историко-художественный музей // Подмосковные музеи: Путеводитель / Под ред. И. Лазаревского и В. Згуры. Вып. 5. М.; Л., 1925.

Руководители Г. В. Жидков и А. Н. Свирин.

Сбор на Северном (Ярославском) вокзале (трамваи 4, 6, 8, 21, 34, В, автобусы № 1, 6) в 8 час. Плата 2 р. 90 к.

30 сентября

ВОЛЫНСКОЕ Московского у., в 3 км. от ст. Кунцево Бел,- Балт. ж. д.

От усадьбы сохранился большой липовый парк и церковь 1703 г., редко встречающегося типа. Последняя заслуживает большого внимания как памятник, входящий в круг работ арх. Тессина.

Руководитель А. В. Григорьев.

Сбор на Смоленском рынке, у остановки автобуса № 13, в 10 час. Плата 90 кон.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сборный пункт на вокзалах железных дорог назначается у главного подъезда вокзала, кроме Савеловской ж. д., где сборный пункт — на перроне у заднего фасада, и Белорусско-Балтийской (б. Александровской) ж. д., где — у подъезда к третьему классу.

Сбор назначается за час, а в некоторых случаях и более, до отхода поезда, с тем, чтобы за это время запастись проездными билетами. В тех же случаях, когда экскурсанту приходить заблаговременно неудобно, он может предварительно записаться на экскурсиях у руководителей.

Рекомендуется в целях наиболее планомерного проведения экскурсий и во избежание потери ее, следовать указаниям руководителя, не упуская его из виду, а при остановках сверяться о продолжительности их.

На все экскурсии рекомендуется брать закуску, кружку для чая, а в экскурсии с ночевкой, кроме того, одеяло.

В стоимость экскурсии включается проезд в оба конца, устройство ночевки, плата за вход в музей и организационные расходы. Если экскурсант отделяется от экскурсии, деньги оставшиеся от поездки ему не возвращаются, равно как и записавшемуся предварительно, но не принявшему участия в экскурсии.

Общество оставляет за собой право перемены руководителей.

По всем делам, связанным с экскурсиями, обращаться по телеф. 1—34—60 от 5 до 7 ч. веч.

Сокращения

План I — Экскурсии в Подмосковные. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1924.
План II — Экскурсии в Подмосковные. Изд. О.И.Р.У., 1925.
План III — Экскурсии в Подмосковные. Изд. О.И.Р.У., 1926.

СПИСОК МЕСТ, ОСМОТРЕННЫХ НА ЛЕТНИХ ЭКСКУРСИЯХ 1927 ГОДА

8/V Михалкове) Моек. у.
15/V Суханове Подольск, у.
22/V Дедешино Звениг. У
29/V Новогиреево — Кузьминки — Люблино Моек. у.
2/VI Глинки Богородск. у.
5/VI Останкино — Свиблово — Медведки Моск. у.
11—13/VI Углич — Григорьевское — Знаменское.
20/VI Любвино Рузского у.
27/VI Остров Подольск, у.
3— 4/VII Коломна.
10— 11/VII Звенигород.
17— 18/VII Белкино Малояросл. у., Калужск. губ.
25/VII Дубровицы Подольск, у.
1 /VIII Ляхово — Каверино Богородск. у.
8/VIII Марфино — Никольское — Прозоровское Моек. у.
14—16/VIII Ярославль.
22/VIII Архангельское Моек. у.
29/VIII Никольское-Урюпино Воскресенск. у.
5/IX ТабаловоПодольск. у.
12/IX Сергиев Посад.
17/IX Яковлевское-Пехра Моек. у.
25/IX Сафарино Сергиевск. у.
2/X Коломенское Моек. у.
9/X Троицкое-Кайнарджи Моек. у.
16/X Царицыно Моек. у.

V. ПЛАН ЛЕТНИХ ЭКСКУРСИЙ НА 1929 ГОД, ОРГАНИЗУЕМЫХ ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ*

Май

12-го. ОСТАФЬЕВО, Подольск, у. в 4 км. от ст. Щербинка, Курской ж. д.
Рук. А. Н. Греч. Сбор на Курском вокзале в 9 ч. утра.
Плата 1 р. 40 к.

19-го. СЕРЕДНИКОВО, Москов. у. в 4 км. от ст. Фирсановка, Октябрьской ж. д.
Рук. М. Ю. Меленевская. Сбор на Октябрьском вокзале в 9 ч. 45 м. утра. Плата 1 р. 50 к.

26-го. РАЙ-СЕМЕНОВСКОЕ, Серпуховск. у. в 6 км. от ст. Шараново-Охота, Курской ж. д.
Рук. А. В. Григорьев и П. С. Касаткин. Сбор на Курском вокзале в 8 ч. утра. Плата 2 р. 85 к.

Июнь

2-го. ПЕТРОВСКОЕ-АЛАБИНО и ВЯЗЕМЫ, Звенигор. у. у ст. Алабино Киево-Ворон. ж. д. и 10 км. до ус. Вязем.
Рук. М. А. Ильин. Сбор на Брянском вокзале в 9 ч. утра.
Плата 1 р. 80 к.

9-го. ВЕШКИ и ЛИПКИ. Москов. у. в 4 км. от ст. Лианозово, Савел. ж. д. и 3 км до ус. Липки.
Рук. Н. Н. Бритова и Ю. Б. Шмаров. Сбор в 9 ч. 45 м. утра на Савеловском вокзале. Плата 1 р.

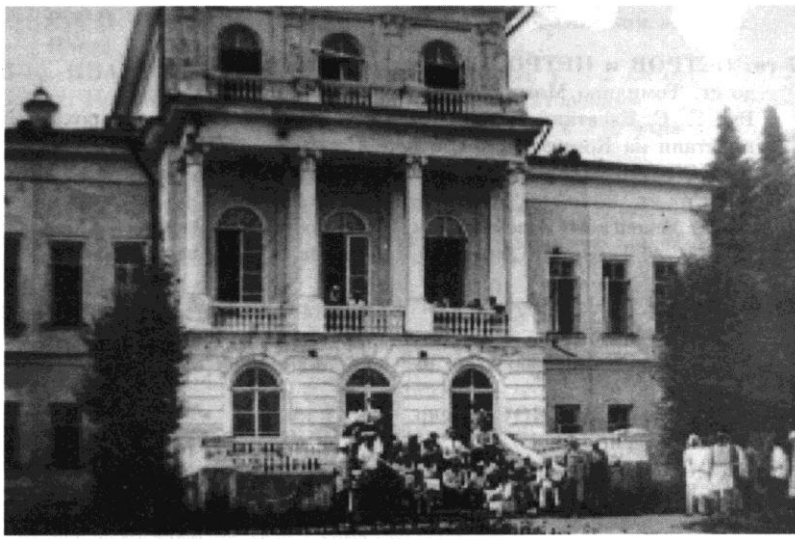
16-го. ДОБРОЕ, НАГОРНОЕ и ЦАРЕВО, Сергиев, у. в 5 км от ст. Братовщина. Сев. ж. д. 2 км до ус. Нагорное и 5 км. до Царево.

23 и 24-го. ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ, Владимир, г. в 8 км от ст. Берендеево, Север, ж. д. (сообщение на автобусе).
Рук Г. В. Жидков. Сбор 22 июня в 10 ч. вечера на Ярославском вокзале. Плата 9 р.

23-го. ЦАРИЦЫНО. Москов. у. у ст. Царицыно Курской ж. д.
Рук. В. В. Чердынцев. Сбор в 10 ч . утра на Курском вокзале.
Плата 1 р.

30-го. ЯКОВЛЕВСКОЕ-ПЕХРА, Москов. у. в 4 км от ст. Кучино Нижегор. ж. д.
Рук. Е. И. Смирнова. Сбор в 10 ч. утра на Курском вокзале.
Плата I р.

* М., 1929.



Экскурсия ОИРУ в усадьбе Северское Найденовых. 7 июля 1929 г.
Из собрания М. Ю. Меленевской.

Ю. Б. Шмарой. А. В. Григорьев, К. Н. Львова и др. на ступенях мавзолея
в усадьбе Семеновское-Отрада. Фото А. А. Устинова. 1931 г.
Из коллекции В. М. Рудченко.

Июль

7-го. ОСТРОВ **и** ПЕТРОВСКОЕ, у пар. пристани и 10 км
до ст. Томилино Моск.-Казан, ж. д.
Рук П. С. Касаткин. Сбор 6 июля в 4 ч. 30 м. вечера у пароходной пристани на Комиссариатской наб. Плата 2 р. 50 к.

14-го. ИСЛАВСКОЕ и УСПЕНСКОЕ-ВЯЗЕМСКОЕ, Звени гор. у.
4 км от ст. Хлюпино Звенигор. ветки М.-Б.-Б. ж. д. и 4 км
до ус. Успенского-Вяземского и 10 км до ст. Перхушково.
Рук. А. А. Устинов. Сбор в 10 ч. утра на Белорусск. вокзале.
Плата 2 р. 20 к.

21-го. ВАЛУЕВО, Подольск, у. в 9 км. от ст. Переделки,
Киево-Воронеж. ж. д.
Рук. И. И. Погребова. Сбор в 9 ч. утра на Брянском вокзале.
Плата 1 р.

28-го. АРХАНГЕЛЬСКОЕ, Воскр. у., в 4 км
от ст. Павшино М.-Б.-Б. ж. д.
Рук. С. А. Торопов. Сбор в 10 ч. утра на Балтийском (Виндавском) вокзале. Плата 1 р. 50 к.

Август

4-го. УСОВО, УБОРЫ и ПЕТРОВСКОЕ, у ст. Усово М.-Б.-Б. ж. д.
3 км до ус. Петровское и 5 км до ус. Уборы.
Руков. В. 3. Метельский. Сбор в 8 ч. 40 м. утра на Белорусском вокзале. Плата 1 р. 80 к.

11-го. МАРФИНО **и** НИКОЛЬСКОЕ-ПРОЗОРОВО, в 4 км
от ст. Катуар. Савел. ж. д. 4 км до ус. Никольское-Прозорово.
Рук. А. А. Устинов. Сбор в 9 ч. утра на Савеловском вокзале.
Плата 1 р. 50 к.

14-го. МУРАНОВО, Сергиев, у. в 4 км от ст. Ашукинской Сев. ж. д.
Рук. Н. И. Тютчев. Сбор в 10 ч. утра на Ярославском вокзале.
Плата 2 р.

18-го. ХУДОЖНИКИ АБРАМЦЕВА, Сергиев у.
в 4 км от ст. Хотьково Сев. ж. д.
Рук. В. М. Лобанов. Сбор в 10 ч. утра на Ярославском вокзале.
Плата 2 р.

25-го. КУЗМИНКИ, Моек. у. в 4 км от ст. Вишняки М.-Казан, ж. д.
Рук. С. А. Торопов. Сбор в 10 ч. Утра на Казанском вокзале.
Плата 1 р.

Сентябрь

1-го. НИКОЛЬСКОЕ-УРЮПИНО, Воскр. у. в 4 км от
ст. Опалиха М.-Б.-Б. ж. д.

Рук П. С. Касаткин. Сбор в 10 ч. утра на Балтийском вокзале.
Плата 1 р. 60 к.

7-го. ИВАНОВСКОЕ и ДУБРОВИЦЫ, Подол, у. в 2 км от ст. Подольск Курской ж. д. и 2 км. до ус. Дубровицы.
Рук. Ю. А. Бахрушин и Н. Н. Бритова. Сбор в 9 ч. утра на Курском вокзале. Плата 1 р. 60 к.

15-го. РОЖДЕСТВЕНО. Воскр. у. в 4 км от ст. Снегири М.-Б.-Б. ж. д.
Рук. Г. В. Жидков. Сбор в 9 ч. 30 м. утра на Балтийском вокзале.

22-го. КУСКОВО, у ст. Кусково Нижегор. ж. д.
Рук. Е. И. Смирнова и Стина. Сбор в 10 ч. утра на Курском вокзале. Плата 1 р.

28-го. КОЛОМЕНСКОЕ, Моск. у.
Рук. А. В. Григорьев и М. А. Ильин. Сбор в 10 ч. утра у остановки в д. Н. Котлы трамваев №№ 18 и 33. Плата 50 к.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сборный пункт на вокзале назначается у главного подъезда и за час до отхода поезда. В стоимость экскурсии включается проезд в оба конца, устройство ночевки, плата за вход в музей и организационные расходы. Если экскурсант отделяется от экскурсии, то деньги ему не возвращаются. Обще(тво оставляет за собой право перемены руководителей.

Кроме указанных экскурсий Обществом организуются в течение лета вечерние экскурсии по г. Москве и ближайшим окрестностям.

По всем делам связанным с экскурсиями обращаться по тел. 4—20—50 и 1—34—60. Письменно: Москва 34, Хрущевский пер., 2.

V. ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ. ЗИМНИЕ ЭКСКУРСИИ 1926—1927 гг.*

Ноябрь

14-го — «Древнерусская живопись». Музей Иконописи и Живописи (б. собр. Остроухова).
Рук. Г. В. Жидков. Сбор в 10 $^1/_2$ час. у главного входа.

21-го — «Древняя живопись и архитектурные памятники Рогожского кладбища». Рогожское кладбище.
Рук. Г. В. Жидков. Сбор в 10 $^1/_2$ час. у входных ворот.

28-го — «Помещичий и крестьянский быт XVIII—XIX вв.». Исторический музей (Красная площадь).
Рук. Г. А. Новицкий. Сбор в 10 '/ час. утра у главного входа.

Декабрь

4-го — «Антики в русских собраниях». Музей Изящных Искусств.
Рук Л. И. Харко. Сбор в 10$^1/_2$ час. у главного входа.

11-го — «Л. Н. Толстой в Ясной Поляне». Толстовский Музей (Кропоткинская, 11).
Рук. Ю. А. Бахрушин. Сбор в 10 $^1/_2$ час. у главного входа.

18-го — «Иностранная мебель в России». Музей мебели (Нескучный сад).
Рук. Г. А. Новицкий. Сбор в 10 $^1/_2$ час У главного входа.

26-го — «Голландская живопись в России». Музей Изящных Искусств.
Рук. Ш. М. Розенталь. Сбор в 10 $^1/_2$час. у главного входа.

1927 г.

Январь

1-го — «Ткани XVII—XVIII вв.». Исторический музей (Красная пл.).
Рук. проф. В. К. Клейн. Сбор в 10$^1/_2$час. у главного входа.

7-го — «Русская икона». Исторический музей.
Рук. Г. В. Жидков. Сбор в 10$^1/_2$ час. у главного входа.

14-го — «Русская скульптура». Третьяковская галерея (Лаврушинский, 12).
Рук. А. Н. Греч. Сбор в 10$^1/_2$ час. у главного входа.

23-го — «Крестьянское искусство». Кустарный музей (Леонтьевский, 7).
Рук. Г. В. Жидков. Сбор в 10$^1/_2$ час. у главного входа.

28-го — «Старинная художественная игрушка». Музей игрушки (Кропоткинская, 12).
Рук Н. Д. Бартрам. Сбор в 10$^1/_2$час. у главного входа.

* М., 1926.

Февраль

1-го — «Крепостной театр«. Театральный музей (Лужниковская, 29)
Рук. М. Д. Прыгунов. Сбор в $10^1/_2$ час. у главного входа.
11-го — «Баженовская модель Кремлевского дворца». Политехнический музей (Китайский пр., 3/4).
Рук. В. В. Згура. Сбор в $10^1/_2$ час. у главного входа.
18-го — «Александр Иванов». Публичная библиотека имени Ленина (Ваганьковский, 4).
Рук. В. М. Лобанов. Сбор в $10^1/_2$ час. у главного входа.
26-го — «Иностранный фарфор в России». Музей фарфора (Введенский пер., 21).
Рук. Д. Д. Иванов. Сбор в 10 $^1/_2$ час. у главного входа.

Март

6-го — «Боярские дома конца XVII в.». (Голицыных и Троекуровых). Охотнорядская пл., 3.
Рук. Н. М. Иезуитов. Сбор в 10 $^1/_2$час. во дворе.
13-го — «Знаменский монастырь и дом боярина XVII в.» (Варварка, 18).
Рук. проф. В. К. Клейн. Сбор в 12 час. у главного входа.
20-го — «Дом дьяка Аверкия Кириллова и церк. Николая». (Берсеневская наб., 18).
Рук. Н. М. Иезуитов. Сбор в 10 $^1/_2$час. во дворе.
27-го — «Вокруг стен Кремля».
Рук. Д. М. Банин. Сбор в $10^1/_2$ час. у церкви Василия Блаженного.

Апрель

1-го — «Новоспасский монастырь и Крутицкий теремок». (Крестьянская пл.).
Рук. Н. М. Иезуитов. Сбор в 10 $^1/_2$ час у главного входа.
17-го — «Ансамбль и памятники Московского ампира».
Рук. проф. С. А. Торопов. Сбор в 10 $^1/_2$ час. во дворе дома № 11 по Моховой.
23-го — «Грибоедовская Москва».
Рук. Л. П. Гроссман. Сбор в 10 $^1/_2$ час. у дома № 3 по Б. Путинковскому пер.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Плата, включающая плату за вход в музеи и организационные расходы, в размере 50 коп. вносится перед начатом каждой экскурсии уполномоченному Общества.

Предварительная запись заканчивается за 5 минут перед начатом каждой экскурсии. Общество оставляет за собой право перемены руководителей.

По всем делам, связанным с экскурсиями, обращаться по телеф. 1—34—60, от 5 до 7 час. веч.

VII. ПЛАН ЗИМНИХ ЭКСКУРСИЙ НА 1927—1928 гг., ОРГАНИЗУЕМЫХ ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ*

По примеру прошлых лет ОИРУ организует зимние экскурсии в определенной методологической системе.

Быт и культура нашей страны 16 — 19 веков будут рассматриваться в плане социальных группировок.

Ряд экскурсий осветит роль различных классов в деле создания художественно-культурных ценностей прошлого.

Москва остается в центре внимания.

Выбор памятников определяется как их типичностью, так и трудностью, а иногда и невозможностью осмотра некоторых из них вне экскурсионной организации.

Значительное место отводит ОИРУ в этом плане также изучению различных сторон Московского собирательства.

1927 г.

Октябрь

23-го. Москва второй половины 18-го века в постройках Баженова.
(Дома б. Пашковых и Прозоровских).
Рук. проф. С. А. Торопов. Сбор у входа в Ленинскую библиотеку (Ваганьковский пер.).

30-го. Живописные памятники 14—17 вв. на Рогожском кладбище.
Рук. М. В. Алпатов. Сбор у входа на Рогожское кладбище.
Трам. № 27.

Ноябрь

13-го. Раскрытие древнерусских архитектурных памятников.
Рук. П. С. Касаткин. Сбор у входа в Гос. Реставрационные мастерские. (Берсеневская набер.).

20-го. Монастырское крепостное хозяйство 16—17 вв.
Рук. М. А. Ильин. Сбор у входа в Донской монастырь. Трам. № 11.

27-го. Парсунное письмо.
Рук. А. Н. Греч. Сбор у входа в Гос. Исторический Музей.

Декабрь

1- го. Допетровский помещик.
Рук Г. А. Новицкий. Сбор у входа в Гос. Исторический Музей.

* М., 1927

11-го. Живописный ансамбль 14—17 вв.
Рук. Г. В. Жидков. Сбор у входа в Успенскую церковь на Апухтинке (Новоселенский пер., 8). Трам. № 21 и В.
18-го. Рабоче-крестьянский быт на Урале.
Рук. В. С. Воронов. Сбор у входа в Гос. Исторический музей.
23- го. Искусство Ближнего и Дальнего Востока.
Рук. проф. Б. И. Денике. Сбор у входа в Музей восточных культур.

1928 г.

Январь

15-го. Быт Московских литераторов сороковых годов.
Рук. Б. В. Шапошников. Сбор у входа в Музей 40-х гг. (Собачья площадка).
21- го. Рисунки русских художников 18—19 вв.
Рук. проф. А. В. Бакушинский. Сбор у входа в Гос. Третьяковкую галерею.
29-го. Рисунки русских дилетантов 18—19 вв.
Рук. А. Н. Греч. Сбор у входа в Музей изящных искусств.

Февраль

2- го. Ленинская библиотека.
Рук. проф. Д. Н. Егоров. Сбор у входа в Ленинскую библиотеку (Ваганьковский пер.).
12-го. Искусство русской гравюры.
Рук. проф. А. А. Сидоров. Сбор у входа в Музей изящных искусств.
19- го. Тип московского особняка конца прошлого века.
Рук. Г. В. Жидков и А. 3. Могарычев. Сбор у входа в Музей Фарфора (Подсосенский пер., 21). Трам. № 3, 4, 33.
24- го. Русская деревянная скульптура 17 в.
Рук. проф. В. К. Клейн. Сбор у входа в б. Сретенский монастырь. Сретенка. Трам. № 17, 19, А.

Март

4-го. Москва Островского.
Рук. Ю. А. Бахрушин и В. М. Лобанов.
Сбор на Таганской площади, Станция Г. Ж. Д.
11-го. Монастырь-крепость 15 в.
Рук. В. И. Троицкий и проф. С. А. Торопов. Сбор у входа в Симонов монастырь. Трам. № 16.

18-го. Архитектура Московского барокко.
Рук. А. В. Григорьев. Сбор у Ильинских ворот.
25-го. Архитектурный ансамбль 16—18 вв.
Рук. Н. И. Брунов и проф. С. А. Торопов. Сбор у входа в б. Новоспасский монастырь. (Крестьянская площадь) трам. № В.

Апрель

1-го. Московские изографы конца XVII в.
Рук. Г. В. Жидков. Сбор у входа в музей б. Грузинской церкви. (Китай-город. Никитников пер.).
8-го. Городская архитектурная усадьба.
Рук. проф. С. А. Торопов. Сбор у ворот д. № 53. по Земляному валу (Садовая). Трам. № В.
22-го. Строительство архитектора Тона в Москве.
Рук В. М. Лобанов. Сбор у Каменного моста. Трам. № 3, 10, 18 и А.
29-го. Подмосковная 16-го в.
Рук Н. И. Брунов. Сбор у конечной остановки трамв. № 18. (дер. Котлы).

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1) Начало всех экскурсий в 10 $^1/_2$ ч. утра.
2) Плата в размере 50 к. вносится перед началом экскурсии представителю О-ва.
3) Общество оставляет за собой право перемены руководителя.
4) По всем вопросам, связанным с экскурсиями, обращаться по тел. 1—34—60 (от 4 до 6 ч. дня), а в день экскурсии по тел. 4—20—50.

ПАМЯТНИКИ УСАДЕБНОГО ИСКУССТВА
I. МОСКОВСКИЙ УЕЗД*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собирание материалов но истории русского искусства до сих пор носило случайный характер, благодаря чему памятники «второстепенного» значения обычно не попадали в поле зрения исследователя.

Возникшая по инициативе В. В. Згуры, Картографическая Комиссия Общества Изучения Русской Усадьбы поставила перед собой первоначально задачу составить карту историко-художественных памятников с нанесением планов усадеб и приложить к ней экспликационный текст. В процессе работы, по целому ряду условий, пришлось внимание сосредоточить только на кратком описании художественных памятников, начиная с Московского уезда. Для этой цели в 1926—1928 гг. были лично обследованы членами Комиссии все без исключения памятники уезда. В настоящей работе описаны только те из них, которые возникли до середины XIX в.

При описании особое внимание уделялось проверке по первоисточникам исторических дат памятников. В тексты включены исторические справки о местностях, как материал для определения бытовых особенностей класса, а также и для краеведных изысканий, как материал, облегчающий выводы, характеризующие различные экономические фазы дореволюционного землевладения. В настоящее в|>емя усадьбы используются под дома отдыха для трудящихся, детские дома, совхозы, опытно-показательные станции, школы и историко-художественные музеи.

Вследствие отсутствия в науке общепризнанной классификации стилей наших художественных памятников, особенно для XVII в., Комиссия приняла схему В. В. Згуры, изложенную в его работе Проблемы и памятники, связанные с В. И. Баженовым (печатается), который сделал попытку внести некоторую стройность в вопрос истории стилей русской архитектуры. Однако Комиссия сочла возможным

* М., 1928

заменить предложенные В. В. Згурой «фазы» барокко, делением на: раннее барокко (т. н. «Московское барокко»), барокко (т. н. «Нарышкинское барокко») и позднее барокко («Европейское барокко»), Границы Московского у. установлены согласно административному делению 1924 г. Список мест, подлежащих обследованию, был составлен на основании следующих изданий:

1) Административно-экономический справочник по Московской губ. За 1924 г. за 1924 г. М., 1924.
2) Населенные местности Московской губернии на 1912 г. М., 1911.
3) Нистрем К. Указатель селений и жителей уездов Московской губ. М., 1852.
4) Моск. Цер. Ведомости. 1914. № 41.
5) Шрамченко А.П. Справочная Книжка Московской губ. М., 1890.

При определении исторических датировок были использованы также рукописные материалы, собранные М. С. Боголюбским, Н. А. Скворцовым, церк. летописи и др.

В конце каждого описания помещена библиография, причем не отмечены источники, указанные в работе члена О-ва И. М. Картавцова «Усадьбы Московской губернии. Опыт библиографического указателя». М., 1927.

«Исторические материалы о церквах и селах XVI — XVIII вв.» В. и Г. Холмогоровых всюду названы фамилией авторов с указанием «десятин», точно также и «Материалы по Москве и Московской еп. за XVIII век» Н. А. Скворцова именуются по фамилии автора с указанием выпусков.

В Комиссии работали: Устинов А. А. — ученый секретарь Комиссии, А. С. Андреев, Н. Н. Бритова, Н. П. Виноградов, О. В. Волкова, А. В. Григорьев, П. С. Касаткин, О. Н. Климовская, К. Н. Львова, М. Ю. Меленевская, Н. Н. Погребова, Е. И. Смирнова, И. Г. Филатов и Ю. Б. Шмаров.

Кроме перечисленных лиц в начале работ в Комиссии принимали участие: В. А. Адольф, М. И. Александровский и II. Н. Миллер, также предоставлявший Комиссии возможность пользоваться материалами «Старой Москвы».

Проф. Ю. В. Готье, Г. В. Жидков, Г. А. Новицкий и М. И. Фабрикант, любезно давали консультацию при разрешении общих вопросов, связанных с работой Комиссии.

Планы памятников по обмерам Картографической Комиссии выполнены Ан. А. Устиновым.

В настоящее время Комиссия готовит к печати памятники усадебного искусства Звенигородского уезда.

АКУЛОВО (Окулово, Покровское), село, 2 км от ст. Одинцово, Белорус, лин. М.-Б.-Б. ж.д.

Владельцы: А. И. Загряжский (1627), А. И. Сабуров (1646), А. С. Хитрово (1670 по 1686), Страстной монастырь (1692 по 1693), Сибирские царевичи (1693 по 1722), Долгорукие (1722 по 1791), Разумовские (с 1791), Н. И. Сурмин (1812), Е. А. Тимашева (1852), А. Н. Говорова (1890), последняя владелица — С. Н. Корзинкина.

Каменная церковь 1807 г. в стиле ампир. На четырехграннике круглый барабан с куполом и шпилем. Каждая стена имеет посредине небольшой выступ с пилястрами и фронтоном. Особенностью памятника являются две круглые колокольни, поставленные по углам западной стены. Внутренняя роспись современна постройке. Имеются иконы XVII и XVIII вв., богатые ткани конца XVIII в. и деревянная скульптура. Причтовый дом, одновременный церкви, имеет рустованные углы, фронтон и пилястры, несущие полуциркульные арки. Внутри дома изразцовая печь XVIII в. В саду остатки старого кладбища.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 177.

АЛЕКСЕЕВСКОЕ** (Копытово), село, на р. Копытовке, 3 км от Крестовской заставы; принадлежало Трубецким (с 1621 г. по 1670 г.), с 1670 г. стало дворцовым.

Интересная каменная церковь 1680 г., в стиле раннего барокко, представляет собой основной пятиглавый, вытянутый вверх четырехгранник, на подклете, с трехапсидным алтарем. Над карнизом два ряда кокошников. Барабаны главок поставлены на кокошники. Здание окружает ходовая галерея на массивных арочных пролетах. Особое внимание обращает полугражданское сооружение — двусветная трапезная с сомкнутым сводом, на '/ охватывающая основной четырехгранник. Углы обработаны пучками полуколонн. Колокольня 1824 г. состоит из звона, поставленного на двух круглых башнях, являющихся одновременно и ходом на хоры. В трапезной хоры от внутреннего помещения отделены поставленной на столбы стеной, прорезанной тремя арками с каждой стороны. Внутреннее убранство середины XIX в. В южном притворе хорошо сохранилась круглая изразцовая печь XVII в. На втором этаже северной стены видны следы входа на хоры, соединявшиеся особым переходом с царским дворцом, стоявшим близ храма.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. Г. 5.
Скворцов Н. Уничтоженные в Московском уезде церкви. М., 1905. С. 8.
Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографической Комиссией. Т. 21: Дела Тайного Приказа. Кн. 1. СПб., 1907. С. 65. Разд. паг.; Т. 23: Тоже. Кн. 3. СПб., 1904. С. 54. Разд. паг.

АЛМАЗОВО (Ошитково, Сергиевское), усадьба, 8 км от ст. Щелково, Сев. ж. д., 6 км от ст. Балашиха, Нижегор. ж. д.

Владельцы: Елизаровы, потом Алмазовы (с 1619 по 1753), Демидовы (с 1753 по 1819), Чихачевы, Человеколюбивое общество с 1852 г., теперь совхоз.

Остались следы бывшей здесь большой усадьбы конца XVIII в. Сохранившийся небольшой каменный дом в стиле ампир относится к первой половине XIX в. С фасадной стороны выступает двухколонный портик с рустованными антами. У входа расположены чугунные львы и вазы. Перед домом запущенный парк, в котором раскинуты пруды с островами; здесь же находится искусственный холм, так наз. «Гора Сион». Через канал перекинут белокаменный мост в стиле позднего барокко.

Каменная церковь 1814—1819 гг., в стиле ампир с элементами позднего барокко, в форме четырехгранника с рустованными углами и двумя пилястровыми портиками; рустованный барабан несет купол с люкарнами. Внутреннее убранство современно постройке. Трехярусная колокольня со шпилем относится к тому же времени.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 124.

АЛТУФЬЕВО ** (Олтуфьево, Крестное, Воздвиженское), село, на р. Самотышке, 3 км от ст. Лианозово, Савел. ж. д.

Владельцы: Мякишев Н. Д. (1585), Акинфовы (1623 — 1759), Вельяминов И. И. (с 1759 по 1766), Апраксин М. Ф. (1766), Брюс Н. Ф. (с 1766 по 1768), Риндер (с 1768 по 1786), Куракины (с 1786 по 1812), Приклонский Д. II. (с 1842), Жеребцов Н. А. (с 1849 по 1861), Алеева Г. И. (с 1868), Лачинова М. И. (с 1873), Корф Н. В. (с 1884), Лианозов Г. М. (с 1888 до 1917), теперь больница.

В доме 1851 г. обращает внимание галерея из кувшинообразных столбов. Две служебные постройки более старого времени. Сохранился парк с прудом.

Каменная церковь 1763 г., в стиле позднего барокко, представляет основной массив в форме куба с закругленными углами и четырьмя выступами по странам света; на сомкнутом своде поставлен четырехгранник звона со скошенными углами. Стены обработаны рустикой, филенками и впадинами; наличники окон с гнутыми сандриками. На втором ярусе ложные окна. Главка нач. XIX в.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 124.

АМИРЕВО, село, на р. Клязьме, 2 км от ст. Щелково, Сев. ж. д.

Владельцы: Безобразовы (1584—1586), Мезецкий Д. И. (1623—1624), Данилов М. (1646 по 1652), Унковские и Косоговские (с 1652 по 1654), Ерофеев (с 1654 по 1668), митрополиты Сарские и Подонские (с 1668 по 1764).

Кам. церковь 1842—1849 гг. в форме куба с круглым барабаном. Приделы и наружная обработка 1887 г. Внутреннее убранство ампирное.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 49.
Писцовые книги. С. 217.

АНИСКИНО, село, на р. Клязьме, 6 км от ст. Щелково, Сев. ж. д.

Владельцы: Плещеевы (1678—1738), Губин П. М. и Кареева О. В. (1852), Четвериковы (1890 — до революции).

Каменная церковь 1738 г., в стиле позднего барокко, представляет восьмигранник, поставленный на четырехгранник; углы восьмигранника обработаны лопатками. Трапезная 1808 г. с рустованными углами. Колокольня того же времени, трехъярусная с четырехгранным основанием и вытянутым четырехграннпком со срезанными углами 2-го яруса; 3-й ярус круглый, с пролетами, завершен куполом со шпилем. Два нижних яруса рустованы. Ограда 1835 г. с трехпролетными ворогами и небольшой полуротондой у правого входа.
Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 114.

АРИСТОВ ПОГОСТ (Пречистое), от ст. Монино Сев. ж. д. 3 км, на р. Вздериноге.

Церковь каменная 1840 г., в стиле ампир. Главная часть в форме ротонды с двумя двухколонными портиками с юга и севера. Большой круглый барабан прорезан тройными окнами и увенчан высоким куполом. Апсида в форме нолуротонды. Трапезная с закругленными рустованными углами. Между окнами помещены пилястры.

Колокольня 3-ярусная с большими закругленными пролетами и углами с полуколоннами.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 8.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ-ТЮРИКОВО, усадьба, 1 км от ст. Марк, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Пронские (1665 по 1695), Шеины (с 1693 по 1710), Дворцовое (с 1723), Скавронские (1755), Тендряковы (1772 по 1798), Долгов (1798), Оболенская П.Д., Шулепников А. А. (1855), Марк М. Ф.

От усадебного дома остался разрушенный белокаменный цоколь. Подъездные аллеи, большой парк с прудом. Каменная церковь 1758 г., в стиле позднего барокко, представляет двусветный одноглавый куб с сомкнутым сводом. Колокольня конца XIX в.

Холмогоровы. Вып. 4: Солецкая десятина. М., 1885. С. 22.

БЕДРИНО, усадьба, на р. Бедринке, 4 км от ст. Люберцы, М.— Каз. ж. д.

Владельцы: Вердеревский Ю. (нач. XVII в.), дворцовое (1627), Милославский И. (1683), Прозоровский А. II. (1688), Долгорукий Ю. В. (1705), Гагарин М. П. (1712), Лихарев А. К. (1721), Яцын Ф. К. (1782), Кокошкины (1852), Некрасов Е. И. (с 1890 до 1917).

От усадьбы сохранился лишь французский парк со следами копаного пруда.

Холмогоровы. Вып. 8: Похрянская десятина. М., 1892. С. 200.

БЕРСЕНЕВКА, усадьба, 2 км от ст. Поваровка, Окт. ж. д.

Владельцы: Строгановы (XVIII в.), Раевские (1812), Несвижские (1852—1890), Сытин И. Д. Теперь школа.

Дом новый. Сохранились: остатки усадебной ограды с воротами, каменная баня XVIII в. с колоннами, в классическом стиле, службы, остатки парка, копаный пруд.

БИБИРЕВО, ** село, на р. Олешинке, 2 км от ст. Бескудниково, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владелец: Вознесенский монастырь (с 1585 по 1764).

Деревянная церковь 1755 г., в стиле позднего барокко — восьмигранник на четырехгранном основании и прямоугольная трапезная. Колокольня 1825 г., четырехгранная в основании, с восьмигранными верхними ярусами и низким шатровым покрытием. Внутреннее убранство современно постройке. Каменная церковь 1894 г.

Писцовые книги. С. 198.

Холмогоровы. Вып. 4: Селенная десятина. М., 1885. С. 32.

Соколов Ф. И. История Благовещенского храма в с. Бибиреве и постройка нового // Московские церковные ведомости. 1894. № 10.

БОГОРОДСКОЕ (Воронино, Шаблыкино), усадьба, 3 км от ст. Очаково, М.-Киево-Вор. ж. д.

Владельцы: Морозовы (1627 но 1656), Голицыны (с 1656 йо 1760), Щербатов И. П. (1769 по 1776), Черкасская Ф. Л. (1783 по 1785), Нарышкин М. П. (1812), Пустошкины (с 1852 г.).

Деревянный двухэтажный дом, сильно вытянутый по фасаду, построен в 1-й пол. XIX в. Парк. Пруд.

Каменная церковь 1677 г. в стиле раннего барокко. В основе высокий одноглавый четырехгранник с трапезной и трехчастной апсидой. Над сложным карнизом, оканчивающимся закомарами, низкая призма со срезанными углами, несет барабан главки, поставленный на кокошники. Стены четырехгранника делятся на три части парными полуколоннами, внизу переходящими в лопатки. Окна с белокаменными подвесными серьгами обрамлены богатыми наличниками. Колокольня конца XVII в., двухъярусная, шатровая, с двумя рядами слухов.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 97.

Мартынов А. Подмосковная старина: Описание различных сёл, монастырей и церквей. М., 1889. С. 52—53.

БОГОСЛОВО, с. (Фоминское) на р. Лашутке от ст. Щелково Сев. ж. д. 21 км.

Владельцы: Царевский Д. (1584), Акинфова (1585), Куракины (1623 по 1668), Алмазовы (с 1668—1749), Вышеславцев (1782), Астафьева П. Ф. (1801), Кильдишевские (1852—1873).

Каменная церковь 1795—1801 г. Ротонда с полусферическим куполом, несущим деревянный трибун с каменной колоннадой. С запада и востока примыкают закругленные апсида и притвор. Боковые входы обработаны колоннами.

Двухъярусная колокольня, того же времени, крытым переходом соединена с храмом.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 135.

БОЛТИНО, село, 9 км от ст. Мытищи, Сев. ж. д.

Владельцы: Дворцовое (с 1572 г.).

Церковь деревянная 1771 г. в форме четырехгранника, несущего восьмигранник; пятигранная апсида; в окнах со ставнями «лилиеобразные» решетки. Колокольня также деревянная, трехъярусная со звоном в верхнем ярусе. Внутреннее убранство современно постройке — провинциальное истолкование стиля барокко. Много деревянной скульптуры.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М.. 1887. С. 28—29.

БОЛШЕВО (Городище, Большово), село, на р. Клязьме, I км от ст. Болшево, Сев. ж. д.

Владельцы: Щелепин Никита, Второй Федоров, Щелкалов Василий (1585), Шереметев Ф. И. (с 1620 по 1651), Одоевские (с 1651 по 1776), Попечительный комитет о бедных (с 1776).

Каменная церковь 1786 г. в классическом стиле. На двусветном кубе с 4 фронтонами высится круглый барабан с куполом, стены обработаны пилястрами, купол поставлен на срезанный сомкнутый свод. Внутреннее убранство современно постройке. Колокольня состоит из 3 ярусов; нижний ярус с 4 фронтонами, верхние два имеют вогнутые углы.

Вторая каменная церковь — 1832 г., в стиле ампир, трехчастная. Центральный четырехгранник с 2 фронтонами перекрыт куполом; Стены обработаны пилястрами.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 131.
Писцовые книги. С. 210.

БРАТОВЩИНА, село на р. Скалбе, 1 км от ст. Братовщина, Сев. ж. д.

Принадлежало с XVII в. Дворцовому ведомству.

Каменная церковь 1808 г. На кубе возвышается восьмигранник, покрытый сомкнутым сводом, с небольшим па нем восьмигранником и главкой. Северная и южная стороны церкви обработаны полуколоннами и фронтонами. Стены гладкие без всяких украшений. Трапезная трехъярусная с рустованным низом, колокольня современна церкви.

Холмогороовы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 76—77, 179.

БРАТЦЕВО,** на р. Братовке, при впадении ее в Сходню, 3 км от ст. Тушино, М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Дьяк А. Иванов (нач. XVII в.), Зубовы (1629—1657), Хитрово Б. М. (1657 —1690), дворцовое (1690—1695), Нарышкины (1695—1754), Строгановы (1780—1788), Римские-Корсаковы (1812—1824), Ладомирский (1833), Кологривов А. Н. (1852), Апраксин А. С. (1857), Щербатов Н. С. (1890).

Двухэтажный каменный дом классического стиля, квадратный в основании, имеет по бокам полукруглые, а с фасадов прямоугольные выступы. Последние украшены портиками, где по две пары сдвоенных ионических колонн несут антаблемент, над которым помещается балкон, с выходящими па него полуциркульными окнами второго этажа. Стены места рустованы. Дом построен на грани XVIII—XIX в.в. По композиции плана, топкости деталей и продуманности всех пропорций он близок работам А. Н. Воронихина. Централь-

ному ротондальному залу с колоннами соответствует круглый купол, венчающий здание. Внутри сохранились остатки плафонов, лепки и стенное живописное изображение Братцевской усадьбы работы крепостного художника.

В парке десятиколонная классическая ионического ордера ротонда, завершенная куполом. Перед домом мраморная статуя Венеры с Амуром.

Церковь 1682 г., двусветный пятиглавый четырехгранник, окруженный поясом изразцов, над которым помещены декоративные полуциркульные и прямоугольные впадины. Обработка основного куба, алтаря и трапезной ампирная со следами псевдоготики. Северный придел 1887 г. Внутреннее убранство начата XIX в. Шатровая колокольня имеет четырехгранное основание с пролетами и поставленные на него два восьмигранника, из которых один обнесен аркадой.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 167.

Благово Д. Д. Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком. СПб., 1885. С. 97.

Машков И. Церковь Пресвятой Богородицы при с. Братцево Московского уезда // Древности. Т. III. М., 1909. С. 367—371.

ВАНТЕЕВО (Копнино, Ивантеевка), село, на р. Уче, 6 км от ст. Пушкино, Сев. ж. д.

Владельцы: Троицкая лавра (1586), Евский Д. А. (до 1616), Францбековы (с 1616 по 1646), Еверлаковы (1676 по 1734), Яворский В. Ф. (с 1734 по 1753), Евреиновы (с 1753 по 1766), Баташевы (1808), Щекина (1852).

Каменная церковь 1808 г. с псевдоготической обработкой; детали из белого камня. Двусветный четырехгранник, со скошенными углами, с двумя боковыми выступами и полукруглой апсидой, перекрыт куполом с белокаменным фигурным шпилем и 4 фигурными люкарнами. Боковые выступы обработаны 4 вытянутыми полуколоннами, перебитыми декоративными поясками и завершенными коринфскими капителями. Нижние окна стрельчатые, трехлопастные, верхние — фигурные, богато орнаментированные. Боковые двери украшены серьгой. Сильно выдающиеся карнизы здания и купола поддерживаются кронштейнами. Под карнизом купола тянется пояс раковин. Аттик образует над боковыми выступами по (трельчатому фронтончику с пинаклями по сторонам. Двухъярусная колокольня с каменным шпилем современна церкви. Нижний этаж рустован и имеет сильно выступающий карниз, подобный карнизу церкви. Стрельчатые пролеты нижнего этажа обработаны полуколоннами с пальмообразными капителями.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 194.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 1: 1524—1598. СПб., 1836. С. 330.

Акты исторические, собранные н изданные Археографической комиссией. Т. 2:1598 1613.— СПб.. 1841. № 21. С.250.

ВЕШКИ, в 4 км от ст. Лианозово, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Лобанов-Ростовский И. И. (1617—1646), Петр Годунов (1646—1655), Алмазовы (1655—1812), Панова и Уланова (1852). Часть владения:

Колтовские (1620—1680), Савеловы (1680—1766), Третьяков К. В. (1882—1890); теперь Зоотехнический институт.

Деревянный дом нач. XIX в. в стиле ампир, с колонным портиком. Крытыми переходами, образующими полукруг, дом соединялся с 2 флигелями. В доме расписные плафоны. Остатки парка.

Деревянная церковь 1767—1769 г. — восьмигранник па четырехграннике. Обшита тесом, наружная обработка ампирная. Колокольня шатровая.

Холмогоровы. Вып. 4: Велецкая десятина. М., 1885. С. 134.

ВЕШНЯКИ ** (Вешняково, Найденово, Чурилово), у ст. Вешняки, М.-Каз. ж. д.

Владельцы: Шереметев (1577—1646), Одоевский (1648—1680), Черкасские (1680—1743), Шереметевы (с 1743 г.).

Церковь каменная на подклете. Основной четырехгранник храма 1644 г. несет шатер, поставленный на низкий восьмигранник; к нему примыкают два боковых придела 1676 г., несущие главки на трибунах. Все сооружение охвачено ходовой галереей, прежде открытой.

Окна основного четырехгранника сохранили обработку кокошникообразными сандриками. Стороны восьмигранника завершены треугольными фронтонами. Трехярусная колокольня 1734 г.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 55.

Протоколы реставрационных заседаний ... за 1-ю половину 1914 г.// Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 55: Вопросы реставрации. Вып. 14. Пг., 1914. С. 58—60.

Зверев К. П. Из села Вешнякова // Московские церковные ведомости. 1888. № 45.С. 588—589.

Древности. Т. IV. С. 30.

ВИНОГРАДОВО (Дубровки), на Долгом пруду, 1 км от ст. Долгопрудная, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Пушкины (с 1617—1729), Долгоруков В. В. (1729—1730), Вяземские (с 1730—1758), Глебовы (с 1758—1790), Бенкендорф (с 1790 до пол. 80-х г.г. XIX в.), Бучумов (с пол. 80-х годов до 1911 г.), Банза (с 1911 г.); теперь дом отдыха.

Каменная церковь 1772—1777 гг., в классическом стиле, построена, по-видимому, по проекту М. Ф. Казакова. Редкий пример треугольного построения плана. Храм состоит из трех частей: треугольной нижней в два света, круглого барабана и купольного завершения. Углы треугольника закруглены; окна с балкончиками из 2-х колонных портиков; все три стороны имеют в центре портики с 2 парами тосканских колонн, сдвинутых в стороны, так что середина остается свободной. Триглифы антаблемента имеются только над колоннами. Барабан с колоннами ионического ордера, стоящими попарно, антаблемент раскрепован. Здание завершается деревянной беседочкой с легкими сдвоенными колонками.

Две отдельно стоящие, симметричные постройки (из которых одна служит колокольней) повторяют композицию треугольника и образуют целый законченный ансамбль.

Внутреннее убранство современно постройке.

У входа в церковь орнаментированная каменная кадь XVIII в.

В усадьбе парк с длинным прудом. Дом новый.

В лесу каменный крест 1686 г. с надписью.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 101.

ВИТЕНЕВО, село, на р. Уче, 12 км от ст. Пушкино, Сев. ж. д.

Владельцы: Третьяковы (с 1585 по 1699), Головин М. А. (с 1700 по 1725), Салтыковы (с 1725 по 1798), Балк-Полевы (с 1812 по 1852), Каблуков Н. А. (1890 по 1912).

От усадьбы сохранились парк и пруд. Каменная церковь 1713 г., в стиле позднего барокко, состоит из восьмигранника на кубе и главки, поставленной на восьмигранник меньшего размера. Стены украшены наличниками окон. Купол колокольни прорезан 4 люкарнами. Внутреннее убранство — сер. XIX в.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 61.
Писцовые книги. С. 184.

ВЛАДЫКИНО ** (Вельяминово), село, на р. Лихоборке, у ст. Окружной Савелов. ж. д.

Владельцы: Вельяминовы (до 1511 г.), Богоявленский монастырь, Шуйские, Пожарские (1619—1623), московские патриархи (1653—1722), Феофан Прокопович (1722—1736).

Каменная пятиглавая церковь и деревянная часовня 1859 г. На кладбище надгробные плиты с древними орнаментами. Могилы профессоров Тимирязевской академии и народной артистки М. Н. Ермоловой. Около дороги сохранились остатки копаного пруда.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 10.
Н. А. Село Владыкино // Московские епархиальные ведомости. 1870. №№ 47, 48.

ВОЛЫНСКОЕ, ** на р. Сетуни, в 3 км от ст. Кунцево, М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Воевода Боброк Волынский Д. М. (в кон. XIV в.), «государева вотчина» (1572 г.), окольнич. Клешнин А. П. (в кон. XVI в.), Лобанов-Ростовский А. В. (в нач. XVII в.), Ир. Нкт. Годунова, Касимовский царевич Сеит Цурхан (1646—1676), Долгорукова П. Ю. (1729), Хвощинский А. II. (1852), Кнопп.

Церковь каменная 1703 г., в стиле позднего барокко, центрическая в плане; в основе имеет двухъярусный восьмигранник с гранным покрытием, несущим главку на трибуне. Нижний ярус образован восемью конхами. Углы восьмигранника декорированы пилястрами, карнизы. составлены из многообломных тяг. Окна большие, прямоугольные. Внутри, у основания верхнего восьмигранника, кругом идет узкая галерея. Необычайно интересно разрешено внутреннее пространство — слитное, несмотря на восемь больших ниш, разделенных массивными консолями и полуциркульными арками над ними. С запада примыкает односветная трапезная с двухъярусной колокольней, пристроенные в 1831 г.

Около церкви парк с деревянной беседкой конца XIX в.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 268.
Забелин И. Кунцево и древний Сетуньский стан: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 126.
Московский Л исток. 1892. № 178.

ВОРОБЬЕВО, ** с., на р. Москве, 2 км от Калужской заст.

Принадлежало дворцовому ведомству с XVI в., известно с 1453 г.

Каменная церковь 1811 —1813 г. в стиле ампир. В основе куб с двумя портиками и барабаном, перекрытым куполом. Трапезная с двухъярусной колокольней. Внутреннее убранство того же времени.

Г—в Ф. Воробьевы горы // Московские Ведомости. 1888. № 50, 68, 79, 99, 103, 131.

ВОРОНЦОВО ** (Беспечное), 6 км. от заст., по Калужскому шоссе.

Владельцы: Репнины (1767—1837), Мухановы (1837—1867), Сушкины (1867—1892), последний владелец Грюнбаум. Теперь совхоз.

Усадьба конца XVIII в. Главный дом не сохранился. Служебные постройки остались незаконченными. По сторонам cour d'honneur'a3 пары каменных флигелей. Ближайшие к дому двухэтажные, в стиле позднего барокко, из которых правый обработан пилястрами. Центральная пара — в классическом стиле, продолговатые корпуса, расчлененные тосканскими полуколоннами, увенчиваются аттиками. Стены между полуколоннами украшены декоративными арками, прорезанными окнами второго этажа. Правый флигель с садового фасада имеет лоджию с двумя тосканскими колоннами. Третья пара флигелей квадратные, одноэтажные павильоны, правый перекрыт куполом, левый четырехскатной крышей и имеет позднейшую пристройку.

Ворота в виде псевдоготических башен с белокаменными бельведерами, рядом с ними 2 караульни, с белокаменными наличниками окон и карнизом. Перед воротами стоят два пилона позднейшего времени, соединенные железной решеткой с белокаменными конусами у дороги. Липовый парк, пруд с островом.

Церковь 1807 г. устроена в садовом восьмигранном павильоне. Окна второго света (трельчатые. Колокольня и придел 1838 г. Внутреннее убранство классическое, современно церкви.

ВСЕХСВЯТСКОЕ, ** село (пустошь Лужа Отцовская, Отцы Святые на Прудах), на р. Ходынке, 5 км от Тверской заставы.

Владельцы: Известно с XIV в., дворцовое ведомство (XVI в.), Архангельский собор (1587—1624), Милославские (1683 до 1695), Имеретинские царевичи (с 1695 но 1748), Грузинские царевичи (с 1748 по 1852).

Каменная церковь 1733—1736 г. Основной четырехгранник с трехчастной апсидой и трапезной, завершен восьмигранным куполом с луковичной главкой.

К трапезной примыкает двухъярусная колокольня. Парк.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 55.

Кондратьев И. К. (.сдал старина Москвы: Исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей... с подробным историческим описанием основания Москвы и очерком ее замечательных окрестностей. М., 1893. С. 646.

[Пучков С. В.] Московское городское братское кладбище. М., 1915.

ГИРЕЕВО ** (Губино), село, 1 км от ст. Ново-Гиреево, М.-Нижегор. ж. д.

Владельцы: Шереметев Ф. И. (до 1625), Голицыны (с 1625), Перовская М. М. (1812), Торлецкая (1852).

Дом дер. сер. XIX в. Сохранился парк с прудом.

Каменная церковь 1718 г. в стиле барокко, центрического типа, в плане крестообразная. В центре четырехгранник с примыкающими к нему но сторонам четырьмя меньшими со срезанными углами, на нем три восьмигранника с главкой. В предпоследнем звон. Грани восьмигранника с многообломными карнизами декорированы пилястрами. Другой декорации нет.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 110.

ГЛИНКИ (Брюсово, Богословское, Мизиново), на р. Воре, 3 км от ст. Монино, Сев. ж. д.

Владельцы: Я. В. Брюс и его наследники (до 1791), Мусина-Пушкина Е. А. (1791), Усачев В. И. (1852), Лопатин, Малинин.

Усадьба являет редкий пример архитектурного ансамбля 20-х гг. XVIII в., состоящего из главного двухэтажного дома с двумя лоджиями, возникающими на аркадах, из садового павильона, украшенного нишами, и соответствующей ему караульни, в свою очередь определяющей расположение хозяйственных построек на дворе. В архитектуре сказывается влияние итальянского барокко. Стены расчленены пилястрами, наличники окон имеют богатый декоративный наряд и применяют в замковых камнях архитектурные маски. Внутренность дома выгорела в 1899 г.

Вековой парк, отграниченный прудом со стороны Клязьмы, сохранил регулярную планировку аллей и прямоугольный водоем. В конце парка церковь 1756 г., подражающая стилю глинковских построек с позднейшими трапезной и колокольней.

Внутри церкви — надгробие, одна из лучших работ Мартоса.

Холмогоровы. Вып. В: Вохонская десятина. М., 1888. С. 103.

ГОВОРОВО, ** 2 км от ст. Востряково, М.-Киево-Вор. ж. д.

Владельцы: Трубецкие (1627—1742), Туркестановы (1852 — до революции).

Сохранился липовый парк. Следы пруда.

Каменная церковь 1736 г. в форме восьмигранника на кубе. Наружная псевдоготическая обработка с чугунными фиалами, стрельчатыми окнами и портиками середины XIX в.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 230.

ГОЛУБИНО МАЛОЕ, ** сельцо, на р. Обитце, 9 км от ст. Востряково, М.-Киево-Вор. ж. д.

Владельцы: Измайловы (с 1629 по 1747), Салтыков С. А. (с 1747 по 1751), Миллер (1852—1895).

Полуразрушенный одноэтажный дом с мезонином, нач. XIX в. Два четырехколонных портика, со ступенчатыми фронтонами. Остатки парка, с вековым дубом. Круглый пруд.

Шеппинг Д. Древний Сосенский Стан Московского уезда. М., 1895. С. 28—29.

ГОЛУБОЕ, на р. М. Горетовке, 3 км от ст. Крюково, Окт. ж. д.

Владельцы: Кобылин И. В., Ладыгин Б. В. (1584), Греев Х. Г., Переносов И. И., Чаадаевы (1658—1757), Строгановы, Долгоруковы, Похвисневы, Пустовалов.

Каменная церковь 1700 г. в стиле барокко имеет в основании четырехгранник с двумя уменьшающимися восьмигранниками над ним. Над трапезной, примыкающей к церкви, небольшая колокольня, которой соответствует глухая башенка такого же вида над алтарем. Алтарь закругленный, со слабо выраженным троечастием. Внутреннее убранство в стиле барокко, одновременно постройке. Дом второй половины XIX в. дачного типа.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 61.

ГОЛЬЯНОВО, ** 7 км от Преображ. заставы, село.

Владельцы: дворцовое ведомство (XVII-XV1I1 в.), Трубецкие (XIX).
Каменная церковь 1842 в стиле ампир, прямоугольная в плане с трапезной и трехъярусной колокольней. Три четырехколонных дорических портика.
Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 182.

ГОРЕНКИ (Нагоренки), усадьба, на р. Горенке, 4 км от ст. Салтыковка, М.-Нижегор. ж. д.

Владельцы: Плещеевы (1623—1693), Хилкова П. Ю. (1714), Разумовские (1747—1812), Волков (1842), Пантелеев (1852), последние Владельцы Третьяковы. Теперь санаторий.

Дом каменный конца XVIII в., в классическом стиле, построен, вероятно, арх. Менеласом; хорошо сохранился только дворовый фасад. Дом заново отделан в нач. XX в., когда устроены большая колоннада садового фасада и две открытые галереи, соединяющие боковые павильоны с домом. За каменной оградой расположились обширные надворные постройки. В нач. XIX в. Горенки славились ботаническим садом и оранжереями.

В большом парке раскинулись пруды террасами, мосты, беседки, грот с центральным круглым помещением и двумя длинными подземными коридорами. Парк и усадьба обнесены сплошной каменной оградой, в значительной части разрушенной, включающей со стороны въезда кордегардию.
Холмогоровы. Выв. 6: Веховская десятина. М., 1888. С. 88.

ГОРОДИЩЕ, село, на р. Клязьме, 8 км от ст. Щелково, Сев. ж. д.

Владельцы: Измайлов П. И. (1759), Арсеньева Е.П. (1852), Четвериковы (1890 до революции).

Дом новый кам. двухэтажный; восточный боковой фасад обработан шестиколонным тосканским портиком, фронтон которого заполнен большим полуциркульным окном. Закругленная крытая галерея соединяет дом с флигелем. Против дома через дорогу новая кам. школа неоклассического стиля. Старый парк с прудами.

Церковь деревянная 1759 г. представляет собой два соединенных четырехгранных сруба, увенчанных позднейшим цилиндром с куполом. С восточной стороны примыкает четырехгранный алтарь. Верх крыльца превращен в колокольню. Внутреннее убранство современно церкви.

ГОРЮШКИНО-АКСАКОВО, с., на р. Уче, 9 км от ст. Луговая, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Оксаков Л. (нач. XVII в.), Вельяминовы-Воронцовы (с 1623 по 1678), Плохов А. А. (1773 но 1787), Протасова В. А. (1812), Бахметев М. А. (1812—1852), Мансуровы (1894), последний владелец Попов.

Главный дом сгорел; остался лишь служебный флигель нач. XIX в. Имеется парк и пруд с островами.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 63.

ГРЕБНЕВО (Гребнево), село, 9 км от ст. Щелково, Сев. ж. д., на р. Любосивке.

Владельцы: Бельский Б. Я. (1585), Трубецкие (с 1623), Бибикова Т. Я. (1781), Голицыны (1814), Пантелеевы (1835), Кондрашовы (1868), последний владелец Гриневский, теперь санаторий.

Дом каменный трехэтажный, с выступающим центром и портиками из 6 полуколонн на аркаде первого этажа, с обоих фасадов. Низкие крытые переходы соединяют дом с двумя купольными павильонами, из которых в правом со стороны двора находился театр. Поодаль стоят два двухэтажных флигеля с четырехколонными портиками. В двусветном заде главного дома сохранились лепные карнизы. Интересны въездные ворота с арочным пролетом в центре и боковыми проходами, заключенными между тосканскими колоннами, несущими тяжелый антаблемент. Другие ворота представляют собой два пилона с ионическими колоннами. При доме французский парк, обнесен каменной оградой с четырьмя псевдоготическими башнями. Пруды с островами.

Летняя каменная церковь 1786—1791 г. в классическом стиле, произведение архитектора Ив. Ветрова, крестообразная в плане, с четырехколонными портиками, в центре большой световой барабан с полусферическим куполом, люкарнами на нем и главкой. Стены обработаны пилястрами. Верхние окна круглые. Внутреннее убранство но проекту Ст. Грязнова современно постройке. Зимняя церковь кам. 1823 г. в стиле ампир, восьмиугольная в плане, с четырьмя тосканскими портиками, несущими полный антаблемент, увенчанный фронтоном; в центре здания возвышается двухъярусная круглая колокольня, нижний ярус колокольни украшен в простенках сдвоенными ионическими колоннами. Внутреннее убранство и отделка современны постройке.

Весь усадебный ансамбль выдержан в классическом стиле.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 21.

ДЕДЕВШИНО (Троицкое-Дедевшино, Дедешино), усадьба, 8 км от ст. Крюково, Октябр. ж. д.

Владельцы: Сукины (с 1584—1698), Ромодановский (1698—1731), Вельяминовы-Зерновы (1731 —1757). Голицын В. М. (1757—1788), Касаткин-Ростовский Н.Я. (1852), Соколов (1890), теперь дом отдыха.

Дом конца XVIII в. каменный, двухэтажный, с закругленными углами и позднейшими пристройками. Стены обработаны оконными нишами и филенками. Впереди дома, по сторонам cour d'honner'a, два флигеля с закругленными углами. Небольшой парк. Пруд.

Церковь 1774—1777 гг. четырехгранная, с 4 полукруглыми выступами с фронтонами. Здание завершается четырехгранной колокольней с пирамидальным покрытием. Стены обработаны пилястрами. Окна обрамлены наличниками. Все памятники построены в классическом стиле с элементами барокко.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 317.

Писцовые книги. С. 137.

ДЬЯКОВО, ** на р. Москве, 6 км от Серпуховской заст. Трамвай № 18.

Древнейшее поселение под Москвой. С XVI в. приселок с. Коломенского, затем дворцовое.

Церковь каменная 1529 г. (?) представляет группу, состоящую из пяти самостоятельных восьмигранных столпов. Центр плана занимает большой восьмигранник. Позднее, м. б. еще в XVI в., к главному столпу пристроена апсида, а угловые восьмигранники соединены между собой крытыми переходами.

На западном переходе помещается двухпролетная звонница, перекрытая высоким щипцом.

Угловые столпы состоят из поставленных один на другом восьмигранников, покрытых приплюснутыми полусферами, стены трех нижних восьмигранников декорированы неглубокими впадинками. Четвертый восьмигранник убран тремя рядами щипцов. Верхний восьмигранник имеет карниз. Грани центрального столпа заканчиваются вверху карнизом и украшены двухуступными впадинками. Над ним возвышаются закомары, с треугольным фронтоном над каждой. Верхняя часть столпа состоит из восьми полуцилиндров, между которыми находятся щелевидные окна. Цилиндры несут расширяющийся кверху барабан, перекрытый приплюснутой полусферой.

Памятник превращен в музей и реставрируется архитектором П. Д. Барановским.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 11.

Романов К. К. Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. IV. Л., 1925. С. 211.

ЖЕГАЛОВО, село, на р. Воронке, 2 км от ст. Щелково, Сев. ж. д.

Владельцы: Глинский И. (по 1602), Троице-Сергиевский м-рь (с 1602 по 1754).

Церковь каменная 1835 г. круглая в плане с куполом и небольшой главкой; в конце XIX в. застроена приделами, тогда же к двухъярусной колокольне пристроен третий ярус.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 71.

ЗЕНИНО (Карнеево, Знаменское), село, 5 км от ст. Кучино, М.-Нижегор. ж. д. на р. Пехорке.

Владельцы: Измайлов А. В. (1624), Бутурлин Н. И. (1698), Долгоруков П. М. (1706), Головина А. И. (1728), Шаховская Т. Д. (1737), Массек II. А. (1767), Румянцев-Задунайский П. А., Дивова З. С. (в нач. XIX в.), Шелапутина А.И. (1860), Шаховской И.И. (1865), Моек. Городская Управа (1910), теперь — Упр. городок, канализации.

Сильно переделанный каменный дом нач. XIX в. Псевдоготический флигель с башней; готическая каменная часовня 1837 г. Запущенный английский парк. Скотный двор и служебные постройки нач. XIX в. Часть построек новые.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 111.

ЗНАМЕНСКОЕ-ГУБАЙЛОВО, село, I км от ст. Павшино, Балт. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Волынские (с 1620 до полов. XVIII в.), Долгоруков-Крымский и его наследи, (с полов. XVIII в. до 30-х годов XIX в.), Деменков П. С. (в нач. 40-х годов), Рооп Э. П. (1845), Галлер А. К. (1852), Поляковы (с 1885).

Каменный дом, в основе конца XVIII в., с ионической колоннадой и 2 флигелями, сильно переделан. Одновременные служебные постройки, из которых одна в псевдоготическом стиле. Второй дом новый в стиле неоампир с полукруглой
колоннадой. Парк с копаными прудами. Церковь новая.

Холмогоровы. Вып. 6: Загородская десятина. М., 1886. С. 63.

Соловьев И. Знаменское-Губайлово // Московские Ведомости. 1888. № 220.

С. I. С. Два достопримечательные барельефа // Чтения в Обществе Любителей духовного просвещения. М., 1889. Январь. С. 13—18.

Латышев В. Два барельефа с надписями из села Знаменского-Губайлова // Отчет императорского Российского Исторического музея им. Императора Александра III в Москве аа 1907 г. М., 1908. С. 81—90.

ЗНАМЕНСКОЕ-ИЕВЛЕВО, усадьба, на р. Клязьме 8 км от ст. Сходня, Октябр. ж. д.

Владельцы: Бобарыкины (1646—1703), Щепотьевы (с 1703—1798), Мартыновы (с 1798), теперь — школа.

Двухэтажный каменный дом с деревянным мезонином первой половины XIX в. Остатки парка. Пруд.

Каменная церковь 1733 г. в 1830 г. переделана и обработана в стиле ампир, квадратная в плане, с купальным покрытием. Сильно выступающий карниз с модульонами.

Двухъярусная колокольня, трапезная и внутреннее убранство 1830 г.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 107.

ЗНАМЕНСКОЕ ** (Садки), на р. Анбице, 3 км от ст. Битца, М.- Курск. ж. д.

Владельцы: Ладыженские (с 1617 по 1677), Урусовы (с 1677 по 1750), Трубецкие (с 1750—1852), Орлова, Шаблыкин И. П. (1865), Катков М. Н.

Дом конца XVIII в. в классическом стиле, ремонтированный в XIX в., низ каменный, верх деревянный. Центр отмечен выступом аркад нижнего этажа, несущим антаблемент и балюстраду балкона, расчленением стены пилястрами, чередованием полукруглых и треугольных фронтонов над окнами во втором этаже и надстройкой третьего этажа. Внутри сохранился вестибюль с колоннадой, двусветный зал с хорами, украшенный лепкой, коринфскими колоннами и живописью, и отделка двух гостиных. Скотный двор середины XIX в. в псевдоготическом стиле. Английский парк с прудом.

Каменная церковь 1756 г. в стиле позднего барокко, состоит из восьмигранника с куполом на прямоугольном основании с небольшими выступами по бокам. Выступы завершены фронтонами. Церковь увенчана маленьким восьмигранником, стоящим на куполе, и двумя небольшими колокольнями над алтарем и трапезной.

Углы здания обработаны пилястрами.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 151.
Шеппинг Д. Древний Сосенский стан Московского уезда. М., 1895. С. 30.

ЗЮЗИНО ** (Скрябино, Скарятино, Борисоглебское), село, 7 км за Серпуховской заст.

Владельцы: Сицкий А. Ю. (с 1618), Морозовы (1646 по 1656), Дворцовое (с 1666 по 1687), Прозоровские (с 1687 но 1780), Князева И. А. (1780), Бекетовы (1785 по 1852), Васильков А. И. (1890).

От усадьбы сохранился флигель в стиле ампир и парк.

Каменная церковь 1688—1704 г. в стиле барокко. Трехглавая. В плане неравноконечный крест. Над центральным четырехгранником три восьмигранника со звоном в предпоследнем. К основному четырехграннику по странам света примыкают меньшие со срезанными углами, из них западный и восточный завершены восьмигранниками. Стороны центрального восьмигранника завершаются разорванными фронтонами, а все сооружение по граням декорировано полуколоннами. Карнизы многообломные, раскрепованные. Внутреннее убранство современно церкви.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М.. 1892. С. 100.
Древности. Т. III. М., 1909. С. 225.

ИВАНОВСКОЕ (Копьево), на р. Измайловке, 1 1/2 км от ст. Реутово, М.-Нижегор. ж. д.

Владельцы: боярин Никита Романов (в XVI в.), потом дворцовое.

Каменная церковь 1801 г. в классическом стиле, с некоторыми пережитками барокко, представляет четырехгранник, увенчанный куполом, с примыкающей трапезной, с нишами на срезах углов.

С южной стороны четырехколонный портик. Стены обработаны нишами, овальными и прямоугольными впадинами, пилястрами.

Над входом двухъярусная колокольня.

Внутреннее убранство современно постройке.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 44.

Писцовые книги. С. 39.

ИЗВАРИНО, село (Ильинский погост, Суково, Васильевское, Шилбутово), на р. Лекове, 2 км от ст. Внуково, М.-Киево-Ворон. ж. д.

Владельцы: Биркины (нач. XVII в. по 1646), Ртищевы (с 1646 но 1670), Булычев Я. П. (с 1670 по 1676), Куракин Ф. Ф. (с 1676 по 1683), Черкасские (с 1683—1788), Нефедьевы (1821 —1852).

Дом второй половины XIX в. Парк. Каменная церковь 1733 г. в стиле позднего барокко, с четырехгранником в основании и большим восьмигранником на нем, перекрытым сомкнутым сводом, с небольшим на нем восьмигранником, несущим фигурную главку.

Западная стена заканчивается полукруглым фронтоном; центры северной и южной сторон отмечены небольшими аттиками; стены обработаны лопатками; наличники нижнего яруса — прямоугольные.

Деревянная церковь 1770—1773 г. Двусветный куб с крыльцами-портиками по сторонам. Четырехскатная кровля завершается четырехгранником с главкой. Над западной частью устроена четырехгранная колокольня со шпи лем. Под колокольней три арочных пролета.

Новая каменная церковь 1904 г.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 81.

ИЗМАЙЛОВО, ** рабочий городок (Измайловский зверинец, Измайлово), на речке Робке, 3 км от Семеновской заст. Трамвай № 14.

Владельцы: Юрьев Н.Р. (1573), Романов И. Н. (1623), затем дворцовое ведомство.

От древней подмосковной усадьбы сохранился ряд интересных для истории русского искусства памятников. Наиболее ранним из них является церковь Иосафа, построенная в 1678 г. в стиле барокко. К основному вытянутому четырехграннику с востока и запада примыкают два меньших. Центральный четырехгранник несет два поставленных один на другом восьмигранника, причем верхний увенчан граненой главкой. Два меньших четырехгранника также имеют восьмигранные барабаны с такими же гранными главками. Все сооружение с трех сторон охвачено очень высоко ходовой галереей; нижние окна которой вставлены позднее, в закрытые теперь, арочные пролеты.

С востока примыкает трехчастная апсида, с запада колокольня 1681 г., соединенная с основным массивом при помощи открытого перехода, представляет высокий трехярусный четырехгранник с восьмигранником, открытым для звона и увенчанным шатром с двумя рядами слухов. Основной массив храма декорирован пучками полуколонок по столбам галереи и ширинками по парапету ее. Наличники окон имеют разрывные фронтоны. Нижняя часть церкви производит архаичное впечатление своей декоративной обработкой и возможно построена раньше 1678 г.

Покровский собор 1679 г. представляет собой куб, перекрытый по закомарам и увенчанный пятиглавием. Западный массив степы делится на три части полуколоннами. Верхняя часть барабанов и поля закомар заполнены изразцами. С востока примыкает трехчастная апсида. С северной и южной сторон собор зажат корпусами, построенными по проекту архит. Тона в XIX в. Внутреннее убранство современно постройке.

На восток от собора стоит Мостовая башня, построенная в конце XVII в. Обширный приземистый четырехгранник нижнего этажа имеет арочные проезды с трех сторон. Второй ярус составляет меньший четырехгранник с шатровым покрытием. Все сооружение декорировано полуколоннами, а окна имеют треугольные и полуциркульные фронтоны.

Сохранилось двое въездных ворот от конца XVII в., построенных в стиле позднего барокко. Прямоугольное массивное основание, декорированное полуколоннами, имеет проездную арку в центре и несет восьмигранник с шатровым покрытием. Край стены увенчан аттиком, прорезанным полуциркульными арочками. Вторые ворота повторяют описанные.

Все архитектурные памятники расположены на острове, окруженном прудами и старинной парковой зарослью.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 34.
Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 61: Вопросы реставрации. Вып. 17. Пг., 1916. С. 199.
Древности. Т. II. М., 1908. С. 45.
Успенский А. И. Церкви села Измайлова // Труды Комиссии по осмотру памятников ста рины. Т. 1. М., 1904
Малиновский А. О прежде бывших в селе Измайлове царских хозяйственных заведениях // Земледельческий журнал, издаваемый императорским Московским обществом сельского хозяйства. М., 1821. № II. С. 148—161.

ИЗМАЙЛОВО, ** село, 6 км от Семеновской заст. Трамвай № 14.

Владельцы: см. Измайлово рабочий городок.

Каменная Рождественская церковь 1676 г. в стиле раннего барокко. В основе имеет пятиглавый куб, утлы которого обработаны полуколоннами. По сторонам основного куба два придела, равные ему в плане, но более низкие и одноглавые. В трехчастной апсиде южная часть отделена от центральной коридором. Широкая трапезная того же времени охватывает основной куб и приделы.

Ворота ограды и невысокая трехярусная колокольня первой половины XVIII в., в стиле позднего барокко, с овальными окнами в рустованном среднем ярусе и люкарнами на крыше. Внутреннее убранство позднейшее.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 34.

ИЗМАЛКОВО, на р. Сетунь, 2 км от платф. Переделкино, М.-Киево-Ворон. ж. д.

Владельцы: Леонтьев XVII в., Самарины, Комаровские (XIX в.), теперь детский дом.

Деревянный 2-х этажный дом с двумя ризалитами, в стиле ампир украшен с переднего фасада балконом на дорических колоннах. Службы. В большом английском парке скульптура (Зевс). Пруд.

Каменная церковь 1757 г. крестообразная в плане, в стиле позднего барокко с классической декорацией.

КАРАЧАРОВО, ** село, на р. Коломенке, 4 км от Абельмановской заст.

Владельцы: В. И. Стрешнев (до 1661 г.), Андроньев м-рь (1661—1764), государств, (с 1785 г.).

Каменная церковь 1774 г., в классическом стиле, представляет окруженный галереей четырехгранник, увенчанный барабаном. Низ колокольни — 1780-х годов, верх надстроен в 1833—1834 гг.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 77.

Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 61: Вопросы реставрации. Вып. 17. Пг., 1916. С. 198.

КИЕВО-СПАССКОЕ. при ст. Лобня, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Борняковы (1623—1658), Хитрово (1658-1680), Языковы, Волынские, Урусовы (1681 —1701), Воронцов И. И. (1761), Салтыков (1812), Панина В. Н. (1852).

Двухэтажная каменная церковь 1769 г. В основе представляет вытянутый четырехгранник с фронтонами, прорезанными окнами круглыми и полуциркульными. Четырехгранник несет купол, окна которого чередуются с парными пилястрами коринфского ордера, поставленными на высокие пьедесталы. Завершается церковь небольшой граненой главкой на трибуне, имеющей волюты и впадины с теми же наличниками, что и на окнах.

Северная сторона четырехугольника и трапезной обработана пилястрами. Двухъярусная колокольня в классическом стиле. Южный придел 1900 г. Старое внутреннее убранство сохранилось лишь в верхнем приделе. Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 93.

КИРЕЕВО, село, на р. Лихоборке, 3 км от ст. Химки, Октябр. ж. д.

Владельцы: Горин Кирей (в XVI в.), Еропкины (1723—1729), Бутурлин (1757), Долгорукие (1785—1812), Верстовский А. Н. (1862), Мамонтовы (1890), последний владелец Грачев.

Каменная церковь 1715 г. в стиле барокко. На основном четырехгранике покоится восьмигранник, несущий небольшую главку на восьмигранном трибуне. Оконные наличники с разрывными фронтонами; стены расчленены пилястрами и полуколоннами. Трехъярусная колокольня 1885 г.

Остатки английского парка.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 143.

КОЗЬМО-ДЕМЬЯНСКОЕ, село, на р. Химке, 2 км от ст. Химки, Октябр. ж. д.

Владельцы: Чубаров С. Г. (в XVI в.), Годунов Б. Ф. (1585), Патриаршее (1642—1675), Башмаков Д. М. (с 1675), Зотовы (с 1703—1738), Эйхлер (1738—1785), Головин А. В. (1798), Горихвостов О. П. (1820), Торлецкий А. Л. (1852), Колли Ю. С. (1890), Патрикеев.

Новый каменный дом в стиле модерн, построенный по проекту арх. Шехтеля. Парк. Пруд.

Каменная церковь 1730 г. в форме одноглавого куба. Колокольня и наружная обработка храма в стиле ампир 1820 г. Придел 1828 г.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 5.

КОЛОМЕНСКОЕ, ** село, на Москве-реке, 6 км от Серпуховской заст.

С XV в. — царская подмосковная, а теперь усадьба-музей, сохранившая ряд памятников исключительного для русского зодчества значения.

Центральное место в этом ансамбле занимает Вознесенская церковь 1532 г. с крестообразным основанием в плане. Центральный массив, поставленный па подклет, представляет собой четырехгранник, охваченный галереей. Тремя рядами кокошников он поддерживает восьмигранник, в свою очередь, на линии маленькой кокошникообразной аркатуры, переходящий в шатер, декорированный острыми пересечениями тяг.

2. Георгиевская церковь в основе XVI в., с пристроенной в 1843 г. архитектором Е. Д. Тюриным трапезной и, им же измененной, наружной обработкой.
3. Казанская ц., в стиле раннего барокко 1(168 г., пятиглавая, двухстолпная, на подклете, с приделами и шатровым крыльцом и колокольней. Обращают внимание окна среди закомар и шатровая колокольня, поставленная на пролетах крыльца с северной стороны.
4. Соколиная башня середины XVII в.
5. Западные въездные ворота, в стиле барокко, с остатками, бывшей вокруг усадьбы, каменной стены.
6. Спасские ворота с шатровой часовой башней XVII в.
7. Ключничьи и приказные палаты, в стиле раннего барокко, по обоим сторонам Спасских ворот, середины XVII века.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 1.

Некрасов А. //. Древние подмосковные: Александрова слобода. Коломенское, Измайлово. М., 1923. С. 28—53.

Мартынов А. А. Подмосковная Старина: Описание различных сел, монастырей и церквей. М., 1889. С. 34—38.

Полное собрание русских летописей. Т. VIII: Продолжение летописи но Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 279—280.

Згура В. В. Коломенское: Очерк художественной истории и памятников. М., 1928.

КОМЯГИНО (Сергиево), село, на р. Скалбе, 8 км от ст. Пушкино, Сев. ж. д.

Владельцы: Акинфовы (с серед. XVII в. по 1729), Лопухин В. А. (с 1729 но 1749), Бестужевы-Рюмины (с 1749).

Каменная церковь 1678 г. в стиле раннего барокко. Вытянутый вверх, ориентированный с севера на юг четырехгранник с сомкнутым сводом, несущим 2 яруса кокошников и 5 глав, с кокошниками у основания барабанов. Главы покрыты «лемехом». У восточной стены 3 апсиды, из них северная от центральной отделена коридором. На углах верхнего яруса пучки полуколонн. Верх четырехгранника обработан поясами зубчатых кирпичей, впадин и по-

ребриком. По карнизу апсид проходит фигурный поясок из выпущенных кирпичей. Окна и двери обработаны разнообразными наличниками из резного кирпича. Внутри сохранились голосники. Трапезная с сомкнутым сводом.

Колокольня представляет собой высокий четырехгранник с восьмигранником на нем, завершенным шатром с тремя рядами слухов.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 124.

Мартынов А. А. Подмосковная старина: Описание различных сел, монастырей и церквей. М., 1889. *

КОНЬКОВО-СЕРГИЕВСКОЕ ** (Серино, Троицкое, Смелинское, д. Степановская, Бесова). 9 км от Калужской заставы.

Владельцы: одной половиной села — Толочановы (1627 по 1710), Голицыны (1710—1757), А. Н. Зиновьева (1766), Дворцовое (1769). Другой половиной села: Безобразовы (1627), Головкины (1689 до 1752), Воронцов М.М. (с 1752 по 1767), Зиновьева А. Н. (1767).

Два деревянных одноэтажных флигеля первой половины XIX в. Остатки парка, пруды, обелиск XVIII в.

Каменная церковь 1694 г. в стиле барокко. Двусветный куб несет восьмигранник, увенчанный главкой. Углы верха обработаны колонками, низа — лопатками. Двухъярусная колокольня и трапезная 1808 г.; правый придел 1848 г., а ограда 1831 г. Внутреннее убранство начала XIX в.

Холмогоровы Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 159.

Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание церкви во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца, в селе Сергиевском, Конькове тож (Московской губернии и уезда), с приходом. М., 1895.

КОПОТНЯ, ** село, на р. Москве, 8 км от ст. Люберцы, М.-Каз. ж. д.

Известно с начала XIV в., с половины XV в. принадлежало Ник.-Угрешскому монастырю.

Деревянная церковь 1789 г. в форме одноглавого куба с четырехскатной кровлей, при нем трапезная.

Каменная церковь 1870 г.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 1.

Дмитрий, монах. Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря. М., 1872. С. 112. Разд. пагинация.

Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1: Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 195.

КОРЕНЕВО (Кренево, Спасское), 2 км от ст. Красково, М.- Каз. ж. д.

Владельцы: Нарбековы (XVII и XVIII в.), Левашовы (1794—1812), Долгорукова (1852).

Парк с водяной аллеей, два пруда. Дом новый.

Каменная церковь 1762—1777 г., в стиле позднего барокко, двусветный восьмигранник с прямоугольным алтарем и трапезной. Пилястры с рокайльнмми мотивами в капителях. В 1913 г. пристроена новая трапезная. Иконостас 1780 г. Колокольня с проездной аркой и ограда 1794 г.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 102.

КОСИНО ** село, в 2 км от ст. Косино, М.- Каз. ж. д.

Владельцы: Телепневы (1617—1812), Лухмановы (1852).

Деревянная церковь 1673 г. на невысоком подклете, представляет куб с четырехскатным перекрытием, сохранились волоковые окна; в 1856 г. обшита тесом и тогда же был подведен кам. фундамент. Внутреннее убранство 1673 г. с позднейшими переделками; паникадило XVIII в.

Другая церковь, каменная, в стиле ампир, 1818—1823 г., круглая в плане, с большим куполом, с тремя колонными портиками, соединенными галереей. Колокольня 1823—1829 г. В 1862 и 1905 гг. были произведены переделки кам. церкви и колокольни. Ограда с башнями первой пол. XIX в.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 57.

Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Т. I. М., 1904. С. 1—21.

Померанцев И. И., Речменский А. И. Косино и его святыни. М., 1904.

КОСТИНО ** (Богородское), село, 1 $^1/_2$ км от ст. Болшево, Сев. ж. д.

Владельцы: Щелканов (1585), Шереметев Ф. И. (с 1620 но 1635), Кузьмины (с 1635 по 1743), Титова Е. С. (1776), Киреевская Е. А. (1812), Долгоруковы (1835—1863), Жеребцов М. Д. (1890).

Остатки парка с прудами.

Каменная церковь 1695 г. в стиле барокко, с измененной отчасти обработкой стенной поверхности, представляет увенчанный главкой восьмигранник на кубе. Высокая колокольня 1863 г.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 153.

КОТЕЛЬНИКИ, село, на р. Сотовке, 2 км от ст. Люберцы, М.-Каз. ж. д.

Владельцы: Жемчужников, Витовтовы (до 1623), Телепнев (1623), Морозовы (1651 —1668), дворцовое вед. (1676), Вадковские (1763), II. А. Чириков (1812), С. М. Голицын (1852).

Церковь каменная 1675—1680 г., в стиле раннего барокко. Основной пятиглавый, вытянутый вверх, четырехгранник на подклете, с трехапсидным алтарем. Над карнизом два ряда кокошников. Ходовая галерея вокруг здания сломана и боковые входы переделаны в окна. Доминирующую роль в здании играет полугражданское сооружение — двусветная трапезная, охватывающая на $^1/_3$ основной четырехгранник. Углы обработаны пучками двухъярусных полуколонн.

В трапезной хоры от внутреннего помещения отделены поставленной на столбы стеной, прорезанной тремя арками с каждой стороны. Внутреннее убранство первой половины XIX в. в стиле ампир, по проекту Жилярди. По его же проекту в 1835 г. построена трехярусная шатровая колокольня и переход к ней из трапезной.

Холмогоровы. Вып. 8: Вохонская десятина. М., 1888. С. 79.

КОТЛЫ ВЕРХНИЕ (Знаменское, Никольское, Козино, Копытово), па р. Котле, 5 км от Серпуховской заст. (Трамвай № 18).

Владельцы: Прончищевы (1627—1704), Ржевские (1704 по 1742), Одоевские (1742—1756), Голицыны (1774—1810), Ордольяновы (1810—1835), Калашников (1835—1852).

Каменная двусветная церковь 1677 г. с двумя апсидами и притвором. На северной и южной сторонах основного четырехгранника следы галерей. Стены обработаны лопатками и поясом пилы, окна растесаны. В 1727 г. изменена форма четырехскатной кровли и пробиты круглые окна в сомкнутом своде. Двухъярусная колокольня конца XVIII в., придел 1875 г. Внутреннее убранство — второй четверти XVIII в., с некоторым поновлением.

Запущенный парк.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 106.

П. М. Нечто о церкви св. Николая чудотворца, что в Котлах // Русский зритель: Журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов. 1828. Ч. 1. № III — IV. С. 201—204.

Протоколы реставрационных заседаний... за 2-ю половину 1910 г.// Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 39: Вопросы реставрации, вып. 7. Спб., 1911. С. 55—56.

Древности. Т. IV. М., 1912. С. 83.

КОТОВО-СПАССКОЕ (Курлыково), село, на р. Клязьме, 1 км от ст. Хлебникове, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Щелканов И. В. (до 1617), Сулешев Ю.Я. (с 1617), Репнин И. Б. (1676—1697), Юсуповы (1730 до революции).

Парк с остатками копаных прудов.

Каменная церковь 1684 г. представляет одноглавый массив кубической формы с двумя сдвинутыми к востоку, одноглавыми, квадратными в плане, приделами, из них правый новый 1884 г., — хорошая имитация левого, старого придела. Шатровая колокольня. Внутреннее убранство главного храма 1775 г., левого придела — 1755 г.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 120.

Цветков И. И. Спасская в селе Котове церковь // Чтения в Обществе любителей древней письменности. Т. IX. СПб., 1878.

КРАСКОВО (Чермниково, Малышеве, Богородское), на р. Пехорке, при ст. М.-Каз. ж. д.

Владельцы: Савва Тараканов (до 1615), М.Ф. Краснова (1615), Я.М. Милославский (1632), Голицыны (1636—1649), Трубецкие (1657—1781), Орловы (1812—1890), Оболенские, теперь Совхоз.

Дом новый. Старый деревянный флигель и остатки оранжерей, подъездная липовая аллея. Большой парк, террасами спускающийся к р. Пехорке. В парке 4 пруда: «Большой» с островом и пристанью, «Козловский», «Круглый» с островом и «Вонючий». Сеть каналов соединяет пруды с р. Пехоркой. За парком «Английская роща» с дорожками. Каменная церковь 1833 г., в стиле ампир, имеет форму куба с круглым барабаном; портик, приделы и верх колокольни середины XIX в. Есть иконы XVII в.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 44.

КУЗЬМИНКИ ** (Овсеево, Влахернское, Мельницы), село, на р. Голеди, 3 км от ст. Вешняки, М.-Каз. ж. д.

Владельцы: Симонов монастырь (XVII в.), Строгановы (с 1702 г.), Голицыны (1820—1917).

Замечательный пример ампирной подмосковной, возникшей в первой трети XIX в. при участии Джилярди и Григорьева. От дворца, сгоревшего в 1910 г., сохранился ампирный флигель. Около него «египетский» домик. Суживающиеся вверх массы здания отражают влияние монументального зодчества Египта. Фасад его украшен двухколонной лоджией и окном в форме трапеции, с двумя коленопреклоненными женскими фигурами в его амбразуре.

В английском парке пруд. Гранитная пристань со львами теперь полуразрушена. На берегу пруда «Пропилеи» — декоративное сооружение из двойного ряда дорических колонн. «Конный двор» представляет расположенные прямоугольником низкие сводчатые конюшни, замкнутые с фасада небольшими флигелями, соединенными стеной. Высокий деревянный павильон с уступчатым завершением, прерывая эту стену, составляет центр фасадной композиции «Конного двора». Павильон прорезан грандиозной аркой. Четыре парных дорических колонны внутри этой арки несут антаблемент. Над невысоким аттиком скульптурная группа Аполлона с музами. Стены павильона рустованы до высоты карниза. Два тондо с музыцирующими амурами довершают декорацию. По бокам лестницы чугунные копии коней работы Клодта поставлены позднее. Ванный домик — квадратный павильон с лоджией под куполом. Длинное двухэтажное здание померанцевой оранжереи украшено широкой лоджией. Стены внутри расписаны египетскими мотивами, а колонны с пальмовидными капителями. Теперь перестроена и приспособлена под жилье. Бывшее здание скотного двора возведено в 40-х гг. в стиле псевдоготики. Теперь больница.

В парке много великолепных решеток, тумб с протянутыми между ними цепями, остатки садовой мебели, памятники, мостики, львы, канделябры, все сделано из чугуна на Пашийских заводах устроителя Кузьминок С. М. Голицына.

При въезде в усадьбу чугунные триумфальные ворота по проекту К. Росси 1832 г.

Каменная церковь 1762 г. — куб с закругленными углами. Купол, портики и колокольня 1784 г. Начатая по барочному, она завершена в классическом стиле и примыкает к кругу работ школы М. Ф. Казакова. Внутреннее убранство в стиле ампир. Особенностью является двойной купол, нижний из них у основания барабана, с круглым отверстием в центре. Около церкви круглое здание, суживающееся кверху, с 4-мя полуциркульными окнами, завершенное карнизом и плоским куполом.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 207.

Благово Д. Д. Рассказы пат тки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком. Спб., 1885. С. 48.

КУНЦЕВО, ** гор., на р. Москве при ст. Бел. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Мстиславские (нач. XVII в. — 1689 г.), патриаршее (1689 по 1690), Нарышкины (1690 по 1865), Солдатенковы (с 1865 до революции).

Каменная церковь 1913 г., по проекту акад. Соловьева (западная стена осталась от старой церкви 1744 г.).

Дом конца XVIII в., деревянный, 2-х этажный. Перед домом мраморная колонна 1841 г. Большой английский парк. В парке мраморная группа «Похищение Прозерпины».

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 69.

Протоколы реставрационных заседаний... за 1-ю половину 1910 г. // Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 36: Вопросы реставрации, вып. 6. СПб., 1910. С. 18—19.

Древности. Т. IV. М., 1912. С. 30.

Московские церковные ведомости. 1913. № 36 — 39. сент.

Куицево и Знаменский храм в Кунцеве: 150-летний юбилей церкви. М., 1894.

КУРКИНО (Константиновское, Курицыно), село, на р. Сходне, 4 км от ст. Химки, Окт. ж. д.

Владельцы: Одоевский И. И. (с 1617 по 1639) и Бобарыкин Т. (с 1622 но 1641), Воротынские (с 1639 по 1691), патриаршее (1691), государственное (XVIII в.), Шувалова Г. II. (1798), Менщиков А. С. (1832).

Каменная церковь построена ок. 1672 г., колокольня 40-х гг. XIX в. Первоначальная архитектурная обработка сохранилась на восточной стене и на барабане главы. Внутреннее убранство сер. XVIII в.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 17.

Цветков Евг. Село Куркиио (Освящение обновленного храма) // Московские церковные ведомости. 1895. № 36.

КУРОВО, на р. Уче, 4 км от станции Пушкино, Сев. ж. д.

Владельцы: Шеины (в 1585 г.), Головкины (1713), Чертков А. Д. (1852).

Знаменская церковь, каменная, трехглавая, построена в 1681 — 1687 гг. в стиле барокко и является первым памятником, в композиции своих масс воспринявшим черты украинского влияния. К центральному двухъярусному четырехграннику, со срезанными углами, примыкает с запада и востока два меньших, с восьмигранниками на них. Основной четырехгранник имеет два поставленных друг на друга восьмигранника, из них нижний увенчан Гребешковыми фронтонами. Изразцовые оконные наличники прямоугольной формы. Внутреннее убранство современно зданию.

Четырехъярусная колокольня со шпилем относится к XVIII в. Вторая церковь, Никольская, построена в 1752 г. в стиле позднего барокко.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 57.

КУСКОВО ** (Спасское), при ст. М.- Нижегор. ж. д.

Одна из наиболее знаменитых подмосковных усадеб, с XVI века и до революции принадлежала Шереметевым; теперь усадьба обращена в музей, благодаря чему хорошо сохранившееся богатое убранство, имеющее историко-художественное значение, доступно для обозрения и изучения.

Деревянный дом 1770-х гг. в классическом стиле, построен по проекту архитектора Де-Валли. Единственный по своей сохранности и выдержанно-

ети классической разбивки парк показывает все приемы садового искусства середины XVIII в.

Оранжерея первой половины XVIII в. в стиле позднего барокко, голландский домик 1749 г.; барочный грот; эрмитаж 70-х гг. XVIII в. в стиле раннего классицизма, итальянский домик того же времени в классическом стиле, остатки «воздушного театра», па партерах — мраморный обелиск, колонна и солнечные часы.

В парке много садовой скульптуры, фигурные пруды, каналы, искусственный остров.

Против дома, за большим прудом, по сторонам капала 2 декоративных колонны.

Кухня XVIII в.; в стороне от усадьбы псарни, XVIII в., в псевдо-готическом стиле.

Каменная церковь 1737 г. в стиле позднего барокко.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 35.
Сивков К. В. Кусково: Очерк. М., 1927.
Его же. «Штат» села Кускова (1786 г.): Очерк. М., 1927.

КУЧИНО, на р. Пехорке, при ст. М.-Нижегор. ж. д.

Владельцы: Стрешневы (1646—1745), Румянцев С. П. (1812), Рюмины (1830—1852), последний владелец Рябушинский.

Усадьба построена в 1830 г. архитектором Тибо, от работ которого сохранился искаженный корпус, оригинальный по форме и отделке березовой корой. Дом новый. Выдающийся интерес представляет спускающаяся но крутому скату белокаменная с перекрещивающимися маршами лестница в стиле позднего барокко. Против дома статуя Дианы. Запущенный парк.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 97.

ЛАЙКОВО (Мелтихино, Богородское), село, 5 км от ст. Одинцово, Бел. лип. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Хворостинины (1627—1656), Голицыны (в конце XVII в. и но 1758 г.), Нарышкины (1758 по 1780 г.), Хитрово (с 1780 по 1788 г.), Шувалова О. А. (1813), Налетов А. В. (1852).

Церковь 1764 г., каменная, в стиле позднего барокко. Двухъярусная ро тонда, окружена в нижней части восьмигранной галереей, от которой она отделена аркадой. Наружные стены галереи обработаны рустами по углам. Окна с наличниками, форма которых типична для серед. XVIII в. Над верхними карнизами галереи и ротонды имеются с 4 сторон люкарны.

Колокольня позднейшая.

Холмогоровы. Вын. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 99.

ЛЕВКОВО (Лехково), село, на р. Скалбе, 5 км от ст. Пушкино Сев. ж. д.

Владельцы: Пивов Р. М. (1585—1623), Борисоглебский в Ростове монастырь (1623—1765), государственное (XVIII—XIX вв.).

Деревянная церковь 1755 г. квадратная в плане, крыта на два ската, одноглавая, с примыкающей прямоугольной трапезной, которая соединяется с

колокольней сер. XIX в., четырехгранной в основании, переходящей в восьмигранник, завершенный шпилем.

Вторая церковь каменная 1895 г.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 73.

Покровский И. Освящение нового храма в селе Левкове, Дмитровского уезда // Московские церковные ведомости. 1895. № 29.

ЛЕОНОВО ** (Левоново) с. на р. Яузе, за Крестовск. заст. (трамв. № 9).

Владельцы: Хованский И. Н. (с 1629 г.), Демидов П. Е. (1767), Молчановы (XIX в.), последние Владельцы Капустины.

Следы парка.

Каменная церковь 1719—1722 г. в стиле барокко, четырехгранная в ос новации с восьмигранником на верху. Колокольня и придел 1770—1776 гг.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 42.

Мартынов А. А. Подмосковная старина: Описание различных сёл, монастырей и церквей. М., 1889.*

ЛИПКИ-АЛЕКСЕЙСК, усадьба, 3 км от ст. Лианозово, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Алексеев (в нач. XIX в.), последний владелец Руперти. Каменный дом нач. XX в. построен по проекту архитектора И. В. Жолтовского, в неоклассическом стиле. Центральный двухсветный массив с мезонином, обработанный ионической колоннадой, соединен двумя полуциркульными галереями с флигелями. От колоннады к пруду спускается широкая лестница. Садовый фасад имеет открытую террасу. Крайние окна и окно мезонина садового фасада обработаны рустованными наличниками. Конюшни в том же стиле.

Небольшой, хорошо сохранившийся, старый парк с беседками. Пруд. Арочный мост.

Литвиново, село, на р.р. Разножке и Хвостовке, 8 км от ст. Поворово Октябр. ж. д.

Владельцы: С XVI в. Новоспасского монастыря.

Церковь каменная 1840 г. в стиле ампир. Представляет куб, завершенный барабаном с куполом. Четырехгранная колокольня.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 27.

ЛУКИНО, ** село, на р. Сетуни, при платф. Переделкино, М.-Киево-Ворон. ж. д.

Владельцы: В XVII в. Ододуров, Леонтьевы (1627—1725), Долгорукие (с 1729 г.), Ковалевская К. С. (1852 г.), Боде-Колычевы, Соллогуб, теперь совхоз.

Все усадебные постройки, за исключением церкви, построены в середине XIX в. под руководством Боде-Колычева и худ. Солнцева в псевдорусском спиле. От сгоревшего главного дома осталась аркада переднего фасада. Сохранилась 01рада

с башнями и теремом над воротами, украшенном изразцами и каменными львами при входе. В регулярном парке музей-архив, стены которого внутри расписаны родословной Колычевых, копаный пруд, скульптура XVIII в. (?)

Церковь 1819 г. с переделками, круглый барабан на четырехграннике с четырьмя позднейшими декоративными главками. Колокольня того же времени.

Холмогоровы. Вып. 2: Звенигородская десятина. М., 1882. С. 202 — 204.

ЛЫТКАРИНО, усадьба, 8 км от ст. Томилино, М.-Каз. ж. д.

Владельцы. См. Петровское.

Деревянный дом 40-х гг. XIX в.

Обширный английский парк с прудом.

ЛЬЯЛОВО, село, на р. Клязьме, 11 км от ст. Поворовка, Окт. ж. д.

Владельцы: Стародубский С. (XVI в.), Буйносов-Ростовский П. И., Головин В. П. и Стародубский И. Н. (1584—1586), Головленкова Ф., Елецкая М. И. и Бороздин С. В. (1615—1618 гг.), Ромодановские (с 1615—1731), Головкин М. (1744), Корф Н.А. (с 1744—1748), Козицкая Е. И. (1785—1812), Белосельские-Белозерские (1852—1890), теперь дом отдыха.

Усадьба новая. Церковь каменная 1800 г. в стиле ампир. Основной цилиндр, перекрытый куполом, с трех сторон окружен полуротондами. Стены обработаны пилястрами. Двухъярусная колокольня имеет уступчатое завершение, оканчивающееся каменным шпилем. Трапезная 1872 г. Внутреннее убранство современно постройке.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 34. 146.

Писцовые книги. С. 175.

ЛЮБЕРЦЫ (Либерцы, Назарово), на р. Либерце, при ст. М.-Каз. ж. д.

Владельцы: Михаил Старый и Богдан Озарнов (до 1621 г.), Грязев 14. К. и Порошин Ф. Д. (1621), Грязев М. К. и Милославский (1646), Милославский И. М. (с 1676), Прозоровский А. П. (1704), Меньшиков А. Д. (1705), позднее дворцовое.

Церковь каменная 1808—1812 г. четырехугольная в плане с большим световым барабаном и куполом с главкой, с 2 портиками образованными пилястрами. С запада примыкает прямоугольная трапезная с двухъярусной колокольней 1826 г.

Остатки парка.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 70.

ЛЮБЛИНО, ** село, на р. Голеди, 1/2 км от ст. Люблино, М.-Курск, ж. д.

Владельцы: Прозоровский В. П. (XVIII в.), Дурасов (1801 г.), Писарева (1852 г.), посл, владел. Голофтеев. Теперь клуб железнодорожников.

Здание центрического типа в виде равноконечного креста с круглым залом в середине, построено в 1801 г. архитектором И. Еготовым. Выступающие части соединены портиками из двойного ряда коринфских колонн, расположенных по отрезкам окружности. К центральной ротонде примыкают прямоугольные выступы, соответствующие рукавам креста. Здание перекрыто куполом, увенчанным статуей Анны, орден которой дом напоминает в плане по замыслу строителя. Торцовые части украшены барельефами и заверше-

ны фронтонами с полуциркульными окнами в середине. Колоннады имеют лестничные сходы. Главный вход в дом отмечен мраморной статуей Молчания. Внутри сохранилась великолепная отделка: живописные плафоны декоратора Скотти, гризайль, исключительные но топкости лепки медальоны и панно украшающие центральный ротондальный и два боковых зала.

Два двухэтажных флигеля завершены уступчатыми фронтонами с барельефными панно. Театр искажен позднейшими пристройками и сохранил лишь вход, отмеченный двумя нишами. Скотный двор с флигелем, украшенным четырехколонным портиком. Остатки оранжереи.

Кондратьев И. К. Седая старина Москвы: Исторический обзор и полный указатель ее достопримечательностей... с подробным историческим описанием основания Москвы и очерком ее замечательных окрестностей. М., 1893. С. 664.

Врангель Н. Помещичья Россия // Старые годы. СПб. ,1910. Июль-сентябрь. С. 16, 19, 44.

Вильмот М. и К. Письма из России в Ирландию (1806—1807) // Русский архив. 1873. № 10. Стлб. 1889—1891.

МАМОНОВА ДАЧА ** (Васильевское, Андреевское, Ноева дача), усадьба, на р. Москве, 1 км за Калужской заст., трамвай № 7.

Владельцы: Долгоруков-Крымский В. М. (XVIII в.), Дмитриевы-Мамоновы (до 1863 г.), Ноевы; теперь музей народоведения.

Каменный дом XVIII в., переделанный в 1820-х гг. с привнесением ампирных элементов. Остатки оранжереи. Каменная ограда с чугунной решеткой. Английский парк с копаными прудами.

Г—в Ф. Воробьевы Горы // Московские Ведомости. 1888. № 103. 131.

МАРФИНО (Щибрино), на р. Уче, 3 1/2 км от ст. Катуар, Савел. ж. д.

Владельцы: дьяк Щелкалов (1585), Головины, Заборовский (1650), Голицыны (с 1698—1728), Салтыковы, Орловы (1805 г.), Папины.

Архитектурный ансамбль Марфина, за исключением немногих уцелевших построек от пожара 1812 г., дает яркое представление о псевдоготической усадьбе середины XIX века. Отдавая дань романтическим настроениям, сменившим классицизм, архитектор М. Д. Быковский возобновил усадьбу, придав ей характер средневекового замка. Двухэтажный каменный дом с декоративными элементами готики. Перед домом две парковых террасы с широкой каменной лестницей к пристани, украшенной фонтаном и каменными крылатыми грифонами. Наибольшего внимания заслуживает мост. Это импозантное сооружение состоит из высокой каменной стены с большим полуциркульным пролетом и другим меньшим в конце моста. Центральная часть моста имеет узкий крытый переход для пешеходов, состоящий из двойной аркатуры. Зубчатый верх покрытия и боковые части стены в виде башен придают всему сооружению крепостной характер. Массивные въездные арочные ворота. В том же стиле возведены и служебные постройки, где въездные ворота во внутренний двор отмечены сооружением в виде приземистой башни с контрфорсами и стрельчатыми пролетами окон. Из построек XVIII в. сохранились два одинаковых флигеля (бывш. псарни), двухэтажные, каменные с восьмиколонными тосканскими портиками. В парке две беседки: в конце аллеи небольшая

колонная полуротонда, другая — более сложная — рустованный с арочными пролетами восьмигранник имеет внутри восемь колонн, поддерживающих покрытие первого этажа с восьмиколонной ионического ордера ротондой на нем. Запущенный парк с остатками оранжереи.

Церковь каменная 1701 г. в стиле позднего барокко, построена крепостным архитектором В. Белозеровым. Крестообразная в плане, она несет световой барабан с куполом. Доминирующим декоративным моментом являются пилястры, расчленяющие как стены основного массива, так и барабана. Двускатные покрытия выступов образуют фронтоны.

Церковь под колокольней 1786 (?) г. Церкви и их внутреннее убранство сильно ремонтированы в 1837 г.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 39.

МАРЬИНО-ЗНАМЕНСКОЕ (Марьина Гора), на р. Бане, 7 км от ст. Павшино, Балт. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Ивановы М. и Л. (1585), Мышецкие (1646), Головкин И. Г. (1738), Толстой П. А. (1756—1788), Казаков А. А. (1798), Ермолов А. П. (1812), Решетников И. А. и Галлер А. К. (1852), Хлебниковы (1890—1917).

Старый парк с прудами и беседкой 1880 гг. Деревянная церковь 1759 г. в виде двух уменьшающихся четырехгранников, поставленных один на другой. С западной стороны к зданию примыкает четырехколонный портик первой половины XIX в. Внутреннее убранство современно постройке.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 71.

МЕДВЕДКОВО, ** на р. Яузе, 3 км от ст. Лосиноостровская, Сев. ж. д.

Владельцы: Пожарские (1623—1678), Голицын В. В. (1687—1690), Нарышкины (1691 —1795), Гусятников Н. и Сунгуров А. (1812), Сунгуров Е. А. и Иванов И. Н. (1852), Шурупенков Н. М. (1890—1917).

Деревянный дом середины XIX в. с позднейшими переделками. Остатки парка, спускающегося террасами к р. Яузе.

Каменная церковь, построенная между 1627—1646 г., стоящая на высоком арочном подклете, представляет в основании четырехгранник, несущий восьмигранник, увенчанный монументальным шатром. Восьмигранник с четырехгранником соединяется кокошниками снаружи и коническими парусами внутри, что представляет единственный пример подобной конструкции.

К апсидам главного храма примыкают два придела, соединенные галереей, охватывающей храм с 3 сторон.

По сторонам шатра 4 декоративных главки на кокошниках. Колокольня позднейшая.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 11.

Мартынов Д. А. Подмосковная старина: Описание различных сёл, монастырей и церквей. М,, 1889. С. 9—10.

Русская старина. СПб., 1877. Т. XVIII. С. 274 *

Известия императорской Археологической комиссии. Прибавления к вып. 48: Хроника за 2-ю половину 1912 г. и библиография, вып. 23. СПб., 1912. С. 133.

Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. 18. М., 1901. С. 236, 274.

МИХАЛКОВО, ** усадьба, за Бутырской заст., трамвай № 12.
Владельцы: Дашковы (до 1767 г.), потом Панины, Иокиш (с нач. XIX в.).

Остатки псевдоготической усадьбы XVIII в., сохранились расположенные по полукругу 2 боковых двухэтажных флигеля, 3 пары въездных башен и ограда. Флигеля, частью переделанные, отличаются декоративной асимметрией; утлы их обработаны полуколоннами; над карнизом стрелки. Башни главного въезда массивные на постаменте, состоят из нескольких восьмигранников, причем карниз нижнего восьмигранника сильно выступает; декорированы рустовкой, прямоугольной рамой с замком в центре каждой грани и двугорбыми зубцами. Внутри — лестницы. Углы боковых башен обработаны пучками колонн. Стены декорированы стрельчатыми арками. Башни завершаются килевидными кокошниками и пинаклями. Ограда — сплошная стена с выступами и лопатками, завершенная треугольниками и кокошниками, имеет полуколонны и контрфорсы. Регулярный парк с террасообразной системой прудов. 2 круглые беседки с полуколоннами, увенчанные вазами.

Згура В. Новые памятники псевдоготики // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. I. М., 1927. С. 1—4.

МЫТИЩИ, при ст. Сев. ж. д.

Владение дворцовое и Троице-Сергиевского монастыря в XVII—XVIII вв.

Каменная церковь 1713 г. в стиле барокко представляет собою восьмигранник, поставленный на куб. Карниз, состоящий из нескольких рядов «пилы» и пояска треугольных впадинок, завершает здание. Высокая круглая колокольня 1819 г. поставлена на квадратное основание. Приделы относится: левый к 1832 г., правый к 1899 г.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. (7 47.

МЫШЕЦКОЕ (Ново-Озерецкое), село, 10 км от ст. Лобня, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: дворцовое (нач. XVII в.), Мышецкие (1630—1700), Нарышкины (1700—1731), Степановы (1731 —1754), Иларионова А. В. (1785), Шеншина А. И. (1792), Головин А. В. (1798- 1803), Арсеньев А. Д. (1812), Голубков (1840-е годы).

От усадебного парка сохранились старые дубы, посаженные кругом. Церковь 1685 г. в стиле раннего барокко имеет форму одноглавого куба с закомарами под крышей. Барабан главы украшен аркатурным поясом и имеет кокошники у основания. Окна и двери растесаны. Порталы обрамлены колонками по бокам и завершаются килевидным подвышением из жгутов. В 1847 г. пристроены два придела, колокольня с большой главой и ограда, состоящая из белокаменных столбов и чугунной узорчатой решетки.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 122.

НЕКЛЮДОВО (Владимирское, Сретенское), село, 5 км от ст. Лианозово, Савел. ж. д.

Владельцы: Коробыш С. Г. и насл. (1623—1674), Черкасский А. К. (1674—1700), Долгоруковы (1700—1730), дворцовое (1730—1763),

Вадковские (1763—1798), Голицын С. М. (1803—1806), Раевская М. И. (1814), последний владелец Вогау.

Старый парк, от которого одна аллея ведет на Вешки, другая, длиной около 2 км, па Алтуфьево. Каменная церковь 1806 г. в классическом стиле, в форме ротонды, окруженной парными белокаменными колоннами. Внутри хоры, деревянная резьба, лепные карнизы. Купол расписан гризайлью.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина: М.,1885. (.. 110.

НЕТЕСОВО (Нечесово, Радумля-Краевская), на р. Радомке, 4 км от цлатф. Поворовка, Октябр. ж. д.

Владельцы: Годунов И. В. (1584—1586), Бутурлины (до 1647), Клобуковы-Масальские (с 1647 но 1660), Кузьмины-Караваевы (с 1660—1730). Мусины-Пушкины (1730 но 1782, 1798), Чагин И. И. (с 1782 по 1785), Пестов Н. С. (с 1785), Даниловы (с 1786—1788), Несвицкие (1788—1798), Титов И.М. (1812), Раевские (1818—1852), Голицына А. В. (1890) и Пеговы (последние Владельцы).

Дом двухэтажный, деревянный, начала XIX в., но с новой обработкой фасада. По сторонам фасада два больших закрытых крыльца (одно ложное). За домом деревянная кухня в стиле ампир с четырехколонным портиком. Сохранился парк с прудами.

Церковь каменная 1712 г. в стиле барокко, двухэтажная, представляет четырехгранник в основании с восьмигранником на нем. Трапезная соединяется небольшим переходом с двухъярусной колокольней 1818. Стены 1-го и 2-го этажей имеют карнизы в форме пояса пилы.

Углы четырехгранника и трапезной обработаны пучками полуколонн, а восьмигранника — лопатками и колонками на кронштейнах. Наличники окоп центральной части состоят из разрывных фронтончиков па полуколоннах. Капители полуколонок наличников нижнего этажа изразцовые; окна трепезной с наличниками из одного ряда жгутов с фронтончиками. Обработка четырех граней восьмигранника фронтонами и сферическое покрытие — 1818 г. Внутреннее убранство верхнего этажа современно постройке.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886.С. 205.

Соловьев 11. Церковь Преображения Господня в селе Нетесове, Московского уезда // Московские епархиальные ведомости. 1876. № 3.

Писцовые книги. С. 123.

НИКОЛЬСКОЕ-АРХАНГЕЛЬСКОЕ (Ступицыно, Заворыкино), при пл. Никольский пост, М.-Нижегор. ж. д.

Владельцы: Туренины (до 1623 г.), Пустынников (с 1623 но 1641), Стрешнев В. И. (с 1641 по 1651), Долгоруковы (с 1651 —1799).

Церковь каменная 1773 г. в стиле позднего барокко, восьмигранник на двусветном четырехграннике с подклетом. У четырехгранника небольшие полуциркульные фронтоны. Наружная лестница в трапезную. Колокольня трехъярусная, четырехгранная. Внутри стены богато украшены лепниной в стиле рококо.

Часовня 1844 г. белокаменная. Грузный восьмигранник, перекрытый куполом, поставлен па четырехгранник, к которому, образуя крестообразное основание, с четырех сторон примыкают пристройки, перекрытые 2-х скатной крышей. Вход и окна обработаны полуколоннами. Каждая из граней восьмигранника завершена полуциркульным фронтоном.

Холмогоровы. Вып. К: Вохонская десятина. М., 1888. С. 61.

НИКОЛЬСКОЕ-ПРОЗОРОВО (Шипилово), 8 км от ст. Катуар, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Серебряный В. С. (1548), Юрьев Н. И. (1585), Прозоровские (1623—1812). Частью усадьбы — Голицын Б. А. (1700—1720), Соковнины (1720—1747), Трубецкие (1852), Рабенск, Сычев (1892).

Усадебный ансамбль середины XIX века, имитирующий постройки Растрелли — состоит из центрального корпуса, боковых флигелей, служебных и въездных ворот. Двухэтажный каменный дом с ризалитами увенчан закругленным фронтоном. Антресоли дома имеют овальные окна. В английском парке гроты, руины, остатки оранжерей XVIII в. и пруд, за которым находится псевдоготический флигель середины XIX в.

Каменная двусветная церковь 1792 г. в классическом стиле представляет в плане равноконечный крест; завершением ее служит уступчатый купол с восьмигранником и главкой. Все входы украшены четырехколонными портиками. Широкие верхние окна имеют полуциркульную форму. Купол прорезан 8 закругленными окнами с наличниками, завершенными фронтонами.

Внутреннее убранство современно постройке, в стиле французского классицизма. В храме сохранилось мраморное надгробие Прозоровских. Цилиндрическая колокольня, заключенная в нижнем ярусе в рустованный четырехгранник, во втором и третьем ярусах имеет арочные пролеты для звонов. Между арками второго яруса 4 пары сдвоенных колонн несут сильно раскрепованный антаблемент. Все здание увенчано куполом со шпилем.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 57.

НИКУЛЬСКОЕ-КАРАМЫШЕВО (Микульское), на р. Микулке, 8 км от ст. Клязьма, Сев. ж. д.

Владельцы: Троекуровы (1585), Карамышевы (с 1630—1812), Голицыны (1852).

Деревянная церковь XVIII в. (перенесена из села Бусинова в 1859 г.) представляет собой восьмигранник на двусветном четырехграннике. К трапезной с двумя боковыми фронтонами примыкает четырехгранная трехъярусная колокольня. Церковь и колокольня обработаны пилястрами.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 59.
Писцовые книги. С. 186.

ОБРАЗЦОВО, на р. Клязьме, 2 км от ст. Соколовская, Сев. ж. д.

Владельцы: Хабаровы (XVI в.), Суздальский Спасо-Ефимьев монастырь (1572—1703), Мусины-Пушкины (1703—1740), Бестужевы-Рюмйны (1749—

1768), Волконские (1768—1794), Мещаниновы (XIX в. но 1874), Ляпины (1874—1890), послед, владел. Кисель-Загорянская.

Каменная церковь 1736 г. в стиле барокко с прямоугольным в плане основанием, ориентированным с запада на восток, н поставленным на нем низким четырехгранником, сдвинутым к востоку. Последний, в свою очередь, несет восьмигранник с куполом и главкой. Углы здания обработаны лопатками.

Колокольня, одновременная постройке, в три яруса, с рустованным четырехгранником в основании. Третий ярус колокольни — вытянутый восьмигранник, имеет пролеты для звонов и круглые «слухи». Внутреннее убранство церкви современно постройке.

На кладбище есть древние плиты.

От усадьбы сохранились следы парка с остатками грота, статуй, прудами и курганами.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 53.
Белокуров С. А. Надгробные плиты XVI в. в селе Образцове Московской губернии // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1911. С. 20—42.

Овсянниково, на р. Клязьме, 9 км от ст. Поворово, Октябр. ж. д.

Владельцы: Быков Ю., Ларионова (с 1626 г.), Дубровские (1670 — по 1718), Ушаков А. И. (с 1719 по 1729), Севасто А. Ф. (с 1729 по 1731), Строгановы (с 1731—1782), Чернышев И. Г. (1798), Протасова Н. И. (1803).

Следы парка и садовых кургин; деревянные службы середины XIX в.

Деревянная церковь 1745 г., в виде одноглавого куба. Северные и южные стены ее имеют по два прямоугольных окна внизу и по одному восьмиугольному наверху. Четырехугольная в плане колокольня завершена небольшим шатром. В церкви сохранились книги XVIII в. со вкладными надписями.

Холмогоровы. Вып. 11: Верейская, Дмитровская и Троицкая вотчины десятины Московского уезда. М., 1911. С. 173.

ОДИНЦОВО, 1 км от ст. Одинцово, Бел. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Исленьевы (1627 по 1673) и Савины (1627—1646), Матвеев А. С. (с 1673 по 1678), дворцовое (1678—1682), Матвеевы (с 1683 по 1735), Ягужинские (с 1735 по 1760), Ефимовские (с 1760—1788), Зубовы (1797—1852).

Каменная церковь 1802 г. в стиле ампир. На четырехграннике, с двумя портиками, поставлен круглый барабан, увенчанный куполом. Трапезной церковь соединяется с позднейшей колокольней. Внутри церковь обработана колоннами и пилястрами.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 5.
Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетуньский стаи: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 129.

ОЗЕРЕЦКОЕ (Старое Озерецкое, Никольское), село, при озерах Нерском, Круглом и Долгом, 8 км от ст. Лобня, Савел. ж. д.

Владельцы: Московские патриархи.

Церковь каменная 1708 г. в стиле барокко. В основании четырехгранник с поставленным на нем восьмигранником. Шатровая колокольня и трапезная современны церкви.

Холмогоровы. Вып. 4: Селенная десятина. М., 1885. С. 86.

ОПАЛИХА-АЛЕКСЕЕВСКОЕ (Апалиха, Опалево, Орефево), 1 км от ст. Опалиха, Бел. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Известно с 1584 г.

Владельцы: Николаев (1762—1803 г.), Рамих Ф.Х. (1852 г.), Штейн П.Ф., теперь совхоз.

Небольшой деревянный дом 40-х годов XIX в. с мезонинами. Балкон, бельведер и деревянная башня над ним — позднейшие. Старая ограда. Пилоны ворот с парными колоннами. С главного фасада по углам ограды две каменных башни XVIII в. с позднейшими деревянными надстройками.

Небольшой, хорошо сохранившийся французский парк с прудами.

Писцовые книги. С. 56, 154.

Скворцов Н. А. Уничтоженные в Московском уезде церкви. М., 1902. С. 90.

ОСТАНКИНО, ** село, за Крестовской заст. (трамвай № 9, автобус № 10).

Владельцы: Немчин Орн (XVI в.,), Щелкановы (1584 по 1617), Черкасские (с 1617 по 1743), Шереметевы (с 1743), теперь музей.

Дворец Останкина состоит из нескольких разновременных построек, в создании которых принимали участие ряд мастеров разных направлений, из коих следует отметить крепостных — П. Аргунова и Дикушина — но в итоге все это слилось в один общий облик — необыкновенно пышный и торжественный.

Первоначальное назначение здания — дворец-театр.

Основной массив здания относится к 90-м годам XVIII в. — Это большой деревянный двухэтажный дом в классическом стиле, в плане — прямоугольник с двумя выступами. Главный фасад его украшен тремя портиками, поставленными на рустованные, выступающие части первого этажа; центральный — коринфский, шести колонный и два боковых, ионических, четырехколонных. Прекрасной лепки барельефы, фриз, карниз, сандрики окон и поле фронтона, завершающего центральный портик, служат богатой орнаментацией, подчеркивающей торжественность классических форм здания.

Садовый фасад дома разрешен не менее пышно. Восемь ионических колонн па выступающем рустованном нижнем этаже заполняют все пространство между боковыми выступами дома. Весь этот грандиозный портик завершается фронтоном. На боковых, выступающих частях здания окна имеют полуциркульное обрамление с парными ионическими колоннами по сторонам. Все пиши заполнены статуями, а каменные львы украшают широкие сходы в парк.

Верх здания завершается низким барабаном с куполом.

Боковые одноэтажные флигеля дома, первой четверти XIX в., присоединены к дому иод прямыми углами крытыми галереями. Трактованные в стиле

ампир, они выглядят более просто и строго, но изысканным разрешением отдельных архитектурных моментов они дополняют этот ансамбль.

Внутри дворца исключительный интерес представляет театральный зал с сохранившимися техническими приспособлениями для сцены, прекрасная «лепнина», украшающая почти все залы дворца, и деревянная резьба. Мебель, люстры, рамы для картин, панно и даже каннелированные колонны под мрамор — все это работа по дереву, сделавшая Останкино уникальным памятником среди сохранившихся усадеб. От большого парка остались лишь два копаные пруда, да небольшой участок, непосредственно примыкающий к двор цу и сохранивший типичную для французских парков планировку и часть мраморной скульптуры. Остальная часть парка, правда, образцово сейчас поддерживаемая, давно потеряла свой облик XVIII века.

Вторым большой художественной ценности памятником в Останкине является каменная церковь 1683 г. — в стиле раннего барокко с шатровой колокольней. Основной четырехгранник завершен пятью главами на тонких декоративных барабанчиках, поставленных на кокошники. По сторонам апсиды два придела — в виде небольших вытянутых четырехгранников, так же завершенных главками. Крытая галерея охватывает храм с трех сторон. Вся постройка на подклете. Два широко раскинувшиеся крыльца с интересными порталами дополняют сложный ансамбль храма. Северное крыльцо и шатер колокольни построены Султановым в 1877 г. Необыкновенно богатая декорация храма в виде кокошников, белокаменных наличников окон, изразцовых украшений на стенах и резьбы по камню делают памятник характерным представителем эпохи.

Внутреннее убранство 1700 г. в стиле барокко. Есть древние иконы.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 7.
Барсуков А. П. Род Шереметевых. Кн. 4. СПб. 1884.
Церковь в селе Останкине // Исторический вестник. Спб., 1884. Т. XV. Март. С. (ИМ 895. Б. п.
Султанов Н. В. Реставрация церкви в селе Останкино // Зодчий. СПб., 1877. № 7. С. 65—66.
Суслов В. В. Памятники древнего русского зодчества. Вып. VI. СПб., 1900.
Мартынов Л. Л. Подмосковная старина: Описание различных сел, монастырей и церквей. М,, 1889. С. 50—51.
Денисов Л. Дворец и храм. М., 1898.
Анисимов Ю. П, Новицкий Г. Л. Останкино: Очерк. М., 1927.
Виноградов К. Музей-усадьба Останкино. Дворец-театр: Краткий путеводитель. М., 1928.

ОСТАШКОВО, на р. Клязьме, 8 км от ст. Хлебниково, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Черкасские (1623—1743), Шереметевы (с 1743).

Церковь каменная 1699 г. в стиле раннего барокко, представляет собой одноглавый куб со световой круглой главкой, обработанной жгутами. На западной стороне, к углам основного массива пристроены два придела, также в виде одноглавых кубов. Углы всей постройки обработаны лопатками. Трапезная и колокольня 1815 г.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 81.

ОЧАКОВО, ** село, на р. Навексе (Вешке), при ст. М.-Киево-Ворон. ж. д.

Владельцы: Лобановы-Ростовские (1623—1717), Опочинины (1757 но 178), Херасковы (1781—1788), Нарышкина Е. Н. (1812—1852), Головин Н. Г. (1855—1861).

От усадебного парка сохранилась лишь липовая аллея и копаный пруд. Каменная церковь 1757—1759, в стиле позднего барокко, представляет собою четырехгранник с небольшим восьмигранником наверху.

Другая церковь, деревянная, 1813 г., переделанная из усадебного дома в 50-х годах, имеет ампирное внутреннее убранство.

В усадьбе жили масоны Трубецкие и погребен масон Шварц.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 269,337.

Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетуньский стаи: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 127.

ПАВЕЛЬЦЕВО (Павельцево Большое, Спасское, Спас-Павлики), на р. Клязьме, 2 км о ст. Хлебниково, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы : Траханиотовы (1623 по 1715), Шишкина Е. С. и Ладыгина А. С. (с 1715 по 1718), Шишкина Е. С. (с 1718 по 1755), Еропкин А. М. (с 1775 по 1798), Волкова А. П. (1812), Зубова Н. П. (1852).

Церковь каменная 1715 г., в стиле барокко, представляет четырехгранник в два света, несущий восьмигранник с главкой, надстроенной в 1736 г. Колокольня, трехъярусная, четырехгранная, примыкает к трапезной. Внутреннее убранство XIX в.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 131.

ПАВШИНО. ** село, на р. Москве, при ст. Балт. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Великокняжеское (1462) и дворцовое (1628).

Каменная церковь 1821 г. в стиле ампир. Основной четырехгранник несет световой барабан с полусферическим куполом. Полукруглый алтарь и четырехколонные портики. Трапезная, с закругленными углами, соединяет основной массив с колокольней. Четырехгранная, в три яруса колокольня, обработана рустами и полуколоннами. Внутреннее убранство конца XVII в., перенесенное из Зачатьевского монастыря.

Вторая каменная церковь 1866 г.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 136.

ПЕРЕРВИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, ** на р. Москве, 1 км от ст. Перерва, Моск.- Курск, ж. д.

Известен с 1623 г.

Никольский собор 1700 года в стиле барокко, восьмигранник на четырехграннике с подклетом окружен с севера и с запада крытой галереей. Колокольня с С. — В. угла храма того же времени. Стены колокольни и церкви имеют пояс ширинок с изразцами. Наличники с разрывными фронтонами.

Надвратная церковь в стиле барокко 1735 г. Большой собор 1908 г. Каменные корпуса первой пол. XIX в.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 5.
Никифор, Иеромонах. Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря. М., 1888.
Чтения в Обществе любителей древней письменности. Т. III. СПб., 1877. С. 91.

НЕРОВО ** (Пирогово, Тетеревники), при ст. М.-Кал. ж. д.

Владельцы: Спасителев Н. Т. (1573), Татевы (1622—1624), Куракин (1646), Воротынский (1678), Голицыны (1686—1704), Брюс (с 1732 но 1743), государственное (1743), Разумовский А. Г. (с 1744).

Каменная церковь 1705 г., в стиле позднего барокко, представляет в плане 8 соприкасающихся отрезков окружностей, причем радиусы четырех из них, ориентированные но странам света, больше радиусов промежуточных. Композиция завершается восьмигранником с куполом. Над каждым закруглением стен нижнего яруса — декоративные белокаменные козырьки с ложными люкарнамм. Старый иконостас поновлен. В 1905 г. с севера пристроена каменная церковь. Колокольня 1881 г.

Сохранился парк.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 120.
Некрасов А. И. О начале барокко в русской архитектуре XVIII в. // Труды секции пространственных искусств ГАХН. 1: Барокко в России / Под ред. А Н. Некрасова. М.,1926. С. 62.
Благово Д. Д. Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком. СПб., 1885. С. 19.
Писцовые книги. С. 1.

ПЕСТОВО, село, 12 км от ст. Катуар, Савел. лин. Сев. ж.д.

Владельцы: Ермоловы, Арманд.

Каменный двухэтажный дом середины XIX в. Английский парк.

ПЕТРОВСКОЕ, па р. Москве (близ Угреши), 7 км от сг. Томилино М.-Каз. ж. д.

Владельцы: Дворцовое вед. и Милославский (XVII в.), Нарышкины (с 1691—1785), Демидовы (1805—1812), Шелапутины (1837—1852), Чернышевы (1890), последний владелец Барятинский.

Усадебный дом конца XVIII в. в классическом стиле, в 2 этажа (1-ый каменный, 2-ой деревянный), с четырьмя портиками и большим круглым колонным бельведером. Внутри сохранились расписные плафоны и фигурные печи. Парк.

Каменная церковь 1685 г. представляет вытянутый четырехгранник, несущий низкий восьмигранник с декоративным шатром. Алтарь трехапсидный; имеется трапезная. По углам здания — лопатки, основание же шатра обработано рядом треугольных кокошников; наличники окон, с треугольным верхом, относятся к тому же времени. Внутреннее убранство начала XVIII в. Вторая церковь — каменная, 1805 г., в стиле ампир. Круглая в плане, она имеет три выступа но сторонам и ротондальный алтарь. Трехъярусная колокольня имеет верхний этаж более поздний.

Холмогоровы. Вып. 8: Псхрянская десятина. М., 1892. С. 18.

ПЕТРОВСКОЕ-ЛОБАНОВО (Козлове, Зловка), па р. Химке, 1 $^1/_2$ км от ст. Химки Октябр. ж. д.

Владельцы: Татевы (1585—1623), Мартемьянова А. Г. (1646), Елизаров II. К., Урусовы (1678—1739), совладельцы — Лобановы-Ростовские (1706—1740), Потемкин Г. А. (1779), Апухтина Е. Г. (1822), Евреиповы (с 1852).

Каменная церковь 1829 г., в стиле ампир. На кубе круглый барабан с куполом. С востока и запада прямоугольные выступы. Боковые фасады завершены фронтоном во всю ширину стены и отмечены в центре большой аркой, в которой помещена дверь, обрамленная полуколоннами, несущими антаблемент. Верх арки заполнен полуциркульным окном. Невысоким переходом церковь соединяется с двухъярусной колокольней.

Остатки парка.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 104.

Григорий, архимандрит. О домовых церквах Московской епархии. С. 22.*

ПЕТРОВСКО-ЛОСИНАЯ СЛОБОДА (Лосиный Завод), 4 км от ст. Монино Сев. ж. д. па р. Клязьме.

Владельцы: Ф. П. Балк-Полев (1782).

Церковь каменная в стиле ампир 1822 г. В плане вытянутый прямоугольник. Северная, южная и восточная стороны имеют четырехколонные дорические портики с уступчатыми фронтонами. Круглый барабан с 8-ю окнами украшен консолями, несущими картин. Купол с ложными люкарнами.

Внутреннее убранство одновременно постройке.

Трехъярусная колокольня и трапезная 1854 г.

На месте б. Лосиного Завода сохранились две служебные постройки на чала 19 века и остатки парка.

ПЕТРОВСКО-РАЗУМОВСКОЕ ** (Семчино), на р. Жабне, 4 км от Бутырск. заст. (трамв. № 12).

Владельцы: Шуйские (1585—1623), Прозоровские (1639 но 1676), Нарышкины (1676—1732), Разумовские (1784 по 1829), Шульц (1829 по 1860); в 1860 г. была устроена Петровская, ныне Тимирязевская С. Х. Академия.

Дом, конца 19 в., построен по проекту арх. Л. Бенуа. Флигеля XVIII в. Регулярный старый парк. Большой пруд. Остатки грота и воздушного театра.

Церковь каменная, 1692 г., в стиле барокко, представляет четырехгранник на подклете, завершенный тремя восьмигранниками с главкой. Двусветная трапезная и трехапсидный алтарь. Здание окружает открытая галерея на арках. Углы четырехгранника декорированы колонками, а восьмигранника витыми колонками с капителями. Наличники окон состоят из разрывных фронтонов и колонок но сторонам. Фронтоны четырехгранника дуговые с шарами на пьедесталах посредине, а восьмигранника — полуциркульные с раковинами в поле.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 125.

Артаболевский.. Петровско-Разумовское. М.., 1915.*

ПЕХРА-ЯКОВЛЕВСКОЕ (Леоново), на р. Пехорке, 4 км от от. Кучино, М.-Нижегор. ж. д.

Владельцы: Замыцкая (в XVI в.), Голицыны (1591 —1828), Гагарин И.А. (1828—1832), Нарышкина А. Д. (1832), Лобановы-Ростовские (1835), Шелашниковы (1852), Роои (с 70-х гг. XIX в.).

Каменный дворец, выгоревший внутри несколько лет назад, построен в 1760—1770 гг. на грани барокко и классицизма. Круглящиеся галереи и флигеля в стиле ампир пристроены позднее. 2 симметричных корпуса, расположенных по линии флигелей (оранжерея и театр, утративший свое устройство) — образцы зрелого ампира. В большом запущенном парке — фонтан со скульптурой 3-х граций, великолепная барочная лестница с сфинксами и львами, остатки скульптуры, вазы и т. д.

Каменная церковь 1779—1785 гг. представляет собою ротонду, завершенную куполом, стоящим на высоком и узком барабане. С запада к церкви примыкает притвор, который имеет в центре четырехколонный ионический портик с фронтоном, а по бокам две колокольни. Внутреннее пространство, перекрытое полусферой купола, 8 арочными пролетами открывается в круговую галерею, часть которой занимает алтарь. Массы и убранство церкви, построенной, возможно, но проекту К. Бланка, говорят о классике, с привнесением элементов барокко. Здание несколько искажено пристройкой в 1823 г. придела. Около шоссе грот из дикого камня.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехряиская десятина. М.,1892. С. 137.

Опочинин Е. Новые сведения о Пехре-Яковлевском // Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1. М., 1928. С. 5—7.

ПОВОРОВО (Ивановское, Богородское), на р. Радомле, 1 км от платф. Поворовка, Октябр. ж. д.

Владельцы: Белеутовы (в 1472 г.), Сицкий А. Д. (до 1618 г.), Морозовы (с 1618 по 1672), Нарышкины (с 1672 по 1726), Строгановы (с 1726 по 1765), Татариновы (с 1765—1782), Долгорукие (1852 до 1879 г.), посл. влад. Бурышкин, теперь школа.

Дом новый. Церковь каменная, конца XVII в., в стиле барокко, трехчастная в плане, состоит: из поставленного на подклет центрального четырехгранника, несущего три восьмигранника с главкой, с востока к нему примыкает алтарь, а с запада трапезная, переделанная из открытой террасы.

Колокольня более поздняя, в форме поставленного на четырехгранник цилиндра, покрытого конусом (внутри с восемью гранями).

Ребра восьмигранников украшены полуколоннами. Наличники окон нижнего восьмигранника состоят из полуколонок с разрывными фронтонами.

Холмогоровы. Вып. 11: Верейская, Дмитровская и Троицкая вотчины десятины Московского уезда. М., 1911. С. 172.

Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 410. С. 436—438.

ПОКРОВСКОЕ-БРЕХОВО на р.р. Горетовке и Раздеришке, 4 км от ст. Крюково, Октябр. ж. д.

Владельцы: Пешков И. Д., Копытов З.В. (нач. XVI в.), Чудов монастырь (с 1525 по 1764 г.). Церковь каменная 1815 г. в стиле ампир. На четырехграннике низкий барабан, перекрытый полусферическим куполом. В 1899 г. церковь обстроена приделами. Двухъярусная, четырехгранная колокольня.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 179.
Скворцов Н. А. Уничтоженные в Московском уезде церкви. М., 1902. С. 14.

ПОКРОВСКОЕ, ** село, на р. Городенке, 3 км от ст. Царицыно, М.-Курск. ж. д.

Принадлежало Новоспасскому монастырю.

Каменная церковь, первой четверти XVIII в., в стиле барокко, представляет восьмигранник на четырехграннике, перекрытый куполом с главкой. Углы четырехгранника обработаны парными полуколонками, которые проходят и но граням восьмигранника. Особенность памятника — вдавленные, разорванные фронтоны оконных наличников. Стены украшены поясом ширинок и пилы. Приделы и колокольня 1878 г. Апсида двухчастная. Внутреннее убранство повое.

Холмогоровы. Выв. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 64.
Древности. Т. III. М., 1909. С. 228.

ПОКРОВСКОЕ-ИВАКИНО, село, на р. Клязьме, 3 км от ст. Хлебниково, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Траханиотов (1585 по 1797), Свиньины с 1797 г., Горчаков (1852), Хвостовы.

Одноэтажный каменный дом, небольшой английский парк, пруды. Ампирная каменная церковь 1835 г. в форме прямоугольника, украшена с боковых фасадов четырехколонными портиками. Здание завершается куполом. Церковь крытым сквозным переходом из четырех сдвоенных попарно колонн соединяется с каменной колокольней того же времени.

Внутреннее убранство современно постройке. Интересна роспись стен гризайлью.

Писцовые книги. С. 186.
Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 51.

ПОКРОВСКОЕ-ПЕХРА (Слободка), село, на р. Пехорке, 8 км от ст. Кучино, М.-Нижегор. ж. д.

Владельцы: Патриархи (1623 по 1657), Богоявленский монастырь (с 1657 но 1701), Меньшиков А. Д. (с 1701 по 1729), Богоявленский монастырь (с 1729—1764).

Каменная церковь 1829 г., в стиле ампир, в форме куба с круглым барабаном. В сер. XIX в. расширена.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 95.

ПОКРОВСКОЕ-СТРЕШНЕВО ** (Глебово, Подъелки), на р. Чернушке, при ст. Балт. лин. М.-Б.-Б. ж. д. (трамв. № 13).

Владельцы: Благово Е. И. (1584 г.), Палицына А. Ф. (1622 г.), Данилова М. Ф. (1622—1646), Стрешневы (с 1678), (Глебовы-Стрешневы, Шаховские-Глебовы-Стрешневы).

Каменный дом, в основе второй половины XVIII века, сильно испорчен позднейшими переделками. Ограда с башнями и ворота новые. Большой интерес представляет в полуверсте «ванный домик» «Елизаветино» 90-х гг. XVIII ст. в классическом стиле. Французский парк со скульптурой, английский парк с каменной оранжереей XVIII в., пруд с островом.

Каменная церковь с колокольней 1750 г.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 187.

Сивков К. В. Покровское-Стрешнево. М., 1927.

ПОЯРКОВО (Рождественское), село, на р. Клязьме, в 7 км от ст. Сходня, Октябр. ж. д.

Владельцы: Митрополиты (1585), Апраксин Ф. (1623—1624), Ларионов М. (1629—1648), Нарбеков Б. Ф. (1650—1651), Матвеев А. С. (с 1651 по 1677), Черкасский М. А. (с 1678 по 1682), Матвеевы (с 1682 по 1728), Степанов В. В. (с 1728—1739), Кутузова М. В. (1778), Мошкова Е.В. (1782), Глебов II. И. (1782), Норов А. С. и Скодианов М. И. (1785), Скодиановы (1798—1812), Гурьев В. М. (1852).

Каменная церковь 1665 г. в стиле раннего барокко. По форме ото четырехгранник с закомарами, углы которого обработаны полуколоннами и лопатками. Окна украшены разнообразными резными наличниками. Перспективные порталы. Все степы богато орнаментированы. На северной стене вделана художественной работы белокаменная памятная доска. Стройная колокольня, на сквозных арках, является единственным примером двух прорезных восьмигранников на четырехграннике; орнаментирована изразцами. Завершением ее служит высокий шатер с одним рядом слухов. Церковь и колокольня не ремонтировались с основания; растесаны лишь частично двери. Внутреннее убранство новое.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 16.

ПРУСЫ, село, на р. Уче, 7 км от ст. Клязьма, Сев. ж. д.

Владельцы: Катырев-Ростовский И. М. (с 1623 г.), Одоевские (1646—1688), Шеины (1688), дворцовое (с 1721), Гендриковы (1721 —1780), Березниковы (1798—1812), Крымова М. М. (1852), Рихтер Н.Ф. (1890), последи, влад. Абрикосов и Шилов.

Сохранились остатки парка.

Церковь каменная 1814 г. в стиле ампир. В основе куб с низким световым барабаном и с двумя боковыми полуротондами, образованными колоннами без канителей. Трапезная с храмом и колокольней соединяется короткими переходами. Паперть имеет форму полуциркульной лоджии.

Колокольня двум, ярусная. Внутреннее убранство современно церкви.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 67.

ПУШКИНО, село, на р. Уче, 3 км от ст. Пушкино, Сев. ж. д.

Митрополичье владение (с XVI в.).

Каменная церковь 1694 г., в стиле барокко, имеет в основе пятиглавый куб с полукруглой трехчастной апсидой и трапезной. Приделы 1871 —1876 г. Куб имеет разнообразную декорацию стен, с проходящими по карнизу декоративными закомарами и пучками полуколонн но углам. Декорация окон с наличниками из разрывных фронтонов повторяется и па других частях здания. Трехъярусная колокольня 1871 г.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 59—71.

РЖАВКИ (Жилино), село, 4 км от ст. Фирсановка, Октябр. ж. д.

Владельцы: Бутурлины (1646—1712), Голицыны (1712—1778), Долгоруковы (1778—1852).

Каменная церковь 1827 г., в псевдоготическом стиле, в форме куба, с прямоугольным выступом с востока и небольшими многогранными выступами с трех остальных сторон. Увенчана круглым барабаном с куполом. Стены разделены карнизом на два яруса. Карниз крыши прерывается над средней частью каждой стены, образуя фронтон. Средние верхние окна заключены в неглубокие ниши. Окна имеют разнообразную псевдоготическую обработку, со стрельчатыми арками. Купольные окна — стрельчатые.

Колокольня в том же стиле. Нижняя часть ее, четырехгранник с двумя пристройками по бокам и восьмигранником на нем, современна церкви. Верхняя часть — конца XIX в. Входные двери заключены в полуциркульные ниши с аркой. Стены обработаны пилястрами и нишами. По углам поставлены пипакли.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 354.

РОДИНКИ, село, на р.р. Чуднице и Купавне, 11 км от ст. Балашиха, М.-Нижегор. ж. д.

Владельцы: Высоцкие (с 1635 по 1652 г.), Стрешневы (1652 г. — 1674 г.), Нарышкины (с 1674—1764), Оболенские (1764 г.), Чихачевы (пер. полов. XIX в.), Кожевников (1867 г.), последние Владельцы — Татарниковы.

Следы каменного дома XVII в. Парк и пруд.

Церковь каменная 1769 г., в стиле позднего барокко, двусветная, состоит из 2 четырехгранников, поставленных один на другой и увенчанных карнизами; сомкнутый свод несет барабан с фигурной главкой; стены обоих ярусов обработаны пилястрами.

Колокольня и трапезная — позднейшие (нач. XIX в.).

В церкви сохранились фамильные иконы Нарышкиных XVII в.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 108.

РОЖДЕСТВЕНО (Драчево), на р. Сходне, 4 км от ст. Павшино, Балт. лип. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Чудов монастырь (в XVI веке).

Деревянная одноглавая церковь 1758 г. с четырехскатной кровлей и трапезной. В 1880-х годах расширены окна. Внутреннее убранство новое.
Вторая церковь каменная 1897 г.

Холмогоровы. Выл. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 2411.

РОЖДЕСТВЕНО-СУВОРОВО (Михайлово), 10 км от ст. Катуар, Са вел. лин. Сев. ж. д.
Владельцы: Молчанов Немир (1585), Погожевы (1628 по 1632), Гавреневы (с 1632—1666), Барятинские (1688 но 1773), Суворовы (с 1773—1852), в том числе, известный полководец А. В. Суворов.

Остатки старого парка, пруды.

Каменная церковь 1714 г., в стиле раннего барокко, представляет собой куб с пятью восьмигранными главами и трехчастной апсидой. Приземистая шатровая колокольня современна церкви. На могиле Вас. Ив. Суворова (отца полководца) каменное резное надгробие XVIII в.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 117.

РОЖДЕСТВЕНО (Шерапово, Шерепово, Шелепово), с. на р. Незнапи, 18 км от ст. Катуар Савел. ж. д.

Владельцы: Андрей Немчинов (1573—1574 г.), А. А. Дашков (1585 г.), Борятинские (1623 по 1699 г.), Т. Н. Стрешнев (с 1699 г.), дворцовое (с 1719 по 1723 г.), С. И. Стрешнева (с 1723 г.), Голицыны (1768—1852 г.), II. М. Борисов (1912 г.)

Остатки усадебного парка с прудом.

Церковь каменная 1701 г., в стиле барокко. Четырехгранник с трапезной имеет восьмигранник с главкой. Углы обработаны лопатками. Окна с разрывными фронтонами. Звонница позднейшая.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 137.
Писцовые книги. С. 37. 173.

РОСТОКИНСКИЙ (Алексеевский) акведук, ** 1 км от с. Алексеевского (трамв. № 9).

Кирпичное сооружение в 167 саж. длины, из 21 арочного пролета. Является частью системы Мытищинского водопровода. Вода протекает вверху в трубе, проложенной по коридору, покрытому двускатной кровлей. Строил инж. Бауер в 1779—1787 гг.

САБУРОВО, ** приселок Коломенского, на р. Москве, 1 км от ст. Москворецкая, М.-Курск, ж. д.

Владельцы: Вотчина московских князей, потом дворцовое.

Церковь каменная 1596 г.; одноглавый четырехгранник с поясом «пилы» под закомарами; к нему примыкает одна апсида. Колокольня и приделы 1862 г.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянскня десятина. М., 1892. С. 14.

САВВИНО с. (Вашуково), на р. Воре, в 6 км от ст. Монино, Сев. ж. д.

Владельцы: Вельяминовы (1614 г.), Лопухины (1678—1776), Чебышевы (1819), Вендерн Е. М. (1852), Поляков И. К. (1890).

От уеадьбы сохранился парк, расположенный на архипелаге островов, образованных прудами и каналами. Из числа масонских памятников сохранилась плита Квирину Кульману.

Скворцов Н. Л. Уничтоженные в Богородском уезде церкви. М., 1901. С. 8.

САЛТЫКОВКА, при ст. Салтыковка, М.-Нижегор. ж. д.

Владельцы: ем. Никольско-Архангельское.

От усадьбы сохранился большой английский парк, пруды, остатки грота.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 61.

СВИБЛОВО, ** село, на р. Яузе, 6 км от Крестовской заст.

Владельцы: Плещеевы (1623—1702), Нарышкин К. А. (с 1704—1709), Плещеевы (1721—1728), Дорофеевы (с 1728), Голицына М.С. (1745—1776), Высоцкая М. И. (1785—1812), Кожевников И. П. (1852), Халатов Г. Б. (1890—1917).

Двухэтажный каменный дом нач. XVIII в. Верхний этаж первой половины XIX в. В парке флигель XVIII в. с ампирной обработкой. Постройки искажены переделками. Каменные службы середины XIX в. Парк. Копаный пруд. Церковь каменная 1708 г. в стиле барокко, центрическая, два восьмигранника па четырехграннике с крестообразным основанием. Грани нижнего этажа и восьмигранники обработаны пучками полуколонок с коринфскими капителями. Углы четырехгранника имеют пилястры, а стены круглые ложные окна. Основания восьмигранников охвачены декоративными балюстрадами. Верхний восьмигранник глухой. Карнизы, из многообломных тяг, везде, кроме последнего восьмигранника, раскрепованы. Колокольня трехъярусная, второй иол. XVIII в. представляет собой два цилиндра на четырехгранном основании. Нижний ярус, с открытыми проездами, убран тосканскими колоннами, а второй, с пролетами для звона, полуколоннами с ионическими капителями. На колокольне один из колоколов трофейный — шведский.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 69.

СЕРЕДНИКОВО (Спасское), село, на р. Горетовке, 4 км от пл. Фирсановка, Октябр. ж. д.

Владельцы: Егуповы-Черкасские (с 1623 по 1770), Камынин Н. А. (с 1770 по 1775), Всеволожские (с 1775 по 1806 г.), Нестеров А. А. (с 1806 но 1814), Салтыков Г. А. (1814 по 1823 г.), Малышев И. З. (с 1823 по 1825 г.), Столыпины (с 1825 по 1869), последние Владельцы Фирсановы (с 1869); теперь санаторий «Мцыри».

Хорошо сохранившийся усадебный ансамбль, в классическом стиле, конца XVIII — нач. XIX в. Главный каменный двухэтажный дом, с бельведером, полуциркульной колоннадой соединен с 4-мя двухэтажными флигелями. Каменная ограда и ворота старые, железная решетка — новая. Службы и конный двор. В парке каменная лестница широкими террасами спускается к пруду.

Интересен белокаменный трехарочный мост с кованой железной решеткой и четырьмя муфтированными колоннами. При въезде в усадьбу мостик с ампирной решеткой. В парке поставлен обелиск Лермонтову, жившему здесь в 1830 г. Сохранилась часть старой обстановки.

Церковь каменная. Основной куб — 1693 г. Наружная обработка и внутреннее убранство 1782 г. Колокольня — 1865 г.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М.,1886. С. 207.

Терновский А. Храм Алексея Митрополита в селе Середникове. М., 1908.

СОКОЛОВО (Мещерское), на р. Сходне, 5 км от от. Химки, Октябр. ж. д.

Владельцы: Хилковы (1616 по 1638), Леонтьевы (с 1638— 1713), Зыбины (1719—1722), Дивовы (1722—1852), Мазурины (1876—1890), Ненцель (1913).

Деревянный флигель («№ 9»), с полукруглым выступом под куполом, с одной стороны, и фронтоном, некогда опиравшимся па колонны, с другой, теперь полуразрушен. Здесь жил А. И. Герцен, бывали Грановский, Корт, Боткин, Кетчер, Панаев, и др. Запущенный парк.

Каменная церковь строилась в три приема. Восточная часть — куб с прямоугольным алтарным выступом, увенчанный восьмигранником,— 1722 г. Сохранились следы лопаток. Полуциркульные окна поздние. Прямоугольная средняя часть с портиками на север и юг и низ колокольни 1814 г.; верх колокольни — 1868 г. Внутреннее убранство современно постройкам.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 11.

СОЛОМЕННАЯ СТОРОЖКА, ** за Бутырской заст. (трамв. № 12).

В 1916 г. архит. Ф. О. Шехтелем построена деревянная шатровая церковь в духе северного зодчества, одна из сравнительно удачных попыток подражания древнему русскому стилю.

Внутри много икон XVII в., а частью и XVI в.

СПАССКОЕ НА СЕТУНИ (Манухино, Оксеново), 3 км от от. Кунцево, Бел. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Сумин Ларион (начало XVII в.), Пушкины (1627 по 1673 г.), Матвеев Артамон Серг. (1673 по 1682), Дворцовое (1683), Матвеевы (1683 но 1735), Ягужинские (1735 по 1779), Гурьевы (1779 по 1788), Кирьяков Г. А. (с конца XVIII в. — 30 годы XIX в.), Покровский И. Г. (с 30-х годов XIX в. но 1855), Яньковы (1892), Редавсй. Теперь общежитие рабочих.

Усадебный дом начала XIX века, деревянный, одноэтажный, имеет со стороны парка ротонду, крытую куполом. Следы парка.

Церковь каменная 1676 г. в стиле раннего барокко. В основе пятиглавый четырехгранник с трехчастной апсидой. Стены заканчиваются ложными закомарами, пяты которых упираются на фигурные консоли. Трапезная и колокольня новые, а боковые приделы 1844 г. Внутреннее убранство главного придела в стиле ампир (1809 г.). Имеются работы Симона Ушакова и Павловца, одновременные постройке церкви.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 273.

СТАРБЕЕВО (Тарбеево, Гнилуши), на р. Гнилуше, 4 км от ст. Химки, Октябр. ж. д.

Владельцы: Татев П. И. (XVI в.), Неклюдов и Соманов М. (1573 г.), Яковлева А. (1585 г.), Бахтеярова-Ростовская (до 1616 г.), Мартемьяновы (1616—1680 г.), приписано к «госпиталю» (1723 г.), Долгорукие (1729—1730 г.), государств. (1730—1742), Салтыковы (с 1742—1762 г.), Долгорукие (1762—1812), Львов (1852).

Остатки парка, 2 пруда.

В 1 километре деревянная церковь 1784 г. в форме одноглавого куба с трапезной.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 52.

СТРЕБУКОВО, погост при селе Пешки, па р. Вздериноге, 6 км от ст. Поворово, Октябр. ж. д.

Владельцы: в XVIII в. экономическое.

Церковь каменная 1867 г., трапезная же более ранняя 1849 г. Высокая колокольня 1893 г. построена но проекту архитектора С. Тропаревского.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 91.

СУКОВО, ** село, на р. Сетуни, 1 км от пл. Суково, М.-Киево-Ворон, ж. д. Владельцы: Трубецкие (в XVII веке), последн, влад. Иогель. Деревянный одноэтажный дом 1840-х гг. с позднейшими переделками. Березовый парк.

Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетуньский стан: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 131.

ТАЙНИНСКОЕ ** (Тонинское), село, на р. Яузе, 3 км от ст. Тайнинской, Сев. ж. д.

Владельцы: Упоминается в 1410 г. С нач. XVII в. дворцовое. Сохранились остатки парка. Каменная церковь 1677 г. в стиле раннего барокко. Основной пятиглавый, вытянутый вверх, четырехгранник с трехансидным алтарем и двусветной трапезной. Стены четырехгранника имеют под полукружиями закомар — богато декорированный карниз и пучки не доходящих до низа полуколонок. Барабаны глав поставлены на кокошники. Крыльцо, представляющее единственный пример подобного рода, состоит из нескольких рундуков со входом в центре, перекрытом полой бочкой. Боковые рундуки имеют вид шатровых башенок с открытыми арками. В трапезной хоры от внутреннего помещения отделены поставленной на столбы стеной, прорезанной тремя арками с каждой стороны.

Внутреннее убранство современное памятнику. Сохранились остатки древних слюдяных окон.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 23.

Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся г Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. № 40. С. 77.

ТЁПЛЫЕ СТАНЫ ** (Троицкое), 6 км от ст. Вострякoво, М.-Киево-Ворон. ж. д.

Владельцы: Башмаков Ф. Г. (1624), Зыбим М. Е. (1648—1678), Дашков В. (1678—1684), ТолочановС.Ф. (1684—1687), ШакловитыйФ. (1687—1688), Ивановы (1688—1747), Гагарин С. В. и Извекова К. Г. (1754), Салтыкова («Салтычиха»), затем Тютчевы (после 1777—1812), Воейкова, потом Устиновы (1852—1895), теперь школа.

Старый липовый парк с квадратной планировкой и копаными прудами. Усадебные постройки новые.

Каменная церковь 1696 г. — восьмигранник на квадратном основании. Шатровая колокольня с двумя рядами слухов, из которых верхние круглые. В 1823 г. церковь снаружи отделана в стиле ампир, сохраняя барочную композицию масс. Северный и южный фасады украшены дорическими пилястрами, несущими фронтон, и большими полуциркульными окнами. Внутреннее убранство XVII в.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 185.

Шеппинг Д. Древний Сосенский стан Московского уезда. М., 1895. С. 18.

ТИМОНИНО (Никольское, Савостьяново, Колово), на р. Клязьме, 3 км от ст. Монино, Сев. ж. д.

Владельцы: Волконские (1623—1766), Козлов и Струпов (1781 г.), Валуев (1819), Полуектова Л. Б. (1852), Белов А. П. (1890).

Каменная церковь 1819 г. в стиле ампир имеет в плане квадрат с полукруглой апсидой. Четырехколонные тосканские портики, несущие антаблемент и фронтон, примыкают к зданию с трех сторон. Над фронтонами, а также с востока, но 1 полуциркульному окну. Стены в нижней части рустованы. Верхние части их повторяют форму фронтона портика. Здание завершается круглым барабаном с восемью окнами и низким куполом. Внутреннее убранство одновременно с церковью. Двухъярусная колокольня того же времени имеет основание каменное, а верх деревянный. Одна стена нижнего яруса прорезана аркой входа, 3 других украшены ложными арками. Над ними круглые декоративные впадины. Стены др. середины рустованы. Пролеты для звонов с полуциркульными завершениями.

Деревянная церковь 1684 г., перестроенная в 1824 г., прямоугольная в плане с пятиглавой апсидой. Северная и южная стены завершены ампирными фронтонами, нижние карнизы которых прорезаны полуциркульными окнами. Восьмигранный барабан обшит железом с нарисованными на нем окнами. С трех сторон основной четырехгранник храма охвачен позднейшей трапезной.

Большой английский парк.

Холмогоровы. Вып.6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 84.

ТИШКОВО (Спасское), на р. Вязи, 11 км от ст. Пушкино, Сев. ж. д.

Владельцы: Собакины (1792—1812), Тороповы (1852—1870).

Остатки большой псевдоготической усадьбы 1792 г. У границ, усадьбы два восьмигранных столба с небольшими тумбами наверху и овальными отверстиями в средней части. Сквозные пилоны въездных ворот, прямоугольные в плане, с двумя нарами четырехгранных колонок по сторонам. Небольшой восьмиугольный флигель, внутри разрушен. Остатки оранжереи с овальным залом. Служебные постройки. В большом французском парке, вблизи дома два четырехгранных, на круглом основании, пилона, с сильно выступающими пилястрами на углах. Фасадная стена их прорезана стрельчатыми отверстиями. Особый интерес представляет парковое сооружение «Трехарочные» ворота, треугольные в плане, с круглыми башнями по углам, соединенными в верхней части галереей. В одной из башен следы лестницы доверху. На воротах дата — «1792 год». Следы пруда.

Псевдоготическая церковь 1794 г., кирпичная, с белыми оштукатуренными деталями, крестообразная в плане, завершается декоративной башней с конусообразным покрытием. Углы обработаны пилястрами с тенаклями. Порталы и окна со стрельчатыми обрамлениями. По сторонам порталов но паре колонн, соединенных стрельчатыми арками. Над порталом волюты с розасами по бокам. Переход от трапезной к колокольне смягчен полукруглыми выступами в форме башенок. Высокая четырехгранная колокольня с розанами и стрельчатыми входами, увенчана шатровым покрытием с пинаклями по углам. Внутреннее убранство классическое, современное церкви.

Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1874. Кн. 1. Январь-март.*

ТРАХОНЕЕВО (Козодавлево-Успенское), на реке Клязьме, 5 км от ст. Хлебникове, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Траханиотовы (1585—1797), Свииьины (с 1797—1823), Лавровы (1785—1852), Лаврова и Смирнова (1852).

Деревянная церковь конца XVIII в. представляет четырехгранник с классическими фронтонами, несущий восьмигранник с главкой; обшита тесом. Внутреннее убранство нач. XIX в.

В 1885 г. пристроена каменная церковь.

Холмогоровы. Вып. 4: (Селецкая десятина. М., 1885. С. 51.

ТРОЕКУРОВО (Хорошово, Никольское, Хламово, Харламове, на р. Сетуни, в 3 км от ст. Немчинов Пост, Белор. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: И. И. Годунов (до 1627 г.), Троекуровы (1627—1731), Салтыковы (1731 — 1773), Зубов (1852), А. М. Хилкова (1890).

Деревянный дом с антресолями — начала XIX в. Фасад дома со стороны двора с шестиколонным тосканским портиком, а со стороны сада разработан лоджией, сохранившей лепной орнамент. Над крышей возвышается небольшой круглый барабан. В доме сохранились фрагменты старой отделки.

В парке каменный арочный мост и ряд прудов.

Большой интерес представляет каменная двухэтажная церковь 1699—1706 гг. в стиле позднего барокко. Здание в форме ротонды отличается нео-

бычной разработкой 4 фасадов в виде больших арок, полукружия которых расположены выше стен ротонды. Внутри здания — вторая ротонда, выступающая над крышей наружной ротонды в виде барабана с куполом, несущим главку. Верхний этаж двусветный, причем с 3-х сторон в центральное помещение открываются большие ложи, которым снаружи соответствуют полукруглые фронтоны здания. Обращает внимание плоский свод центральной ротонды нижнего этажа. Между фронтонами, под крышей, сохранилось первоначальное покрытие лещадью. Стены па высоте первого этажа охвачены широкой тягой. Белокаменные детали наружных украшений (капители, картуши и др.) намечены лишь в общих чертах и лишены каменной рези. В окнах фронтонов современные постройке железные витые решетки. Во второй этаж ведет белокаменная наружная лестница.

Двухъярусная колокольня 1745 г. в стиле позднего барокко с полукруглыми фронтонами нижнего яруса. Углы срезаны и обработаны лизенами. Колокольня завершена небольшим полуэтажом с покрытием, продолжающим линии здания.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 148.
Скворцова Н. А. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. Вып. 1. М., 1911. С. 183.

ТРОИЦКОЕ-ГОЛЕНИЩЕВО, ** на р. Сетуни, 2 км за Воробьевыми горами.

Владельцы: Московские митрополиты с XIV в.

Церковь каменная 1647 г. представляет куб, переходящий в восьмигранник с шатром. С трех сторон храм охвачен крытой галереей, заканчивающейся примыкающими к апсиде приделами, прямоугольными в плане и увенчанными шатрами. Алтарные апсиды центральной части и приделов образуют троечастие. Основной массив обработан лопатками и декорирован закомарами; стены приделов несут фронтоны; подшатровые восьмигранники с карнизом из пояса крупных зубцов, а боковые, кроме того, у основания шатра имеют ряд кокошников; наличники люкарн боковых шатров завершены также кокошниками. Колокольня и трапезная южного придела 1860 г. Внутреннее убранство отчасти современно церкви.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 300.
Кузнецов И. И. Троицкая в Троицком-Голенищеве церковь // Труды Комиссии под ред. А. И. Успенского. Т. I. Ст. VII.*
Строев П. М. Списки иерархов и настоятелен монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 262—264.
Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетуньский стан: Исторические воспоминания. М., 1873.—С. 114.
Снегирев И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Изд. 2-е, доп. М., 1850. С. 33—44.
Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988—1738 гг.): Из опыта исследования в истории русского права. СПб., 1871. С. 78—79.

ТРОИЦКОЕ-КАЙНАРДЖИ, село, на р. Пехорке, 4 км от ст. Кучино, М.-Нижстор. ж. д.

Владельпы: Сукины (с 1671 по 1681 г.), Голицыны (с 1681 но 1751), Румянцевы-Задунайские (с 1760 по 1838 г.), Голицыны (с 1838 г.), Бутурлины (1852 г.).

Английский парк. Пруд.

Каменная церковь 1774—1787 г. в стиле французского классицизма, в плане четырехугольник с закругленными углами, имеет два выступа с портиками и апсиду; перекрыта низким восьмигранным куполом; с запада возвышаются 2 колокольни с притвором между ними. Здание богато декорировано. Коринфские колонны западного фасада несут раскрепованный антаблемент, разорванный над центральным порталом и завершенный полуциркульным фронтоном.

Внутреннее убранство современно постройке.

За церковью ампирный мавзолей с четырьмя дорическими портиками 1830-х гг.

Другая церковь кирпичная, 1867 г. в псевдорусском стиле.

В дер. Фенино памятник Екатерине II, работы В. И. Демут-Малиновского 1834 г.

Холмогоровы. Вып. 6: Вохонская десятина. М., 1888. С. 2.
Кусково и его окрестности. М., 1850. С. 81.

ТРОИЦКОЕ-ЛЫКОВО, ** на р. Москве, 3 км от Пресненской заст. (автобус №4).

Владельцы: Лыков Б. М. (1627 по 1644), потом — дворцовое ведомство; Нарышкины (с 1690 г.), Разумовские (с 1749—1784 г.), Бутурлин Н. А. (1852 г.), Корзинкины и женский монастырь (с 1876 г.).

Дом середины XIX века сильно переделан. Парк. Деревянная церковь, возможно нач. XVII в., представляет в основе клеть с двумя примыкающими меньшими клетями. Интересны два волоковых окна. Внутри сохранилась значительная часть старого убранства.

Вторая церковь Троицкая, каменная 1698—1704 г., трехглавая, в стиле барокко. В плане трехчастная; центральный четырехгранник несет три постепенно уменьшающихся восьмигранника, из них в предпоследнем помещается звон. Примыкающие к центральной части но бокам два меньших многогранника, несут по два восьмигранника с главками. Все сооружение охвачено кругом открытой, ходовой галереей с тремя всходами. Декорация памятника отличается большим разнообразием и исключительной пышностью, свойственной стилю барокко. Внутри церкви полностью сохранилось пышное убранство нач. XVIII века. В верхней части восьмигранника проходят две полукруглых открытых галереи.

Успенская церковь 1851 г.

Мартынов Л. А. Подмосковная старина: Описание различных сел, монастырей и церквей. М., 1889. С. 32—33.

Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1: Деревянное-зодчество. Пг;, 1916. С. 189.

Мансветов В. И. Успенская деревянная церковь в селе Троицком-Лыкове, Московского уезда // Мансветов В. И. Колокола Московского исторического музея... Б. м., б.г. С. 27—33.
Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетуньским стан: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 186.
С—хов. Кто строитель деревянной Успенской церкви в селе Троицком-Лыкове ? // Московские церковные ведомости. 1886. № 45.

ТРОИЦКОЕ-СЕЛЬЦЕ, на р. Уче, 2 км от платф. Луговая, Савел. лип. Сев. ж. д.

Владельцы: с 1585 г. митрополичье село.

Церковь каменная 1849 г. в форме куба с круглым барабаном.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 75.

ТРОИЦКОЕ-ШЕРЕМЕТЕВО (Новосильцево, Потапово, Ивашниково), село, на р. Клязьме, 4 км от ст. Хлебникове, Савел. лип. Сев. ж. д.

Владельцы: Скопины-Шуйские (1585—1624), Урусова А. П. и Пронский М., (1646), Одоевский Я. Н. (1667), Черкасские (с 1667 но 1743), Шереметевы (с 1743).

Каменный дом сер. XIX в., имитирующий стиль барокко: с главного фасада 2 выступа, между ними — терраса с лестницей в сад, центральная часть увенчана полукруглым фронтоном, в поле которого герб. Верхние окна — овальные. Стены расчленены пилястрами и раскрепованными карнизами. Перед домом — фонтан со скульптурной группой.

Церковь каменная 1698—1704 г. с позднейшими переделками па подклете, представляет в плане равноконечный крест, па середину которого поставлен вытянутый вверх восьмигранник, с сомкнутым сводом и небольшим на нем восьмиграиничком с главкой.

Выступы здания имеют двускатное покрытие. С западной стороны имеется галерея, перекрытая в начале XIX в. Углы здания обработаны лопатками. Широкий карниз отмечает снаружи границу между подклетом и верхней частью.

Колокольня четырехгранная, двухъярусная, 1783 г. с позднейшей обработкой верха.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 55.

ТРОПАРЕВО, ** 2 км от ст. Очаково, М.-Киево-Воронеж. ж. д.

Владельцы: Тропарь И. М. (1393), Новодевичий монастырь (XVI в. и до 1764).

Пятиглавый каменный храм в стиле барокко, с трапезной и шатровой колокольней 1693 г. Оригинальны железные решетки в окне 2 этажа.

Шуманов С. Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. 3. М., 1912. С. 199.
Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4: 1645—1676. Спб,. 1842. №. 166. С. 316—321.
Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 113.
Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетуньский стан: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 131.

[Снегирев И. М., Токмаков И. Ф.] Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря / Предисл. Н. Антушева. М., 1885.

УГРЕШСКИЙ МОНАСТЫРЬ, ныне детский городок, па р. Москве, 8 км от ст. Люберцы, М.-Каз. ж. д.

Основан около 1380 г. Николаевский собор кон. XVI в. однокупольный, четырехстолпный, с трапезной 1843 г., внутреннее убранство XVII в. Колокольня с двумя нижними этажами сер. XVIII в. и тремя верхними 1859 г. С запада к колокольне примыкает корпус XVII в. Преображенский собор 1880—1894 гг., построен архитектором Каминским. Деревянный дом с круговой галереей сер. XIX в. Остальные церкви, каменные корпуса и каменная ограда с башнями — 2-ой пол. XIX в. за исключением сев.-вост, угловой башни, которая относится к XVII в.

Угреша:Историческое описание Нико-лаевского Угрешского монастыря. М,, 1897.

УЛИТКИНО, в 9 км от ст. Щелково, Сев. ж. д., на р. Любасиве.

Владельцы: М. Д. Кантемир (1747), Колесовы (1782).

Церковь каменная, сер. XVIII в., в стиле позднего барокко, с позднейшими пристройками. В плане — одноапсидный четырехгранник, перекрытый но сомкнутому своду выпуклой барочной крышей; на нем цилиндрический световой барабан, несущий маленький деревянный барабан и главку. У основания среднего барабана волютообразные утолщения. Апсида расчленена пилястрами и имеет окно с барочным наличником. Ампирная трехъярусная колокольня со шпилем.

Внутреннее убранство с деревянной резьбой, в которой преобладающим мотивом являются колосья, завитки, желуди, листья виноградных лоз, головки.

Розанов Н. Н. История Московского епархиального управления со времени учреждения св. Синода (1721 —1821). Ч. 2: Состояние епархиального управления под управлением епархиальных архиеерев, происходивших из малороссиян (1742—1775). Кн. 1. М., 1869. С. 101. Разд. паг.

УЗКОЕ (Богородское), ** село, 4 км от Калужской заст.

Владельцы: Гагарин А. (с конца XVI в. до 1627 г.), Огин-Плещеев П., Оболенский, Неелов, Стрешневы (1629—1720), Голицыны (1746—1812), Толстые (1826—1852), Трубецкие (1890), теперь дом отдыха Цекубу.

Дом перестроен в 1880 г. архитектором С. К. Родионовым. Надворные постройки XVIII в. в стиле позднего барокко — въездные ворота, службы, грандиозные оранжереи, с белокаменными контрфорсами и волютами над ними. Особый интерес представляет конный двор с аркадой на столбах, расположенной полукругом и замкнутой фасадом. Центр последнего отмечен воротами в форме башни с аркой, а концы закругленными фронтонами; окна имеют богатые наличники с замковыми камнями. Старый парк с террасными прудами. Большой фруктовый сад. 2-х километровая аллея ведет до Калужской дороги. Сохранились остатки аллеи па Ясенево.

Церковь 1698 г., в стиле барокко, имеет в основании четырехгранник с закругленными выступами по углам, которые во втором ярусе переходят в восьмигранники и завершены пятиглавием, причем все боковые главы приходятся над угловыми выступами. В одной из них помещается звон. Внутреннее убранство современно церкви.

Холмогоровы. Выв. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 108—III.

УСОВО (Спасское), близ Москвы реки, при пл. Бел. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Сицкий (1627 но 1632), Морозовы (с 1632 по 1672), Матюшкины (с 1672—1785), Вельяминовы (1852), дворцовое (с 1867), б. в. к. Серг. Ал. (с 1880-х гг.), теперь санаторий.

Каменный дом сер. XIX в. Парк с прудами.

Каменная церковь 1765 г. сильно переделана в 1822 г., тогда же устроены трапезная и колокольня.

Холмогоровы. Вып. 4: Загородская десятина. М., 188(1. С. 278.

Забелин И. Е. Кунаевой древний Сетуньский стан: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 134.

ФЕДОСКИНО (Федосьино), на р. Уче, 6 км от плате)). Луговая, Савел. лин. Сев. ж. д.

Владельцы: с начата XIX в. Лукутины, теперь клуб.

Дом новый. Парк. Церковь деревянная 1875 г. построена по проекту архитектора П. Померанцева.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 42.

ФИЛИ ** (Покровское, Хвили), па р. Москве, при ст. Бел. лин. М.-Б.-Б. ж. д.

Владельцы: Мстиславские (XVI в. — 1628 г.), дворцовое (1646 г. и с 1668 по 1677), Милославские (с 1649 по 1668 и с 1677 по 1689), Нарышкине (с 1689 до середины XIX в.); последние Владельцы Шелапутины.

Каменная церковь 1693 г. — исключительный памятник русского зодчества стиля барокко. Расположенная на подклете с круговой галереей на арках, в плане она представляет квадрат с четырьмя конхами, увенчанными главками. Центр завершается тремя восьмигранниками с главкой, причем в одном из них помещается звон. Характерная для конца XVII в. декоративная обработка. Крыльца переделаны. Внутри замечательный по деревянной резьбе иконостас и ложа, современные постройке храма.

В стороне запущенный парк, хорошо сохранивший регулярную разбивку.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 279.

Забелин И. Е. Кунаевой древний Сетуньский стан: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 184.

ФОМИНСКОЕ с., 8 км от ст. Катуар, Савел. ж. д.

Владельцы. Упина М., потом Черемисинов Д. И. (1585), Одоевские (1623 по 1669), Заборовский С. И. (с 1669), Масловы (1682—1803), Кудрявцевы (1852—1895).

От усадьбы сохранился парк с прудом.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М.. 1885. С. 115.

Скворцов Н. А. Уничтоженные в Московском уезде церкви. М., 1902. С. 44.

ФРОЛОВНА, усадьба, на р. Сотовке, 4 км от ст. Люберцы, М.-Каз. ж. д.

Владельцы: см. с. Котельники.

Небольшой каменный дом с четырехколонным портиком и двумя флигелями-караульнями по сторонам. Пруд. Остатки парка.

ХОВРИНО, ** на р. Лихоборке, при ст. Октябр. ж. д.

Владельцы: Третьяковы (1585—1623), Шереметев В. Б. (1646), Голицына А. В. (1682), Пронская А. В. (1683), Пожарская А. В. (1683—1694), Головины (1700—1720), Голштейн-Бек Е. М. (1758), Оболенский П. Н. (1812), Столыпина Н. А. (1818), Жемчужников Л. И. (1852), Молчановы (1890), посл. владельцы Грачевы, теперь санаторий.

Дом новый, каменный. Остатки регулярного парка, пруд с островом.

Каменная церковь построена около 1855 г. по проекту М. Д. Быковского.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 96.

ХОМУТОВО, село, па р. Клязьме, 1 км от платф. Соколовская. Сев. ж. д.

Владельцы: Московский Рождественский монастырь (1623—1765 г.), Экономическое и удельное ведомство (XVIII и XIX в.).

Церковь каменная 1800 года в классическом стиле, круглая в плане, с большим световым барабаном и небольшим восьмигранником, несущим главку; с сев. и южной сторон — колонные галереи.

Трапезная, приделы и колокольня сер. XIX в.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 52—53.

ХОРОШОВО, ** село, на р. Москве, 7 км от Пресненской заст.

С XVI в. дворцовое село.

Каменная церковь конца XVI в. К основному четырехграннику с трехчастной апсидой примыкают два придела, квадратных в основании, соединенных переходами с трапезной. Многообломные карнизы завершают массивы здания. Степы расчленены пилястрами. Церковь сильно ремонтирована в 1845 г., главным образом, трапезная. Внутри крещатые своды со ступенчатыми арками и машикули. В центре световая глава. Внутреннее убранство новое. Колокольня 1745 г.

Холмогоровы. Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 319.

Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетуньский стан: Исторические воспоминания. М., 1873. С. 137.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. С. 379.

Записки Московского археологического института. Т. 1 : Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Т. II: Словарь. М., 1910. С. 6. 284, 338.

Записки Московского археологического института. Т. 39: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Т. IV. М., 1916. С. 463.

Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы по определению Московской городской Думы. Ч. 2. М., 1891. Стлб. 419, 536.
Клейн В. К. Царские жалованья церквам в XVII в. М., 1911. С. 18, 19.
Дневальные записки. С. 49, 56 и др.*
Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 21: Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. С. 91. Разд. паг.; Т. 23: То же. Ки. 3. СПб., 1904. С. 78. Разд. паг.

ЦАРИЦЫНО ** (Черная Грязь, Богородское), на р. Городеике, $^1/_2$ км от ст. Царицыно, М.-Курск. ж. д.

Владельцы: Пустошь с. Коломенского (1589), Стрешневы (1633—1683), Галицын В. В. (1683—1689), дворцовое (1689—1712), кн. Кантемир (1712—1775), дворцовое (с 1775), теперь музей.

Весь дворцовый ансамбль Царицына спроектирован и выполнен в 1776—1787 гг. в псевдоготическом стиле Баженовым. Сооружения из кирпича с белокаменными элементами декорации поражают разнообразием планов и богатством украшений.

Хлебный дом — квадрат с закругленными углами — имеет внутренний двор, повторяющий форму дома, но со срезанными углами, Окна стрельчатые, с круглыми люкарнами над ними в нижнем этаже и сложные трехлопастные — в верхнем.

Первый кавалерский корпус в форме прямоугольника, приспособлен под жилье. Второй кавалерский корпус, восьмигранный, имеет четыре портика из тяжелых муфгированных колонн. Два из них завершены кокошниками, а два фронтонами, заканчивающимися волютами с аркой внутри. Третий кавалерский корпус имеет в плане прямоугольник со срезанными сзади углами и ротондой, входящей внутрь здания, перекрытой куполом; здесь помещается музей. Четвертый кавалерский корпус полуциркульный со стрельчатыми окнами и лучеобразным фронтоном над центральным входом.

Оперный дом — длинное прямоугольное здание. Торцовые стороны его завершены стилизованными орлами. Стены обработаны пилястрами, расширяющимися книзу в верхнем этаже и рустованными лопатками в нижнем. Окна разнообразной формы: стрельчатые, трехлопастные и с люкарнами. Пышный карниз опоясывает все здание. Внутри сложная система сводов.

Фигурный мост скомпанован из 4 башен с зубцами и проездной арки. Готический мост покоится на трех арках, стрельчатых в центральной части и полуциркульных на краях. Ворота на «хлебный» двор состоят из арки, унизанной шипами, сдерживаемой пилонами, завершенными остриями фиалов. В парке фигурные ворота, пролет стрельчатой арки которых заполнен сложным подвесным орнаментом, над ней тяжелый аттик из тройных полуколонн, а по бокам круглые башни с зубцами.

Дворец перестроен в 1788 г. Казаковым па основании, заложенном Баженовым. Поставленный на белокаменный цоколь, он состоит из двух квадратов с восьмигранными башнями на углах и центрального продолговатого корпуса между ними. Подвышения стен внутри квадратов образуют выносные вышки. Квадратные окна в стрельчатых обрамлениях с орнаментальными

вставками, каннелированные колонны на углах башен, пилястры. Этажи центральной части разделены выступающим карнизом на консолях.

Все здания Царицына находятся в состоянии руинности, что особенно подчеркивает романтику псевдоготики.

Некоторые из парковых павильонов созданы в классическом стиле: «Золотой сноп» или «Храм Цереры», работы Баженова — восьмиколонная ионическая ротонда, имевшая внутри статую Цереры, а на куполе сноп колосьев, является прообразом всех последующих павильонов этого тина; «Миловида» работы арх. Еготова 1803 г., со сквозной галереей в центре и закрытыми помещениями по бокам; «Нерастанкина» подобной композиции.

Руина, сложенная из диких камней, представляет живописно извивающуюся лестницу.

В английском парке несколько прудов, образованных р. Городецкой, с насыпными островами, на одном из которых сохранились остатки «русалкиных ворот».

Каменная церковь в стиле позднего барокко — перекрытый куполом восьмигранник на крестообразном основании; выстроена в 1722 г. и переделана в 1765 г., внутреннее убранство этого же времени. Трапезная и колокольня 1883 г.

Холмогоровы. Выв. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 172.

Юогдаренко И. Е. Подмосковные дворцы XVIII в. // Старые годы. СПб., 1911. Март. С. 20—30.

ЧАШНИКОВО (Нарышкиных), 5 км от ст. Лобня, Савел, лин. Сев. ж. д.

Владельцы: Романовы (1585—1680), дворцовое (е 1680- 1688), Нарышкины (с 1688—1796), Каренин А. М. (1852).

Следы запущенного парка.

Церковь каменная середины XVI в., с переделками конца XVII в., представляет собою двусветный пятиглавый храм четырехстолпной конструкции. Апсиды отсутствуют. Восточный фасад украшен поясом каменной резьбы. К пристройкам кон. XVII в. нужно отнести сев. и южн. приделы и притвор с зап. стороны. К этому же времени относятся раковины закомар, восьмиугольные окна второго света и главы. Колокольня с шатровым покрытием. Внутр. убранство кон. XVII в.

Надвратная колокольня построена около 1895 г.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 44.

Писцовые книги. С. 176.

Соколов И. Народное предание // Московские епархиальные ведомости. 1869. № 8.

Р—ій Р—ай. Храм в селе Чашникове // Московские епархиальные ведомости. 1870. № 14.

ЧАШНИКОВО (Собакиных), на Ленинградском шоссе, 6 км от ст. Крюково, Октябр. ж. д.

Владельцы: дворцовое (нач. XVII в.), Буйносова А. (1646), Воротынский И. А. (1678), Собакины (1704), последние Владельцы — Спечинские; теперь еовхоз Луговодного института.

Дом деревянный 40-х гг. XIX в., с антресолями. Декоративная обработка фасадов имитирует стиль барокко.

Каменные конюшни нач. XIX в. в стиле ампир. Центральная часть их в два света, обработана 4-х колонным портиком дорического ордера, увенчанным полным антаблементом и фронтоном. Низ здания (до половины) рустован. Верхние окна полуциркульные с белокаменными замками, под ними подоконная тяга.

Боковые части с главной соединены дорической колоннадой из 6 колонн па высоком цоколе.

Крайний правый флигель, равный по высоте центру, имеет сложное тройное окно, обработанное 4 коринфскими колонками, антаблемент которых отделяет верхнее окно, помещенное в арке; в поле ее — арка меньших размеров с рядом камней, расходящихся по радиусам.

Углы флигеля рустованы, над ними — полуфронтон с сухариками; перекрыт куполом. Службы, парк, пруды.

Церковь каменная 1807 г. в стиле ампир, представляет четырехгранник главной части, перекрытый куполом с круглым барабаном, прямоугольную трапезную, на зап. части которой, по сторонам входа — 2 колокольни, четырехгранные, завершенные шпилями. С северной и южной сторон — четырехколопные портики. Углы здания обработаны рустами. Внутреннее убранство современно церкви.

Холмогоровы Вып. 3: Загородская десятина. М., 1886. С. 150.

ЧЕРЕМУШКИ ** (Знаменское, Черемошки), 2 $^1/_2$ км от Даниловской зает.

Владельцы: Прончищев и Махов (1630), Лихачев Ф. Ф. (1635), Прозоровский П. М. (1666), Голицыны, Меньшиковы, п. вл. Якунчиков Н. В., теперь санаторий.

Сохранился усадебный ансамбль конца XVIII — начала XIX вв. Двухэтажный кам. дом классического стиля с портиками и куполом недавно перестроен, особенно в боковых частях. Внутри великолепный, белый зал с ампирной обработкой, реставрирован в начале XX в. Эрмитаж с полуразрушенным центральным залом под куполом и новой боковой пристройкой. Службы серед. XIX в. Липовый парк сохранил регулярную планировку. В нем террасные пруды и 2 увеселительных павильона, с дорическими портиками и барочными пинаклями на фасадах, обращенных к пруду.

Огромный четырехугольный конный двор с двумя парами островерхих башен, расположенных по центральной оси усадьбы. Стены 2 башен ближайших к дому обработаны полуколониями, в контурах крыш чувствуется увлечение «китайщиной». Въездные ворота состоят из мощных пилонов, украшенных муфтированными колоннами.

В парке каменная церковь 1747 г. в стиле позднего барокко. На прямоугольном основании два уменьшающихся восьмигранника. Окна с барочными наличниками.

Холмогоровы. Вып. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 208.

ЧЕРКИЗОВО, 1 1/2 км от ст. Подрезково, Окт. ж.д.

Владельцы. Дворцовое (1572 по 1689), Нарышкины (с 1689), Разумовские (с 1738 г.).

Церковь каменная 1790 г. — на четырехграннике восьмигранник, с высоким граненым куполом. Переход к восьмиграннику внутри разрешен с помощью парусов и подпружных арок. С востока примыкает прямоугольный алтарь с закругленными и рустованными углами. Нижние окна прямоугольные, с широкими наличниками, а верхние — круглые. Окна восьмигранника — эллипсоидальной формы. Внутреннее убранство с волютами и пилястрами, украшенными подвесками, современно церкви.

Холмогоровы. Вып. 4: Селецкая десятина. М., 1885. С. 29.

ЧЕРКИЗОВО, ** село, за Преображенской заставой на р. Сосенке (трамв. № 33).

Владельцы: Чудов монастырь (с XIV в.).

Церковь каменная 1690 г. В основе одноглавый двуцветный четырехгранник. У основания главки ряд декоративных кокошников. В 1883 г. пристроены трапезная, приделы и переделана апсида. Колокольня 1899 г. Внутреннее убранство главного придела современно церкви.

Холмогоровы. Вып. 5: Радонежская десятина. М., 1887. С. 30.

Кондратьев И. К. Седая старина Москвы: Исторический обзор и полным указатель её достопамятностей ... с подробным историческим описанием основания Москвы и очерком её замечательных-окрестностей. М., 1893. С. 653.

Древности: Труды Московского Археологического Общества. Т. 2. М., 1869. С. 128.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ (Черногрязский Ям), 3 км от ст. Сходня, Октябр. ж. д.

Бывшая почтовая станция, ныне больница.

Двухэтажный каменный дом кон. XVIII в., нижний этаж рустован.

ШАБОЛОВО, ** усадьба, 5 км от Серпуховской заст.

Владельцы: в середине XIX в. Бутурлины, в последнее время Ржевская. Усадебный, двухэтажный, каменный дом в форме ротонды, с двумя примыкающими к ней под прямым углом выступами с фронтонами. Доминирующий над нижним верхний этаж украшен сдвоенными полуколоннами. Построен дом в конце XVIII в. в классическом стиле.

Остатки каменной ограды с полуциркульными пролетами. Пилоны ворот несут восьмигранники с овальными люкарнами и островерхими крышами со шпилями.

Остатки французского парка с двумя круглыми водоемами.

ЯКОВЛЕВСКОЕ-ПЕХРА — см. Пехра-Яковлевское.

ЯСЕНЕВО, ** 5 км от ст. Битца, М.-Курск. ж. д.

Владельцы: Иван Калита и его потомки (1328—1566), Иван Васильевич Грозный (1566), Протопопов А. М. (нач. XVII в.), Львов А. М. (1646—1656), Лопухины (1690—1790), Гагарин С. И. (1790) и Бутурлины до революции.

Каменный дом середины XVIII в. выгорел в 1924 г. Сохранились: стены, широкий пандус в сад и барочная лестница, ведущая в бельэтаж.

2 каменных флигеля в классическом стиле. Регулярный сад. Копаные пруды.

Каменная церковь 1751 г. в стиле позднего барокко, на четырехгранном основании, с полукруглыми фронтончнками, восьмигранник с главкой. Обновлена в 1863 г.

Колокольня трехъярусная, четырехгранная в основании с двумя восьмигранниками и главкой.

Сохранились остатки надгробных плит.

Холмогоровы. Выл. 8: Пехрянская десятина. М., 1892. С. 55.
Романов Н. Н. История Московского епархиального управления со времени учреждения св. Синода (1721 —1821). Ч. 2: Состояние Московского епархиального управления под управлением епархиальных архиереев, происходивших иа малороссиян (1742—1775). Кн. 1,2. М., 1869—1870. Пр. 118. Разд. паг.*
Шеппинг Д. Древний Сосенский стан Московского уезда. М., 1895. С. 29—30.
Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. № 21, 22, 86, 87, 112, 144, 188.
Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. Спб., 1846. № 222. С. 379.
Карамзин Н. М. Т. III. Пр. 121*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Труд картографической комиссии ОИРУ 1920-х годов «Памятники усадебного искусства...». изданный тиражом 1000 экземпляров, давно стал библиографической редкостью.

Со времени выхода книги п|юшло 70 лет. Однако она не утратила своего познавательного и научного значения. В ней зафиксированы сведения о целом ряде подмосковных усадеб, архивы которых были впоследствии утрачены или распылены и книга, таким образом, во многом приобрела значение документа. Вместе с планами летних экскурсий ОИРУ на 1924—1926, 1928—1929 гг. она ныне является не только памятником своей, эпохи, по и ценным справочным источником информации. Поэтому правление ОИРУ, возрожденного в 1992 г., сочло целесообразным переиздать это исследование своих предшественников.

В процессе подготовки книги к повторной публикации в ней исправлены замеченные опечатки, но возможности уточнена и приведена в соответствие с современными требованиями библиография. Литературные источники, указанные в книге не полностью, установить которые не удалось, а также те, в которых сведения о конкретных усадьбах не обнаружены при проверке, отмечены звездочкой. Двумя звездочками обозначены усадьбы, находящиеся ныне на территории г. Москвы.

В библиографии, помещенной в конце почти каждого описания, следующие (наиболее часто встречающиеся) литературные источники приведены в сокращенном виде: «Исторические материалы о церквах и селах XVI—XV III вв.» В. И. и Г. И. Холмогоро-

вых всюду названы фамилией авторов с указанном прочих выходных данных; «Писцовые книги Московского государства, ч. 1: Писцовые книги XVI в. Отд. 1: Местности губерний Московской, Владимирской, Костромской» (СПб., 1872) —«Писцовые книги» е указанием соответствующих страниц, а «Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников... Московского Археологического общества» — «Древности» с добавлением прочих выходных данных.

Г. Д. Злочевский

Гр. П. С. Шереметев

ПОЕЗДКА В ЮРИНО

18—25 апреля 1906 г.
Воспоминания. Черновик

Будучи на Пасхе в 1906 г. в Петербурге, встретил я в первых числах апреля П. В. Шереметева у Cubai. Я не видел его два года. Он угостил каким-то необыкновенно старым портвейном из бутылки, поданной лежа, сообщив о своем намерении ехать в Юрино, пригласил поехать вместе. Прогулка по Волге, во время половодья, поездка в неведомую усадьбу, где могла сохраниться старина первой из ветвей рода, поддержание родовых связей, все это заставляло с радостью принять приглашение и охотно согласиться...

[Поездом отправились в Нижний Новгород и далее пароходом в Юрино. —И. С.]

На вокзале встретил Георгий Робертович Кильвейн, опекун Петра Васильевича, продолжающий помогать в делах и теперь после совершеннолетия. Он исполнительный директор Балахнинского уездного предводителя и член Губернской земской управы, ныне вступил в исправление обязанностей председателя Нижегородской губернской земской управы за выбором председателя Савельева в Государственную Думу...

Васильеурск. Оттуда до Юрина верст 25. Мы почти у цели. Направо блестят точки. Это Засурье, владение П. В. Шереметева. Там пристань и сыроварня. Это имение не связано с Юриным. Оно принадлежало братьям Нордам и было куплено Василием Петровичем Шереметевым. Рядом село Воротынец. (См. Карпович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 103).

Васильсурск основан в 1524 г. во время похода на Казань, совершенного по приказанию Великого князя Василия Ивановича. Войска были посажены на суда, а конная рать под начальством кн. Бориса Ивановича Горбатова была пущена «для теснения Казанских мест». В этой рати первым воеводой сторожевого полка был Василий Андреевич Шереметев. Поход ограничился тем, что воеводы построили па границе Казанского царства крепость при впадении реки Суры в Вол-

гу, названную в честь Великого князя Василия, «и возвращася здравы, мног плен с собою Черемиской приведоша» *(А. П. Барсуков.* Род Шереметевых. Т. 1. С. 63).

Таким образом с началом Васильсурска связаны давние родовые воспоминания... Оставшееся расстояние мы живо прошли. На левой стороне тянулись бесконечные леса. Вдали показался Юрино, сперва едва заметными светлыми точками. Наконец, можно было различить церковь и село, и белые стены усадеб, и дом. Когда мы подошли к пристани, еще не было пяти часов. Нас встретил управляющий в форме лесничего и главный бухгалтер. Мы разместились в двух больших лодках и тронулись. Еще до берега было далеко. В обычное время пристани стоят на берегу, а теперь вода подошла к самому селу и усадьбе, затопив луг, по которому мы теперь ехали. Юрино было видно как на ладони. Огромный розовый palazzo весело глядел на Волгу множеством обделанных белым камнем окон. На берегу против церкви толпился, ожидая прибытия, народ. Это было очень красиво. Небольшая деревянная старая церковь у самой воды, толпы парода и детей, белая зубчатая стена, наподобие кремля, отделяла усадьбу от села, правее дом и обширный сад. Когда мы вышли на берег, Петра Васильевича окружили. Настроение толпы было самое радушное. Вертелись мастеровые в фартуках. Петр Васильевич отвечал на их поздравления. Мы поднялись пешком к воротам, до которых было всего несколько шагов. У ворот встретили служащие при усадьбе (дворня). Под сводами ворот контора. Пойдя под конторой, вступили в сад. Двери замкнулись. Дом стоял недалеко, посреди ровного газона. Прежде чем войти в дом, мы кругом обошли его. Юринский дом — это что-то огромное и не сразу можно разобраться в нем. Перед домом ожидали владельца, несколько это было что-то вроде приема и караула. Были выстроены кавалергарды, полицейские стражники и рабочие. К каждой группе Петр Васильевич подходил отдельно и, сказав два слова, жаловал с приездом и отпускал (На манер грандука). [Grand Duck, великий князь. — И. С.]. (Это было скучно. Вообще все это должно портить человека, мнящего себя потентатом [властелином —И. С.]).

Перед домом газон и стоит огромный якорь, на котором есть надпись, весьма трудно разбираемая. Якорь выловили в Волге. Говорят, времен Грозного.

Первое что я увидел, войдя в огромную залу, это два ряда портретов по обеим сторонам. Но было темно и две лампы, горевшие на стене, не могли осветить их. Петр Васильевич показал мне назначенное мне помещение. Это угловая большая комната. Широкие оконные откосы отделаны светлым дубом. Пришли сказать, что подай ужин. Во

П. С. Шереметев. Репродукционная съемка М. Золотарева.

всем огромном доме прислуги было только Андриан, смотритель, мужик с длинной бородой, в черном сюртуке и вторая повариха Матрена, но они управляли хорошо. (Изделия Матрены посредственные. Вино, вынутое из погреба, не удалось. Красное уже прошло удельное, было приторно и сладко, венгерское 1830 г. совершенно выдохлось).

Во время ужина зажгли фонарики. Мы вышли посмотреть и здесь ожидало неожиданное и очень красивое зрелище. Весь дом со стороны Волги был иллюминирован фонарями разноцветными — розовыми, зелеными, желтыми. Все окна, все узкие щели башен были в огоньках. Это было удивительно красиво. Этот сюрприз устроили домашние пиротехники. Мы тотчас пошли к лодкам и отчалили. С Волги иллюминация была еще красивее. Длинные огоньки мигали, отражались в воде змейками. На воде было тихо. Погода дивная. Несколько лодок скользило в отдалении. Это была сама Венеция. Издали доносилось пение. Я вслушался. Хор пел песни на стихи кн. Вяземского: «Здравствуй, в русском сарафане из серебряной парчи». Мы долго катались, наслаждаясь зрелищем. Вдали пронесся пароход «Самолет». Верно, дивились пассажиры.

На другое утро [19 апреля — И. С.] я начал с портретов. Потом мы обошли весь дом. Со стороны Волги большая круглая лестница посреди, кругом залы с колоннами под стеклянной крышей, уставленная растениями. Отсюда дверь в залу. Из залы ведет дверь в Оп. н. [так в тексте. —И. С.] восточную, но эта комната еще не окончена. Вообще было далеко еще не все окончено. Рядом, соединенное переходом, отдельное каменное здание в том же стиле. Между обоими домами образовался четырехугольный дворик, куда глядят украшенные различными орнаментами окна. Вообще большое разнообразие рисунка в орнаменте. Павел Васильевич показал библиотеку, помещавшуюся в верхнем этаже. Здесь много старых книг, главным образом XVIII и XIX века, но есть старше. Из верхнего этажа открывается широкий вид на Волгу. Библиотека отсюда уходит вниз, а здесь будут жилые комнаты.

После завтрака мы сделали отличную прогулку по лесу. Нам попадались навстречу крестьяне. Никогда я не видел красных штанов. Здесь почти все носят именно такие... Мы ходили по посадкам, которые с достатком ведутся. Всего посажено в Юрине 6 000 десятин. Нас вез старик Петр Мухин, старинный слуга, 72-летний, но бородатый старик, возивший еще Сергея Васильевича. Дорога шла вырубленными местами с редкими оставшимися соснами. Иногда лес был довольно густой. Множество деревянных часовенок, некоторые с несколькими крестами стояли у дороги. Мы выехали к деревне, называемой Сутыри. Она стоит на Ветлуге. С холма, покрытого соснами, на который

мы взошли, открывается чудный вид на разлив Ветлуги, сливающейся здесь с Волгой. Вдали на горизонте затопленный лес, напротив, на том берегу Волги виднеется Троицкий посад, некогда выстроенный против самой границы Казанского царства...

После завтрака [20 апреля —И. С.] сделали прекрасную прогулку в лес к тому светлому озеру. Туда было верст 20. Дорога шла салом Юриным, в котором 4 000 жителей, потом деревней Мордвипони. Пересекли крестьянские поля и вступили в лес. Дороги прорублены в лесу довольно широко. Всюду проведен телефон, соединяющий все лесные сторожки. Лес был большею частью сосновый или мешаной с лиственными породами, главным образом березой.

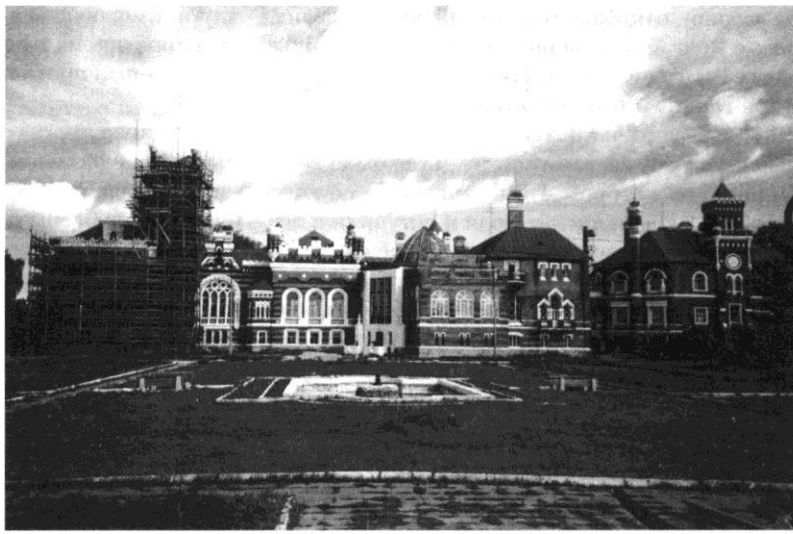
Лес теперь бережной. Оборот рубки на 120 лет. Теперь налажено лесохозяйство, а было время, когда хозяйничал некий Кирыч у Василия Петровича. Количество рубки он определял кругами, кидая шапку от одного места до другого. Озеро лежит в кругу леса. На берегу его большая кирпичная постройка, раньше был стеклянный завод, выстроенный Сергеем Васильевичем Шереметевым. Он шел, говорят, отлично, снабжая бутылками множество мест. Теперь здесь живут объездчик и лесник...

Старый парк частью саженый, частью превращенный из соснового бора, раскинутого по холмам очень хорошо. Всюду сделаны широкие дороги, убитые щебнем для проезда в экипажах.

Следующее утро 21 апреля мы отправились в архив, куда был вызван бухгалтер Василий Никитич, в заведовании коего находится архив. Он помещен в отдельной комнате нижнего этажа. Василий Никитич кое-что привел в порядок сам от себя. Он сообщил, что Юрино куплено Василием Сергеевичем Шереметевым в 1786 г. у Анны Жеребцовой, что видно из хранившейся купчей. Не есть ли это мать жены гр. А. Г. Орлова-Чесменского Анна Алексеевна Жеребцова?

Помимо хозяйственных дел в архиве довольно много писем. По словам того же Василия Никитича, из Лазарева пришел сундук с бумагами, среди них были письма к Василию Шереметеву 1790-х годов. Письма дочерей Василия Сергеевича и Татьяны Ивановны, большие пачки писем на больших листах дочери Юлии Васильевны с приписками мужа ея Василия Александровича из Тельчи, письма родства Марченок, много других переразобранных писем п бумаг конца XVIII и первой половины XIX в. Также письма Сергею Васильевичу. Нашлась старая родословная. Были здесь свитки, но их взял Петр Васильевич в Петербург. Я начал делать опись всех портретов...

Часть портретов находится в селе Знаменском Московского уезда у Виктора Николаевича Мартынова. Говорят, что дед его Петр Василь-



Дворец в Юрино.
Фото И. Н. Слюньковой

свич Шереметев женился на Е. С. Мартыновой, менялись портретами и собаками.

В великолепной деревянной темной раме с завитками стиля рококо портрет: 1. Бориса Петровича Шереметева, типа что у нас висит в кабинете на Фонтанке, рама эта не от него, а куплена где-то в Италии, портрет уже вставлен теперь...

[Женский портрет —И. С.] Другой подобный же портрет, также овальный, молодой девушки в голубом шелковом открытом платье. На груди такой же, как и у предыдущего портрета, бант, такие же длинные жемчужные серьги, но ожерелье не бриллиантовое, а хрустальное. Волосы также высоко взбиты и в них вплетен розан и голубенькая лента. Небольшие локоны опускаются на шею. Выражение лица тонкое и прелестное, напоминает великую княгиню Елизавету Федоровну, к сожалению, портрет сильно попорчен (сестры Василия Сергеевича?)...

Наконец, портрет молодого человека в белом мундире, изумрудного цвета воротник и камзол. Сзади надпись: «Дмитрий Петрович Дуров, отец
Надежды Дмитриевны Скобелевой». Этот портрет из семьи Скобелевых...

Помянутый выше Мухин кучер-старик во время лесных прогулок рассказывал довольно охотно про старое. По его словам, Сергей Васильевич жил не в Богородском, а в 7 верстах в Лазареве, где также

был большой каменный дом и сад. К нему туда приезжали сестры Юлия Васильевна с мужем и Наталья Васильевна. Они приехали в карете, которая была как дом, там и кухня была, а наверху сколько вещей и чемоданов. Везли 24 лошади при 6 форейторах.

Мухин хорошо помнит Николая Васильевича, младшего брата. Он рассказывал, что Сергей Васильевич не охотился, а Николай Васильевич только тем и жил. Сергей Васильевич был предводителем дворянства... У него в Лазареве было 200 лошадей и в Юрино были матки. Когда он уезжал за границу совсем, Мухин возил его в Москву. У него был дом на Старой Басманной против Петра и Павла (ранее дом принадлежал гр. Ростопчину).

В Можайском уезде у него было 3 деревни и господский дом деревянный (по указанию Нистрема).

Березники, 2 от., крестьян 67 душ мужского пола и 86 женского, дворов 20, от Москвы 141 в.

Дехтери, крестьян 47 м. и 35 ж. пола, дворов 13, от Москвы 140 в., от Можайска 40 в.

Семенники Воздвиженское, крестьян 54 м. и 72 ж. пола, дворов 18, от Москвы 140 в.

Они все три рядом и на всех картах на реке Малой Иночи.

Петр Васильевич рассказывал, что над Сергеем Васильевичем была назначена ревизия, высказывались против него. Будто бы постановили, что у Сергея Васильевича был обычай ius primal nactis.

Тогда Александр II вызвал его и приказал ехать за границу. Сергей Васильевич напомнил, что он оказал Государю лично большие услуги во время 14 декабря, когда Александр Николаевич был ему поручен.

Сергей Николаевич был в ссоре с нижегородским губернатором гр. Муравьевым. Однажды Муравьев хотел приехать в Богородское, а Сергей Васильевич приказал в одну ночь выворотить мостовую, укреплявшую часть в топком месте. Шереметев [решил было — И. С.] посадить губернатора, который завяз в болоте. Сергей Васильевич прислал т[юйку.

Другой старый слуга Симченко (64 года) из Юго-Западного края? Он рассказывал, что дом в Богородском был длинный, одноэтажный, другого названия не было, как «хоромы», так и звали. Сад был очень большой и был посажен Василием Сергеевичем наподобие Бородина. Впереди Кутузов, и за ним полки — все разные деревья.

Василий Сергеевич был генерал-майором и открывал губернию в Житомире, его жена была Татьяна Ивановна, урожденная Марченко. Они похоронены в Богородском под церковью и там же сын их Николай Васильевич.

У них было четверо сыновей. Сергей Васильевич. Василий Васильевич, он был убит на дуэли от Завадовского. Николай? Васильевич. Петр Васильевич, он был не в ладах с Сергеем Васильевичем и из Богородского переехал в Лазарево. Его сын Василий Петрович построил Юрино.

Г. Р. Кильвейн рассказывал про Василия Петровича Шереметева, строителя Юринского дома. Он был не совсем нормален. Он затеял постройку дома, начав пристраивать к дому, выстроенному в Юрино еще Сергеем Васильевичем. В Юрино для мозаичных полов он выписал итальянских мастеров и материалы из Италии, а в своем доме делал паркетные полы, выписывая мастеров из Козмодемьянска. Богородское и Лазарево он забросил, а в Богородском назло крестьянам срубил чудный сад в 32 десятины, расположенный в самой середине огромного села в 9 000 жителей, с населением, занятым кожевенным производством. Крестьяне, желая сохранить сад, давали 30 000 рублей, но Василий Петрович срубил им назло.

В Риме у него было два дома. Он купил agro campano [сельское имение — И. С.] после палы, который принужден был продать свои владения. В Италии он покупал материи, ткани, церковные коврики и между прочим купил одежду папы Пия IX, которая находится в Юрино. У него была огромная коллекция пенковых трубок, сохранившаяся и сейчас. Тут всевозможные трубки с тончайшими фигурами художественной работы. Он обыкновенно ходил по всей усадьбе с длиннейшей трубкой и, осматривая свои огромные службы, сад и оранжереи, ругался по русски, признаваясь, что он очень любит русскую брань.

Зимой, когда жил в Юрине, заходил в Зимний сад, ныне упраздненный, и заметив, что какая-нибудь из пальм упирается уже в стекло, приказывал ее рубить и разрезать на дрова. Бросая их затем у себя в кабинете в камин, приговаривая: «Черт знает, как я богат, пальмами отапливаю свой кабинет».

Какая разница между Сергеем Васильевичем и Василием Петровичем. Все, что Сергей Васильевич не предпринимал для имения, было разумно. Он был крутой, но двигал промышленность сильной рукой. В Юрино он устроил отличный стекольный завод, а среди юринских крестьян развивал кожевенное производство и привил его. Василий же I [етрович вдруг вздумал выстроить у себя в парке огромную мельницу, кирпичную пятиэтажную. Она и сейчас стоит без всякого дела.

Юринский дом стоил ему миллион. А когда он умер в Юрине, не было ста рублей, чтобы его похоронить и пришлось занять у исправника. Дела были в большом запущении. Состояние большое, множество имений. Ольга Дмитриевна [Шереметева, урожденная Скобелева — И. С.] через сестру княгиню Белосельскую устроила Высочайшую опеку.

Она умерла в Рязанском имении и умерла по Скобелевски. Позвали всех детей, простилась и сказала: «Я сейчас умру» — и умерла. Опека существует около восьми лет. Теперь все долги уплочены. Юрино дало прошлый год чистыми деньгами 41 000 рублей. Главные статьи лес и заливные луга.

Дело было настолько запущено, что начались удивительные вещи. Так неожиданно нашлось целое имение в Балахнинском уезде, о существовании которого никто не знал. Оно числилось в опеке и был даже какой-то опекун, поставленный местным предводителем дворянства. Это имение считалось «наследников Николая Васильевича Шереметева». Теперь оно присоединено. Называется Чернораменская дача. Г. Р. Кильвейн рассказывал, что огромное имение дяди Саши, Панино с 90 000 дес., замечательно красиво. Там есть удивительные места. Лесные дали, река. Также поразительно красиво смежное Пашковское имение...

За обедом Петр Васильевич читал очень интересный документ — разделительный акт 1845 г. между Сергеем Васильевичем, Николаем Васильевичем и женой умершего в то время Петра Васильевича Елизаветою Соломоновной, урожденной Мартыновой.

В Юринском доме сохранился акварельный портрет ея, сидящей в комнате. Портрет рисован знаменитым Ивановым в Риме.

В названиях сел, деревень, пустошей слышались старинные названия древних вотчин, например Кубенцево, вотчина Василия Борисовича Шереметева [брата фельдмаршала —И. С.] «его Василия Борисовича выслуги». (Род Шереметевых. Т. 5. С. 54)...

В раздельном приговоре братья говорят, что особенно близко им село Богородское, память похороненного здесь отца их Василия Сергеевича и матери Татьяны Ивановны, и желают сделать из него заповедное... Поэтому Богородское оставляют малолетнему Василию Петровичу. О том, как он отнесся к старому семейному «нельзя», мы уже говорили.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Павел (Сергеевич Шереметев (1871 —1943) — представитель одной из наиболее .знатных и состоятельных русских дворянских фамилий, второй сын графа Сергея Дмитриевича Шереметева, председателя Общества любителей древней письменности и члена многих других научных исторических обществ. Задолго до октябрьских событий Павел Оргеевич, следуя примеру отца, начал отниматься исследованиями по истории русской культуры и, в первую очередь, сбором материалов по «родовым гнездам» Шереметевых. Серьезное увлечение в итоге стало главным делом жизни. Много позднее Павел Сергеевич входит в (читав членов ОИРУ и в 1918 г. организует Музей усадебного искусства в Остафьеве.

Историографические изыскания Павла Сергеевича известны прежде всего по его печатным трудам: Заметки 1900—1905 годов. М., 1905; Василий Сергеевич Шереметев. 1752—1832. СПб., 1910; Вязьмы. СПб., 1916 и др. Вместе с тем в архивах сохранились его рукописи, очерковые наброски, один из которых и стал предметом настоящей публикации. Заметные шероховатости текста объясняются черновым характером рукописи, не предназначенной для печати без окончательной авторской редакционной обработки. В публикации намерено сохранены особенности оригинала, позволяющего услышать живой голос автора, а незначительные купюры касаются отступлений от темы, либо непонятных мест текста. Рукопись представляет собой 25 машинописных страниц со следами редакционной правки от руки, с полями, но ширине на половину листа. Рукопись хранится в РГВИА, ф. 1088 (фонд Шереметевых), он. 2, ед.хр. 358.

Поселок Юрино находится в Республике Марий Эл (ранее Васильсурский уезд Нижегородской губернии), в нескольких километрах вверх по Волге от города Козьмодемьянска. Время формирования Юринской усадьбы приходится на конец XVIII — начало XX вв., когда владение принадлежало Шереметевым, потомкам фамильной ветви, нетитулованной графским достоинством. Первым в роду владельцем Юрина стал купивший имение Василий Сергеевич Шереметев (1786), внучатый племянник основоположника граф ежой линии, фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Затем владение унаследовал сын Василия Сергеевича, предводитель нижегородского дворянства, генерал-лейтенант (Сергей Васильевич (1837), который основал здесь небольшую господскую усадьбу. От него она перешла к племяннику, гвардии поручику Василию Петровичу (1868), задумавшему соорудить в именин огромный дворцово-парковый комплекс и осуществившему основной объем работ по созданию ансамбля усадьбы. Наконец, после смерти матери, Ольги Дмитриевны (урожденной Скобелевой), во владение имением вступил сын главного строителя резиденции Петр Васильевич Шереметев (1898).

Архитектурный и художественный замысел усадьбы непрерывно менялся, и, судя по всему, так и не был воплощен до конца. После революции наиболее ценные предметы из господского дома были вывезены в Нижний Новгород и составили основу экспозиции его художественного музея. Фамильный архив присоединен к фондам нижегородского исторического архива. Малочисленные и случайно уцелевшие вещи из усадьбы собраны в действующем сейчас* небольшом музее, для которого отведены две-три комнаты в цокольных помещениях юринского главного дома. Ансамбль усадьбы во многом сохранился, несмотря на вторжение в его границы застройки поселка. Сохранились дворец, каменная ограда и встроенные в нее служебные корпуса, парадные партерные и пейзажная части парка с прудами, каменный храм Михаила Архангела возле торговой площади. В то же время крайне запущенное состояние застройки и парковых территорий, превращение парадной части усадьбы в зону активного отдыха жителей поселка и автомобилистов из окрестных мест, чрезмерные антропогенные нагрузки грозят перейти чёрту, за которой последует необратимая деградация уникального по своим художественным качествам ансамбля, все еще несущего черты подлинной усадебно-ландшафтной среды XIX в. В настоящее время наиболее старинная половина дворца закрыта па реставрацию, другая его половина занята пансионатом АО «Юринский замок» (Литература: Кислов К. Юрино. Усадебно-архитектурный памятник. Йошкар-Ола, 1995; Галий К). Хранить истории следы. Горький, 1989).

Публикация И. Н. Слюньковой

А. Н. Греч

Наравне с прочими искусствами музыка также процветала в русской усадьбе. Крепостные оркестры, часто руководимые заезжими иностранцами, доморощенные композиторы из дворовых людей, иногда пользовавшиеся заслуженной известностью, любительская инструментальная и вокальная музыка, особенно развившаяся в первой половине XIX века, когда нередко встречаются помещики-композиторы или артисты, — вот из чего складывается понятие музыки в русской усадьбе.

Лирика старых парков, благоуханные цветы сирени и жимолости, необъятные пространства полей, белокаменные дома — разве не звучат они в творениях русских композиторов XIX века? А народные песни, вечерами разносящиеся по этому родному и знакомому ландшафту, разве не вошли они в русский романс?

В усадебной музыке мы как-то различаем две эпохи — первая это XVIII век с его широким размахом, сказавшемся в крепостных оркестрах, в громадных хорах певчих, в роговой музыке, с пристрастием ко всему иностранному и XIX столетие с развитием дилетантизма, любитель-
ства, музыкой камерной) характера лиричной и глубоко национальной.

Оркестр в XVIII веке — необходимая составная часть крепостного театра и тем самым неотъемлемая принадлежность каждой большой русской усадьбы. Но было бы ошибочно думать, что именно такой служебной ролью уже тогда довольствовались помещики. Особо богатые, особо просвещенные вельможи умели наслаждаться чистой музыкой, в своих загородных домах они устраивали настоящие концерты — так было это, например, у гр. Н. П. Шереметева, построившего у себя в Останкине «концертный зал». Но быть может самой интересной отраслью музыкального искусства XVIII века была знаменитая роговая музыка, это русское изобретение, возможное лишь во времена крепостного права. Оно впервые налажено было немцем Марешом (1) у обер-

егермейстера Сем. Кир. Нарышкина. Принцип роговой музыки был в том, что каждый из музыкантов выдумывал одну определенную ноту; из сочетания этих тонов складывались аккорды, разыгрывались всевозможные пьесы. Конечно, роль исполнителей была здесь убийственно скучной. Зато эффект получался чудесный, особенно над водой, в летние вечера, когда иллюминованные лодки с нарядной толпой гостей скользили по прудам или реке.

Вот что рассказывает о роговой музыке Нарышкина гр. В. Соллогуб. «Летом Дмитрий Львович жил на Крестовском и нас иногда возили к нему как к дедушке и моему крестному отцу. За столом служили целые толпы раззолоченных арапов, блестящих егерей и разных официантов. В саду его играла знаменитая роговая музыка, оркестр звучности очаровательной, но мыслимый только при крепостном праве. Он состоял из 40 медных инструментов разных объемов. Каждый инструмент издавал только один звук. Сорок звуков разнородных по трехоктавной лестнице с полутонами как [?] фортепианных клавиш допускали модуляции во всех тонах и духовые как бы воздушные гармонии. Такая живая шарманка с ее эоловыми дуновениями внушала восторг. Но какова же была участь музыканта, имевшего по рассчету свистеть в неизменную дырку неизменную нотку. Рассказывают, что два члена этого диковинного оркестра попали в полицию. На вопрос, кто они такие, один отвечал «Я нарышкинский Мис»; другой отвечал: «Я нарышкинский Фас» (Б. Вр., стр. 42) (2).

Эта роговая музыка была усовершенствована впоследствии композитором Сарто (3), приехавшим по приглашению кн. Потемкина в Россию.

Роговая музыка, понятно, производила очень сильное впечатление на заезжих иностранцев. Путешествовавший по России в начале XIX века шотландец R. Her Porter, описывая оркестр кн. Голицына, состоявший из 40 человек, сравнивает эффект, им вызываемый, с впечатлением, получаемым от игры огромного органа, с той только разницей, что здесь получалось слияние звуков, вызывавшее в целом некоторую монотонность. Он же пишет, что подобная игра только тогда могла всецело захватить слушателей, когда музыканты оставались невидимыми.

Празднества с роговой музыкой бывали перед дачами гр. Строганова, уже упоминавшегося Дм. Льв. Нарышкина под Петербургом, в подмосковных — у кн. М. М. Голицына в Влахернском-Кузъминках, у гр. П. Б. Шереметева в Кускове, в 20-х годах у кн. Ю. Влад. Долгорукова в Петровском-Разумовском. Репертуар ее состоял из пьес Гайдна, Моцарта, [слово зачеркнуто] Рашо, Плейна [?] и многих других.

Иностранная музыка, иностранные оперы и балеты господствова-

А. Н. Греч. 1928—1929 гг.

ли в то время. Впрочем, иногда разыгрывались и русские, специально сочиненные вещи.

«Je ne pouvais juger que la musique et les ballets, — писал гр. Сенор о празднике, данном П. Б. Шереметевым в Кускове в честь Екатерины II, — l'une m'etonna par son harmonieuse mélodie, les autres par l'elegante richesses des costumes, la grâce des danseuses et la legerte des danseurs. Ce qui me parut presque inconcevable, c'est que le poets [?] et le musicien, auters de l'opera, l'architecte qui l'avait decoree les acteurs les actrices de la piece, figurants et les figurantes des ballets ainsi que les musiciens
des ballets, ainsi les musiciens (de l'orchestre) [слово в скобках в оригинале зачеркнуто], etaitnt tous des serfs du comts Shcremetioff» (4).

Но среди музыкантов в крепостных оркестрах были не только крепостные — мы находим, например у Шереметева, немца габоиста, музыканта Мейера, Фициуса [?], друга гр. Николая Петровича, учителя музыки итальянца Gcafarelli. Особенное значение имел в шереметевеком оркестре II. Калмыков — как бы уполномоченный но музыкальной части, покупавший инструменты и занимавший одну из первых ролей исполнителей.

Сохранившиеся документы позволяют нам набросать приблизительный репертуар разыгрывавшихся опер. «Люсиль», «Миранта» (?), «Опыт

дружбы», «Три откупщика», «Дезертиры», «Притворная любовница», «Роза и Кола», «Колония», «Две невесты», «Трубочист», «Философы», «Венецианская ярмарка», «Севильский цирульник», «Кусковский перевощик», — все это было переложено на русские слова, как, например, «Кусковский перевощик». Прибавим сюда еще увертюру Генрикатр [?] и многочисленные балеты, среди которых особенно известны «Самнитские браки», разыгранные в 1786 году в Кускове в присутствии Екатерины II.

Имя одного из шереметевских композиторов было даже прославлено — это Дегтярев, писавший преимущественно духовную музыку; талантливый человек, он так и не освободился от крепостной зависимости и спился. В шереметевском оркестре Дегтярев был капельмейстером. На той же должности состоял выше упоминавшийся Петр Калмыков.

Подобный широкий размах в музыкальном деле был у большинства екатерининских вельмож. Во многих усадьбах содержались свои оркестры, многие помещичьи дома имели в своих залах нарочно устроенные для музыки хоры. Их находим мы в Архангельском Юсуповых, в Нескучном Орлова, в Кузьминках Голицыных, в Ляличах Завадовского и во многих других местах.

В Кузьминках же помимо этого для оркестра трубачей построено было на берегу прекрасное здание, так называемый «Конный двор». В Надеждине у кн. А. Б. Куракина, подобно тому как в Останкине, был особый музыкальный зал. Тим комнатам придавалась соответствующая отделка, проявлявшаяся в орнаментальных мотивах, сочетающихся с музыкальными инструментами. В Останкине мы находим даже стулья со спинками в виде лир наподобие тех, которые украшают музыкальную комнату Фонтенебло.

У гр. Владимира Григорьевича Орлова в Отраде музыка играла во время стола, а по субботам вечером давались инструментальные и вокальные концерты.

В Полотняных Заводах в конце XVIII века у Афанасия Николаевича Гончарова был, по словам Бутенева, «венгерец капельмейстер, заведовавший оркестром от 30 до 40 музыкантов на духовых и струнных инструментах, в том числе оркестр роговой музыки, введенный в моду Потемкиным, где каждый музыкант играл лишь одну ноту».

До последнего времени в доме Полотняного Завода сохранялась группа сделанных из воска музыкантов, одетых в разноцветные камзолы; за клавикордами сидит жена Афанасия Николаевича — Надежда Платоновна рожд [енная] Мусин-Пушкина. Роговая музыка Гончаровых употреблялась и на охоте, чтобы пугать зверей. Роговой

оркестр был еще в Марфине у светл [ейшего] кн. Салтыкова. Здесь часто устраивали любительские спектакли, где среди прочих участников пел [Н. М.] Карамзин. По случаю одного из торжественных дней — 23—24 июня здесь играли оперу Пазиелло «La donna jadrona» [«Служанка-госпожа»], французский водевиль «Два охотника» и русский «Мельник», музыка к которому была написана композитором Фоминым.

Впоследствии подобные любительские спектакли особенно нравились: они устраивались, например, в Марьине Строгановых, — там принимали участие гр. Ф. Толстой, будущий президент Академии Художеств, композитор Глинка и Фирс (С. Г.) Голицын, разыгрывавшие сцены из «Севильского цирульника».

У кн. П. М. Волконского в Суханове также был оркестр крепостной музыки и свой, оставшийся безымянным композитор, написавший оперу «Микена» [?] на слова Хераскова. Оркестр князя Волконского приглашался в торжественные дни в соседнее Остафьево кн. П. А. Вяземского.

Все описанные нами музыкальные затеи относятся преимущественно к XVIII веку, ко времени расцвета усадеб богатых и знатных вельмож екатерининского века. Все эти развлечения были преимущественно показными, приурочивались ко дням торжественных праздников. Для обихода же существовали клавесины, клавикорды и особенно излюблены были органы. Такой заводной орган XVII в. до сих пор сохранился в Кускове; он играет множество пьес, нанесенных па специальные деревянные валики тонкими металлическими штифтиками [?].

Подобно органу очень употребительны были и часы с музыкой; иногда и здесь бывали приспособления для довольно значительного числа пьес.

Такого рода часы, также екатерининского времени, находим, например, в Отраде Орловых-Давыдовых.

Александровское время — эпоха расцвета культурной дворянской жизни, эпоха расцвета усадебного быта среднего дворянства. На смену показной роскоши появляется скромность и простота. Камерная музыка постепенно вытесняет из усадьбы оркестровую. Помещики-любители играют на клавикордах, виолончели, скрипке, арфе и т. д.

Фортепиано — необходимая принадлежность каждой усадьбы. Почти всюду находим мы старые инструменты или, как их тогда называли, «флюгели» (5), преимущественно Виртц и Штейна, обычно красного дерева; реже попадаются клавесины, иногда любопытные пианофорте переходного типа, например, треугольный рояль в Дубровицах Голицыных.

В XIX веке еще долго продолжается увлечение иностранцами, особенно итальянской музыкой; известно, что горячей ее поклонник и энтузиаст, московский почтдиректор А. Я. Булгаков разыгрывал на слух целые оперы, особенно в часы досуга, живя в своей подмосковной Горбове или будучи в гостях у многочисленных друзей своих, в частности у кн. Вяземского в Остафьеве. Здесь вообще процветала любительская музыка.

11о случаю бракосочетания сестры поэта Екатерины Андреевны Вяземской с кн. Щербатовым на слова князя Петра Андреевича сочинял музыку А. А. Плещеев, известный масонский деятель, автор многих романсов и опер, очень мало печатавшийся и потому теперь почти забытый. До сих пор сохранился в Остафьеве старый клавесин палисандрового дерева, перевозившийся обычно на зиму в Москву. На нем играла княгиня Вера Феодоровна, жена поэта. К сожалению, в библиотеке усадьбы не удалось отыскать пот. Мы знаем, однако, что здесь были полонезы известного О. А. Козловского, мы знаем, что княгиня Вера Феодоровна следила за музыкальной жизнью в России и за границей; для нее присылал А. И. Тургенев клавиры нашумевшей оперы Вебера «Freischutze» («Вольный стрелок»). Конечно, в репертуар усадебной музыки входили романсы Мих. Юрьев. Виельгорского, писавшего их на слова кн. Вяземского («Давным-давно»), вещи К. А. Кавоса, романсы Верстовского, Варламова, Гурилева, рапсодии Глинки; излюблены были также концерты и квартеты Петри Роде (6), оперы Моцарта, несколько позднее романтические вещи Шопена.

Очень принято было также в начале столетия писать ко всяким торжественным дням мазурки, вальсы, марши, экосезы, кадрили, писать музыку для куплетов. Особенно распространены были в усадебной музыке вальсы Ланга [?] и мазурки Козловского. Многое же сочинялось любителями-дилетантами и дошло до нас в рукописях и списках. Впрочем, в первой половине XIX века в виду такой распространенности и дороговизны нот очень многое переписывалось от руки. Обычно ноты приплетали к «Дамскому Журналу» и «Мнемозине», откуда часть попадала во все эти альбомы, сборники и тетради, еще кое-где сохранившиеся в русских усадьбах.

Любопытные нотные записи находим в остафьевских альбомах — неизданный фрагмент Листа, agitato (взволнованно — ит.), собственноручно им переписанный, Калон [?] Тальберга (7), небольшую пьесу Мейерберга, все вещи до сих пор не опубликованные, писанные в Бадене в 1845 году.

Великосветские любительницы исполняли в усадьбах особо любимые,
особо модные вещи. «Любила я...», «Давным давно» гр. Виельгорского,

«Черная шаль» Веретовского на слова Пушкина, «Велизарий» [?] Мерзлякова, «Соловей» Алябьева, романсы Глинки, — вот наиболее излюбленные пьесы, исполнявшиеся в русских усадьбах.

Известными исполнительницами вокальной музыки были гр. Екат. Петр. Риччи р[ожденная] Лукина, Федосия Ивановна Бартенева, обе ученицы известного Мускетти [?], Екат. Аполл. Рахманова, княж. Агриппина Трубецкая, жившая в Раменском, Анна Сергеевна Шереметева, получившая музыкальное образование у жившей в Михайловском семьи [фамилия нрзб]. Сестра последней Елисавета Сергеевна была замужем за известным пианистом и композитором бароном Дёлером; его портреты, бумаги и рукописи сохранялись в уже упоминавшемся здесь имении Михайловское. Рояль же барона Дёлера приобретен в Остафьевский музей.

Музыкальные вечера постоянно устраивались у Виельгорских в Луизине, у гр. Е. П. Строгановой в Братцеве, где бывали все знаменитости московского музыкального мира, в том числе и знаменитый Фильд, у Вяземских в Остафьеве, в Суханове у Волконских, па Полотняных Заводах, где особенно отличался прекрасной игрой на фортепьяно Николай Афанасьевич Гончаров.

Мемуары и письма оставили нам многие имена композиторов, дилетантов и виртуозов среди русских помещиков XIX в. К ним принадлежал особенно Б. С. Шереметев владелец Волочанова Волоколамского] уезда, написавший Pocrovskoe valse, Польку Волочаново, марш Волоколамской дружины, ряд романсов, из которых особой известностью пользовался «Я вас любил» на слова Пушкина. Все зто игралось и распевалось у Шереметевых в Покровском, Волочанове п Михайловском.

Начало XIX века совпало с изобретением гитары — этого инструмента par exellence (фр. — преимущественно); гитара стала преимущественно уделом холостяков; прекрасный образ такого помещика любителя, несомненно списанный с натуры, оставил нам Толстой в «Войне и мире» в лице дядюшки.

Увлечение цыганскими песнями также не прошло мимо русской усадьбы; этот род вокальной музыки был особенно излюблен во второй трети XIX века. Цыгане бывали в Отраде Орловых-Давыдовых, цыганское пение процветало в семье Толстых. Любопытным вещественным памятником является здесь роспись плафона в зале остафьевского дома, где среди прочих фигур находим известный цыганский хор Молчанова.

В настоящем беглом очерке лишь перечислены случайные имена, лишь названы наиболее любимые вещи. Музыка, наравне с прочими иекусст-

вами, процветала в усадебной жизни, она была необходимой принадлежностью, составной частью своеобразной русской культуры, испытавшей все периоды развития и замершей в конце девятнадцатого века.

Глинка на фоне усадьбы
См[олснской] губ[ернии]
Новоспасское: оркестр,
многое написано из «Жизни за царя»
«Руслан и Людмила»
на фоне Качановки Тарновских.

усадьба дяди Шмаково
по [2 слова нрзб] оркестры.
Трио 1824 года для Новоспасского оркестра
Первый оркестровый
композитор — с малых лет
изучал. Был капельмейстером у себя.

До Глинки — [1 слово нрзб] в усадьбе
впоследствии — не жил [?]
Но все же именно р. [слово нрзб] связаны с усадьбой
Чайковский Введенское Глебово под Нов[ым] Иерусалимом
Танеев под Звени [городом]
Римский-Корсаков

ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые публикуемый здесь очерк А. Н. Греча (1899—1938) «Музыка в русской усадьбе» интересен в нескольких планах. Во-первых, как продолжение посмертной (после «Венка усадьбам») публикации наследия второго председателя Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ); это свидетельство того, что впереди нас могут ждать новые открытия работ 1920-х годов. Во-вторых, как показатель широты усадебной проблематики в те далекие годы. И, наконец, он интересен потому, что несет и сегодня, по прошествии более полувека со времени написания, свежие мысли, малоизвестные факты.

Рукопись А. Н. Греча представляет собой подготовленный к публикации текст, по не окончательно, в ней есть авторская правка, но нет оформленных сносок на источники. А. Н. Греч явно намеревался продолжить тему о музыке в усадьбе и па последней, 12-ой странице рукописи набросал нечто вроде плана, в соответствии с которым, очевидно, хотел осветить следующий период, назвав имена (и соответствующие усадьбы) М. И. Глинки, П. И. Чайковского, С. И. Танеева, Н. А. Римского-Корсакова. Тем не менее, предлагаемый нашему вниманию очерк является вполне законченным и потому подписанным А. Н. Гречем.

К сожалению, очерк не датирован автором. Нет сведений об этом и у В. М. Рудченко, в собрании которого хранится рукопись. По-видимому, она испытала немало на своем Веку: ведь в 1930 г. А. Н. Греч был арестован, отбывал срок па Соловках, затем, после кратковременного пребывания на свободе (но вне Москвы) вновь арестован и расстрелян.

Таким образом рукопись можно атрибутировать во времени только исходя из ее содержания. Внимательное прочтение текста позволяет нам «зацепиться» за упоминание музея-усадьбы в Остафьевс как действующего. Известно, что этот музей был окончательно закрыт

в 1930 г., но уже в 1927 г. отстранили от руководства в нем П. С. Шереметева, который являлся также членом ОИРУ. Полагаем, что спокойный тон А. Н. Греча свидетельствует о все еще благополучном существовании музея. В таком случае мы можем датировать написание очерка не позднее, чем 1927 годом и не ранее июня 1923 г., ибо на первом вечере усадебной музыки, проведенном ОИРУ в Москве 8 июня 1923 г. в театре «Синяя птица» А. Н. Греч выступил с докладом о музыке в усадьбе (благодарю за последнее уточнение Г. Д. Злочевского, нашедшего упоминание о вечере в журнале «Среди коллекционеров», 1923, июнь, с. 63).

Почерк А. Н. Греча весьма своеобразен, и нет уверенности, что во всех случаях он нами правильно понят (об этом говорят пометы «нрзб», т. е. «неразборчиво», и знаки вопроса). Переводы иностранных слов и русское звучание имен зарубежных композиторов и певцов даны прямо в тексте. Мы сочли необходимым также лишь частично прокомментировать текст, оставляя главное специалистам-музыковедам. Все идущее от публикатора дано в квадратных скобках.

Благодарим В. М. Рудченко, предоставившего рукопись А. Н. Греча для публикации в данном выпуске «Русской усадьбы».

1. Мареш Ян Антонин (1719—1794) — чешский композитор и валторнист. С 1748 г. жил в Петербурге, играл в оркестре А. Н. Бестужева-Рюмина, затем служил при .Дворе. Создатель русского рогового оркестра, с 1751 г. руководил оркестром С. С. Нарышкина.
2. Источник мемуаров В. Соллогуба не обнаружен.
3. Сарто — правильно: Сарти Джузеппе (1729—1802) — итальянский композитор и дирижер, с 1784 г, работал в России, будучи приглашенным на должность придворного капельмейстера. С 1786 г. возглавил капеллу Г. А. Потемкина, по его заказу написал ораторию на русский текст «Господи, воззвах к тебе». В Петербурге был поставлен ряд опер Сарти.
4. Перевод с французского (сделан Н. Н. Ауровой): «Я мог судить только о музыке и балетах, — писал гр. Сегюр о празднике, данном Г1. Б. Шереметевым в Кускове в честь Екатерины II, — первая меня удивила своей гармоничной мелодией, вторые элегантным богатством костюмов, грацией танцовщиц и легкостью танцоров. Мне показалось почти непостижимым то, что поэт и композитор, авторы оперы, гример, который сам убирал актеров и актрис в этой пьесе, кордебалет так же, как и музыканты (оркестра), все были из крепостных графа Шереметева».
5. Флюгель — клавишно-струнный инструмент, имеющий крыловидную форму. В XVII в.
   так называли клавесин и его разновидности, в XVIII в. это название перешло к некоторым разновидностям фортепьяно.
6. Роде Жан Пьер Жозеф (1774—1830) — французский скрипач, композитор, педагог. В 1803—1808 гг. концертировал в России, с 1804 г. был придворным солистом в Петербурге, давал уроки, выступал и в Москве.
7. Тальберг Зигимунд (1812—1871) — австрийский пианист, с 1838 г. концертировал в России.
8. Дёлер Теодор (1814—1856) — австрийский пианист и композитор. В 1865 г. приехал в Россию, выступал в Москве и Петербурге, занимался композицией. Женился на Елизавете Сергеевне Шереметевой и по распоряжению Николая I пре-

Публикация Л. В. Ивановой

Д. Д. Иванов

ИСКУССТВО В РУССКОЙ УСАДЬБЕ

Я должен откровенно признаться, что вряд ли сообщу вам что-нибудь новое. Я просто предполагаю поделиться с вами своими взглядами на искусство русской усадьбы, ибо в области теории этого искусства пока, мне кажется, сделано еще очень немногое, общие положения еще не выяснились и до сих пор работа сводилась, главным образом, к накоплению фактического материала.

Прежде всего для меня возникает самый существенный вопрос, существует ли вообще особое искусство русской усадьбы? Имеется ли достаточно оснований, чтобы это искусство выделить? Может быть, перед нами просто отдельные произведения искусства, по тем или иным причинам находящиеся или обнаруженные в усадьбах, но, однако, никакого особого стиля или типа искусства русская усадьба не представляет. С одной стороны, кажется, что такой вопрос не должен бы возникать, ибо слишком большое число авторитетных судей признает наличие в русской усадьбе своих особенных, ей только присущих художественных свойств. Начиная хотя бы с журнала «Мир искусства», который открыл так много в области русского искусства, продолжая журналом «Старые годы», где собрано такое множество ценнейших материалов, наконец, в ряде отдельных исследований это художественное явление не только не отрицается, но, наоборот, все больше и больше выявляется. Издавался, кроме того, особый журнал «Столица и усадьба», посвященный русской усадьбе почти целиком. Когда произошел такой грандиозный переворот, как Революция, то внимание и интерес к русской усадьбе не только не ослабели, но наоборот усилились. Ряд усадеб был превращен в музеи и с успехом выдержал это превращение, привлекая многие тысячи посетителей. Возникло особое Общество изучения русской усадьбы, весьма удачно развивающее свою деятельность. Таким образом, имеются налицо все внешние при-

Почему же возникают сомнения? Что заставляет задумываться над вопросом художественности русской усадьбы? Это, главным образом, то, что каждое почти исследование русского усадебного искусства сопровождается множеством колебаний и оговорок, указывающих на какие-то его особенности, причем, по-видимому, эти особенности говорят не в пользу художественности русской усадьбы. Я беру Врангеля в его исследовании «Помещичья Россия» («Старые годы», 1910): на каждом шагу встречаются такие выражения: «смешные, чудаческие затеи, часто курьезные пародии», «дикие, но не лишенные прелести курьезы», «не .. grand-art», «заурядные в смысле художественном помещичьи усадьбы», «порою трудно разораться в том, что подлинно красивого, вечного в этом ушедшем быте», «трудно понять и высказаться, есть ли хоть частица искусства в криволицых портретах», «в русских имениях, за редкими исключениями, все посредственные копии или работы третьестепенных мастеров», «картин сравнительно мало», «большинство картин в русских усадьбах посредственны и плохи», «искусство крепостных незначительно», «образцы, скорее, курьезной, чем красивой живописи», «мебель довольно однообразна», «бронзы и фарфора еще меньше», «мало икон», в конце концов автор делает неутешительный вывод: «Архангельское вместе с Кусковым единственные дошедшие до нас русские поместья вполне европейского уровня», оговариваясь, однако, тут же в пользу Останкина.

Но едва только Кусково подведено Врангелем с грехом пополам к уровню европейских явлений искусства, как при ближайшем рассмотрении другой автор, Юрий Шамурин («Подмосковные», 1912) сражает даже эту исключительную усадьбу следующим прискорбным выводом: «художественных созданий в Кускове было мало». Спрашивается, сколько же их могло быть в других усадьбах, заведомо неизмеримо уступающих Кускову? Если обратимся к самому последнему времени, то у новейшего исследователя В. В. Згура по отношению к тому же Кускову встречаем проходящие красной нитью через его исследование отзывы вроде следующих: «грубоватость материала», «среди картин западных художников один лишь живописный хлам», «почти вся скульптура дворца художественного интереса не представляет», в дубовой комнате «почти все картины исключительно плохого качества».

Спрашивается, что же это за явление искусства, если например, картины в русских усадьбах вообще плохого качества, а некоторые комнаты замечательны тем, что в них картины «исключительно плохого качества».

Можно было бы придти в полное отчаяние от таких отзывов и весь вопрос о художественности русской усадьбы, по-видимому, сразу решался

бы отрицательно, если бы наряду с такими отзывами не попадались на каждом шагу, к величайшему удивлению, совершенно противоположные, как, например, у тех же авторов: «волшебные сказки», «грандиозные затеи», «высокое мастерство», «своеобразная прелесть», «своя особая интимная поэзия», «высокая культура», «изысканный вкус», «тонкое понимание красоты», «фантастически прекрасные, феерично прекрасные, великолепные дворцы», «безвозвратно ушедшая красота», «прекрасная сказка», «волшебное царство», «огромное явление», «искусство почти равное западному». Правда с добавлением многозначительного слова «почти», эти отзывы все же так сильны, так ярки, так искренни, что должны иметь какое-то содержание. Разумеется, при таком противопоставлении двух диаметрально противоположных и очень ярких взглядов является совершенно необходимым теоретически попытаться объяснить причины этих разноречий и дать более точное определение русской усадь-
бы, ее достоинств и недостатков, прежде всего желательно сравнить русские усадьбы по степени их художественности с заграничными.

Конечно, вопрос о качественности искусства — вопрос в высшей степени трудный, но тем не менее, к этому вопросу искусствоведение возвращается постоянно; несомненно могут быть субъективные ошибки и законы безошибочного определения качества еще не отысканы, но некоторые нормы в этом отношении все же очень ясно чувствуются. И вот, если сравнивать в смысле художественной качественности русские усадьбы с заграничными, то приходится сделать вывод не особенно благоприятный для русской усадьбы. Если мы обратимся к Англии, то увидим там невероятное множество великолепных усадеб, которые переполнены, действительно, в прямом смысле первоклассными произведениями искусства, английское искусствоведение даже предполагает, что если бы все музеи мира погибли бы по какой-нибудь ужасающей случайности, то одного содержания английских замков, английских усадеб хватило бы на восстановление истории искусства полностью. Там мы можем встретить в одной усадьбе лучшее в мире собрание рисунков Клод-Лоррена, в другой первоклассное собрание гобеленов, в третьей античные статуи, рисунки Рафаэля и т. д. Это все неизмеримые богатства; каждый год, каждую зиму в Лондоне устраиваются временные выставки и эти усадьбы, эти замки продолжают из года в год давать материал для периодических выставок крупного научного значения. В смысле древности там нередки усадьбы, далеко превосходящие возраст самых старинных из русских усадеб. Так, например, известный искусствовед сэр Мартин Конвей является владельцем замка XII-го века, на ремонт которого он затратил 300000 руб. и требуется еще 300 тысяч на окончание реставрации.

Д. Д. Иванов. 1918 г. ГАРФ. Публикуется впервые.

Скажите, где в России сохранилась усадьба XH-го века? Из церковных памятников этой эпохи сохранилось всего несколько. А кто может жить в России в жилом помещении XII-го века? Что касается Франции, то там многое пострадало и исчезло, но тем не менее все же многое еще сохранилось: необычайно роскошен замок Во-ле-Виконт XVII-го века, сохранившийся в полном блеске, вообще таких замков там очень много. То же в Германии, Австрии, Италии и т. д. Где же у нас, в сущности говоря, аналогия с таким богатством, с такою роскошью? Разве только в Кускове, Останкине, Архангельском, которые выделяются из общего уровня и изобилуют ценными вещами, но тем нс менее и моложе и скромнее знаменитых замков и дворцов Запада. Русской художественной усадьбы в XVII веке в сущности не было и не сохранилось. Почти ничего не существовало в этом отношении до половины XVIII века. Культура русской усадьбы тесным образом связана с эпохою Петра III и Екатерины II, то есть с грамотой дворянству, давшей дворянам свободу от обязательной службы и возможность жить в имениях. Европеизация двора, возрастающая культура и роскошь,

формирование крупных состояний у вельмож и фаворитов стали к этому именно времени факторами крупного значения. В начале XVIII века в России в сущности было только четыре очень богатых семейства. Два из них татарского происхождения — Юсуповы и Черкасские, одно — семейство промышленников Строгановых и, наконец, семья князей Лыковых. Естественно, что все крупное, все существенное, что от русской усадьбы осталось, восходит не далее 40, 50 и 60-х гг. XVIII века.

В смысле топографическом, предел русской художественной усадьбы довольно ограничен, потому что дачи, например, в Крыму не относятся к категории русских художественных усадеб, как бы они не были живописны. Усадьбы были рассеяны местами в северной и восточной части России, частью густо, частью совсем разрозненно, но главный их сгусток в окружности Москвы, засим многие на юге, на Украине, некоторые в районе Петербурга.

Для того, чтобы еще точнее отграничить представление о русской художественной усадьбе, не только в границе времени и пространства, но и по существу, надо возможно определеннее и яснее указать на те особые, те художественные уклоны, в которых может изучаться русская усадьба и в которых она может привлекать и очаровывать, вызывая те или иные восторженные отзывы. Во-первых, есть уклон хозяйственный, связанный с представлением о довольстве и приволии. Этот уклон красной чертой проходит через разные мемуары, записки и описания. Многие воспевали эту хозяйственность и соединенное с этой хозяйственностью приволье. Сюда относятся бесконечные упоминания о какой-нибудь бабушке, ласковой, доброй, которая все умела так хорошо делать, у которой замысловатые сказки для детей, запасы сластей и т. д. Часто вспоминается взрослыми приволье и простор счастливой поры молодости в русской усадьбе. В Обломове Гончарова идеализируется, живописуется под углом зрения вот этого довольства и хозяйствования приволье русской усадьбы. Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна — это своего рода тоже поэзия быта в украинской усадьбе. Это — идеализация простора, приволья, довольства может быть привлекательная, очаровательная, но к данной теме она не относится.

Второй уклон — это уклон интеллигентский, литературный; множество воспоминаний, связанных с усадьбами, централизовались на идеях культуры, литературы и цивилизации; в таком роде, например, Остафьево, в этой усадьбе есть и элемент художественности, но чрезвычайно сильно уделяется внимание литературе, также усадьбы Самариных, Тютчевых, много думавших, много читавших, имевших переписку чуть ли не со всеми выдающимися людьми своей эпохи. Засим усадьба Толстого. Конечно, она представляет наибольший интерес как окружение

личности и творчества Льва Толстого. Здесь мы видим наглядно черты его детства и черты окружавшего его быта. Разные черты и признаки сплетаются в общей картине русской усадьбы, но, конечно, в Ясной Поляне литературные интересы господствуют над всеми остальными.

Наблюдается и третий уклон — театральный. Несмотря на наличие придворных театров, все таки русская усадьба является быть может главным проводником и источником русского театра, потому что труппы крепостных актеров, вульгаризация и популяризация ими театрального искусства имели весьма большое значение. Процесс влияния театра и перевода его из рамок иностранных в рамки свои, воспитание целых поколений актеров, которые создали свою актерскую культуру, — все это связано очень тесно с крепостными труппами, все это нельзя обойти молчанием. Недаром в последнее время Останкино все больше исследуется под углом зрения истории театра. В этой истории Останкино ничем не заменимая глава и многое в Останкино может быть понято и воспринято скорее в качестве факторов сценического искусства, чем искусства вообще. Это в сущности в значительной степени одна только театральная бутафория, на архитектуру и обстановку Останкина, на эти передвижные колонны, на эти грубоватые жертвенники — канделябры приходится смотреть двояко: с одной стороны, они понижают общее представление о художественности Останкина, но зал'о, с другой стороны, они важны для истории развития театра в России.

Кроме уклонов хозяйственного, литературного и театрального, существуют быть может еще и другие уклоны, которые освещают русскую усадьбу и с какой-нибудь иной стороны, но если все это смешивать, то происходит большая неразбериха и основное представление о русской усадьбе не выясняется, а запутывается. Основная идея русской усадьбы в смысле чисто художественном состоит в том, что русская усадьба представляет собою один из моментов в разработке поставленной искусству задачи создать наиболее совершенную виллу для отдыха среди природы культурному, высоко развитому, умственно пресыщенному эгоисту-индивидуалисту. Это не дворец для приемов, не мыза для хозяйства, не замок для администрации, это вилла для отдыха и для ничего неделания.

Выработка типа такой виллы связана с эпохою итальянского возрождения. Это до такой степени типичное явление итальянского возрождения, что оно как бы неразрывно соединено с этой эпохой, хотя может быть отдельные элементы этого типа могут встретиться в разных других условиях. Эпоха возрождения в Италии и в Европе вообще, это время проявления крайнего индивидуализма, время обособленности и освобождения от религии, отделения от религии, которая так

долго и так властно руководила и душою и искусством. Какой-нибудь герцог устраивал особую виллу исключительно для себя, а не для представительства, не для того, чтобы там принимать докладчиков и просителей. Очень характерны великолепные мраморные украшения подобной виллы, находящиеся в Ленинграде в музее б. [арона] Штиглица. Там встречается великолепно обрамленный мраморными орнаментами девиз по латыни: «Никогда я не бываю так мало одинок, как тогда, когда меня оставляют другие», то есть в наилучшем обществе я бываю тогда, когда я один.

Что такое представляют из себя в Италии такие виллы около Рима или около других городов, виллы разных Боргезе, Эсте, Фарнезе и т. д., на которые затрачивались доходы со всего католического мира? Это явление колоссальное в смысле художественной значимости. Крупнейшие мастера, крупнейшие гении, величайшие богатства художественные сосредотачивались в этих виллах. Затем идеал этот переходит и в другие страны, возникают всевозможные Сан Суси, Трианоны, Эрмитажи, Монрепо и т. д. без конца, вплоть до русского Нескучного. Характерно, что Кусково, подражающее царскому дворцу, скоро начинает казаться слишком людным, громоздким и представитель следующего поколения Шереметевых Николай Петрович создает новую усадьбу, гораздо более уединенную — Останкино.

Для предшествующей эпохи, судя по описанию Болотова, крайне характерно размещение помещечьей усадьбы по две стороны большой дороги: с одной стороны дороги дом с садом, а с другой — службы. Проезжая большая дорога служит наилучшим соединением со всею округою. Теперь же замечается стремление уединиться в глуши, как можно дальше от людей и дорог. Итальянское возрождение и вообще возрождение проникнуто культом индивидуализма. Это поколение людей, подверженных изящной меланхолии, скептических и небрежно разочарованных. Единственное желание у них провести жизнь красиво и взять от нее все. Словом то, что описано в послании Пушкина Юсупову и что описано многократно в других произведениях, это эпикурейство, это утонченность чувств, это культ своих удовольствий. Французская культура XVII века, продолжавшая и углублявшая идеи итальянского ренессанса, сильнейшим образом отразилась и на русской усадьбе.

Если перечислять художественные элементы русской усадьбы, то можно разделить этот материал на три категории, а именно: внутреннее убранство, засим, внешний вид, и очень важный элемент — это окружение усадьбы.

Относительно внутреннего убранства, которое так сильно интересует искусствоведение и законы которого до сих пор так мало разрабо-

таны теоретически, наблюдается странное явление. Несмотря на то, что в русских усадьбах часто собраны вещи, далеко не особенно ценные, все же по каким-то причинам они в общем и целом удовлетворяют художественное чувство. Многие из авторов подчеркивают, какое сильное впечатление производит на них это внутреннее расположение дома и внутреннее его убранство. И при этом постоянно отмечается, что многие из составных элементов убранства не особенно высокого качества. Например, в области художественной ткани наблюдается замечательная бедность. В русских усадьбах нет ни одного гобелена, за исключением Кускова, где шпалерные ковры далеко не первосортные. Сравнивать их в этом отношении с Западной Европой нет никакой возможности. Гобелены были настолько дороги, что владельцам русских усадеб не могла казаться ясной такая дорогая оценка хрупкой ткани. Мало того, вообще тканей чрезвычайно мало, а высоко художественных тем менее. Обивка стен и мебели очень редко выделяется за уровень сравнительно заурядной роскоши, редко можно наблюдать, чтобы она поражала исключительным вкусом. Почти нет, или вернее сказать прямо, нет подбора сохранившихся костюмов; тогда как в иностранных усадьбах встречаются подборы костюмов, начиная с XVII века. За границей, даже в крестьянских фермерских семьях, костюмы иногда сохраняются за несколько поколений. В русских усадьбах это составляет редкость. Культуры ткани, по-видимому, не было.

Затем, из других материалов — фарфор. Казалось бы XVIII-й век — это век фарфора. Так что надо было бы ожидать особенного изобилия, особенного богатства в этой области; но прежде всего надо отметить, что севрского фарфора в русской усадьбе встретить нельзя. Причина заключается в том, что он слишком дорого ценился. Особенно его любили англичане. По преданиям, некоторые англичане во время французской Революции рисковали жизнью, чтобы поехать во Францию и вывезти еще одну партию севрского фарфора. Со стороны русских обладателей усадеб этого не проявлялось. XVIII-й век был настолько веком фарфора, что его в русских усадьбах все-таки много. Но, главным образом, это мейсенский и русский фарфор. Русский фарфор, потому что он был ближе и доступнее, мейсенский, потому что он выделывался в массовом производстве. В конце XVIII-го века даже были назначены специальные дни для выделки товара для России, но именно эта подробность указывает на то, что на долю России и русских усадеб выпадал по преимуществу товар массового производства, хороший, но не исключительный.

Затем, относительно бронзы. Эта область составляет исключение.

В комплексе художественных элементов русской усадьбы скорее мож-

но найти художественную бронзу, чем в усадьбе английской. Это редкое, но очень выгодное преимущество. Причина заключалась в том, что бронза, в особенности при двойной позолоте того времени, стоила очень дорого, между тем в Голландии и Англии еще сказывались следы пуританства, наследие английской Революции и по особому предрассудку англичане систематически уклонялись от ввоза бронзы, считая этот продукт чрезмерно дорогим и слишком бросающимся в глаза. Фарфор проскальзывал к ним легче. Они гордились тем, что в их обстановке больше здоровой гигиены, комфорта и нет развратных прихотей моды, в виде дорого стоящей бронзы.

Затем очень характерную особенность русской усадьбы составляет то, что в ней почти не встречается оружия. Это очень характерно в связи с тем, что русская усадьба — это вилла для самого себя, вилла для отдыха, в то время как на Западе в усадьбах, представляющих развитие средневековых замков, этих гнезд феодальной власти, встречаются собрания старинного оружия, которые в некоторых случаях очень значительны. В России разве только у Шереметевых в их имении было более Или менее значительное собрание, но и то по большей части составленное в позднейшее время и в конце концов сосредоточенное в Петербурге.

Затем очень характерная особенность — это отсутствие предметов религиозного культа. Это странное явление отмечается несколькими исследователями. В XVII веке при постоянных походах и разъездах по службе владельцы усадеб, если хотели вкладывать во что-нибудь капитал, стараясь себя увековечить, то вкладывали его в церковь и строили не деревянную, а каменную. Жилище их было деревянное, не долговечное, как бы временное. Даже в резиденциях таких крупных помещиков, как Строгановы XV, XVI и XVII веков, от хором ничего не осталось, кроме рисунков, церкви же их строительства сохранились: в XVII веке все наиболее ценное помещалось и свозилось в рядом лежащую церковь. Вот причина, почему древние иконы обычно находятся не в усадьбах.

Зато изобилуют картины. Картин в общем много, но характерная черта
та, что почти не было у владельцев русских усадеб настоящего коллекционерства, тогда как ряд выдающихся французских богачей того времени прославился своими коллекциями, память о которых живет до сих нор. У нас подобных коллекций было очень мало, упоминают несколько галерей в Москве, но и там был очень плохой подбор и множество копий. В общем впечатление получается такое, что в галереях больших усадеб можно встретить картины всяких школ, свезенные целыми партиями, но никогда не рассмотренные отдельно и любовно,— любви к отдельной картине, вкуса к определенной школе почти не видно. Берется партия,

собранная гуртом. В такой галерее, как в Останкине, как бы невзначай попадаются очень хорошие картины, но скорее это происходило по закону больших чисел, независимо от вкуса и выбора владельца.

Засим галерея предков. Это характерное явление особенно для Запада, для европейской усадьбы. В Англии встречаются в замках вереницы предков, целые десятки, сотни изображений, отличающиеся весьма высокими качествами исполнения. В Англии не один, не два замка, в которых целые подборы фамильных портретов, целые серии портретов, писанных Ван-Дейком, Рейнольдсом, Ромнеем и т. д. У нас подобное явление тоже известно, но далеко не в такой ярко выраженной степени. Нет этой амфилады, нет этой стены, нет этой длинной галереи, длинной вереницы; владельцы русских усадеб чувствовали этот недостаток вчерашнего дня у своих родов и старались восполнить его всевозможными копиями, чтобы было числом побольше и чтобы все места были заняты; тут уже о качестве говорить не приходится. Подобный набор всякой всячины имеется в Кускове. Некоторые исследователи говорят, что крепостная живопись очень угловата, с громадными промахами, с большими техническими погрешностями, но, тем не менее, что-то своеобразное, интересное в ней есть, как впрочем и во всяком начинании есть своя прелесть. Есть особая прелесть в искусстве ребенка, в искусстве дикаря, в искусстве начинающего художника. Интересно, как это у него выходит, он ничего еще не умеет, но ему кое-что иногда уже удается, а иногда получаются такие несообразности, что убивают всякий интерес. Качественный уровень такого рода собраний, конечно, не особенно велик.

Можно было бы предположить, что в русских усадьбах должен быть перевес скульптуры. Надо полагать, что вилла, по существу своему итальянского типа, не могла обойтись без статуй и действительно, несмотря на колоссальные препятствия, несмотря на дороговизну перевоза статуй в то время, несмотря на их хрупкость, на их страшный вес, мы все же находим их в мраморе или хотя бы в гипсе даже в разных захолустных имениях. Правда, большинство из них переломаны, искажены, давно погибли. Даже в таком небольшом, сравнительно, имении, как Брехово б. Кокошкиных, имении средней руки, и то остались пьедесталы от довольно многочисленных статуй. Сравнительно наибольшее количество их было в Архангельском.

Засим, самый важный элемент в убранстве русской усадьбы — это мебель. В силу ряда причин, довольно легко объяснимых, процветание русской усадьбы совпадает по времени с процветанием русской мебели. Конец русской усадьбы — это конец русской мебели. До XVIII века мебели не было, довольствовались лавками и скамьями, русская мебель в

сущности появилась в середине XVIII века и окончилась, как искусство самостоятельное, в половине XIX века.

Уже упоминалось, что в русской усадьбе почти отсутствует элемент хозяйственный. Некоторые авторы, на которых я делал ссылки, отмечают, что владельцы хороших усадеб не были хорошими хозяевами. Например, даже у Шереметевых, при их колоссальных средствах, и то были долги. В большинстве тот, кто художественно устраивался, вкладывая в это деньги, очень быстро зарывался и к числу хороших хозяев не принадлежал. В Западной Европе господствует элемент хорошей хозяйственности, научной хозяйственности. Понятно, что там встречаются портреты хороших лошадей. Это особенно типично для Англии. Там во многих первоклассных усадьбах есть портретные галереи лошадей в натуральную величину. Этот элемент конского завода вторгается в английскую усадьбу. Есть портреты коров, быков и даже свиней. Но ничего подобного вы в русской усадьбе, как правило, не встретите, разве только в редких имениях, вроде усадьбы Полторацких, Калужской губ. Если развлекаться, то вдали от всех этих управляющих, с их отчетами, с напоминанием о долгах и т. д. Доходили до такой степени, что даже незаметно было, где помещается этот хозяйственный аппарат. Далеко ушли от того времени, когда все было на виду по обеим сторонам проезжей дороги. Вся проза жизни по возможности удалена за озеро, за пруд, за реку, даже зверинцы и псарни строились вдалеке. Недаром это — эпоха сенсуализма.

Но тем не менее, надо оговорить, что все же существовало стремление создавать богатый замкнутый самодовлеющий хозяйственный мир, в котором все исполняется своими средствами. С этой целью посылались люди для обучения в столицу, заводились промыслы. Известным меценатом Мещерским изобретена мебель карельской березы, которая является очень своеобразным характерным достижением и дала длинный ряд очень ценных произведений. Таким образом насаждались ремесла при помощи учеников из крепостных. Производство мебели культивировалось в крепостных усадьбах и это явление довольно значительное. Такая мебель даже заграницей расценивалась хорошо, слишком дорогих цен за нее не давали, но, однако, относились к ней с большим уважением. Эта своеобразная область требует особого внимания, она весьма интересна и можно сказать, что в этой области было создано нечто.

Но в чем же заключается общий стиль внутреннего убранства русской усадьбы? Этот стиль существует. Достаточно сказать, что посещая новую усадьбу, вы, зачастую, как бы угадываете, что найдете там за закрытыми дверьми. Значит, существуют какие-то стилистические законы. Важнее всего искать общий ключ к раскрытию самого существа

художественности русской усадьбы в ее внешности. Архитектура русской усадьбы вообще по большей части хороша. Бывают произведения доморощенной архитектуры, вроде сундука или ящика, но часто встречаются здания, построенные крепостными архитекторами, и очень удачно. Подчас трудно их в чем-нибудь упрекнуть, а восторженному человеку легко ими восхищаться. В общем они хороши, даже скромные домики и те достаточно гармоничны, но самое замечательное, это их соответствие русской природе, русскому пейзажу.

У исследователей русской усадьбы встречаются по этому поводу удивительные выражения, целые откровения, однако оставляемые ими, к сожалению, без всяких объяснений. Такой чуткий, нервный, искренний и горячий знаток искусства, как Врангель («Старые годы», 1910), вскользь упоминает, что строгие формы классицизма почему-то очень оригинально «и в то же время хорошо идут к русской природе». И это упоминание не случайное. Дальше у него же вырывается, как бы непроизвольно, следующий глубоко замечательный отзыв: «как ни странно, но этот, прежде чуждый нам, стиль привился и сроднился с Россией ближе и дружнее, чем боярские хоромы». Никаких пояснений этому наблюдению он не дает и видимо не может дать. Но это наблюдение так поразительно, что оно неотложно требует теоретического объяснения.

Как же это может случиться, что чудный стиль оказался более близким и родным, чем свой собственный стиль, чем художественный стиль русской) XVI и XVII веков, стиль боярских хором, как выражался Врангель, то есть национальный русский стиль? Ведь стиль, надо полагать, создается органически, куда же девалась та творящая душа русского народа, которая его создала, когда совсем другой стиль оказывается гораздо более ей сродным. Либо тот, либо другой из этих стилей не настоящий, а подложный выразитель русского художественного вкуса. И стран-
ное дело - сколько раз не пытались с разных сторон подходить к самому настоящему русскому стилю — будь то Верхние торговые ряды на Красной площади, или дом Игумнова на Якиманке, или дом Перцева у Храма Спасителя, или церковь на месте убийства Александра II в Ленинграде, или Казанский вокзал и т. д., каждый раз убедительного слияния произведения искусства с окружающей его обстановкою не получалось, каждый раз такое здание русского стиля являлось более или менее назойливым, навязчивым, беспокойным, а какой-нибудь скромный домик Пушкинского времени, выкрашенный серою краскою с четырьмя белыми колоннами, необыкновенно приветливо и успокоительно выглядит
среди обросших его кустов сирени в нескольких шагах от изб русской настоящей деревни. Если он отражается в полузаросшем тиною русском

ве, на косогоре, как стоял подлинный дом Пушкина в Михайловском, опять выходит гораздо лучше, гораздо роднее, чем дом Перцева со всеми его майоликами и золочеными решетками.

В чем тут секрет? Мое мнение, что этот стиль русской усадьбы, этот вкус не только является чуждым, но является в высокой степени свойственным и соответственным русскому вкусу. Если проследить историю русского искусства, то можно придти к выводу, что одна из потребностей русского художественного вкуса состояла в оформлении пейзажа русской природы белым пятном, белым мазком, иногда пятном золота в зелени равнин и в синеве небес. И эта тенденция последовательно проводится через историю русского искусства, начиная с белого куба древней русской церкви. Белый куб церкви — это характерная черта русского пейзажа, например, новгородского.

Дальше произошло явление в высшей степени странное. Всюду, во всем остальном мире крепости, по преимуществу, представляют из себя твердыню из серого потемневшего камня или же из кирпича, у нас же крепостная стена получилась белая, как, например, стена Китай-города. Крепость в России оказывалась по преимуществу белая, а иногда в соединении с красным, как стены Новодевичьего монастыря. Странно, что это же явление характерно для Тибета, Дальнего Востока и Китая. Заимствовано оно или самостоятельно, но оно показывает какую-то особенность русского вкуса. Пятикупольные белые соборы с золотыми или синими главами, простой, спокойной и внушительной архитектуры тоже великолепно центрируют русский пейзаж.

Русские усадьбы, белые среди темной зелени, как-то сами собой выросли при посредстве людей, совершенно неграмотных, но отлично усвоивших этот стиль. В них жили целыми поколениями, в них сформироватись выразители русской души — Пушкин, Тургенев, Толстой... И наоборот, как бесплодны, как художественно скудны усадьбы в так называемом, русском стиле. Если вы обратитесь к такой усадьбе, как Борятина, то она вам кажется до такой степени чуждой, что Вы готовы признать ее нерусской, эти башенки кричат на фоне русского пейзажа.

Аналогичное явление, очень интересное с точки зрения искусствоведения, наблюдается и в городах. При всей монотонности и казенности Храма Спасителя, в его постройке есть какой-то элемент вечности, он так подходит к окружающему, что не только не тревожит глаз, но даже является необходимым дополнением, в особенности издали он дает тот мазок золота, который необходим для того, чтобы художественно оформить пейзаж Москвы.

В чем же секрет того, что, так называемый, русский стиль нам чужд? Разрешение этой задачи очень трудно, но я предполагаю, что, так на-

зываемый, русский стиль, теремной стиль в значительной степени есть творчество не русских вообще, а ближайшим образом ярославцев. Плотничное дело исстари находилось в руках ярославцев. Между тем Ярославская губерния — это именно та часть России, которая всего гуще насыщена финским элементом. В прикладном искусстве этого края проявляются заметные особенности. Возможно, что ярославские плотники сыграли крупную роль, они переносили по всей России свой стиль с характерной причудливостью плана, мелкотою украшений, пестротою окрасок. Так создался тип дворца в селе Коломенском. Но русский вкус, когда мог, предпочитал белое пятно.

Следует обратить внимание, что хаты на Украине тоже белые и также представляют собой типичный скромный, но радостный мазок среди густой зелени.

Я совсем не коснулся еще одного очень важного элемента — окружения русской усадьбы. Мы не мыслим русскую усадьбу без темно-зеленой листвы, без перекрестной сети липовых аллей, без культуры лип на севере или пирамидальных тополей на Украине. Но этот элемент имеет такое существенное значение, что заслуживает специального исследования. Как тип русские усадьбы сплошь и рядом ложатся на лоно вод, как белый лебедь, в отличие от иностранных, которые громоздятся на вершинах.

Вкратце говоря, русские старинные усадьбы, создававшиеся по большей части состоятельными и избалованными людьми, волею судеб выявили тип архитектуры, убранства и быта, из всех существовавших в Рое сии, наиболее соответствующий по нашим взглядам природе и пейзажу России, наиболее опрягный и гигиеничный, белостенный, с наименьшим количеством сора и грязи и с наибольшими возможностями для борьбы с бичем русской жизни — клопами, тараканами и мухами. Это наиболее достижимый идеал культурной жизни в России, вполне художественный и в то же время ясный, простой, не надоедливый, не дорогой, приспособленный к местным условиям и имеющий, как кажется, много данных для дальнейшего развития типа художественного житья в России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя Дмитрия Дмитриевича Иванова, к сожалению, почти забыто. Директор Оружейной палаты (1922—1929 гг.), действительный член двух академий: ГАХН (1923 г.) и ГАИМК (1925 г.), эмиссар (1918) и эксперт Главмузея Наркомпроса во множестве комиссий, активный участник заседаний комиссии музея «Старая Москва», он преподавал

на курсах театральных работников (1920—1921 гг.), во ВХУТЕМАСе (1922—1923 гг.), на курсах музейных работников (1926 г.) (1). Вот вкратце круг его деятельности в советское время. У Д. Д. Иванова осталось не много опубликованных трудов, наиболее известен путеводитель по музеям Петербурга (2).

Жизненный путь его был трагичен, как и у многих представителей русской интеллигенции. А его ужасный конец заставил надолго замолчать о нем. Между тем судьба Дмитрия Дмитриевича и его деятельность заслуживают того, чтобы о нем вспомнили.

Д. Д. Иванов родился в имении своей матери, Любови Антоновны (в девичестве — Бистром) Солнцеве, Ярославка тож, Ранненбургского уезда Рязанской губернии 17 мая (ст. ст.) 1870 г. (3) в семье потомственного дворянина, действительного статского советника Дмитрия Васильевича Иванова. Кроме Дмитрия, в семье было еще четверо детей: три сестры и брат. Отцу было в то время 57 лет. Отслужив в 1853 г. более 20 лет по гражданскому ведомству (после окончания Павловского кадетского корпуса), он уволился от службы по болезни, однако в последующие 25 лет регулярно избирался почетным мировым судьей и даже председателем съезда мировых судей Ранненбургского мирового округа (4). Оба деда Дмитрия Дмитриевича были героями войны 1812 г.: барон Антон Антонович Бистром — генерал-лейтенант, представитель легендарной фамилии, десять членом которой сражались в войне в рядах русской армии (5); Василий Семенович Иванов — подпоручик Тульского ополчения, погиб в 1813 г. (6).

Многое в родовом имении напоминало о героических событиях Отечественной войны 1812 г. и о предках: Любовь Антоновна наследовала по смерти матушки фамильные реликвии: старинные картины, фарфор, бронзу, мебель (7); усадебный парк с тенистыми аллеями, «залами» и балюстрадой для танцев и оркестра был разбит после войны пленным французом (8).

Дмитрий получил домашнее воспитание и до 9 лет оставался при отце (9). В 1889 г., по окончании 5-ой Московской гимназии с серебряной медалью, «проявив отличные успехи в науках, особенно в истории» (10), поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил с дипломом I степени в 1893 г. (11). Затем — блестящая карьера юриста от кандидата на судебные должности при Московской судебной палате в 1893 г. до директора департамента Министерства юстиции, товарища обер-прокурора Правительствующего Сената в 1917 г. (12).

Неоднократно бывая за границей в 1893—1913гг., Д. Д. Иванов изучил собрания лучших музеев Италии, Франции, Англии, Германии и, как писал

А. Н. Бенуа в рецензии на упомянутый путеводитель по Петербургу, познакомился с европейскими взглядами на историю искусства (13).

Кто первая научная работа, опубликованная в 1896 г. (14), обнаруживает горячий интерес как к событиям войны 1812 г., так и к вопросам сохранения памятников истории и культуры па территории воюющих стран. А в 1904 г. в международном ежемесячнике «Les Arts», издаваемом в Париже, Д. Д. Иванов помещает статью «Защита произведений искусства во время войны» (15). Предвидя неминуемость мировой войны и неизбежность утрат памятников искусства, он предлагал правительствам заранее принять взаимные обязательства по защите и охране памятников искусства. Он утверждал: «если войны нельзя избежать, по меньшей мере она должна вестись в условиях цивилизованных государств нашего времени иначе, чем это было когда-то».

В сентябре 1918 г., после переезда в Москву и перенесенного тяжелого заболевания, Д. Д. Иванов обратился в Музейный отдел Наркомпроса с прошением о приеме его на работу, отмечая: «особенно желал бы работать в дорогом мне деле охраны памятников искусства и старины, воспрепятствовании вывоза их из России и сосредоточении их в государственных хранилищах для общего пользования» (16). Так он стал эмиссаром, осматривал многие усадьбы, в том числе имения Барятинских и Горчаковых, вывозил ценности из Архангельского (17). Обширные знания в области декоративно-прикладного искусства сделали его неизменным членом различных комиссий в качестве эксперта Главмузея, особенно много сил отдал он работе в Комиссии особоуполномоченного ВЦИК и СНК по учету и сосредоточению ценностей придворного ведомства, хранящихся в Кремле (1922 г.) (18). При разборе Комиссией и вынужденной передачи в ГОХРАН коронных бриллиантов, Д. Д. Иванов сформулировал заявление Комиссии о том, что эти произведения ювелирного искусства «должны быть сохранены в государственном русском достоянии, описаны, изданы и всенародно выставлены для всеобщего обозрения и изучения, как эго сделано с коронационными драгоценностями во Франции и Англии...» (19). Благодаря его энергии, убежденности, умению раскрыть художественное и историческое значение произведений искусства, были спасены памятники, имеющие мировое значение. Многие из них в настоящее время составляют основу исторической части собрания Алмазного фонда, украшают экспозицию Оружейной палаты.

С 1922 г. Д. Д. Иванов становится во главе Оружейной палаты. До сих пор недостаточно оценены его труды по научному описанию новых поступлений, колоссальным потоком вливавшихся в музейное собрание Оружейной палаты из усадеб, частных собраний, церквей.

Пять томов научно-инвентарной описи основного собрания Оружейной палаты (кн. 11 —15) с описанием 8465 экспонатов (№№ 10181 — 18645) написаны рукой Д. Д. Иванова. Эта работа выполнена им на высоком научном уровне и постоянно используется современными исследователями. Его обширные знания позволили внести ценные дополнения к опубликованной в 1884 г. описи огромного собрания западноевропейского серебра Оружейной палаты. Невозможно даже перечислить многочисленные произведения искусства, которые были спасены от обезличивания, переплавки и распродаж в первые годы советской власти. Те же произведения, которые не удавалось спасти физически, он старался хотя бы описать, чтобы спасти их от забвения (20). Не взирая на все опасности, Дмитрий Дмитриевич неоднократно обращается в верхние эшелоны власти, указывая «на крайнюю убыточность для государства починки финансовых прорех за счет культурных ценностей страны
с приведением широчайших примеров непоправимых бед, наделанных в этом отношении во Франции при Людовике XIV, в Англии при Кромвеле, в Германии при секуляризации церковных ценностей в начале XIX столетия, в России при Петре Великом и т. д.» (21) (1922 г.). В 1928 г. он отправил обширный доклад в Главпауку о недопустимости изъятия музейных ценностей для торговли через Антиквариат (22).

На протяжении всех лет работы в Оружейной палате Д. Д. Иванов неотступно борется за разыскание и получение в музей конкретных вещей из Гохрана, Валютного фонда, Московского ювелирного товарищества, Антиквариата (в том числе известных произведений фирмы Фаберже — «пасхальных яиц»). Но время брало свое. Гибельные разрушения памятников в конце 1920-х годов очевидно надломили его волю. Не будучи в состоянии действенно противостоять этой лавине, Д. Д. Иванов (по изустному преданию) бросился под поезд. В книге учета захоронений Введенского кладбища (где состоялось погребение) (23) на л. 168 под № 24/181 с датой «1930 г. янв. 15» записан «Иванов Дмитрий Дмитриевич 58 лет, служащий. Причина смерти: несчастный случай. Разрушение костей черепа. Дата смерти 12 янв.»

13 января 1930 г. в Оружейную палату явился представитель Антиквариата с мандатом об изъятии из Оружейной палаты длинного списка вещей, и в том числе тех, что удалось Дмитрию Дмитриевичу спасти в суровом 1922-м (24). «Для нужд Антиквариата» в Оружейной палате вскоре начала работать «Особая ударная бригада».

Гибель Дмитрия Дмитриевича Иванова представляется нам символичной. Он в буквальном смысле лег под колеса того паровоза, что летел вперед, в грезившееся «прекрасное будущее Коммуны», сметая все

нем и, порой, весьма неблаговидных трактовок причин ухода из жизни. Истинной же причиной было, очевидно, его непримиримое, неприемлемое доя властей, упорство в деле сохранения музейных ценностей, а также его происхождение и весь жизненный путь. Восстановить добрую память о Дмитрии Дмитриевиче мы считаем своим долгом. В настоящее время ведется активная работа по комплектованию его личного фонда. Автор статьи и руководство музеев Кремля будут признательны всем, кто сможет сообщить любые сведения о Дмитрии Дмитриевиче (25).

* * *

Лекция Д. Д. Иванова прочитана им в семинарии, организованном Управлении государственными музеями-усадьбами и музеями-монастырями в марте-июне 1926 г. (26).

Публикуемый текст обнаружен нами нрп выявлении материалов для комплектуемого в ОРПГФ Музеев Кремля личного фонда Д. Д. Иванова в фонде И. И. Миллера (27), хранящемся в ОНИ ГИМа, в разделе «Рукописи разных лиц. Авторы на 3-К». Другие экземпляры этой лекции имеются там же, в ф. 54, среди группы лекций преподавателей куреов для экскурсоводов, препровожденных из Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса 28 декабря 1927 г. (28).

Лекция не датирована, но в отчете о работе этого семинария, содержащем его программу, упомянуто, что Д. Д. Иванов прочел лекцию «Искусство в усадебном быту» (2 часа) — 31 марта 1926 г. (29). Лекции читались в здании ГИМа. Кроме .этого, в программе семинарияД. Д. Иванов провел практические занятия (по 2 часа для 2-х групп) на тему «Внут|>ен1ее убранство дворцов» в Кускове — 17 мая, в Останкине -24 мая, в Архангельском — 31 мая. На экземплярах лекции из ед. хр. 648, на первых листах, есть пометы капандашом «Остафьево» (л. 55), «Архангельское» (л. 71), «Останкино» (л. 7), свидетельствующие, очевидно, о месте проведения занятий.

Текст выполнен на гектографе или стеклографе с машинописного варианта, с одной рукописной вставкой на стр. 2. Текст располагается на обеих сто|кшах листов, не подписан. Имя автора есть лишь в напечатанном заголовке, а также подтверждается косвенно материалами упомянутых отчетов К. В. Сивкова и Д. Д. Иванова.

Публикуемый текст не носит следов авторской правки, и рукописная фраза на стр. 2 написана не его почерком. Скорее всего, это стенограмма лекции, о чем свидетельствует упоминание в отчете К. В. Сивкова, что «лекции, читанные на семинарии, стенографировались... стенограммы, отпечатанные в количестве 50 и 100 экз. ... проданы слушателям семинария по себестоимости» (30). Кроме того, некоторые стилистические особенности лекции приводят к мысли о том, что .это скорее записанный со слуха текст, чем авторская рукопись.

Тем не менее, публикуемая лекция Д. Д. Иванова примечательна тем, что она как бы погружает читателя в крут проблем изучения русской усадьбы в 20-е годы, высвечивая многие аспекты шн|юкого культурологического плана, которые вставали перед членами ОИРУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Д. Д. Иванов // Музейная энциклопедия (в печати).
2. Объяснительный путеводитель по художественным собраниям Петербурга. СПб., 1904, а также несколько брошюр издания 1924—1925 гг.: Искусство фарфора. Искусство мебели. Искусство керамики и ряд статей в жури. «Среди коллекционеров» и в первом выпуске трудов «Оружейная палата» (М., 1925).

3. Метрическое свидетельство Д. Д. Иванова // ГИАМО. Ф. 418. Он. 303. Д. 295. Л. 5.
4. Формулярный список Д. В. Иванова 1879 г. // Там же, Л. 6—11 об.
5. Алявдина Т. Т. Представители эстляндской линии баронов фон Бистрам в компании 1812 года и их современные потомки // Научиая конференция «Вспомогательные исторические дисциплины. М., 27—29 января 1994 г. Тезисы докладов. С. 18.
6. РГВИА. Ф. 395. Оп. 311/240. Д. 39. Л. 381.
7. Любощинский М. М. Мои воспоминания с детских лет. Рукопись. Л. 134. (Из собрания потомков).
8. Столица и усадьба. 1915. № 47. С. 7. (Об усадьбе председателя Московского окружного суда Д. Д. Иванова «Солнцево»).
9. Формулярный список Д. В. Иванова // ГИАМО. Ф. 418. Оп. 303. Д. 295 Лл. 6—11 об.
10. Аттестат зрелости Д. Д. Иванова // Там же. Л. 2.
11. Диплом I степени Д. Д. Иванова // Там же. Л. 14.
12. РГИА. Ф. 1405. Оп. 516. Д. 176.
13. Мир искусства. Т. 12. СПб., 1904. Хроника, .Nq 6. С. 126—127.
14. Иванов Д. Д. Очерк истории здания судебных установлений в Москве 1776—1896 гг. // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1896. № 3.
15. De la Protection des OEuvres d'art en temps de querre // Les Arts, 1904. № 4. Благодарю А. М. Коротееву за отыскание названной статьи, а М. И. Юркину и И. М. Соколову за ее перевод с французского.
16. Личное дело Д. Д. Иванова // ГАРФ. Ф. А-2307. Он. 22. Д. 383. Л. 3.
17. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 67. Л. 35, 60, 78. Благодарю И. В. Плюшкину за предоставление этих сведений.
18. ОРПГФ ГИКМЗ«Московский Кремль». Ф. 20. 1922 г. Д. 4 (Журналы Комиссии; На л. 3 об. — его мандат).
19. Там же. Л. 92.
20. Иванов Д. Д. Погибшие вещи, спасенные имена // Среди коллекционеров. 1923. Январь-февраль. С. 3—7; Он же. Русское серебро Гохрана. М., Гознак. 1925.5 неч. листов (в свет не выпущено).
21. ОРПФГ ГИКМЗ «Московский Кремль». Ф. 20. 1923 г. Д. 2. Л. 15 об. (Обращение в Коллегию Наркомфина).
22. Там же. 1928 г. Д. 19. Л. 57—62.
23. Благодарю М. К. Павлович за помощь в отыскании сведений о месте захоронения Д. Д. Иванова.
24. ОРПГФ ГИКМЗ «Московский Кремль». Ф. 20. 1930 г. Д. 21. Л. 6.
25. Благодарю Е. И. Смирнову за ценные замечания и советы, а руководство ОПИ ГИМ за недоставленную возможность публикации текста Д. Д. Иванова.
26. Отчет К. В. Сивкова о работе семинария для экскурсоводов при Управлении музеями-усадьбами и музеями-монастырями (март-июнь 1926) // ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 647. Л. 1 — 6, а также Материалы Объединенного музея декоративного искусства, направленные Д. Д. Ивановым в Социально-культурную инспекцию НК РКП (15 февраля 1928 г.) //ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 1978. Л. боб.
27. ОНИ ГИМ. Ф. 134. Ед. хр. 156. Л. 29—36 об.
28. ОНИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1137. Л. 82—89 и пять экземпляров — там же, ед. хр. 648. Л. 47—54, 55—62, 63—70, 71—78, 79—86.
29. Там же. Ед. хр. 647. Л. 3 об.
30. Там же. На экземплярах лекции из ед. хр. 648, в левом верхнем углу первых листов, имеются пометы карандашом: «40» (возможно, это указание цены 40 коп., т. к. на другой, более объемной, лекции такая же помета: «1 р. 38 коп.».

Публикация Т. А. Тутовой

Археографическое описание Т. А. Тутовой и М. М. Лерепман

II

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ 1990-х ГОДОВ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ОИРУ 1920-Х ГОДОВ

М. Ю. Меленевская

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПОРТРЕТА В. В. ЗГУРА

Прошло 70 лет со дня трагической гибели Владимира Васильевича Згура. Он утонул во время землетрясения 1927 года у берегов Крыма. За год до своей гибели он блестяще защитил диссертацию на звание кандидата искусствоведческих наук. Диссертация была посвящена творчеству В. И. Баженова, неизвестные сооружения которого исследовал В. В. Згура.

Молодой ученый основал Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ),
задачей которого было находить, изучать и описывать памятники, в создании которых принимали участие многие выдающиеся зодчие.

Сам Згура жил в удивительном здании XVI века на углу Пречистенки и Чертольского переулка. Это было двухэтажное строение, на второй этаж которого, где располагалась квартира Згура, вела широкая наружная каменная лестница. Жил он вместе со своей матерью Александрой Гавриловной, принимавшей живое участие в организации ОИРУ. Эту' колыбель ОИРУ вскоре все стали называть «Башней Згуры».

Представленный в этом сборнике силуэт работы Л. П. Харко очень точно передает внешний облик В. В. Згура, его живую стремительную мимику. Он был блестящим оратором, человеком, умевшим убедить в целесообразности поставленной им задачи. У него были больные ноги, но это не придавало ему вид инвалида и даже палочка в его руках казалась музыкальным инструментом, призванным отбивать такт его речи.

Основанное талантливым историком русского искусства, ОИРУ с самого начала было научной организацией в основном искусствоведческого направления. Оно сразу заинтересовало московских интеллигентов разных возрастов и профессий, которых влекла идея изучения сложного пласта русской культуры, включающего в себя русскую усадьбу.

Изучение культуры, в условиях которой творили Пушкин, Тургенев, Тютчев, Баратынский и Лев Толстой, стремление сохранить вещественные образы этой культуры должно было продолжать объеди-

В. В. Згура. Силуэт работы Л. Харко.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК
Н.-И. ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
И ИСКУССТВОЗНАНИЯ
ОБЩЕСТВО
ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

3. XII. 1927.

ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ

ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА

ЗГУРА

(3 апр. 1903 — 17 сент. 1927).

Г. В. Жидков.	Памяти В. В. Згура.
Н. И. Брунов.	В. В. Згура, как исследователь архитектуры.
А. Н. Греч.	В. В. Згура в „русской усадьбе“.
Б. П. Денике.	Работы В. В. Згура в области изучения Востока.
А. А. Сидоров.	В. В. Згура, как собиратель рисунка.
А. В. Григорьев.	В. В. Згура, как педагог.

Силуэт В. В. Згура—работы Л. П. Харко.

Текст приглашения па траурное заседание памяти В. В. Згура

нять этих людей и после трагической гибели В. В. Згура. Доживи Згура до 1930 года, и он мог бы разделить трагическую участь многих своих друзей.

Возрожденное спустя 70 лет ОИРУ сохранило в своей деятельности принципы и задачи, заложенные основателем. В настоящее время ОИРУ возглавляет доктор исторических наук Людмила Васильевна Иванова. Иногда мне представляется, что Згура, значительную часть своей короткой жизни посвятивший XVIII веку, не раз бы приклонил колени перед этой прекрасной дамой.

Памятник на могиле В. В. Згура. Москва, Семеновское кладбище.
Фото А. Т. Лебедева. 3.III.1930 г.

М. Ю. Меленевская, Е. С. Меленевская

Д. И. ШАХОВСКОЙ: «ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА» К НОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ О СУДЬБАХ РОССИИ, ЕЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

По материалам одного семейного архива

Дмитрий Иванович Шаховской (1861 —1939), философ, в особенности известный своими исследованиями наследия П. Я. Чаадаева. В его переводе были изданы пять до того времени не известных «Философических писем» Чаадаева («Литературное наследство», М. Л., 1935, т. 22—24). Подготовленный же им том сочинений и писем Чаадаева в издательстве «Академия» не вышел, т. к. в июле 1937 г. Д. И. Шаховской был арестован.

В. В. Згура относился к Дмитрию Ивановичу с огромным уважением и высоко ценил его как философа и эрудита. А для Шаховского ОИРУ, занимавшееся изучением уникального пласта русской культуры — родовой усадьбы, было особенно притягательно еще и как для потомка декабристов, проводившего свои студенческие лета в подмосковном имении Васькине.

Когда в 1930 году по распоряжению властей были закрыты (ликвидированы) ОИРУ и «Старая Москва», Дмитрий Иванович Шаховской избрал для общения с единомышленниками старинный способ, известный и поколению «подцензурного» Пушкина, — переписку. В качестве чуткого адресата он выбрал меня. Сохранилось 75 писем Д. И. Шаховского к М.Ю. Меленевской, охватывающих период с 1929 по 1936 год. Еще в бытность «Старой Москвы» (Дмитрий Иванович был председателем ее декабристской комиссии) он развивал свою концепцию понимания культуры и революционных идей дворянства. Сам он был ярким представителем этой культуры. Когда Шаховской появлялся на экскурсиях ОИРУ, его внешность привлекала всеобщее внимание. При этом его неизменные монокль и стек выглядели очень уместно. Он походил, по добродушному замечанию 15-летнего тогда активиста ОИРУ Вити Чердынцева, на «персонаж» из чеховской пьесы.

Прозвище это подошло Дмитрию Ивановичу и потому, что он не проето работал над изданием трудов П. Я. Чаадаева. Параллельно он переосмысливал его философию с точки зрения современности, считая необходимым привлечь молодежь к изучению теории Чаадаева о влиянии смены поколений на судьбы России. Свои письма Д. И. Шаховской называл, по примеру Чаадаева, «философическими». Он надеялся, что в течение пяти ближайших лет ему удастся «поднять интерес молодежи к изучению декабристского движения, изучению процесса выделения из общества после 1812 года дворянских единичек, успевших... в известные моменты объединить довольно значительные группы...».

Он шел по пути исторических аналогий, сравнивая 1829 и 1929 годы. 1829 год — дата написания первого философического письма Чаадаева. 1929 год ему казался началом возможных перемен, связанных с началом активности нового поколения.

Моя семья (1) жила тогда в окраинном фабричном районе Кожевников — на Дербеневской улице. Моя мать Зинаида Георгиевна была известным п уважаемым в районе врачом. К 1929 году и уж тем более позже это был очень запущенный район, почти утративший присущие ему до революции 1917 года остатки зеленых двориков и садов. Тут не рал бывал Дмитрий Иванович, сюда были адресованы его письма двадцатидвухлетней девушке. Мне представляется, что письма Д. И. Шаховского могут быть интересными и молодежи конца XX века. Они дают представление о чувствах, интересах и чаяниях московской интеллигенции.

Подготовкой этих писем к публикации (выборочной) занималась моя дочь — Елена Сергеевна Меленевская, которую Дмитрий Иванович увидел младенцем в 1936 году. В силу своего философского склада ума, он считал, что шестое поколение, к которому она относится по его классификации, будет среди тех, кто увидит новую Россию.

* * *

В письме от 7 июля 1929 г. Д. И. Шаховской рисует свою схему движения общества на протяжении пяти поколений. «У меня, по-видимому, установилась привычка каждый день освещать письмом к Вам, по крайней мере пока письмо это не составит законченного закругленного числа 8, как в конце концов у Пушкина в «Евгении Онегине», а также у Чаадаева в его «Философических письмах»... Первое философическое письмо Чаадаева помечено 1-м декабря 1829 г. Отсчитывайте от него по 25 лет, и, вдумавшись в то, что получится, Вы будете, думаю, поражены результатом:

Д. И. Шаховской. Ранее 1917 г.

1829 г.	1854 г.	1879 г.	1904 г.	1929 г. —	далее
I	II	III	IV	V	
поколение	поколение	поколение	поколение	поколение».	

Он анализирует далее способы выражения общественной мысли от «салонов» в первом поколении к участию в общественной жизни и разработке своих теорий. Ко второму поколению — периоду реформ в России — Дмитрий Иванович относит переход «виднейших умов в полное отрицание государственности», близкое «к анархическому идеалу»: Бакунин, Кропоткин, Толстой. Тургенев делает попытку облечь мысль в форму внешнего европеизма, Достоевский — форму церковного всемогущества, но оба сами дают материал для признания их попыток обреченными на гибель («Дым», «Новь» у Тургенева, «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», Дневник — у Достоевского).

Третье поколение — распад страны на два лагеря. Начинается, «пока еще слабое, вовлечение в общественную жизнь крестьян и рабочих. Реакция свирепствует снова и все настоятельнее перед живыми силами страны стоит вопрос: во имя жизни нации, во что бы то ни стало покончить с путами, не дающими ей развиваться. Все зреет к грозе и целое поколение принесено в жертву на ее подготовку. Изменить добром виновников торможения окончательно не удалось. Борьба до конца — единственный выход. Народ затронут единицами. Но разночинец — уже массовое явление».

Подходя к оценкам периода третьего поколения (1879—1904 гг.), а Д. И. Шаховской относит себя именно к современникам этого периода, он отмечает, что «мы, не живя еще своей исторической жизнью, как зрители мировой исторической жизни, — являемся самыми незаинтересованными и поэтому самыми беспристрастными и подчас проницательными судьями...»

По убеждению Д. И. Шаховского, Чаадаев — «самый настоящий предтеча, пророк революции, конечный исход ее по его плану, конечно, совсем не похож на то, что мы вокруг себя видим. Да исхода еще нет и не может быть. На долю Вашего поколения досталось, если только Вы это осилите, этого конечного результата достигнуть. А может быть для этого потребуется еще 4 новых поколения».

В письме от 16 июня 1929 г. Д. И. Шаховской пишет:

«Жизнь моих писем к одной даме... продлилась на несколько дней, но теперь, через какой-нибудь час, они окончательно умрут, а через какой-нибудь год умрет и автор. Останется жить — «одна дама». Я хочу изложить ей основную мысль писем в более объективной и бесспорной форме».

«Мы — свидетели невиданного пробуждения сотен поколений... Вы способны все понять. Но это еще не значит, что Вы захотите и сможете понять...Это очень страшно».

«Мне предстоит написать книгу о Чаадаеве». «...Внучка из 5 поколения, вспомните обо мне, когда будете, через 50 лет, думать о будущей судьбе своего внука из 7 поколения. И берегите себя. И, пожалуйста, побольше читайте и спрашивайте книг. Не может оставаться в душе пробел из-за отсутствия важной книги».

Из письма от 3 июля 1929 г.:

«1929 годом кончается работа сознания четвертого [поколения]. Вы начинаете работу пятого. Что несете Вы и Ваше поколение в мир? Вот вопрос громадный не только русской, но мировой важности. Но чтобы Вы не несли, Вы должны обнять мыслью четыре предшествующих поколения и в свете смены поколений найти место каждому явлению». Он предостерегает от угрозы соблазна прокатиться па шаблоне. «Уверен, что Вам серьезно эта опасность не угрожает. Да и вообще марксистскую школу я считаю очень плодотворной, при одном, однако, условии: умении самому стоять выше ее. Всякий благоразумный человек не может не быть марксистом, но только очень ограниченный человек может быть только марксистом — формулирую я свою мысль».

В письме от 10 августа 1931 г.:

«Вдумались ли Вы в мир усадьбы? Конечно, Вы бывали в Средникове и всякий камень, и всякий вид в лес, воду, луг и небо прочувствовали — и кое-что привнесли в своем сознании. Но этого ведь недостаточно. Вещи, обстановка, культура, образ жизни создаются веками и чтобы обнять их своим сознанием, недостаточно впечатлиться ими, надо изучать их не в плоскостной проекции данного момента, а осязать их выпуклости, поняв историю их образования. А вместе с тем — познав сущность данного случая из сравнения с другими.

Мир русской усадьбы... Крепостной русской деревни. Недостаточно взять бабушку, кузин и кузенов, представить себе сад, беседку, скрипучие лестницы, гостиную, биллиардную, балкон, дорожки сада и скамейку перед балконом, на которой изливал Лаврецкий свое чувство перед Лизой. И священник и учитель-семинарист не заполняют всей бесконечности жизненного содержания. Остается еще очень много... Не говоря об усадьбе Лариных, тургеневских усадьбах и толстовских образах, а отчасти и Анне Карениной. Я знаю три удивительные изображения реальной усадебной русской жизни, параллельное изучение которых может ввести нас в самую святая святых этой науки: Премухино Бакуниных Тверской губернии, [Удеревка] Станкевичей — Воронежской губернии, [Богдановское] Философовых — Псковской».

В письме от 2 августа 1931 г. Д. И. Шаховской пишет о проблемах краеведения: «Краеведение облеклось в неуклюжий казенный мундир, т. е. его в этот мундир облекают. Но на самом деле рядом глупой шутихой вовсе не краеведение, а какое-то воображаемое его чучело. А само краеведение живо в своем прошлом и в неизгладимой печати, которую это прошлое наложило на самое неуловимое, но и самое великое по силе мировое явление — на души людей.

И. конечно, оно найдет способы пробиться в жизнь. Книжечка Яцевича [вероятно, речь идет о книге А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург». Л., 1930] — один из путей такого преодоления трудностей, нагромождающихся на путях краеведения. Трудности эти, я в это верю, в конце концов заставят краеведение вырасти на стебле, чтобы их перешагнуть».

В письме от 21 июня 1932 г. Д. И. Шаховской вновь возвращается к проблемам судеб поколений.

«Мне бы очень хотелось завоевать в Вашем лице Чаадаеву внимания со стороны пятого поколения (1930—1955), которое решит судьбу России».

В письмах 1931—1932 гг. содержатся не только сетования на препятствия в деле краеведения, но и на то, что изучение русской усадьбы в это время стало ограничиваться «усадьбами декабристов».

В письмах 1934 года Дмитрий Иванович утешает М. Ю. Меленевскую в связи с ее неудачной попыткой (из-за происхождения) поступить на истфак МГУ.

В письме от 28 июня 1934 г. появляются стихи:

«Выше всех университетов и академий
Один стоит Вселенский университет:
В нем музы живут и истины гений,
В нем пребывает незаходимый свет!

В него идите в душе к миру с любовью.
Но его завоюйте целиком, все сплошь:
Заплатить не бойтесь всей вашей кровью
За то, чтобы вытравить отовсюду ложь».

«Мне некогда думать над стихом. Мораль ясна и так. Исполнение не так ясно. И даже имеет свои трудности. И поэтому самому тем интереснее. Желаю Вам этой моралью проникнуться, если сойти с ума житейского и пожить час умом Вселенским или соборным и твердо начертать свой путь, отнюдь не внося в свое предначертаны: ничего узко личного».

В письме от 10 июня 1934 г. Д. И. Шаховской дает нелицеприятный отклик на мою статью «Плюс электрификация» в «Рабочей Москве»: «Она меня огорчила не потому, что она плоха, а потому что она — как все теперь пишут из молодежи. И этот писательский пошиб «объективной» передачи, без вложения в дело «души» и явно но заказу не только мне не нравится, но прямо страшит меня. Потому что он грозит создать поколение без своей мысли. Конечно, это преходящее явление, мысль свое возьмет, но какой-то слой будет или может быть навеки выхолощен. И при виде каждого дарования, которому грозит, если не эта участь, то хотя бы эта опасность, непомерная грусть мною одолевает».

Из письма от 24 сентября 1935 г.:

«Я, кажется уже не раз, а может быть даже и не один раз, Вам излагал мою схему развития в четырех поколениях за последние 100 лет с парами писателей, сосредоточившими в себе смысл поколения и ударившими по нему: гениев, воплотителей и вдохновителей. Вот эта схема.

1 поколение 1830—1855 Пушкин, Чаадаев.
2 поколение 1855—1880 Достоевский, Толстой.
3 поколение 1880—1905 Чехов, Горький.
4 поколение 1905—1930 Блок, Есенин».

«... Самое главное — Пушкин. Я очень серьезно ставлю перед Вами, как и перед собой и перед всеми мыслящими людьми вопрос о большой литературной и популяризационной кампании по Пушкину. Пока [же] пушкинисты все свои силы напрягают на установление Пушкинского текста по букве и буквам рукописей и на изыскание внешних источников его вдохновения. Все это важно и должно быть проделано. Но это подготовительная работа, приготовительный класс, мертвая вода, необходимая, чтобы срослись куски тела богатыря. Пора вспрыснуть это тело живой водой, оживить Пушкина. А это значит: 1) надо определить смысл Пушкина и 2) довести его до масс. А об этом пока как будто не думают».

В письме от 25 сентября 1935 г. он сообщает: «...думаю основать работу на содействии библиотек... в библиотеке Басманного района, где родился Пушкин и где поддерживается, главным образом усилиями [П. Н.] Миллера, некоторый культ Пушкина».

Осенью 1935 г. в письмах Д. И. Шаховского обильно цитируется Пушкин. Из стихотворения 1839 года «Поэту»: «нас тешат блестки и обманы»; и продолжает: «как бы мне хотелось прочитать в душе Вашей те чувства, которые теперь. вот сейчас по прочтении вызывают эти стихи!»

Кончается 1935 год. В письме от 9 декабря Дмитрий Иванович пишет: «Расскажите мне про Вашего деда-охотника, брата настоящего деда [речь идет о Н. Ф. Грушецком, жившем в усадьбе Дерновое близ г. Задонска]. Не было ли у него каких-нибудь отношений с монахом или архиереем. Как его звали? Когда он жил? Не писал ли чего-нибудь? Не сохранились ли его письма? Ведь Тихон назывался Задонский. Конечно —

это пустой титул. Но иногда в титуле скрыт некий смысл».

«Как раз под 6 нумером приходится говорить о Вашей Елене. 6 сентября [день рождения Елены] — 6 декабря, 6 поколение. Самая важная, интересная, мудрая и все понимающая персона в Вашей комнате... Растет Ваш будущий судья — шестое поколение. Впрочем может быть Вы об этом суде сами больше и лучше меня думаете... Моя душа соборная. Я знаю, что Вас коробит от этого слова. Вы еще не научились быть объективной, не понимаете рокового смысла истории. И поэтому легко отвергаете старые слова и понятия, в них не вникнув и не понимая достаточно ясно, что историческое явление не выкинешь, отвернувшись от его названия».

«Я очень благодарен за проведенный 6-го числа у Вас вечер. Братья Ваши [сыновья моего отца М. И. (Юлиана) Меленевского Иван и Ларион, мои сводные братья] прямо очаровательны очень, очень много ценного мне дали... И Елена Ваша...»

В письме от 12 июля 1929 г:

«Какие милые, а главное — славные — Ваши Кожевники! И не только прелестью облика — Вам все кругом наверное примелькалось и Вы не замечаете, пожалуй, что путь от остановки [трамвая| «В» до Вас целая богатейшая симфония красоты — так не только прелестью облика пленили меня Кожевники, а еще какой-то свежестью, самостью, крепостью, правдивостью, провинциальной первобытностью, если и затронутой, то пока еще не загаженной столичной суетой... Если бы я был романистом, то непременно поселился бы в Вашей стороне и написал бы очень нужное нам, столичным машинкам произведение. Посоветуйте Пильняку это сделать. И скажите, неужели никто из писателей не использовал Кожевников?..»

9 декабря 1935 г.:

«...Вы... мне писали, что не пойдете больше к [В. Н.] Фигнер. Вы не хотите играть роли инфантильной. Вы были совершенно правы в чувстве отвращения от такой роли. Вы были... правы, что в такую позицию Вера Ник[олаевна] может стремиться Вас поставить. Но Вы были совершенно неправы, боясь попасть в такую позицию. Надо себя так поставить, чтобы не было и речи о такой позиции и не было страха в ней очутиться. Я говорю об этом не только как о прошлой реминис-

ценции. Я с мыслью о настоящем, чреватом будущим. Дело в том, что Вера Ник[олаевпа] сейчас читает мой доклад «Чаадаев и Пушкин». Я хотел бы устроить у нее маленькое собрание для обсуждения доклада, при чем развернуть при этом вопрос о критическом положении пушкиноведения».

Сохранились также открытки за 1936 год -— от 18 января, 8 февраля и 20 мая. Все они посвящены предстоящему Пушкинскому году.

18 января Д. И. Шаховской планировал принять участие в заседании Пушкинской комиссии Академии наук (19 января).

8 февраля он напоминает о предстоящей 10 февраля 99-й годовщине со дня смерти Пушкина. «Убило Пушкина современное Пушкину и недоросшее до него русское общество... Увы, оно до него не доросло и сейчас».

20 мая — к 100-летию со дня последнего празднования Пушкиным дня своего рождения, за 8 месяцев до смерти.

Все открытки 1936 года — вопреки обыкновению — не указывают обратный адрес. Быть может, это было связано с тревожным ожиданием ареста? 27 июля 1937 г. Дмитрий Иванович был арестован, стойко держался на допросах, не признавая своей вины, а 15 апреля 1939 г. был расстрелян на 79 году своей жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. О семье М. Ю. Меленевской смотри ее воспоминания «В усадьбе деда Г. Ф. Грушецкого. Извлечение из «Корня» // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. № 2 (18). М., 1996. С. 268—284. — Ред.

В. М. Рудченко

К ИСТОРИИ МОЕЙ КОЛЛЕКЦИИ МАТЕРИАЛОВ ОИРУ

В 1963 г. я увлекся коллекционированием старых открыток с видами русских городов. Попадались и усадьбы. Заинтересовался.

В 1964 г. на Крутицком подворье познакомился с Петром Дмитриевичем Барановским. С этого года началась наша дружба и совместная работа до последних минут его жизни в июне 1985 г. Стал часто бывать у него дома, где познакомился с его супругой Марией Юрьевной Барановской — большим знатоком иконографии русского дворянства и усадебной культуры. С этого времени (до того я интересовался только церковной архитектурой) стал собирать старые фотографии и книги по русской усадьбе.

От Марии Юрьевны я впервые узнал о существовании ОИРУ. Заметив мою увлеченность, она подарила мне небольшую книгу И. Картовцова «Усадьбы Московской губернии. Опыт библиографического указателя. (М., 1927). С этого момента я стал серьезно собирать материалы по русской усадьбе. У Марии Юрьевны остался второй экземпляр этой книги с автографом автора, с которым она работала в ГИМе в 1920—1930-х гг., до его ареста.

В 1965 г. в Крутицком подворье П. Д. Барановским был организован молодежный клуб «Родина». После объявления по радио на подворье пришло много не только молодежи, но и энтузиастов среднего возраста. Под руководством П. Д. Барановского начались воскресники, потом субботники по реставрации подворья и экскурсии по Подмосковью. По вечерам устраивались доклады и беседы о памятниках русской архитектуры и древнерусского искусства. Там я познакомился с Владиславом Петровичем и Леонардом Владиславовичем Тыдманами, Евгением Викторовичем Николаевым и Всеволодом Дмитриевичем Филипповым, который, несмотря на разницу в возрасте, стал моим ближайшим другом.

В. Д. Филиппов обладал феноменальной памятью и был просто

«помешан» на провинциальной усадьбе. (Столичной усадьбой занимались Е. Николаев и Л. Тыдман). С 1966 г. мы с В. Д. Филипповым каждое воскресенье, а потом и субботу стали ездить по подмосковным усадьбам и селам. Делалась подробная фотосъемка. Он подробно рассказывал об ОИРУ; сейчас мне кажется, что об Обществе он знал все. Мы стали регулярно ходить по букинистическим магазинам. С этого времени я стал серьезно собирать свою библиотеку. Особенно нас интересовали малотиражные, библиофильские издания. Увлекаясь фотографией, я стал собирать старые фотографии и негативы.

В 1968 г. В. Д. Филиппов познакомил меня с Ю. Б. Шмаровым, но только в 1970 г. (после моего возвращения из армии) началась наша дружба. Я стал часто бывать у Юрия Борисовича дома па его старой квартире в Гагаринском переулке. Мы с Всеволодом Дмитриевичем рассказывали о найденных нами усадьбах, я показывал фотографии. Юрий Борисович тогда еще хорошо видел. В какой-то из наших визитов он неожиданно достал коробку со старыми фотографиями и подробно рассказал об их истории. Тогда мы узнали, что у него сохранился, частично, архив ОИРУ. Показал и издания Общества. У него оказалось несколько дублей, и мы не удержались, чтобы не выпросить их у него. Это были годовые комплекты «Сборника Общества изучения русской усадьбы» за 1927 г.

За несколько лет до смерти Юрию Борисовичу предложили переехать
из дома барона Штейнгеля в новую квартиру. У негб появились материальные затруднения. Тогда мы с В. Д. Филипповым предложили приобрести архив ОИРУ. После уговоров он согласился. Но, к сожалению, весь архив нам приобрести не удалось. Дальнейшая его судьба мне не известна. В январе 1990 г. В. Д. Филиппов (за два месяца до смерти) неожиданно решил передать мне свою часть материалов по ОИРУ.

В 1993 г. в одном из букинистических магазинов мне показали папку с рукописями и рисунками. При беглом просмотре меня сразу заинтересовало то, что весь материал имел отношение к русской усадьбе. Недолго думая, я приобрел эту папку, а это — больше 200 страниц рукописного и машинописного текста. Из всего материала удалось атрибутировать только несколько рукописей, в частности, около 120 страниц А. И. Греча с его рисунками.

Несколько редких изданий ОИРУ мне подарил Владимир Антонович Мамуровский, с которым я познакомился в 1970 г. К сожалению, после возвращения из лагерей и ссылки его библиотека почти не сохранилась. Это были «Планы экскурсий ОИРУ» и один номер «Сборника Общества изучения русской усадьбы» № 7—8 за 1929 г. с его статьей.

В 1970-е гг. несколько брошюр и книг с автографами А. И. Некрасова и А. В. Щусева И. И. Лазаревскому мне подарил мой дипломный

руководитель Михаил Андреевич Ильин. А на моем экземпляре путеводителя «Дачи и окрестности Москвы» (М., 1928) — 9 автографов членов ОИРУ, авторов путеводителя — М. Ю. Меленевской, Ю. Б. Шмарова, А. А. Устинова и других.

В 1994 г. совершенно случайно, на «Измайловском вернисаже», разбирая старые фотографии, я наткнулся на снимок фотографа А. Т. Лебедева 1930 года — надгробие В. В. Згуры и его отца на Семеновском кладбище. К счастью, торговцы не знати, кто такой В. Згура.

На сегодняшний день в моей коллекции находятся все (хотя на 100% не уверен) издания ОИРУ, включая библиофильские редкости — на особой бумаге, в особых обложках, номерные экземпляры — и почти все труды авторов — членов ОИРУ в различных изданиях. Но все это еще требует подробного библиографического описания.

В коллекции наибольший интерес представляет фотоархив ОИРУ. Это около 700 отпечатков различного формата и качества. В основном это снимки, сделанные во время поездок членов Общества, — Згурой, Гречем, Устиновым и другими. Поэтому многие съемки выполнены на любительском уровне, но все они аннотированы и имеют дату съемки. Также есть и более старые отпечатки конца XIX — начала XX в., а также фототипии и открытки. Почти все отпечатки имеют архивный номер ОИРУ (О.И.Р.У. № .....) в прямоугольном штампе и наклеены на картонные паспарту размером 16,5 смх 22,5 см. При этом учетный номер на паспарту не всегда совпадает с номером на самом отпечатке. Нумерация идет от № 1 до 328, но из этого количества есть около 200 номеров. Остальные или не имеют номера или наклеены на паспарту и пет возможности их атрибутировать.

Из всего объема фотографий подавляющее количество приходится на Московскую область. Это около 100 подмосковных усадеб и 17 ныне входящих в черту г. Москвы. Из других областей есть: Смоленская, Ярославская, Курская, Тамбовская, Псковская, Саратовская, Калужская, Рязанская, Новгородская и др.

Многие фотографии были опубликованы в различных изданиях ОИРУ.

Почти не встречается жанр, за исключением поездки в Углич через Кимры, где снята вся группа, и нескольких снимков М. Ю. Меленевской и А. А. Губарева.

Фотографии усадеб, сделанные членами ОИРУ в 1920-х годах, не раз предоставлялись мною для публикации, в частности, в альманахе «Памятники Отечества» (1994, № 32). Для настоящего, юбилейного, выпуска «Русской усадьбы» я предложил рукопись А. И. Греча «Музыка в русской усадьбе», а также ряд не публиковавшихся ранее фотографий — виды усадеб в 1920-х годах — работы членов ОИРУ.

И. Л. Кызласова

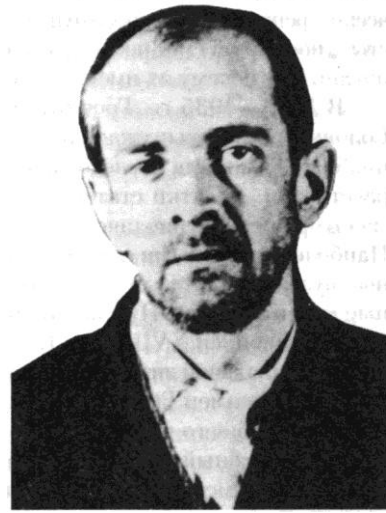
НОВОЕ О СУДЬБЕ А. Н. ГРЕЧА И Г. В. ЖИДКОВА
(По материалам Центрального архива ФСБ РФ)

Вглядитесь в эти лица — все фотографии публикуются впервые, часть из них переснята из следственных дел 1930-х гг. Это забытые лица двух замечательных историков искусства. Глубокий, символический смысл можно увидеть в них: они отразили лики своей эпохи — такой близкой, такой незнакомой. XX век в России стал временем, когда о множестве деятелей нашей культуры мы не знаем года рождения, а чаще года смерти, не можем найти ни одной фотографии... История заставляет нас свыкнуться со странной мыслью, что в наше столетие документы и фотографии из следственных дел обретают смысл не просто уникальных источников, но и, к величайшему сожалению, памятников русской культуры.

Два близких друга Алексей Николаевич Греч (1899—1938) и Герман Васильевич Жидков (1903—1953) принадлежали к узкому кругу блестящих историков искусства, уникальность, красота и мощь таланта которых начала раскрываться в 1920-е гг. Оба исследователя окончили 1 МГУ в 1922 г. и сразу были оставлены в аспирантуре в недавно созданном Научно-исследовательском институте археологии и искусствознания (НИИАиИ) Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) (1). Оба почти одновременно защитили диссертации (1926 и 1927) и, опубликовав ряд трудов уже до 1930 г., вошли в историю науки. К сожалению, Греч не успел издать своей диссертации «Русская живопись первой половины XVIII века. А. 11. Антропов», по Жидков смог это сделать: его «Московская живопись середины XIV века» вышла в 1928 г. (2). Молодые ученые вместе участвовали в работе Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ), Российской академии художественных наук (РАХН, с 1925 г. ГАХН) и одновременно преподавали историю искусства в 1 МГУ.

1930 г. положил предел научной деятельности обоих: доя Греча навсегда, для Жидкова на несколько лет. Арест Греча повлек за собой арест

А. Н. Греч. 19 августа 1930 г.
Публикуется впервые.



А. Н. Греч. 1938 г.
Публикуется впервые.

Г. В. Жидков.
Вторая половина 1920-х гг.

Г. В. Жидков. 5 января 1931 г.
Публикуется впервые.

Жидкова. Друзья оказались в числе интеллигентов, **подвергнутых** политическим репрессиям в относительно ранний период — до 1933 г. (3). К счастью, последний смог после ссылки в 1931—1933 гг. вернуться к научной жизни. Вот почему их имена известны специалистам в разной степени.

В 1930—1935 гг. Греч был в тюрьме и отбывал срок в лагере на Соловках, затем вынужден был жить преподаванием языков в Туле до ноября 1937, когда последовал второй арест, а 7 апреля 1938 г. он был расстрелян. Десятки статей исследователя остались распыленными в малотиражных периодических или справочных изданиях 1920-х годов. Наиболее известными сейчас остаются его работы в серии «Подмосковные музеи» (1925. Вып. 2—4, 6), в коллективном труде «Художественные музеи Москвы: Путеводитель» (1926) и ряд других, включая статьи но живописи XVIII в. (4).

В специальной литературе имя ученого почти не встречалось с 1930 г.

Упоминание имен Греча и Жидкова находим в статьях, посвященных памяти их общего друга — В. В. Згура (1903—1927) (5). Исключительно одаренный историк русского искусства XVIII—XIX вв., Згура был выдающимся организатором и популяризатором науки. Именно ему принадлежит честь создания в 1922 г. знаменитого ОИРУ. Згура был и первым председателем общества. Греч и Жидков также стояли у его штоков. В сентябре 1927 г. Згура утонул в Черном море. Председателем ОИРУ стал Греч (фактически с осени 1927 г., избран весной 1928 г.) по март 1930 г. Только в 1995 г. увидели свет как обширная и значительная рукопись ученого «Венок усадьбам», писавшаяся в лагере с 1932 г.

(публикаторы Л. Ф. Писарькова, М. А. Афанасьева), так и первая статья, посвященная его жизни и творчеству (Г. Д. Злочевский) (6). В обоих случаях справедливо отмечалась предельная скудость известных ныне биографических данных Греча. Г. Д. Злочевский прямо написал: «о нем забыли». Между тем, это не так, поскольку имя ученого продолжаю жить в устном «предании», особенно в среде, связанной с университетским искусствознанием. Так, в 1970-х гг. в стенах МГУ и особенно во время поездок по памятникам мне довелось не раз слышать о Грече и Жидкове, в частности, от профессоров М. А. Ильина (1903—1981), бывшего в молодости членом ОИРУ, и В. М. Василенко (1905—1991). О первом говорилось, как о рано погибшем в лагерях, много обещавшем глубоком знатоке художественной культуры XVIII—XIX вв., а о втором в связи с его научной трагедией — невозможностью заниматься после 1920-х годов древнерусской живописью и вынужденным переходом к исследованию «нерелигиозного» искусства. Но профессора не часто касались «запретных» тем, а многих конкретных фактов

В 1997 г. нам посчастливилось встретиться с бывшей студенткой 1 МГУ, Н. Н. Кофман (урожденной Фелициной, род. в 1906 г., училась в 1927—1930 гг.), участвовавшей в семинарах, проводившихся Гречем (Введение в историю искусства?) и Жидковым (по русскому искусству XVIII в.?). Она рассказала, что эти занятия оставили у всех слушателей очень теплые воспоминания и внезапное исчезновение молодых преподавателей так огорчило студентов, что они тщетно пытались поначалу узнать тому причины (7).

Скудна литература и о Жидкове, хотя во время официального подведения итогов развития советского искусствознания за 40 лет (1957) имя ученого не могло не быть упомянуто среди ведущих исследователей сразу в нескольких разделах, посвященных изучению русского искусства от XIV до XX в. (8). Литература об ученом ограничивается лишь несколькими названиями. Это маленький очерк в посмертном издании его книги о М. Шибанове, принадлежащий перу М. В. Алпатова (1954). В 1970-е гг. вышли скромные по объему, но проникновенно написанные воспоминания В. В. Павлова о работе его близкого друга Жидкова в Палехе во второй половине 1930-х гг. (9).

В очерке, посвященном известному профессору МГУ Н. И. Романову, написанном В. Н. Лазаревым, имя Г. В. Жидкова упомянуто среди выдающихся учеников профессора (1976). Важные, хотя и краткие сведения о научном пути исследователя и педагога даны в общем обзоре преподавания истории искусства в МГУ В. Н. Гращенкова (1984), очень бегло остановилась на имени своего сотоварища по аспирантуре и коллеги П. В. Яворская (1987) (10). Разумеется, нигде не было и намека на годы ссылки и «поражения в правах», наложившие неизгладимую печать на всю последующую жизнь замечательного ученого. Лишь в нескольких абзацах, которые М. В. Алпатов посвятил другу в своих воспоминаниях, говорилось о «его временном отсутствии, которое только сблизило нас» (1984). Здесь же находим характеристику внешности Жидкова до ареста: «Он был блондином с румянцем во всю щеку, и это было препятствием для того, чтобы оценивать его достоинства...» В посмертно вышедшей большой книге воспоминаний того же автора с минимальными изменениями воспроизведен тот же текст, в частности, впервые упомянуто о ссылке. К|юме того имя друга находим в воспроизведенной записи дневникового характера (осень 1941 г.): «...год тому назад помогал выкарабкиваться к жизни Герману Васильевичу Жидкову. Болел за него душой, доходил до отчаяния. Теперь все переменилось: он имеет больше шансов уцелеть, чем мы» (1994) (11).

Подробное исследование деятельности Г. В. Жидкова остается делом будущего.

В самые последние годы имена Греча и Жидкова стали упоминаться, например, в связи с попыткой уяснения места в науке и преподавании истории искусства их репрессированного учителя, профессора А. И. Некрасова (1885—1950) (12), но главным образом в публикациях, посвященных истории ОИРУ. Е. В. Кончин писал о Грече как краеведе. Л. В. Иванова в работе 1990 г. об ОИРУ упоминала о нем же как о втором председателе общества (13). В 1992 г. было создано новое ОИРУ, которое стремится выступать как прямое продолжение прежнего.

В 1992 г. Н. Михайловская изложила интересные и ранее не упоминавшиеся факты о литературно-художественном кружке Artifex, созданном в 1921 г. Гречем и его друзьями, среди них Згура и Жидков (14). Объединение просуществовало недолго. Примечательно, что именно оно провело первый после 1917 г. крупный вечер памяти Пушкина и уже в его рамках делались доклады по усадебной тематике, в частности, Гречем («Пушкин в Остафьеве»).

Большую ценность представляют воспоминания журналистки М. Ю. Меленевской (род. 1907), бывшей членом ОИРУ в 1923—1929 гг. (15). Важно свидетельство о том, что если Згура был общепризнанным лидером ОИРУ, то его ближайшими друзьями и соратниками стали Греч и Жидков. Для первого из них, по мнению автора, ОИРУ не было таким подлинным детищем, как для Згура, а после сентября 1927 г. он «скорее чувствовал себя обязанным перед смертью ушедшего друга». Греч запомнился ей несколько как флегматичный, редко оживлявшийся, лирически настроенный человек.

Очень важны для понимания сути ОИРУ мысли Меленевской о том, что общество явилось реализацией чаяний многих ученых, архитекторов и т. д., а также, что это была скорее искусствоведческая, чем краеведческая организация.

Первая статья, посвященная трудам и дням Греча, написана Г. Д. Злочевским на широком круге опубликованных источников, воспоминаниях Ю. Б. Шмарова. Здесь впервые указана точная дата рождения ученого — 1 ноября 1899 г. Автором собраны факты об участии Греча-студента с 1920 г. в комиссии по созданию музея «Старая Москва», о его предложении создать бытовой музей XVIII в., о работе в 1921 г. над выставкой о Москве, об аспирантуре в НИИАиИ (1922—1926) и последующей работе там же. Мы узнаем о рукописях исследователя, судьба которых остается не известной: монография об архитекторе Н. А. Львове, статьи «Масонские усадьбы», об усадьбе Никольское-Гагарино (последняя в соавторстве с В. М. Колобовым). Очерчен широкий круг профессиональных интересов Греча: живопись, графика,

явить актуальность опубликованных работ Греча.

Во всех упоминавшихся работах последних лет, там, где заходила речь о перемене фамилии Залеман — Залиман — Степанов (16) на Греч, говорилось о последней как о псевдониме. Теперь ясно, что можно говорить о смене фамилии, т. к. нет сомнения, что дела, хранящиеся в ЦА ФСБ, не заводили на псевдоним. Время ареста и гибели ученого до сих пор указывалось приблизительно и всегда имелся в виду один арест.

Именно М. Ю. Меленевской удалось сохранить воспоминание о встрече с Гречем «на каком-то заседании» в Москве в 1936 или 1937 г. «Греч сообщил тогда, что ему разрешено жить в Твери и преподавать там английский язык в каком-то техникуме. Он выглядел стариком и обреченно сказал: «Жизнь моя кончена. Теперь уже все равно, где и что будет...»

В «искусствоведческой» Москве жило предание о том, что Греч был арестован вместе с молодой женщиной при попытке перехода границы (наш разговор в 1997 г. с Н. Н. Кофман; то же мы знаем от Т. А. Селиновой, род. в 1919 г., окончила МИФЛИ в 1941 г.) и погиб в Тульской тюрьме (наш разговор с последней).

Между тем в «Венке усадьбам» содержится прямое указание на время ареста — 1930 г. Автор писал, что из-за разрушений «после 1917 года русскую усадьбу следует смотреть на расстоянии. А после 1930 года — не одними ли только глазами памяти?» (17). Отметим, что создание этого труда, в котором многократно упоминаюсь о сознательном массовом разорении усадеб после 1917 г., в условиях лагеря было делом огромного мужества.

Таким образом, сведения о судьбе ученого до знакомства с архивом ЦА ФСБ содержат неточности и не было возможности восстановить ряд важнейших фактов и обстоятельств.

Греч родился ровно через сто лет после Пушкина. Мы не допускаем мысли, что этот факт не переживался им остро и сильно. О присутствии образа поэта в сознании эмоционального и тонкого ученого говорит хотя бы то, что в самом начале своей деятельности Греч участвоват в устройстве вечера памяти поэта (1921), многие его труды были связаны с ним, а последней, увидевшей свет при жизни работой стала статья о Яронольце, усадьбе Гончаровых (1930) (18). Возможно, за изменением фамилии исследователя стояло желание с помощью символического жеста «прямо» войти в столь любимую им эпоху. То, что мы знаем теперь о последних годах жизни ученого, говорит о полной тщетности подобной попытки, но при этом глубоко поражает почти мистический факт: Греч прожил «пушкинский век» — 37 лет.

Немногочисленные пока публикации, посвященные истории ОИРУ,

не свободны от неточностей. Одна из причин тому — предельная скудость архивных материалов и мемуарной литературы. Это касается и вопроса о последнем годе деятельности общества. Это был, несомненно, 1930 г. (19). Подчеркнем, что в следственных делах Греча и Жидкова 1930 — 1931 гг. ОИРУ упоминается, но эта «тема» развития не получила. Другим репрессированным в 1930-х гг. членам общества также не инкриминировалось участие в нем. Это относится к М. А. Ильину, Ю. Б. Шмарову, А. И. Некрасову. То же можно сказать о группе арестованных в 1933 г., продолжавших заниматься изучением усадеб. В нее входили: А. В. Григорьев, А. А. Устинов, Г. А. Тюрк, Б. С. Пушкин, Н. И. Милонова, Э. В. Розенмейер, Е. В. Танцова и Н. И. Лебедева. В данном коллективном деле общество ни разу нс упоминалось (20).

Возвратимся к судьбе Жидкова и хотя бы кратко расскажем о ней. От вдовы ученого, Е. И. Мартыновой (род. 1920 г.) (21), нам известно, что он родился 13 августа 1903 г., а умер 29 января 1953 г. после 9 месяцев тяжелейшей болезни (рак).

По литературе мы знаем, что еще в 1920 г. он был членом руководимой А. И. Анисимовым секции в Московском институте историко-художественных изысканий и музееведения, просуществовавшем немногим более года. Среди его сотрудников была группа известных специалистов в области византийского и древнерусского искусства: В. Н. Щепкип, В. Т. Георгиевский, И. Э. Грабарь, Н. М. Щекотов, Н. Д. Протасов и другие (22). Не только в 1 МГУ (1919—1922), но и здесь студент имел возможность приобщиться к взглядам представителей различных научных традиций в избранной им специальности. Грабарь и Анисимов руководили ставшими знаменитыми работами в области поиска и раскрытия памятников древнерусской живописи (с 1918), приведшими начиная с 1920-х гг. к кардинальным изменениям в представлениях о ее истории. М. В. Алпатов позднее писал: «Работая в музейных органах Наркомнроса, Г. В. Жидков принимал деятельное участие в раскрытии, реставрации, научном описании и определении древнейших сокровищ русского художественного творчества» (23).

Первые публикации Жидкова появились в 1922 г. (24). Уже аспирантом он стал секретарем НИИАиИ (25). Участвовал он и в деятельности РАХН-ГАХН. Интерес к культуре XVII—XVIII вв. нашел выражение в нескольких публикациях исследователя, но основной темой его занятий оставалось художественное наследие Византии и Руси. Приведем яркий пример большой научной прозорливости и смелости начинающего ученого: в 1926 г. им была опубликована рецензия на только что вышедшее первое монографическое исследование об Андрее Рублеве, написанное маститым автором — И. Э. Грабарем. Этой

работе тот придавал исключительно большое значение. Отзыв же опровергал самую суть труда: и настойчивое стремление связать творчество художника с суздальской, а не с московской школой, и круг памятников, представленных как рублевские (26).

Летом 1927 г. Жидкову удалось на свои средства съездить в Афины и Стамбул. В последнем он вновь проявил себя как высокий профессионал, сделав в короткое время уникальное открытие — фрагмент мозаики VII в. в церкви Св. Николая в Фанаре — самый древний и сохранный образец монументальной живописи столицы. Памятник оказался в буквальном смысле эпохальным и, после издания его ученым, прочно вошел в историю византийского искусства (27). Поездка позволила ученому непосредственно приобщиться к широкому кругу памятников, в частности, к мало изученному художественному наследию эпохи Палеологов. Результаты не замедлили сказаться в докладах и статьях, но, главное, в новаторской книге 1928 г., изданной на основе диссертации. Здесь уместно вспомнить слова Алпатова: «Жидков был умницей и в теоретических вопросах. Он обладал чувством меры и никогда не уносился в крайности» (28). Защита ученого состоялась 20 декабря 1927 г. Оппонентами выступили А. И. Некрасов и Н. Д. Протасов. Молодой ученый работал в тесном контакте с последним в НИИАиИ, в ГАХН и в 1 МГУ. Так, летом 1929 г. Жидков изучал живопись в Полоцке, Витебске и Смоленске, входя в экспедицию от института, возглавлявшуюся профессором. Ездил Жидков в экспедиции и от ГАХН. Например, годом раньше в Вологду (вместе с М. А. Ильиным) (29). Большое значение имела его работа в 1 МГУ. «В 1920-е годы ярко выступила молодая плеяда преподавателей — В. Н. Лазарев, М. В. Алпатов, Н. И. Брунов, Г. В. Жидков» (30). Трое последних исследователей, а также Некрасов, Згура и Греч были авторами сборника «Русское барокко» (1926), прочно вошедшего в историю отечественной науки. Заметим, что на гой же кафедре с 1928 г. и до последних дней своей жизни работал И. Л. Маца (1893—1974), возглавлявший во время следствия над Жидковым НИИАиИ и сыгравший страшную роль в его судьбе (31). Кафедра была закрыта в 1931 г. и возобновлена в МИФЛИ в 1934 г.

В самом конце 1930 г. Жидков был арестован и вскоре сослан на Урал на три года. По воспоминаниям Е. И. Мартыновой, он работал учетчиком в селе и приобрел туберкулез, от которого страдал все последующие годы. Выжил он лишь благодаря усилиям местного врача. Архивы МГУ и ГТГ позволяют уточнить факты. Г. В. Жидков работал экономистом в сельскохозяйственных конторах Туринска с июня 1931 г. но март 1934 г. С мая 1934 г. он недолго преподавал архитектуру в

Институте транспорта в Москве, параллельно становится профессором по истории искусства в Харьковском художественном институте. Но основной работой с сентября 1934 г. по март 1938 г. становится Музей палехского искусства, где он стал директором. Читал он и историю искусств в Художественном училище Палеха (32). Тогда же успел подготовить ставшее классическим для истории русской лаковой миниатюры издание «Пушкин в искусстве Палеха». Вместе с тем уже с октября 1937 г. Жидков по совместительству вел курс лекций в Художественном институте в Моекве, где преподавал до начала 1941 г. С 1939 г. — в МИФЛИ, а с начала 1942 г. в МГУ (до 1950 г.). Но основной работой ученого стала Третьяковская галерея (с марта 1938 г.), где он был заведующим отделом искусства XVIII — 1-й половины XIX в., а затем заместителем директора по науке (1943—1953).

Основные его труды были посвящены художественной культуре XVIII в.: «Образ Шубина» (1946), «Левицкий» (1946), «Русекое искусство XVIII века» (1951). Исследование о М. Шибанове вышло сразу после смерти автора (1954). Е. И. Мартынова вспоминала слова мужа о том, что этот период привлекал его в значительной степени последней по времени (в рамках культуры нового и новейшего времени) реализацией цельной личности в художественном творчестве. Согласно ее же наблюдениям, Жидков любил работать со студентами. Его лекции обладали большой ясностью, логичностью и тщательностью, они были наполнены анализом, полным трепетного отношения к произведениям искусства. Жидков мыслил широко, в его восприятии памятник всегда был погружен в самый широкий художественный контекст — идеи цельности и традиционности культуры постоянно присутствовали в его сознании. Особо привлекательный оттенок лекциям придавал исследовательский азарт — ученый делился со студентами своими еще не опубликованными открытиями. Жидков относился к замечательному типу педагога и одновременно знатока-музейщика, поэтому он предпочитал проводить занятия в Третьяковской галерее.

Здесь уместно особенно подчеркнуть, что длительное руководство научной жизнью галереи — это огромный вклад Жидкова в нашу науку и культуру и может быть темой специальной работы (33).

Изредка исследователь писал и об искусстве XIX в. Его по-настоящему увлекало общение с художниками, среди которых у него были близкие друзья (К. Ф. Юон, В. К. Бялыницкий-Бируля, Г. Г. Ряжский и другие). Ученый писал о современной живописи, о проблемах Палеха. Его заветная мечта последних лет — большая работа о месте русского искусства в мировой художественной культуре. По мнению Е. И. Мартыновой, Г. В. Жидков до конца дней сохранил возвышенное представ-

лсние о человеке, глубоко философское понимание жизни и большое мужество (34). Похоронен ученый на Новодевичьем кладбище.

Важнейшие открытия выдающегося исследователя, мастерство его анализа памятников навсегда вошли в золотой фонд отечественного искусствознания.

* * *

Нам удалось познакомиться с делами А. Н. Греча и Г. В. Жидкова в ЦА ФСБ РФ. Далее будет приведено их краткое изложение, а некоторые документы даны полностью или во фрагментах. Совершенно очевидно, что биографические сведения, содержащиеся главным образом в анкетах, являются на сегодняшний день самыми подробными документами такого рода, особенно в отношении Греча. Анкеты в делах данного архива, особенно заполненные сразу после ареста, относятся (в отличие от протоколов допросов) к наиболее достоверным, хотя, разумеется, далеко не полным источникам. Исключение часто составляют сведения о социальном и имущественном положении родителей.

Итак, Алексей Николаевич Греч был арестован 28 июля 1930 г. около д. Василькове» (между Ржевом и Себежом) отрядом Себежского пограничного округа ОГПУ. Вместе с ним была арестована его невеста Софья Александровна Гаврилова. Их дело было начато 20 августа (35).

В ряде документов дела, касающихся биографии ученого, указаны разные даты, что может быть объяснено как свойствами памяти самого Греча, так и небрежностью и малограмотностью следователей, делавших записи (подобные случаи оговариваются).

Согласно протоколу задержания и нескольким анкетам арестованного, Греч (Залиман или Залеман) родился 14 ноября 1899 г. в Петербурге. Его отец, Николай Викторович, был архитектором Министерства земледелия, «кажется» (так в анкете) из личных дворян. Мать, Татьяна Андреевна (урожденная Шевелева, но второму браку Степанова) с 1914 г. — сестра милосердия. Братьев и сестер не было. Родители разошлись, и в 1906 г. мать и сын переехали в Москву. Со времени революции отношения с отцом он не поддерживал. В соответствующих графах было записано: русский, беспартийный, окончил гимназию и историко-филологический факультет 1 МГУ в 1917—1922 гг. (5 лет вместо обычных тогда трех лет), владеет немецким и французским языками. (По показаниям Жидкова, Греч был учеником А. А. Сидорова) (36). С 1919 г. он работал в музейном отделе Наркомпроса. В 1921 г. изменил фамилию на «Греч». Неясно, когда, видимо недолго, работал в музеях восточных культур и изящных искусств. Между 1921 и 1923 г. около полугода находился па военной службе, заведуя вы-

ставкой в Главном управлении военных учебных заведений. В протоколе от 29 июля 1930 г., в графе «образование» указаны 1 МГУ и «институт археологических знаний» (т. е. имелась в виду аспирантура в НИИАиИ).

С 1925 г. Греч стал сотрудником ГАХН, где был секретарем кабинета революционного искусства Запада, в начале июля 1930 г. «вычищен» оттуда «по 3-й категории» (т. е. с правом работать там же, но на более низкой должности). С 1928 г. он — приват-доцент МГУ (преподавал историю русского искусства, историю скульптуры). В 1929 г. стал действительным членом ГТГ и научным сотрудником 1-го разряда в РАНИОН. Кроме того Греч преподавал в разные годы в техникумах — балетном и «Изо», на Пролетарских курсах (Общество пролетарского туризма и экскурсий), в экскурсионном бюро МПИС и ряде театров. Летом 1927 г. (по показаниям С. А. Гавриловой) работал в музее Алупки.

С 1918 г. Греч жил по адресу: Арбат, Годеинский (ныне Арбатский) переулок, дом 5, кв. 2. Там же жили его первая жена (Татьяна Алексеевна, урожденная Корнилова, около 1902 г. рождения, брак заключен в 1924 г., работала статистиком; супруги разошлись после 1 июля 1930 г.) и сын Андрей 4-х лет (37). Мать Греча жила на ст. Пушкино. Кжегодно отпуска он проводил, занимаясь научной работой, в том числе и летом 1930 г., находясь в июле в комплексной экспедиции по Верхней Волге от трех организаций: Института археологии и искусствознания РАНИМИРК (38), 1 МГУ и ОИРУ (экспедиция не оплачивалась).

Софья Александровна Гаврилова родилась в сентябре 1906 г. в Москве. Отец был сапожником, убит в 1915 г., отчим — рабочий, мать Екатерина Алексеевна Татур. Семья жила на ст. Клязьма. Софья Александровна окончила 7 классов б. Мартьяновской гимназии в Москве и курсы машинописи и французского языка. Недолго работала машинисткой в милиции и уголовном розыске на ст. Клязьма, потом — сестрой в яслях и т. д. Она была членом ВЛКСМ. В 1927 г. в Алупке познакомилась с Г[х:чем, весной следующего года, не приняв предложение выйти за него замуж, надолго уехала из Москвы. До июля 1930 г. нс думала о замужестве, но согласилась поехать с Гречем в экспедицию, т. к. имела свободное время, устроившись перед тем на временную работу в «Совтуризм» (или «Общество пролетарского туризма и экскурсий») — кончила курсы по Поволжью и Москве. Для поездки ей было выписано удостоверение ОИРУ № 351 (от 27 июля 1930 г., подшито в деле) (39).

30 июня (или 1 июля) Греч и Гаврилова выехали из Москвы и до 1 сентября должны были пройти по маршруту: Старица, Ржев, Себеж, Зубцов, Калязин, Торжок, Кашин и окрестности этих городов. Задача

экспедиции — описание и фотофиксация художественно-исторических памятников. В Старице они пробыли до 26 июля, когда, оставив на прежней квартире фотоаппарат и другие вещи, переехали во Ржев. 27 июля они шли пешком в сторону Себежа и заночевали в д. Заборы. На следующий день, когда шли к р. Исса, т. е. к границе, были арестованы.

В доме предварительного заключения были составлены протоколы задержания. В графе о профессии Греча значится: «естествовед». В тот же день, 28 июля, вынесено постановление о необходимости содержания арестованных под стражей для проведения следствия. В протоколе допроса 29 июля Греч кратко объяснял задачи экспедиции, упоминал, что развелся с женой и соединил свои» жизнь с Гавриловой. Он указал, что был во Ржеве в 1929 г., а свое приближение к реке мотивировал тем, что она имеет исторический интерес: когда-то соединяла Псковское и Полоцкое княжества. Лишь от встречного крестьянина они узнали, что оказались в пограничной полосе и, переночевав, пошли за визой. «Переходить границу в Латвию мы не думали, а преследовали чисто научные цели. Наша ошибка в том, что заранее не побывали в г. Себеже [и не получили визы] и зашли в погранполосу».

Протокол следующего допроса от 31 июля — 1 августа содержит уточнения. Греч собственноручно писал о своей спутнице: «Для того, чтобы она не лишилась заработка, поехав со мной, я взял ей из Общества изучения русской усадьбы удостоверение, что она якобы едет со мной в качестве секретаря моей экспедиции, и выдал ей якобы авансом, а на самом деле из своих денег, 50 р., сказав, что вероятно еще будут деньги. Таким образом я ввел ее в заблуждение, руководствуясь исключительно тем, что из деликатности она не согласится взять деньги от меня, а тут выходило, что как будто она получает вознаграждение. Я знаю, что ей нужно заработать на пальто, которое она действительно и купила на полученную сумму. Так как ей казалось, что она едет на работу, а она об этом говорила у себя дома, то она и согласилась ехать со мною [...] Я говорил ей также, что еще поедет студент».

3 августа в деле появился протокол допроса сокамерника Греча, некоего рабочего Н. Г1. Алексеева, который до того был судим в Латвии за порубку леса и за неуплату алиментов. Он показал, что ученый якобы написал записку своей спутнице, чтобы она «не сознавалась бы в том, что они действительно хотели уйти в Латвию», и намеревался передать записку в коробке с мылом. Де Греч ему говорил о желании перейти границу и о договоре в случае задержания сообщать, что «он пришел на границу с научной целью, а она для того, чтобы купить чулки заграничного происхождения. Греч также говорил, что он уже успел передать около 10 шт. [записок] и решил просить, чтобы его оставили

при [пограничном] отряде рядом с Гавриловой, с которой перестукивается условными знаками и этим ведет переговоры. Больше показать нечего не имею, мне прочитано, записано верно.

Добавляю, что Греч говорил, что его вычистили со службы, почему и решил идти за границу и в записках писал Гавриловой, чтобы она не говорила о тех лицах, которые приглашали их в Латвию. Допросил Либерт.

Добавляю, что Греч имеет в виду, что если его отпустят на свободу, то он сделает союз с арестованным Лаздиным (летчиком), с которым подработает дело так, чтобы получить мотор и уехать потом в Латвию. Допросил Либерт».

Этот убогий текст позволяет наглядно увидеть характер зловещего «творчества» провинциального следователя, три раза заставлявшего «усиливать» грехи арестованного ученого. Но душевное состояние Греча, а, возможно, угрозы или обещания (например, освобождения любимой) привели к тому, что в протоколе допроса самого Греча, состоявшегося в тот же день, он резко изменил содержание прежних показаний и явно подчинился диктовке следователя. Ученый сообщал, что в результате увольнения из ГАХН, разрыва с женой и желания быть рядом с Гавриловой он решил «устроить жизнь но иному» и в Старице понял, что должен уйти за границу. «За границей я имею знакомого профессора Виппера, у коего я учился в г. Москве и мог рассчитывать на его рекомендацию. Виппер проживает в Кенигсберге. Кроме него знаю профессора Штеилина в Берлине, с которым имел деловую переписку в отношении одной его книги» (40). Но «когда в д. Заборы мы узнали, что теперь очень строго и граница стала непроходимой, мы решили пока воздержаться и попытаться выбраться из пограничной полосы незамеченными, чтобы не запятнать своей фамилии». Подтверждался и предварительный сговор с невестой о ложных показаниях в случае ареста и факт передачи записок. В итоге: «В намерении перейти границу признаю себя виновным». Эта фраза была потом подчеркнута толстым карандашом.

В тот же день допросили и Гаврилову. Результат тот же: вина в попытке перейти границу была признана. В протоколе есть дополнительные показания о том, что арестованная лишь на следствии узнала о фиктивности своего удостоверения ОИРУ.

В деле находится ряд постановлений, необходимых для его оформления, среди них — о подделке упоминаемого удостоверения. 12 августа был составлен протокол задержания контрабандных товаров: 148 рублей, металлические часы, золотые вещи (обручальное кольцо, 3 перстня, цепочка). В графе «с какою целью приобретен товар» читаем: «водворе-

ние за границу». В отдельном постановлении сказано, что «совалюта» к вывозу запрещена и подлежит конфискации с взиманием штрафа в той же сумме — последний должен быть покрыт остальной «контрабандой»: часами и золотыми вещами. Далее, 13 августа, на пустой части последнего листа одного из прежних протоколов (от 31 июля — 1 августа) были вписаны дополнительные показания Греча. Арестованного .заставили придать своим предыдущим признаниям более жесткие формулировки: «Выданное мною Гавриловой удостоверение от имени Общества изучения русской усадьбы является фиктивным; я его изготовил сам и сам учинил на нем подпись председателя ОИРУ Григорьева, на бланке, оставшемся у меня после сдачи должности председателя ОИРУ. Гаврилова не знала, что удостоверение фиктивное [...]» (41).

На следующий день Греч получил 25-минутное свидание с невестой. В это время была обыскана его камера и найдено письмо, приобщенное к делу, на имя Александры Гавриловны Згуроо [Згура] (Хрущевский переулок, д. 2, кв. 9) (42). Греч просил мать своего погибшего друга «в память Вашего всегдашнего участия ко мне» сообщить о своем «несчастье» маме и друзьям и семье Сони, а также «насчет передачи и каких-нибудь шагов». Короткий текст заканчивался словами: «Во многом виноват, но что делать — такова жизнь».

16 августа следствие в пограничном городке было завершено. В постановлении кратко пересказывались протоколы допросов от 3 августа и инкриминировалось: обоим — попытка перехода границы (ст. 19—84), а Гречу и подделка документа (ст. 72). Из новой ин(|юрмации находим только, что они «были задержаны в 8-ми км от линии госграницы нарядом специально высланным но поимке их 1-ой комендатурой». В итоге обвиняемые вместе с делом и вещественными доказательствами со спецконвоем направлялись в Москву «на распоряжение».

18 августа Греч заполнил новую анкету (данные см. выше) в Псковском губотделе одного из пограничных отрядов. А уже на следующий день Объединенное политическое управление при Совнаркоме в Ленинградском военном округе составило запрос в Москву: посылать ли Вам дело — «в противном случае дело полагаем закончить на месте».

20 августа, как уже упоминалось, дело было начато в Москве. Арестованные содержались в Бутырской тюрьме. Полагаем, что часть документов или не сохранилась или осталась нам недоступной. Возможно, произошла какая-то задержка в ведении следствия, т. к. протоколы допросов Гавриловой и Греча с их анкетными данными (обычно это первые протоколы) датируются лишь 4 октября 1930 г. и 1 января 1930 г. (последняя дата проставлена дважды, но является опиской, правильно — 1931 г.; нельзя также исключить, что протокол оформлен post factum). Пока-

зания подруги Греча содержат уже известные нам сведения об обстоятельствах отъезда в экспедицию, кроме упоминания о поддельном удостоверении. Здесь возникают новые детали: «за границу он меня уговаривал ехать», а она де хотела вернуться обратно, сделав покупки. Но протокол кончается заявлением, свидетельствующем о гораздо более серьезном повороте дела, который ему придали московские следователи: «Об контрреволюционных монархических убеждениях Греча мне ничего известно не было».

Тем же числом помечено постановление об избрании меры пресечения. Греч признавался виновным в участии в контрреволюционной организации (ст. 58—11), в подделке документов и в «бегстве» заграницу (ст. 72, 84). Требовалось его дальнейшее содержание под стражей.

Следующие по времени два важных документа касаются судьбы Гавриловой. 3 декабря состоялось решение освободить ее, «зачтя в наказание предварительное заключение». 11 декабря помечен талон Бутырской тюрьмы. Он содержит распоряжение о ее немедленном освобождении.

Протокол допроса Греча от «1 января 1930 г.» (на деле — 1 января 1931 г.) содержит подробную анкету (см. выше) и только два новых факта «Никогда ни в каких партиях и политических организациях не состоял и не участвовал. Отношение к советской власти активно сочувствующее». Ученый также подтверждал, что никогда не арестовывался, к суду и следствию не привлекался. Далее упоминалось о его давнем знакомстве с Шапошниковым (инициалов нет) по «музейной работе». Скорее всего, речь идет о известном историке искусства, музееведе, художнике Борисе Валентиновиче Шапошникове (1890—1956), который, был членом ГАХН. По сведениям его потомков, он был арестован в 1929 г. или скорее, в 1930 г. По-видимому, к этому моменту Шапошников еще нс был осужден, т. к. позднее был сослан на два года, а в тот момент следователи разрабатывали версию о его принадлежности к монархической группировке.

Выписка из постановления Коллегии ОГПУ от 23 декабря 1930 г. свидетельствует о страшной судьбе Греча — в ней указаны уже упоминавшиеся три статьи уголовного кодекса и приговор: в концлагерь на 10 лет, срок считать с 28 июля 1930 г., имущество конфисковать. Семья Греча уже знала о приговоре — 9 января его мать передала в тюрьму ватное пальто и подшитые валенки.

Сохранилось два заявления Греча от 10 января 1931 г. (карандаш, автограф). Приведем их полностью.

1. «Прокурору ОГПУ [от] осужденного Греча Алексея Николаевича. Бутырская тюрьма (пересыльный корпус).

Настоящим убедительно прошу пересмотреть мое дело. Приговор — 10 л [ет] концлагеря — вынесен па основании обвинения меня по ст. 58—11. Ни в какой организации я никогда не состоял и в следственных материалах ничего по этому поводу, насколько мне известно, не имеется. Против предъявления мне ст. 58—11 я протестовал голодовкой. сейчас еще раз прося [так в тексте] беспристрастного вмешательства прокурорского надзора. Нестерпимая мысль быть приговоренным не сообразно поступку, заставляет меня возбудить настоящее ходатайство. А. Греч».

2. «В Центральный Исполнительный Комитет [от] осужденного на 10 л [ет] концлагеря Греча Алексея Николаевича.

(Бутырская тюрьма). Заявление.

В безысходной тоске обращаюсь к милосердию Советской Власти и умоляю смягчить наложенное на меня наказание. Неизвестность [за] судьбу оставшейся беременной и также [1 слово утрачено] осужденной жены, Софьи Александровны Гавриловой, предстоящая вечная разлука повергает меня в состояние, которое [1 слово утрачено] — не могу здесь выразить. В самые тяжелые минуты моей жизни, сейчас, я еще раз заявляю, что нет моей вины по ст. 58, я стаз жертвой человеческой жестокости. Я надеюсь, что мой слабый голос [дойд]ет до Верховного Органа Власти, что во имя человечности, во имя строящегося будущего — моя жизнь будет сделана для меня переносимой. Пусть беспристрастный глаз вглядится во внутренний мир челрвека, потерпевшего крушение, судорожно прибегающего к помощи, к милосердию, пишущего здесь не слова и фразы, а действительно плачущего кровавыми слезами. К) л [ет] при моем здоровье — равны смерти. Алексей Греч.

А. Н. Греч, р. в 1899 г., искусствовед, научный работник, в последнее время состоял приват-доцентом 1 МГУ и действ[ительный] чл[ен] Государственной] Третьяковской галереи».

17 января 1931 г. Греч был отправлен этапом в Кемь. Перед этим ему было предоставлено свидание «на общих основаниях» (т. е. он узнал об освобождении Гавриловой).

Опись имущества на квартире Греча была произведена 18 января 1931
г. Отметим, что в описи вещей значатся «картин разных» — 3.6 февраля было оформлено распоряжение о вселении некоего А. И. Иванова в комнату Греча (Т. А. Греч с сыном и соседкой оказались в проходной 9-ти метровой комнате, что и пытались опротестовать).

Прошло немногим более года после отправки Греча в лагерь, его мать приехала на Соловки и получила свидание с сыном (43). Это мы узнаем из ее заявления, написанного 23 марта 1932 г. в Особую инспекцию ОГПУ. Ссылаясь на неоднократные беседы с сыном в лагере,

она настаивала, что обвинение по ст. 58—11 «никакого касания к делу моего сына не имеет». Он сам «изверился отчасти (что вполне естественно при его положении) в возможности добиться правды; несмотря на мои просьбы, считает бесполезным подачу прошения о пересмотре дела, то я как мать (вдова) единственного сына, которому дальнейшее заключение грозит смертью от прогрессирующего туберкулеза (инвалид 3-й категории), продолжаю верить в то, что дело моего сына будет пересмотрено и прошу начать как можно скорее из опасения, чтобы пересмотр не опоздал в виду тяжкого состояния его здоровья».

Через 2 недели на Соловках был составлен акт о состоянии здоровья Греча, и 32-летний ученый-зек получил третью «трудкатегорию». Процитируем основные из «главных признаков болезни, дающие повод к инвалидности: кашель с мокротой, одышка, боль в груди, слабость. Слабое телосложение, истощение, бледность кожи и слизистых оболочек. Заглушение легочного звука спереди [...] и сзади [...] сухие и влажные хрипы. Тоны сердца нечисты, пульс учащен [...] Диагноз: активный туберкулез обеих верхних долей легких сопровождающийся упадком питания». Эта справка тогда же дошла до Особой инспекции.

Хлопоты о пересмотре приговора были удовлетворены, но лишь 19 марта 1934 г. — срок наказания сокращен на 5 лет. А за несколько дней до истечения этого нового срока, на заседании Президиума ЦИК 14 июля 1935 г., судимость была снята. Документ был подписан секретарем ЦИК И. А. Акуловым.

Имя А. Н. Греча упоминается в воспоминаниях двух бывших «соловчап» — Д. С. Лихачева и О. В. Волкова. Согласно первым, он работал в лагерной библиотеке в Кремле и был одним из «тройки лихих библиотекарей» (помимо которых было еще два сотрудника). Зек-ученый назван потомком знаменитого Греча пушкинской поры, членом краеведческого общества «Старая усадьба» (44). В памяти Волкова отчество Греча трансформировалось в имя. «Была на Соловках небольшая группа заключенных филологов. Из них ближе я знал Николая Греча, безнадежно больного чахоткой молодого человека, резкого и озлобленного. Сразу после ареста его оставила обожаемая жена, а с приговором — десяткой лагерей — исчезла надежда завершить когда-либо увлекавшее научное исследование. Все филологи считали, что своим водворением на остров они обязаны Юрию Александровичу Самарину, сотруднику их института, исправно несшему службу осведомителя». «Впоследствии Греч рассказывал подробности очных ставок, на которых Самарин уличал своих сослуживцев в контрреволюционных замыслах» (45).

Остается добавить, что на рукописи «Венок усадьбам» Греч сделал пометку «о. Соловки 1932». Скорее всего, это свидетельство того, что

ученый попал на работу в библиотеку вскоре после водворения в лагерь, и именно это помогло ему выжить, несмотря на тяжелую болезнь. В рукопись был вложен «соловецкий» рецепт без указания имени, но с датой: 31 марта 1936 г. (46). Поскольку документ не может быть чужим, полагаем, что правильная дата — 1935 г., т. е. последняя цифра была малоразборчива и потому прочитана неверно или же это описка. Во всяком случае, дата «1936 г.» не означает, что Греч оставался на Соловках еще год после освобождения, т. к. в его деле, заведенном после второго ареста, сказано, что он жил в Туле с 1935 г. Из того же источника известно, что в Туле он преподавал английский язык в Механическом институте. В анкетах из дела 1930 г. упоминалось, что ученый владел французским и немецким языками. Остается предположить, что в свое время он забыл упомянуть о знании английского или же выучил его на Соловках.

В 1993 г. состоялся пересмотр первого дела Греча. Были отменены две статьи и признана правомерной лишь подделка удостоверения ОИРУ, за что, по мнению юристов, соответствовал 1 год лишения свободы. Было подтверждено, что в материалах дела нет каких-либо доказательств участия ученого в контрреволюционных организациях. Постановление в отношении Гавриловой было отменено.

* * *

Если даты на нескольких документах дела Германа Васильевича Жидкова соответствуют действительности, то он был арестован через 3 дня после вынесения приговора Гречу — 26 декабря 1930 г. (47). А ордер на его арест был выписан лишь 30 декабря. Отметив новый год, сотрудники ОГПУ начали дело 2 января 1931 г.

Из анкеты (входит в протокол допроса от 30 декабря) и отдельной справки, составленной в ОГПУ, становится известно, что Жидков родился в июле 1903 г. (по старому стилю) в Москве в семье служащего бухгалтерии одной из московских фабрик. Ранее не арестовывался, в армии из-за отсрочки не служил, русский, беспартийный. Жил но адресу: Новослободская ул., д. 26, кв. 6. Окончил гимназию в 1919 г. и историко-филологический факультет 1 МГУ в 1922 г. В 1919—1922 гг. работал в Наркомпросе в отделе по делам музеев. Был аспирантом, научным сотрудником, а также ученым секретарем Института археологии и искусствознания, доцентом в МГУ и Институте кинематографии, преподавал в двух техникумах (один из них в Ярославле). Он состоял в ОИРУ с 1925 г. (или 1926 г.) (48), а также Обществе друзей книги в 1922—1924 гг.

Из литературы известно, что в МГУ молодой ученый был учеником Н. И. Романова и А. И. Некрасова. В анкете читаем, что сам Жидков считал своими учителями А. А. Сидорова и А. И. Некрасова.

Из упоминавшейся справки следует, что в стенах Института археологии и искусствознания в июне месяце <-он выдал фиктивную справку о научной командировке в пограничные местности контрреволюционному монархисту Гречу, который по этим документам пытался бежать заграницу, но был во время попытки перехода границы задержан. В настоящее время Греч Коллегией ОГПУ приговорен к 10 г. к/л [концлагеря]. По сведениям, имеющимся в 5 СО ОГПУ, Жидков участвовал в той же монархической группировке, что и Греч, а также Шапошников и Картавцов (последние двое тоже приговорены к к/л). Предлагаю гр. Жидкова, обвиняемого в преступлениях, предусмотренных ст. 58—11 и 120 УК, арестовать и зачислить за 5 СО ОГПУ. Ст. уполномоченный 5 СО ОГПУ Брауде. Декабрь 1930 г.» (день не обозначен). (49). Картовцов Илья Михайлович (1895—1971) был членом ОИРУ и подвергся репрессиям.

Ясно, что Жидкову еще до ареста грозило страшное обвинение. Менее известная статья 120 — служебный подлог.

В деле находится также «справка» (без названия) о Жидкове, напечатанная для той же Брауде. Кратко перечислим уже упоминавшиеся факты и остановимся на дополнительной информации. В документе сказано об окончании гимназии, МГУ, А. А. Сидорове как профессоре, о том что Жидков, Згура и Греч создали ОИРУ, о работе арестованного в секции пространственных искусств ГАХН, о поездке в Константинополь для исследования фресок, о РАНИОН, о защите диссертации. Упоминалось о семье, о том, что, кажется, он недавно женился, что он приятель Греча и был шафером на его свадьбе. Приводится сообщение П. Д. Эттингера (с уточнением: та же секция ГАХН) автору текста о том, что Жидков арестовывался через милицию (новый прием ОГПУ), и его мать долго не знала о судьбе сына. О причине ареста гадают и связывают с делом Греча. Ясно, что информатор был человеком из среды гуманитариев: упоминалось об общении с историком искусства, писателем П. Д. Эттингером (1866—1948). Характерно и то, что он назвал Стамбул его прежним названием. О поездке туда Жидков упоминал и сам.

Приведем текст протоколов двух допросов от 30 декабря 1930 г. (это один документ): «Моими основными профессорами, у которых я преимущественно занимался в 1 МГУ, были проф. Сидоров А. А. и Некрасов Алексей Иванович. У Сидорова были ученики Стрелков, Греч, у Некрасова Брунов, Алпатов. Больше ничего не знаю. У Некрасова на квартире я бывал, встречался там с Бруновым, Алпатовым, с проф-

ессором Орловым Александром Сергеевичем, проф. Сергеевским 1 МГУ, нроф. Ржига. У Сидорова бывал очень редко по делу, у Некрасова я бывал в гостях. У Греча бывал так же на квартире, встречал там Стрелкова, Хорько Л. Петровича, [1 сл. нрзб.], Яворскую. У меня на квартире бывали Хорько, Ильин М. А. Институт археологии (1 сл. нрзб.], Греч, Келлер В. и [1 сл. нрзб.] из Пермского университета (50). Больше никого не помню. Греча я видел в последний раз в конце июня, видел его в РАНИОНе, он говорил о том, что собирается разойтись с первой женой, женится на другой, и что он собирается ехать со своей второй женой в отпуск в Старицу. Ее я видел раза два на улице в Ленинграде, где меня с ней познакомил Греч. Это было в феврале 30 [г.] приблизительно. Он мечтал поехать в Италию, в Рим для ознакомления с работами художников [1 сл. нрзб.] Брюлловым. Я был заграницей в 27 [г.], июль и август, по командировке Института археологии на свой счет. Я был в Константинополе, в [1 сл. нрзб.], Афинах, Спарте, Дельфах, Олимпии (в Турции и Греции).

За неделю до моего отъезда [1 июля 30 [г.] ко мне зашел в РАНИОН Греч и просил дать удостоверение, что Греч направляется в Старицу и окрестности для обследования памятников [1 сл. нрзб.]. Вообще в практике нашего Института археологии всегда было, что когда уезжали в отпуск, попутно занимались изучением памятников старины, архитектуры и искусства, и мы в таких случаях давали удостоверения, что такой-то направляется. У нас такие бумажки получали все сотрудники, когда ехали в отпуск. О том, что Греч вычищен из и[нститу]та, я не знал. Все удостоверения подписывал обычно Маца, директор института, и я, если Мацы не было в учреждении, то подписывал я и технич[еский] секретарь. Важные, думаю, конечно, подписывал Маца. Такие удостоверения, как я подписывал Гречу, очень часто подписывал сам без Мацы. Греч о своем намерении уехать за границу ничего не говорил. Относительно своего отношения к советской власти, судя по разговору, Греч не мог быть врагом советской власти. Греч мне казался попутчиком, который через некоторое время мог стать, при известном воздействии, союзником пролетариата. Об участии Греча в монархической группировке и о намерении эмигрировать заграницу мне ничего известно не было. Г. Жидков.

Дополнительный допрос. Об участии Греча и Картавцова в монархической группировке мне известно не было. Виновным себя в участии в этой группировке я не признаю. На собраниях на квартире у Греча я не бывал. Изредка бывал у него в гостях. С Картавцовым я встречался только на заседаниях Общества изучения русской усадьбы. Я никаких антисоветских разгово|юв в этом обществе не слыхал и учас-

тия в них не принимал. О том, что Греч собирается эмигрировать заграницу, мне известно не было, он мне ничего не говорил, и я не предполагал, что он использует выданное мною ему удостоверение в этих целях. Г. Жидков».

Постановление о мере пресечения от 30 декабря 1930 г. гласит, что дело соответствует ст. 58—11 и 120, т. к. Жидков обвиняется в участии в контрреволюционной монархической группировке и в содействии к бегству заграницу контрреволюционера Греча и выдачи ему в этих целях фиктивного удостоверения. Арестованного надлежит содержать под стражей.

В деле находится и протокол допроса (без даты) директора НИИАиИ И. Л. Мацы (1893—1974), старого члена партии (с 1890 г. — приписка на протоколе). Приведем весь текст: «Директором института состою с октября 1929 г. Жидков в качестве ученого секретаря работает с 27 г. С октября 1930 г. Жидков в результате обследования ППНИ [инспекция] с работы секретаря снят и состоит научным сотрудником 1 разряда. Жидков не марксист, ученик Некрасова, а/с [антисоветски] себя не проявлял. Производил впечатление очень хитрого человека. В 26 [г.] выступал как антимарксист, последний год от выступлений уклонялся. С Гречем Жидков был очень дружен. Оба они были ученики Некрасова. Греч производил на меня впечатление а [нти] советского человека. Был большой барин. В 26 [г.] художнику-коммунисту венгерцу Белла Уиц Греч хватился, что он сын дворянина. Удостоверение института археологии от 18.VI.30 [г.] Гречу на поездку в пограничные местности для обследования памятников старины подписано Жидковым и Домагатской явно фиктивное. Экспедиции в этот район никакой не было в этом году. Греч туда институтом не направлялся.

Жидков не имел права выдавать Гречу подобное удостоверение. Кроме того Жидкову было известно, что все удостоверения от института для сотрудников должны быть подписаны мной. Об этом удостоверении, хотя я в это время находился в Москве, Жидков мне не докладывал. После моего отъезда 2 июля 30 г. институт был закрыт на летний период. Полагаю, что Жидков должен был знать от Греча, в каких целях ему нужен был этот документ, ибо Жидков прекрасно знал, что выдает Гречу фиктивный документ. Греч из института был снят но сокращению штата фактически как чуждый элемент весной 29 г. (51), тогда он остался работать в ГАХНе, откуда он уже снят [1 сл. нрзб.] НКРИИ [инспекция] в июле 30 г. И. Маца».

Следующий по времени документ — заключение, составленное тем же следователем (11 января 1931 г.). Она продолжала настаивать, что Жидков, несмотря на свои отрицательные ответы, вместе с Гречем,

Шапошниковым и Картавцовым (оба последних, по ее утверждению, уже находились в лагерях с 1929 г., что не соответствовало действительности, хотя бы по отношению к Шапошникову) состоял в одной и той же монархической организации и, конечно, знал о желании друга перейти границу.

Но данная «версия» на следствии продолжения не получила.

13 января 1931 г. датируется выписка из протокола Коллегии ОГПУ о ссылке Жидкова на три года на Урал (срок исчислялся с 4 января 1931 г.). В тот же день было отдано распоряжение начальнику внутренней тюрьмы с отметкой «срочно» от отправке Жидкова в Свердловск «с первым этапом но Уралу». Ему разрешалось свидание на общих основаниях. Извещение от 1 февраля подтверждает факт отправки заключенного.

Дело Г. В. Жидкова было прекращено в ноябре-декабре 1992 г.

* * *

Вернемся к судьбе А. Н. Греча.

В ночь с 22 на 23 ноября 1937 г. он был вновь арестован в Туле (52). Из второго дела узнаем, что он жил там с 1935 г., на момент ареста работал заведующим кабинетом иностранных языков Механического института, преподавал немецкий и английский языки, был членом Союза работников высшей школы. В анкете есть неточности, в частности, указано, что он был досрочно освобожден в 1934 г. Среди членов семьи упомянута жена Софья Александровна, жившая на ст. Клязьма.

В конце 1937 г. в Туле прошла волна арестов людей с немецкими (или сходными с последними) фамилиями, а также тех, кто был с ними связан. Греч оказался в их числе. Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения от 22 ноября было заготовлено непосредственно до ареста или во время ареста, т. к. ордер был выписан 22 ноября, а расписка в том, что Греч «принят» как арестант, датирована 23 ноября. В этом документе сказано, что Греч обрусевший немец и «будучи враждебно настроен к Советскому строю, является активным участником германской фашистской шпионской организации и систематически занимался фашистской пропагандой и шпионской деятельностью». Он привлекался в качестве обвиняемого по статьям 58—6, 10, 11 и должен был содержаться под стражей. Постановление было объявлено арестованному 2 января 1938 г. Внизу листа написано рукой ученого: «обвинение фантастично А. Греч».

Кроме того предъявление обвинения было оформлено отдельным протоколом с тем же числом (ясно написано: «2 января 1937 г.»; ос-

тальные документы дела свидетельствуют о том, что ото описка). Процитируем ответ: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении, т. е. в том, что я проводил шпионскую работу в пользу Германии на территории СССР не признаю».

Упоминавшееся постановление продолжали дополнять на следующий день, 3 января. Греч вновь подтвердил, что обвинение не признает и показаний дать не может. После этих слов происходит нечто, что меняет позицию допрашиваемого. Далее читаем: «Я происхожу из зажиточной дворянской семьи. Я потомственный дворянин». На вопрос о прежнем намерении сбежать следует ответ: «этого я не скрываю», подтверждалась и контрреволюционность его убеждений. Последовал вопрос: вел ли он с 1935 г. в Туле контрреволюционную фашистскую пропаганду и восхвалял ли жизнь в капиталистическо-фашистских странах? Ответ: «Вину признаю полностью». Вопрос: кто вас слушал? Ответ: художники Василий Фомич Гильберт и Михаил Николаевич Чехвалов. Да, оба настроены контрреволюционно. «Это все» — еще пытался остановить допрос заключенный. Но здесь ему сообщили, что именно показаниями уже арестованного Гильберта, художника «Ясной Поляны», он и «изобличается». И сломленный ученый принужден был «признать», что с 1936 г. он состоял в контрреволюционной фашистски шпионской организации, работавшей в Туле в пользу Германии. Организацию возглавлял Гильберт. Чехвалов также «обрабатывал меня», но «состава организации я не знаю», «не знал» он и о внешних связях организации. Целью ее было уничтожение советской власти, для чего велись пропаганда и шпионаж на оборонных заводах. В этот момент допроса Греч сделал попытку ослабить накинутую на него петлю: «Гильберт мне всегда говорил: «мало от тебя пользы, нажми хоть на агитацию».

Из находящегося в деле протокола допроса В. Ф. Гильберта от 22 ноября 1937 г. известно, что он родился в 1874 г. в с. Кондрово Тульской области в семье инженера английской фирмы «Говард», его отец был английский подданный; образование высшее — в 1903 г. окончил художественную школу в Москве (т. е. Училище живописи, ваяния и зодчества). На допросе 20 ноября он вынужден был подтвердить свое участие в организации и то, что работал по заданию германской разведки. Он был де вовлечен в организацию преподавателем немецкого языка Эдгаром Юльевичем Гаабе еще в 1935 г. Последний создал организацию по заданию Бетигера — агента германской разведки, бывшего пастора лютеранской церкви в Туле, уехавшего в Германию. Гаабе к контрреволюционной работе был привлечен в 1918 г. и вербовал прихожан церкви. Завербовал он и Греча, Чехвалова и других.

Директор Механического института Буравков подписал характе-

ристику Гречу. Из нее следует, что тот работал с 1935 по 1937 г. (отчислен в связи с арестом). Согласно анкете был судим по ст. 84, но она была снята Президиумом ЦИК от 14 июля 1935 г. Зарекомендовал себя как преподаватель знающий свое дело. Выл замкнут и скрытен, в общественно-политической жизни не участвовал.

22 февраля был составлен протокол об окончании следствия. Гречу инкриминировались статьи 58—6, 10, 11. Обреченный ответил: «добавить ничего не имею», «...ознакомлен полностью». Обвинительное заключение было утверждено 21 марта. В нем все соответствовало уже пересказанным «фактам». Несколько изменились словесные нагромождения в определении организации — она стала контрреволюционной шпионской диверсионной. В нее входили 23 человека (Гаабе Э. К)., Греч А. Н., Гильберт В. Ф., Лист А. Г., Генни А. Э., Эссель И. М., Бурба С. И., Добровольская Т. И. «и другие»), «Появилась» прямая связь с германским посольством в Москве (через Добровольскую). Греч признал вину и «изобличался» показаниями Гильберта, Чехвалова и Каабе. Дело было направлено на рассмотрение «Особой инстанции» согласно приказа НКВД за № 00485 от 11 августа 1937 г. В заключении указывалось, что Греч содержится в тульской тюрьме, вещественных доказательств по делу нет.

Наконец, выписка из акта: решение народного комиссара внутренних дел Союза ССР и Прокурора Союза ССР (Протокол № 279 от 21 марта 1938 г.) о расстреле Греча Алексея Николаевича приведено в исполнение 7 апреля 1938 г.

В «Заключении» по архивно-следственному делу от 31 мая 1956 г. названо 13 человек, проходивших по делу организации. Помимо уже известных, назовем двух инженеров с завода № 173: Когана В. М. (род. 1894 г.) и Круглого Т. Г. (род. 1886 г.), пенсионера Баранова А. А. (род. 1865 г.). Единственный человек, который вынес пытки и не признал свою вину, был Бурба. Он получил 5 лет ссылки, остальные были расстреляны.

Далее в папке находятся материалы, свидетельствующие о том, что в 1939 г. следователи В. М. Туболец и Т. И. Лопатин, ведшие дело, были арестованы. Первый признал необоснованность арестов 1937 г., а также применение физических мер к подследственным, второй — фальсификацию материалов по ряду дел, а о нарушении законности почему-то допрошен не был. Сотрудники Погорелый, Чебанов, Масальский и Красноярский по ряду проверенных тогда дел были известны как фальсификаторы и потому уволены.

В деле сохранился ряд свидетельских показаний 1940 г. о недозволенных методах проведения допросов, применявшихся к Гильберту (он

был так избит, что походил на утопленника), к Бурбе (избивали до обморока, потом топтали). Один из сотрудников органов подтвердил, что видел, как Туболец сочинял протоколы по данному делу, которое называл делом художников. Свидетель тогда понимал, что оно «липовое», но протестовать не мог из-за особой «жуткой» ситуации, созданной в Тульском областном управлении НКВД.

На основе упоминавшегося «Заключения», 31 июля 1956 г. был составлен «Протест (в порядке надзора)» по делу Греча. Выпишем основное: «Однако ни показания Гильберта, ни признательные показания Греча не могут служить доказательством виновности последнего, ввиду их противоречивости, неконкретности и не соответствия объективным данным. Произведенной в 1956 году проверкой установлено, что в соответствующих архивах не имеется данных о принадлежности Греча, Гильберта и других проходящих по делу лиц, к какой-либо иностранной разведке. В момент ареста Греча на него в У [правления] НКВД Тульской области также не имелось никаких компроматериалов.

Проверка дела показала, что дела на Греча, Гильберта и других лиц, обвиненных в указанной выше контрреволюционной организации, были сфальсифицированы бывшими работниками У [правления] НКВД Тульской области Тубалец, Лопатиным, Масальским и другими, принимавшими участие в расследовании данной группы дел. За что Тубазец и Лопатин еще в 1939—1940 гг. были арестованы и осуждены, а остазьные уволены из органов НКВД. При знаком положении, показания Греча и Гильберта не заслуживают доверия. Других каких-либо объективных доказательств виновности Греча в деле не имеется». Постановление от 21 марта 1938 г. следовало «отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления». Верховный суд сделал это 14 мая 1957 г.

Наконец, скажем о самых последних документах. Это описание внеш-
ности Греча и тюремная медицинская справка (29 ноября 1937 г.). Итак, рост 1 м. 63 см., глаза серые, блондин. Особых примет нет. Признан годным к труду по III [самой низкой] категории. Катар верхних дыхательных путей, «упадок питания, неврастен[ия]».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Одновременно с ними в аспирантуре учились В. Н. Лазарев (1897—1976), М. В. Алпатов (1902—1986), В. В. Згура (1903—1927) и другие.
2. Жидков Г. В. Московская живопись середины XIV века. М., 1928 (РАН110Н). 143 с. Илл. Тираж 500 экз. Сведениями о диссертации А. Н. Греча мы нс располагаем. Возможно, она хранится в фонде НИИАнП в Госархиве РФ. Ссылок на нос в известной нам литературе нет, включая кн.\Сахщюви И. М. Алексей Петрович Антропов. 1716—1795. М., 1974.

3. Все подобные сведения почерпнуты нами из следственных дел А. Н. Греча (первое № Н-6650, 1930—1931 гг.; второе № П-8042, 1937—1938 гг.) и Г. В. Жидкова (№ Р-44563, 1931 г.). Благодарю руководство, сотрудников ЦА ФСБ РФ и особенно В. А. Гонча|ова за возможность познакомиться с основным объемом дел, доступных для посетителей. На рубеже 1920— 1930-х годов был репрессирован ряд сотрудников ГАХН и других учреждений, связанных с историей искусства. Среди тех ученых, которые упоминаются в настоящей статье, в 1930 г. был арестован профессор А. И. Анисимов (1877—1937). Листованный 6 октября, он находился в Бутырской тюрьме одновременно с Гречем и Жидковым, но следователям не потребовалось выявлять их знакомство. Греч и Анисимов с разницей в несколько дней были отправлены в Кемь, а потом на Соловки. Анисимов, приговоренный к 10 годам лагерей, был расстрелян 2 сентября 1937 г. (Дела: первое № Р-38544, 1930—1931 гг.; второе № 11-13792, 1937 г.).
4. Список основных работ А. II. Греча см.: Злочевский Г. Д. «Со вкусом и горячей любовью к истинным культурным ценностям». Алексей Николаевич Греч. 1899—1934 ? // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М., 1995.
5. Кончин Е. «Сим удостоверяется...» // Куранты. Историко-краеведческий альманах. М., 1989; Пошита Л. В. «Такой талантливый и так много обещавший человек...» Владимир Васильевич Згура. 1903—1927. // Краеведы Москвы. М., 1991.
6. Ильин М. А. Пути и поиски историка искусства. М., 1970; Писаръкова Л., Афанасьева М. Потерянная рукопись // Памятники Отечества. М., 1995. № 32. С. 3; Злоневский Г. Д. Указ. соч. С. 253. В двух последних работах воспроизведена фотография А. Н. Греча с первой женой, найденная Е. В. Кончиным. Теперь можно указать дату этой фотографии — около 1924 г.
7. Н. Н. Кофман сохранила удивительно хорошую память и предполагает, что курсы лекций ни А. II. Греч, ни Г. В. Жидков в те годы не читали. Интересно, что последний снимался со студентами в Третьяковской галерее. Несмотря на то, что ее квартира была разрушена в последнюю войну, у нее осталась фотография А. Н. Греча 1928—1929 гг. и две зачетные книжки. Она поступила 4 октября 1927 г. сразу на 2-й курс. Основная зачетная книжка, где проставлены зачеты за все прослушанные курсы, семинары и практикумы, подписей интересующих нас ученых не содержит. В графе «Введение в историю искусства» стоит подпись А. А. Федорова-Давыдова, а занятия по «Новому русскому искусству» вели А. А. Некрасов (курс лекций но архитектуре) и А. А. Федоров-Давыдов (семинар).
8. Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания. М., 1958. С. 35, 38, 42, 45—46, 101, 116.
9. Алпатов М. И. От редактора // Жидков Г. В. Шибанов. Художник второй половины XVIII века. М., 1954. С. 5—6; Павлов В. В. Герман Васильевич Жидков в Палехе // Музей народного искусства и художественные промыслы. Сб. трудов НИИ художественных промыслов. М., 1972. Вып. 5; Он же. Образы прекрасного. М., 1979. С. 252—257; Алпатов М. В. Жизнь искусствоведа. Страницы воспоминаний. С. 189, на С. 177 фотография Г. В. Жидкова, вероятно, 1940-х годов.
10. Лазарев В. П. Николай Ильич Романов (1867—1948) // Советское искусствознание-75. М., 1976. б/№ С. 316; Гращенков В. И. К 125-летию преподавания истории искусства в Московском университете //Советское искусствознание. М., 1984. № (1) 18. С. 193, 195, 199, 202, 207, 209, 226; Яворская Н. В. Отделение искусствознания и социологическая секция Института археологии и искусствознания РАНИОН; Она же. Из истории советского искусствознания. О французском искусстве XIX XX веков. М., 1987. С. 15, 17, 18, 24.
11. Алпатов М.В. Жизнь искусствоведа. С. 189; Он же. Воспоминания. С. 111, 214—215.
12. Кызласова И. Л. Алексей Иванович Некрасов (1885—1950) // Советское искусствознание. М., 1990. № 26. С. 382; Она же. Профессор Алексей Иванович Некрасов // Не красов А. И. Теория архитектуры. М., 1994. С. б.

13. Кончин Е. В. Сокровища в опломбированных вагонах // Куранты. Ист.-краев. Альманах. — М., 1987. Вып. II. С. 314—315; Иванова Л. В. Общество изучения русской усадьбы // Отечество. Краев. Альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 36—44.
14. Михайловская Н. //. «Мы подбираем брошенные традиции...» //Художник. М., 1992. №4-5. С. 3—4.
15. Мелелевская М. Ю. Воспоминания семьдесят лет спустя // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М.-Рыбинск, 1994. Вып. 1 (17). С. 11 —18.
16. Последний вариант — «Степанов» — встречается только в документе 1928 г., опубликованном Л. Писарьковой и М. Афанасьевой (Указ. соч. С. 2). Теперь ясно его происхождение — это фамилия отчима А. Н. Греча. Немецкая фамилия в транскрипции «Залеман» вошла в историю русской науки и культуры, т. к. отец и сын Залеманы — Роберт Карлович (1813—1874) и Гуго Романович (Робертович) (1859—1919) — были скульпторами, профессорами Академии Художеств, академиками, а Карл Германович Залеман (1840—1916) — востоковедом, академиком.
17. Греч А. //. Указ. соч. С. 21.
18. Греч А. //. Скульптура в Яропольце //Труды Общества изучения Московской области. Ярополец. Сб. статей. М., 1930. Вып. 8. С. 54—60.
19. Злочевский Г. Д. Указ. соч. С. 255.
20. О репрессированных членах ОИРУ см.: Иванова Л. В. Общество изучения русской усадьбы и задачи его возрождения // Русская усадьба. Вып. 1 (17). С. 8 Она же. Трагические судьбы членов Общества изучения русской усадьбы. С. 321—327; Литии Ф. Д., Алпатов М. В. Указ. соч.
21. Первая жена Жидкова, М. И. Молодых, умерла в 1948 г. Второй брак был заключен в 1950 г. Е. И. Жидкова (урожденная Чайковская, позднее Мартынова) студенткой МИФЛИ-МГУ слушала лекции Г. В. Жидкова.
22. Вздорнов Г. И. Александр Иванович Анисимов (1877—1932) // Советское искусствознание-82. М., 1984. № 2 (17). С. 306. Яворская Н. В. Указ. соч. С. 14. Прим. 1.
23. Алпатов М. В. От редактора. С. 5.
24. Жидков Г. В. Новгородская реставрационная экспедиция // Среди коллекционеров. 1922. № 4. С. 72—72; С. 71—72; Он же. Два доклада А. И. Анисимова // Там же. 1922. № 9. С. 66—68.
25. После июня 1924 г. Г. В. Жидков — секретарь института, позднее он стал секретарем отделения искусствознания и оставался секретарем коллегии института. См.: Яворская И. В. Указ. соч. С. 15, прим. 19.
26. Грабарь И. Э. Андрей Рублев. Очерк творчества по данным реставрационных работ 1918—1925 годов // Вопросы реставрации. М., 1926. Т. 1; Жидков Г. В. Рец.: Грабарь И. Э. Андрей Рублев // Известия на Българскиа археологически институт. София, 1926. Т. IV. С. 351—357. Автор вернулся к этой теме в своей книге «Московская живопись середины XIV века». С. 108—114. См. об этом: Щенникова Л, А. Из истории изучения Московской школы иконописи XIV — начала XV века // Советское искусствознание. М., 1988. Вып. 24. С. 62—64, 77—78. Напомним, что И. Э. Грабарь был действительным членом НИИАиИ и даже недолго (в 1921) его директором. Правда, тогда в институте «спорили все со всеми, невзирая на научную квалификацию и занимаемые должности» (Яворская Н. В. Указ. соч. С. 27). И все же печатно переступать известные границы решались далеко не все — см. например: Алпатов М. В. Воспоминания. С. 65. И для Г. В. Жидкова, по мнению Е. И. Мартыновой, данная рецензия не прошла даром.
27. Zidkou G. Ein Wandmosaik fragment aus Konstantinopol // Byzantinische Zeitschrift. 1929—1930. P. 601—607. См: .Лазарев В. //. История византийской живописи. М.. 1986. Прим. 8 на с. 204^Алпатов М. В. Жизнь искусствоведа. Страницы воспоминаний. С. 189.
28. Алпатов М. В. Жизнь искусствоведа. Страницы воспоминаний. С. 189.
29. См. Труды секции истории искусств Института археологии и искусствознания

РАНИОН. М., 1930. 4. С. 168, 169.

30. Гращенковепков В. Н. Указ. соч. С. 199. Ср. С. 195.
31. О работе И. Л. Маца в НИИАиИ известно, что с июня 1928 г. он был председателем секции теории и методологии. Именно в 1928—1929 гг. началась «марксизация научной деятельности» (Яворская Н. В. Указ. соч. С. 25. Прим, на с. 15. Из дела Г. В. Жидкова узнаем, что И. Л. Маца стал директором в октябре 1929 г. О его работе в МИФЛЙ МГУ см. Гращенков В. И. Указ. соч. С. 193, 198, 200, 202, 219.
32. Анкета от 26 июня 1942 г.; Выписка из приказа от 25 января 1950 г. (Архив МГУ Ф. 1. Оп. 34. Ед. хр. 2895. Л. 5, 8 об.). Выписка из приказа по ГТГ от 8 сентября 1943 г. (ОР ГТГ. Ф. 8.V. Ед. хр. 1930. Л. 22.)
33. В архиве Е. И. Мартыновой сохранилось письмо И. Э. Грабаря к Жидкову от12 ноября 1952 г., выдержанное в самом хвалебном тоне по случаю выхода в свет «превосходного нового каталога». Речь шла о кн.: «Живопись XVIII — начала XX века (до 1917 года» / Под общей ред. Г. В. Жидкова и научной ред. М. М. Калпакчи. М., 1952. Автор письма называл себя «старым соратником и другом от Ваших юных лет» и заключал: «Вы совершили подлинный подвиг, великое дело, которое не скоро еще будет оценено в полную меру, ибо такова судьба всех больших дел». И далее: «От всей души желаю Вам скорого поправления Ваших надломленных трудом сил для новой работы во славу дорогой, любимой нами русской культуры, столь многим Вам обязанной».
34. Угроза повторного ареста, несомненно, постоянно присутствовала в сознании ученого. Поводов для тоого было достаточно. Приведем лишь один пример — в августе 1947 г. был арестован его близкий друг, В. М. Василенко (1905—1991). Следствие продолжалось без малого полтора года, он был осужден на 25 лет лагерей (Дело Р 24825. Т. 8 — ЦА ФСБ РФ).
35. В деле А. Н. Греча нами использованы листы: «2—11, 13—38 об., 40—47 об., 49, 51—86, 90—100 об., 97—112, 115—126. В конце 1929 г. был выдвинут лозунг: «Граница на замке!». О лете 1930 г. современник вспоминал: «Не только на горемычных лишенцев, на всю землю Русскую спустился великий страх // Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 435, 486.
36. А. А. Сидоров (1891 —1978) преподавал в Московском университете с 1916 г., профессор с 1921. Он буквально оговорился о А. Н. Грече: «мой студент» //Сидоров А. А. Указ. соч. С. 77.
37. Благодарю Е. В. Кончина, сообщившего мне, что некоторое время назад он получил фотографию А. Н. и Т. А. Греч от вдовы уже умершего к тому времени Андрея Алексеевича. Он был художником, работал на Мосфильме, стал последним в своем роду.
38. В 1929 г. начались реорганизации и чистки в ГАХН и РАНИОН. В результате, в 1930 г. часть их институтов слили, образовав Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры (РАНИМИРК).
39. Номер удостоверения представляет интерес, т. к., возможно, соответствует числу членов ОИРУ за все 7 лет его существования, хотя нельзя полностью исключить произвольность цифр номера.
40. Б. Р. Виппер (1888—1967) — историк искусства, преподавал в Московском университете с 1915 г., был сотрудником ГАХН и, возможно, членом ОПРУ. С конца 1921 г. но 1924 г. был директором НИИАиН. С 1924 г. жил н работал в Риге. О его работе в Кенигсберге сведениями не располагаем. В 1941 г. он вернулся в Москву и, как упоминалось, вновь преподавал в МГУ. (Ливанова Т. Н. Борис Робертович Виппер и его научное наследие // Виппер Б. Р. Статьи об искусстве. М., 1970. С. 6, 12—15, 19—22, 36; Яворская II. В. Указ. соч. С. \Ъ\Иванова Л. В., Злочевекии Г. Д. Действительные члены Общества изучения русской усадьбы (1922—

1931 гг.) // Возрождение русской усадьбы. М., 1992. С. 41). Идентифицировать профессора Штеилина пока не удалось.

41. Это первое свидетельство того, что в июне 1930 г. председателем ОИРУ уже являлся А. В. Григорьев.
42. Речь идет о матери В. В. Згура. О ней см.: Ильин М. А. Указ. соч. С. 49; Мелепевская М. И). Воспоминания семьдесят лет спустя. С. 13.
43. С осени 1929 г. родственники могли приехать на Соловки уже с большим трудом // Голицын С. М. Указ. соч. С. 423.
44. Лихачев Д. С. Книга беспокойств. Воспоминания, статьи, беседы. М., 1991. С. 119; Волков О. В. Погружение во тьму. М., 1989. С. 70.
45. В доступных нам материалах дела нет документов об очных ставках А. Н. Греча и Ю. А. Самарина (фольклорист, сотрудник ГАХН). Имя последнего вообще ни разу не упоминается. В кругах близких к миру московских филологов бытует мнение, что Ю. А. Самарин не играл той роли, которую ему из-за несовершенства памяти приписывал О. В. Волков. Это косвенно подтверждал и С. М. Голицын (Указ. соч. С. 338, 454—455 и др.).
46. Писарькова Л., Афанасьева М. Указ. соч. С. 4.
47. В настоящем деле использованы листы: 1 —16, 20—21, 24, 26, 28—30 об.
48. Полагаем, что это ошибка, скорее с 1923 г.
49. На другом документе проставлены инициалы Брауде: В. II. Учитывая относительную ограниченность числа следователей в то время, не сомневаемся, что это Вера Петровна Брауде, человек, прочно вошедший в историю карательных органов. См: Наумов //. Чекистка. Страницы из жизни заместителя председателя казанской губчека В.ПІ. Брауде. М., 1963. В 1921 г. она была следователем по делам социалистов-революционеров. (М. Л. Свирская. Из воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992. Т. 7. С. 8—9 и др.).
50. Укажем тех, кто упоминается здесь впервые в настоящей публикации: А. С. Орлов (1871—1947) — литературовед, основные труды по древнерусской литературе, академик с 1931 г. М. В. Сергиевский (1892—1946) —языковед, специалист вобласти романских романских языков. В. Ф. Ржига (1883—1960) —литературовед. Был арестован в феврале 1934 г., осужден на 5 лет лагерей, пробыл в лагере до ноября того же года, далее в ссылке, освобожден в апреле 1939 г. (Аншин Ф. Д., Алпатов М. В. Указ. соч. С. 199). А. С. Стрелков (1896 — не ранее 1938) — историк искусства, специалист по Востоку, сотрудник НИИАиИ, репрессирован. Л. П. Харко (1899—1961) — историк искусства, член ОИРУ, сотрудник НИИАиИ. Н. В. Яворская (1902—1992) — историк искусства, сотрудник НИИАиИ. О В. Келлер сведений не имеем.
51. Это, вероятно, соответствовало действительности, т. к. на 1 октября 1929 г. А. И. Греч уже числился внештатным сотрудником. См. Труды секции истории искусств института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1930. 4. С. 170.
52. Дело хранится в Архиве Управления ФСБ по Тульской области. В нем нами использовались листы: 1—6 об., 9—19, 29, 31—32, 36—48, 51—54.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. Ю. Стернин

РУССКАЯ ЗАГОРОДНАЯ УСАДЬБА В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ИНТЕРЕСАХ

Проблемы изучения усадьбы в последнее время все более и более заметно выходят за пределы научных интересов (а иногда и компетенции) традиционно понимаемого искусствознания. Точнее говоря, эти проблемы, бывшие сравнительно недавно почти монопольной сферой искусствоведческой мысли, явно сдвигаются в сторону тех исторических исследований, авторы которых стремятся выяснить своеобразие материального и духовного развития России (1). Примеров тому — множество. Достаточно назвать вышедшие в самые последние годы коллективные труды возрожденного Общества изучения русской усадьбы. Можно по-разному оценивать происходящие изменения, по совершенно очевидно, что за этой характерной перестановкой акцентов в представлениях русской художественной культуры о своей собственной сути стоят вполне объективные потребности современного гуманитарного знания. Предлагаемые заметки — ряд соображений по этому поводу.

* * *

«Поэтический мир усадьбы», «художественный мир усадьбы», просто «мир усадьбы» — именно так чаще всего именуют теперь специалисты-усадьбоведы предмет своего исследования. Конечно, ученых вовсе не перестают занимать ни своеобразие планировочных решений садово-парковых усадебных ансамблей, ни архитектурные достоинства господского дома и окружающих его построек. Более того, среди различных принципов исторической типологизации русских усадеб — образно-стилевой остается одним из главных, и желание выстроить по художественному ранжиру сельские приюты родовитых или просто состоятельных семей России по-прежнему сказываются вполне наглядно. И все же основным в последние годы становится другой исследовательский импульс — постараться выявить культурную значимость и при-

тягательную силу усадебного мира в самом его жизненном статусе, в его общественно-хозяйственной природе, наконец, в его бытовом укладе. Сухой исторический документ, свидетельство мемуариста, лирические строки поэта, графические и живописные источники, устное предание — все это обретает значение не только подсобного, рабочего материала, но и довлеющих себе реалий давно ушедшего усадебного бытия (2). Иными словами, старое руководство по ведению помещечьего хозяйства, сохранившаяся легенда о таинственных обитателях парка или домашних покоев, душевные излияния деревенского отшельника вводят в курс усадьбоведческих проблем столь же самостоятельно и весомо, как и архитектурно-художественный образ сельского пристанища столичного барина.

Впрочем, дело не только в науке, но и в обыденной психологии современного человека. До сравнительно недавнего времени способность и специалиста, и рядового посетителя «памятных мест» вживе ощутить усадебное прошлое России, мысленно воссоздать характерные признаки его материальной и духовной культуры, эта способность целиком зависела от возможности непосредственного визуального восприятия архитектурного памятника. Разумеется, такая прямая зависимость существует и сейчас, и каждое разрушенное здание — серьезный ущерб не только нашим представлениям о русской художественной культуре, но и историческому самосознанию народа. Куда больше говорит сердцу посещение, скажем, уваровского Поречья или Волынщины Долгоруковых, чем того, что теперь осталось от Ольгова или Ахтырки. Все это — общеизвестные истины. Их приходится повторять не от хорошей жизни. И вместе с тем, «реконструктивную» работу ума, поэтическую фантазию теперь все чаще возбуждают (отчасти, конечно, по грустной необходимости) не только лицезрение нарядного господского дома, не только письменные отзвуки былого и сложившиеся «усадебные» мифологемы, но и жалкие остатки хозяйственных построек или же несколько вековых лип, когда-то посаженных рачительным хозяином поместья.

Можно без труда назвать несколько причин, в разной мере повлиявших на поиски новой историко-культурной модели русской загородной усадьбы. Прежде всего, стоит упомянуть о крепнущем союзе между усадьбоведением и краеведением. Союз этот образовался давно, постоянное взаимотяготение составляющих его наук уже отмечалось исследователями, но, пожалуй, именно теперь вокруг него возникла самостоятельная сфера научно-практических занятий специалистов (3). Краеведение, так сказать, по определению исповедует комплексное изучение «культурных гнезд», оно не может ограничиваться характеристикой художественного облика тех или иных архитектурных памят-

ников. Это различие между двумя направлениями аналитической мысли выразительно сформулировал недавно Д. С. Лихачев: «Литературоведение и искусствоведение открывают что-то новое для читателей, зрителей, слушателей, но это «новое», если оно, конечно, верно, не вносит в предмет ничего сверх замысла творца, автора.

Иное дело краеведение. Оно придает местности, не имеющей «авторского происхождения», историзм, открывает в ее прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное. Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, для нас этот дом наполняется духовным содержанием» (4). Теперешние размышления об усадьбах все чаще следуют этим склонностям краеведов к постижению еще не раскрытых исторических тайн, их желанию осваивать изучаемый предмет «сверх замысла творца», раз и навсегда воплощенного в законченные пространственно-пластические формы. В результате складывается тип исследования, особенно чуткого к историческому времени, к национальным и местным традициям повседневной жизни волости, уезда, губернии.

Вторая причина происходящих изменений в методологии усадьбоведческой науки — скорее из области эмоций. Усадьба и безвозвратно ушедшая дворянская Русь — в такой элегической тональности занимающие нас проблемы были поставлены, как известно, еще в начале XX столетия, и теперешнее внимание к русской культуре Серебряного века совсем не в последнюю очередь связано с нашим сочувствием этой ностальгической ноте в общественном мироощущении людей той поры. О явной «перекличке времен» может свидетельствовать хотя бы нынешняя популярность солидных «Старых годов», созидавших в начале столетия величественный памятник русской культуре XVIII—XIX веков, или же несколько более легкомысленных номеров «Столицы и усадьбы», завлекавших читателя соблазном «красивой жизни». «Помещичья Россия» — под таким многозначительным и даже несколько демонстративным заглавием опубликовал в свое время Н. Н. Врангель поэтичные и вместе с тем лишенные поверхностной пасторальности, фактографически необычайно емкие заметки, касающиеся различных сторон старой русской усадебной жизни (5). Вполне следуя научному и художественному мышлению своей эпохи, ее потребности онтологизировать, возводить в бытийный символ историческую судьбу и национальную природу России, автор видит в эстетике усадебной культуры зеркало, фокусирующее различные грани социально-хозяйственного и семейного уклада русской действительности.

Говоря о влиянии подобных взглядов на современные усадьбоведческие изыскания, имею в виду, разумеется, не те несколько претенциозные попытки стилизовать манеру наложения иод эссеизм начала

века, с которыми сейчас иногда приходится встречаться. Речь идет о совсем другом, о желании восстановить стереометрию аналитического зрения, осматривая русскую усадьбу освещенной и освященной исторической памятью.

Небольшое отступление здесь кажется необходимым. Отмечая крупные заслуги прежнего Общества изучения русской усадьбы, исследователи справедливо подчеркивают, что «задачей ОИРУ в 1920-е годы было изучение усадеб как художественных памятников» и что такое изучение «рассматривалось ими самими прежде всего как сфера «историко-художественной науки» (6). То, что ими было сделано в этой области, переоценить вряд ли возможно. Талантливые работы основателя Общества В. В. Згура, такие как «Храм-мавзолей в селе Суханове» или «Усадьба Рождествено», но сей день могут служить образцами историко-архитектурных штудий, сочетающих подлинное знаточество с тонким и бережным отношением к художественному памятнику (7). Друзья В. В. Згура и его сподвижники продолжили эту традицию.

Подобное понимание научных задач усадьбоведения, безусловно, было во многом определено главными целями Общества, его порою героическими усилиями внедрить в общественное сознание элементарную истину — мысль о неповторимой художественной ценности погибающих памятников русского усадебного быта и там, где было возможно, сохранить это национальное культурное наследие. Но существовала и другая сторона дела. Приходилось все время иметь в виду официальную советскую историографию, ее жесткие политические доктрины. На лояльность к новой идеологии подвергались тщательной проверке обращенные в прошлое свидетельства мемуаристов, их историко-культурные наблюдения. Понятие «усадьба» в широком общественно-хозяйственном смысле слова уже само но себе вызывало у ревнителей советских порядков серьезное подозрение. Работая над усадебной темой, будь то специальные исследования или же популярные путеводители, авторы вынуждены были с этим считаться, особенно в тех случаях. когда возникала необходимость отметить связь усадебной архитектуры с образом жизни, мирочувствием и общественным самосознанием помещечьей среды (8). Такое идеологическое давление не могло не нарушить полноты историко-культурных знаний, и восполнить этот ущерб — естественная потребность современных специалистов.

Упомянутые причины тех серьезных изменений, которые буквально на наших глазах происходят в усадьбоведении, достаточно основательны. Теперь настала пора назвать главную. Она восходит, на мой взгляд, не столько к проблемам ориентации в нашем культурном наследии, сколько к некоторым историософским концепциям. Вероятно,

правильнее сказать, что эти историософские взгляды помогают современным культурологическим интересам органично войти в конкретный исторический материал и тем самым обрести жизненную плоть.

В начале статьи говорилось, что искусствоведческие занятия ныне заметно смещаются в сторону исследований, выясняющих исторический тип культуры в ее целостности, в единстве составляющих ее частей. Но можно констатировать и не менее характерное другое движение мысли, направленное к той же цели: растущий интерес историков к проблемам культуры как к наиболее достоверному, осязаемому посланию из прошлого. Оживают трудные судьбы России и вместе с тем становятся зримыми существенные пути ее художественного развития, когда, скажем, возле храма-усыпальницы в Осташеве ученый-историк рассказывает полную драматизма жизненную и духовную биографию последних владетелей этой усадьбы, объясняет общественные мотивы их поведения (9).

Свой взгляд на прошлое специалисты определяют как «антропологически ориентированную историю» (формулировка А. Я. Гуревича). Наиболее последовательно и целенаправленно этим ракурсом исторических исследований пользуются медиевисты. Не берусь судить, в какой мере подобному взгляду как теоретическому постулату сознательно следуют ученые, работающие в иных сферах исторического знания. Но представляется несомненным, что этот аспект изучения прошедших эпох оказывает серьезное влияние на сам подход к познанию социальной действительности, и растущий сейчас интерес к усадьбоведению — как раз один из очень наглядных тому примеров. Выясняя в исторической смене поколений место и судьбу фамильных очагов русской жизни, оно способно максимально приблизить нас к пониманию именно личного участия человека в созидании материальных и духовных ценностей общества. Усадьбоведение как целостная и комплексная наука дает возможность показать связь между хозяйственно-экономической деятельностью человека и его художественно-творческими занятиями, показать не на уровне вульгарно-социологических схем, а как две ипостаси естественного самовыражения личности (кстати сказать, в некоторых мемуарных сочинениях владелелей усадеб, скажем в «Воспоминаниях» Афанасия Фета, эта двойственность жизненных устремлений заявлена почти демонстративно).

Мир усадьбы полностью открыт жизненной стихии, движим и направляем ею. Но в известном смысле, он сам и ее творец, властелин. Самостоятельное и самозначимос бытие усадеб — важная историческая тема, не лишенная некоторого внутреннего противоречия. С одной стороны, мир усадьбы не может быть строго привязан к определенно-

му месту и, в отличие от самой усадебной территории, его нельзя отгородить ни в прямом, ни в переносном смысле слова от окружающей среды. С другой - чтобы лучше уяснить законы и формы его собственного существования, его нельзя мыслить как чисто рабочую метафору, лишенную каких-либо координат. Дело касается, таким образом, сложного переплетения и взаимодействия двух пространств — реального и условного, каждое из которых обладает своим общественно-философским статусом, измеряется своею шкалой культурных ценностей.

Так называемые мемориальные усадьбы являют собою в этом смысле наиболее показательный пример. И лермонтовское Середниково, и Остафьево Вяземских, и Рождествено Набокова и многие, многие другие усадебные комплексы, привычно соединяемые нашим сознанием с памятью о выдающихся личностях прошлого, вошли в русскую художественную культуру двумя различными путями: как архитектурно-парковые ансамбли (если рассматривать их именно под этим углом зрения, то, к примеру, совершенно безразлично, в какой из комнат середниковского дома жил юный Лермонтов; даже, если бы он не жил там вовсе, художественные свойства усадебных построек остались бы, естественно, теми же), и как зримые, хотя и молчаливые и потому таинственные свидетели жизненных будней и творческих вдохновений великих творцов русского искусства. Эти два различных историко-культурных плана можно, конечно, просто сложить вместе, механически суммировать (именно так обычно и поступают авторы многочисленных, друг на друга похожих популярных очерков). Но гораздо интереснее, мне кажется, и плодотворнее найти способ органически соединить их в одно целое (10). Попыткой обозначить один из таких связующих структурных элементов мне бы и хотелось закончить свои заметки.

Если из лексики русской словесности — мемуаристики, художествен-
ной прозы, стихотворной лирики —- постараться извлечь несколько ходовых слов, наиболее полно вобравших в себя, начиная с XVIII века, историко-культурные смыслы усадебной темы, то среди них, безусловно, окажется слово «аллея». В наше время оно обрело вполне устойчивый знаковый характер и в «усадебном» контексте употребляется в самой различной форме: то в своем прямом, предметном содержании, то как поэтический образ, вызывающий радость или грусть, то как символическое понятие, не лишенное личностной окраски и философских обертонов. Оно может обозначать топографическую характеристику местности, особенности планировки садово-паркового ансамбля, но может быть в тесной ассоциативной взаимозависимости с понятием совершенно иного жизненного плана, такими как уединение, душевное самопогружение и т. п. «Безмолвные аллеи», «темные аллеи» — подобные выра-

жения, обладая свойством красноречиво обозначать необратимый ход времени, враз давали понять и возраст усадьбы, и общую судьбу российского поместного бытия, и самоощущение личности, влекомой историческим потоком жизни (11). Иными словами, аллея — это некая точка отсчета в характеристике и физического, и духовного мира усадьбы. В практических руководствах и научных исследованиях (от Н. А. Львова до современных специалистов) аллея рассматривается как своеобразное продолжение, как парафраз интерьерного пространства усадебного дома, и в этом своем качестве она непосредственно обращена к рукотворной деятельности человека, к его творческой фантазии. Украшенная вазами или статуями, она может настраивать на самый высокий поэтический лад, оставаясь при том неотъемлемой частью земного мира. Но, посаженные по разные стороны дорожки и сомкнувшиеся своею кроною, густые липы не раз заставляли воспринимать аллею как еще один свод, вслед за небесным осеняющий обитателя усадьбы и всю усадебную жизнь.

* * *

Нет никакой необходимости, на мой взгляд, стараться причислить теперешнее усадьбоведение к одной из рубрик современной классификации гуманитарных наук. В зависимости от конкретных задач, выдвигаемых ученым в каждом случае, оно может вполне значиться по разряду и истории культуры, и краеведения, и исторической культурологии, и искусствознания в широком смысле. Тому свидетельство —- многие появляющиеся в печати работы (12), а также программы научной деятельности возрожденного Общества изучения русской усадьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Изменения в направленности усадьбоведческой науки можно довольно точно датировать. Это — конец 1980-х — начало 1990-х годов. Весьма показательной для тех лет самой постановкой вопроса была работа: Иванова Л. В. Дворянская усадьба — исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. 1994. № 1.
2. Эту исследовательскую установку прекрасно реализуют и текст, и, в особенности, изобразительный ряд книги: ...В окрестностях Москвы. Из истории русской усадебной культуры XVII—XIX веков. М., 1979 (Составители и авторы текста Аникет М. А., Турции В. С., Шередега В. И. Комментарий Турчина В. С. и Богемской К. Г.).
3. См. об этом: Шмидт С. О. Усадьбоведение и краеведение // Русская усадьба. Вып. 1 (17). Москва-Рыбинск, 1994.
4. Лихачев Д. С. Любить родной край // Краеведческий альманах «Отечество». № 1. М., 1992. С. 8.
5. Враи/ель //. Н. Помещичья Россия // Старые годы. 1910. Июль-сентябрь. Этот номер журнала открывался специальным шмуцтитулом: Старые усадьбы. Очерки русского искусства и быта. 1910.
6. Шмидт С. О. Цит. статья. С. 70.

7. Когда друзья и коллеги В. В. Згура, решив почтить память безвременно ушедшего из жизни ученого, выпустили специальный сборник, центральная его статья была вполне закономерно посвящена именно архитектуроведческой деятельности исследователя: Брунов //. В. В. Згура как историк архитектуры // Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1927. Вып. 6—8.
8. Как известно, эта вынужденная оглядка не уберегла тогда специалистов, самозабвенно занимавшихся охраной, изучением и популяризацией художественных памятников русской старины, от произвола властей, от нелепых обвинений (в «идеализации истории», в «возбуждении любви к прошлому»), от репрессий. См. об этом: Иванова Л. И. Трагические судьбы членов Общества изучения русской усадьбы / / Русская усадьба. № 2 (18). М., 1996. Гонения и преследования коснулись не только ОИРУ. Их в полной мере испытали на себе в те же годы и другие организации. занимавшиеся схожей деятельностью, например. Петроградский экскурсионный институт. См.:Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1992 (комментарии А. И. Добкнна).
9. Великий князь К. К. Романов, а именно он был последним хозяином этой усадьбы, посвятил Осташеву специальное стихотворение («Осташёво) — едва ли не самое «портретное» воплощение усадебной темы во всей русской поэзии.
10. Можно было бы назвать ряд статей последних лет, авторы которых с разных сторон стараются подойти к решению этой задачи. См., например: Евангулова О. С. Русская усадьба и тема памяти // Художественная культура русской усадьбы. М., 1995.
11. Ср.: «Ты помнишь ли, Мария, / Один старинный дом/ И липы вековые/ Над дремлющим прудом/ Безмолвные аллеи,/ Заглохший старый сад,/ В высокой галерее/ Портретов длинный ряд?» (А. К. Толстой). Впрочем, словосочетание «темные аллеи» от частного употребления приобрело впоследствии салонно-романсный привкус. Именно с этим смысловым оттенком оно вошло в усадебную лирику XIX века, свидетельствуя по-своему о популярности усадебной темы на разных общественных уровнях художественного сознания эпохи.
12. Назову, к примеру, многогранное и очень содержательное исследование: Каждой Т. И. Художественный мир русской усадьбы. 1830—1910-е гг. М., 1997.

Л. Н. Летягин

РУССКАЯ УСАДЬБА: МИФ, МИР, СУДЬБА

Русская дворянская усадьба в современном культурном контексте прочитывается как одна из ключевых мифологем.

Ностальгическая интонация публикаций, посвященных утраченным формам культуры, определяется осознанностью отрыва от исконных начал, стремлением заполнить культурный разлом — попыткой преодоления нашей вненаходимости.

Классовое уничтожение дворянской культуры формирует представление, что русская усадьба как культурный тип перестала существовать, не исчерпав своих возможностей.

Современное обращение к усадебной теме мотивируется необходимостью восстановления прерванной традиции, связывается с вопросами национальной самоидентификации. Это в равной степени характеризует и исследовательский, и публицистический ракурс восприятия усадебных форм.

Лишь на втором плане обозначается масштаб собственной мифологичности русской усадьбы, исследовательское представление о котором остается весьма неполным.

Как факт культурного наследия усадебная модель отличается типологической интровертивностью, которая в настоящем разворачивается в качестве специфического круга культурных идиом. Построение усадебной типологии вынужденно «отвлекается» на исследование подчеркнуто сакральных форм, и каждая такая попытка закономерно перерастает в исследовательскую интерпретацию усадебного мифа.

Наименее прочитывается в этом плане идиоматичность усадебного «целого», надсуммарного по отношению к его конкретным слагаемым.

Неизбежная утрата того, что оказывается в культуре типологически непереводимьим, выдвигает в число наиболее актуальных проблему атрибуции тех наиболее значимых реалий прежней модели, которые представлены в настоящем своим «нулевым содержанием».

Это проблема интерпретации культурного факта как факта, что прежде всего относится к тем (нередко ключевым) значениям, которые проявляют свое действительное качество лишь на уровне взаимодействия структур повседневности и вне этого уровня не подлежат описанию. Именно в пограничных областях возможно выявление по существу новых категорий усадебного текста, по отношению к которому всякий тематический или понятийный вариант рассмотрения обнаруживает свою недостаточность.

Предмет усадьбоведения на этом уровне понимания задач еще только
определяется.

При всей замкнутости, усадебный мир не мог быть самодостаточным из-за очевидной множественности культурных функций. Зимнее проживание дворянских семейств в столицах своей обязательной альтернативой предполагало проведение летних месяцев в родовых поместьях. Так обозначался наиболее важный инвариант традиционной бинарности отношений.

Ироничные наставления героя «Романа в письмах» («Петербург — прихожая, Москва — девичья, деревня же — наш кабинет») без особой натяжки могут интерпретироваться как сознательно избираемая модель авторского поведения.

Через посредничество форм усадебной повседневности пространство России раскрывается и реализуется как «культурное целое». Пушкинская формула актуализирует недискретное представление о национальном пространстве, в котором оказываются заданы основные векторы культурного поведения русского дворянина. (Для Пушкина лично это предполагает вполне буквальное прочтение: бывая наездом в Москве, в полном соответствии с литературной декларацией, поэт «прямо, не заходя в гостиную бабушки, отправлялся в девичьи, где по часам и балагурил с горничными», — вспоминает «сенная девушка» Веневитиновых Анна Степановна (1).

Оказываясь частью поведенческой дворянской парадигмы, русская усадебная повседневность не может восприниматься локально, вне ряда таких наиболее значимых культурных оппозиций: усадьба — столица, усадьба — Европа, усадьба — провинция, усадьба — традиционные формы народного уклада (крестьянский мир).

Как центр отечественной духовности (непосредственно сопрягаемый с классическими культурными явлениями — в первую очередь с литературной традицией) мир русской усадьбы определяется в специфическом качестве «перекрестка» культурных значений. «Вовсе не будучи англоманом, князь Андрей Петрович [Оболенский] живал большую часть года в подмосковной своей, селе Троицком /.../. Подмос-

ковная была настоящим и любимым местопребыванием его. Там он жил, в Москве гостил. Там была и довольно богатая библиотека /.../. Собрал ее он во время пребывания своего на границею...» (2). Граница между стереотипами поведения проводилась, как правило, индивидуально. Свобода проявлялась в самой возможности выбора. Для Пушкина «русская баня, клубника и проч.» радости сельской жизни не заменяли привычные «шум и толпу» (3). С другой стороны, поэт «бежит» в деревню всякий раз, «почуяв рифмы». «Благодатно ли для тебя уединение, — спрашивает Баратынский Ивана Киреевского. — Я покуда ничего не делаю. Деревья и зелень покуда столько же развлекают меня в деревне, сколько люди в городе» (4). (В потенциальной смене уклада дорога оказывалась столь же значимой культурной формой дворянского времяпровождения).

Очевидная «инаковость» форм усадебной жизни в панораме дворянской повседневности обозначает необходимость исследовать ее как комплекс устойчивых культурных представлений.

«Мир» и «миф» русской усадьбы имели единые генетические основа-
ния, что не могло утратиться в перспективе их параллельного развития. Однако сосуществование мира и мифа как взаимоопределяемых сторон усадебного быта изначально оказывалось подчеркнуто проблемным.

Основным противоречием оказывалось уже то, что феномен усадебной традиционности формировался на русской национальной почве как явление вполне новое. В классическом своем содержании он складывается в эпоху «тотальной» европеизации отечественной культуры и связан с этим процессом не только хронологически, но и по существу.

Одно из актуальных слагаемых усадебного мифа — его политический статус. Указ Петра III «О вольности дворянской», по мнению декабриста М. А. Фонвизина, «даровал русскому дворянству полные гражданские права» (5). В системе общественных российских отношений, в том числе в корпоративных предстаалениях о дворянской чести, мотивация «приватной» жизни оказывается обоснованным развитием представлений о личном достоинстве.

«В России нет больших людей, — напишет маркиз де Кюстин, — потому что нет независимых характеров, за исключением избранных натур, слишком малочисленных, чтобы оказать влияние на окружающих» (6). Подобная оценка менее всего приложима к позиции неслужащего дворянина — субъекта той стороны российской действительности, которую Кюстин по существу не знал.

Выступая как частное лицо, неслужащий дворянин подчеркивает свою «внесоциальность»: «Я возвратился на лоно моей родины и моей семьи с двойным удовлетворением, — отметит барон Гейкинг, став

невольным свидетелем столичных происшествий первых месяцев после кончины императора Павла I. — Я понял цену независимого положения и сладкого досуга» (7).

В структуре отношений государства и подданных замкнутость, удаленность усадебного мира, его внешняя аполитичность выступают как механизм регуляции форм поведения, что активно используется обеими сторонами. С одной стороны, ссылка в родовое поместье «на жительство в деревне своей безвыездно» — прямое следствие монаршей немилости. С другой, — это сознательная дистанцированность оппозиционно мыслящего дворянина.

Философия «человека естественного» актуализирует принципы жизнетворчества. В системе общественных отношений именно биография «сельского жителя» оказывается представлена как сознательно творимый текст. «Не сообщаю Вам никаких новостей, ни политических, ни литературных — полагаю, что Вы устали от них, как и все мы, — напишет Пушкин П. А. Осиповой (Вульф). — Нет ничего более мудрого, чем сидеть в своей деревне и поливать свою капусту. Старая истина, которую я ежедневно вспоминаю среди светского и суетливого существования» (8). В данном случае, по праву тригорского соседства, поэт сознательно играет традиционными усадебными мифологемами, в большей сте-
пени соответствующими позиции его адресата, чем его собственной.

В действительности политическая независимость неслужащего дворянина оказывалась возможной лишь при его материальной обеспеченности. (Так, в частности, идейная и общественная позиция членов московского славянофильского кружка имела вполне конкретные экономические основания).

Уже в середине XVIII в. для значительной части русского дворянства принципы хозяйственной практики и представления о личной независимости мыслятся в нерасторжимом единстве, определяющем специфику бытового поведения носителей формирующегося типа культуры (9).

«Философия хозяйства» применительно к усадебной жизни и укладу — определение отнюдь не метафорическое. Свобода хозяйственной деятельности и выбора приоритетов лежит в основе усадебного сельскохозяйственного производства, что в равной степени распространяется на выстроенную целостность мировоззренческих оснований.

Миф оказывается возможен лишь при равновесии слагаемых, в том числе вполне материальных, и дворянская усадьба функционирует в показательном единстве своих культурных функций.

Черты идеальные разоблачаются лишь при наличии подчеркнуто отстраненной точки зрения. «Возвращаясь в родимое гнездо, весьма часто

тившегося незаметно в старую собаку, или сад, который на наших глазах оборван) бурею и засыпало снегом» (10).

Если исходить из исторической самооценки, учитывающей множественность «внутренних» точек зрения, усадебное пространство разворачивается как вневременная данность — вне динамики реального становления и развития.

В идеальном своем прочтении (не желающем считаться с длительностью строительства и роста) воспринимаются прежде всего усадебные дом и парк — зримая основа усадебной патриархальности. Они рассматриваются в «относительной одновременности» с окружающим их природным ландшафтом — данностью Высшего Творения. Образ конкретного пространства в идеальном своем прочтении совмещается с образом мира. Наиболее значимые реалии усадебной модели сторонятся своей «рукотворности» и воспринимаются в настоящем с поправкой на выравнивающую все несовершенства временную перспективу.

В системе временных отношений положительно значимы пространственно-планировочные аспекты — как для наиболее классических усадебных ансамблей, так и для вырожденческих примеров усадебного моделирования, отразившихся, в частности, в чеховском «Крыжовнике».

Единство усадебного времени-пространства мыслится как то идеальное композиционное решение, «где главным признаком и отличительной принадлежностью была семейная жизнь» (11).

В структуре усадебной повседневности дополнительную семантическую наполненность приобретали прежде всего такие ее слагаемые, как «чада» и «домочадцы», где «семейные привязанности», «именины», «слуги», а в сопряжении с ними — «соседи», «гости», «учителя-французы», «немецкие бонны», «охота», «карты», «почтовый день».

Оттенок семейственности накладывается на все формы досугового поведения — литературное чтение, развитую систему форм «литературной домашности», женское рукоделие, музицирование, библиофильство, коллекционирование, непрофессиональную археологию.

Мифология дворянской усадьбы разворачивается на зыбкой грани типологического и индивидуального. Ракурс восприятия действительности — эстетики усадебной повседневности — не только был задан; он должен был воспроизводиться и воспроизводился на уровне традиционных бытовых отношений.

При рационально спланированной экономической деятельности первоначально заявленные идеальные планы находили сю временем все больше конкретных оснований для своей каждодневной атрибуции. Дистанция между мифом и миром сокращалась.

В этом смысле наиболее яркие примеры усадебного «устроения» —

ото примеры реализованной утопической программы — мифа, целенаправленно поддержанного всей хозяйственной практикой.

Принципиальное изменение культурного статуса русской дворянской усадьбы связано е процессом расслоения ее культурных функций. Их поляризация — выделение наиболее приоритетных из них — обозначают наиболее конкретную границу, за которой усадебный миф мог существовать лишь на уровне литературной рефлексии.

С 1861 г. усадебная культура прекращает свое существование в качестве культуры «привычки», воспроизводимого круга традиционной повседневности. В послереформенную эпоху безвозвратно терялись основные условия, обеспечивавшие ранее регуляцию многообразных культурных функций. «Теперь плакать надо не о крестьянах, не они угнетенные...» — будет писать видный славянофил и крупный помещик А. Кошелев И. Аксакову в первую же пореформенную осень. (12).

Экономическая переориентация помещичьих усадеб, стремление сохранить рентабельность налаженных ранее хозяйств нивелировало их культурное присутствие на общем провинциальном фоне. Большинство конкурентноспособных дворянских поместий в новых условиях превращалось в сырьевой придаток промышленных центров.

Вместе с тем буржуазно ориентированное дворянское поместье — пример, показательный на фоне всеобщего угасания прежнего экономического мифа. К концу XIX в. актуализируется не столько экономическая несостоятельность дворянского предпринимательства, сколько невозможность идеального (как в недавнем прошлом) совмещения традиционных поведенческих моделей. В этот период обозначается тенденция активного экономического вырождения русского дворянства — вплоть до его десоциализации. «Недавно ко мне приходил мужичок/.../ Он, к моему удивлению, оказался дворянином» (13), — такая «гоголевская» оценка оказывается неожиданной, однако характеризующей сущность процесса в его логическом завершении.

«Усадебные романы второй половины XIX в., которые «несли в себе несомненные признаки эпигонства» (14), другими быть уже и не могли в меру утерянности культурных оснований. Это была «опосредованная вторичность» — не столько по отношению к классическим литературным текстам (романам Тургенева, например), сколько по отношению к утраченным в действительности традиционно воспроизводимым реалиям. (О коренном изменении типа владельческих отношений на протяжении XVIII—XIX вв. наглядно свидетельствует хотя бы именной ряд обладателей знаменитой подмосковной усадьбы Гребнево — Воронцовы, Трубецкие, Бибиковы, Голицыны, затем — Пантелеевы, купец Кондратов, доктор Гриневской).

Художественная жизнь усадеб перерождается и внешне уподобляется более естественной и демократичной на рубеже веков жизни дачной. В ряде случаев русская усадьба сохраняла статус культуропорождающей среды (однако на принципиально новых основаниях). Таковы примеры Ясной Поляны и Абрамцева, на близких принципах строится уклад Талашкина, Поленова, репинских Пенатов.

Крупный и мелкий промышленный капитал (как основной «юридический пользователь» былых усадебных владений) не может рассматриваться в качестве реального наследника уходившей традиции. Процесс окупечивания дворянских поместий в мемуарных оценках и иных свидетельствах (15) во многом подобен нашему восприятию обломков усадебных строений на фоне запустения современных агроландшафтов. На уровне эмоциональных откликов капиталистический период выживания усадебной культуры оказался столь же трагичен, как период социалистического функционирования усадеб, сопровождавшийся их повсеместным разрушением.

Завершающей страницей истории усадебной культуры, когда утратились последние черты, позволявшие говорить о наличии живой традиции, стал 1918 год — год «великого исхода» дворянства из России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Комаровский Н. Е. Записки графа Николая Егоровича Комаровского. М., 1912. С. 17.
2. Вяземский П. А. Московское семейство старого быта // Вяземский П. Л. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 371.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1949. Т. XII. С. 304. См.: Козмин В. Ю. Эволюция образа «деревня — рай» в творчестве и судьбе А. С. Пушкина // Материалы Международной пушкинской конференции. 1-4 октября 1996 г. Исков. 1996. С. 158—163.
4. Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951. С. 497.
5. Фонвизин М. А. Сочинения и письма: в 2 т. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 125.
6. Кюстин А. де. Николаевская Россия. М., 1930. С. 121.
7. Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907. С. 265.
8. Любовный быт пушкинской эпохи: В 2 т М., 1994. С. 281.
9. См.: Минц С. С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII — первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера. М., 1981.
10. Фет А. Л. Воспоминания. [Пушкино], 1992. Т. 1. С. 89.
11. Вяземский П. А. Московское семейство старого быта. С. 370.
12. Голос минувшего. 1922. № 2. С. 67.
13. Источник. 1996. № 3. С. 18.
14. Щукин В. I |оэзия усадьбы и проза трущобы // Zeszvty nankowe Universitetu Jagiellonskiego. 1994. MCXXXVI. С. 84.
15. См.: Мокряк Е. И. Обзор дневников и мемуаров русских помещиков второй половины XIX — начала XX в. // Вестник МГУ. 1976. № 4. С. 81—90.

И. В. Рязанцев

МОНУМЕНТЫ УСАДЕБ

(к проблеме классификации)

Exegi monumentum
Гораций. Оды. Кн. III. 30

Желание повторить эпиграф, использованный Пушкиным, само по себе нескромно. Однако начальные слова оды Горация настолько соответствуют содержанию этой статьи, что обойтись без них было бы трудно. Латинское monumentum многозначно — это и воспоминание, память, памятник, и надгробие, и письменный памятник (документы, мемуары, исторические записки). В некоторых значениях слово сопоставимо с memoria — память, воспоминание, памятник и с memoriale — памятный знак, напоминание. Множество нюансов не снимает главного — единения под эгидой понятия память (1). К сфере проявления памяти, в частности, относится неизменное стремление остановить мгновение, запечатлеть, зафиксировать событие, облик и имя человека, оставить для себя и потомков, увековечить их.

Если говорить об идейных основах монументов, то тут отчетливо различаются подходы древнерусской эпохи и Нового времени. В первом случае памятником был православный храм, воздвигнутый в память определенного события или человека. Задачу надгробия канонизированной личности выполняет рельефное изображение святого на крышке раки с мощами или саркофага с прахом. При этом и культовое здание — памятник, и рельефная фигура усопшего по главному своему назначению остаются объектами религиозного поклонения — святынями. Словом, память о земном событии и деяниях личности увековечивается посредством небесных сил и небесных предстоятелей. В числе примеров на ум приходят в первую очередь такие храмы, как Покровский собор или Казанский собор на Красной площади, которые, как известно, увековечивают память о важнейших событиях российской истории — взятии Казани или освобождении Москвы и Руси от литовско-польских интервентов.

В России в эпоху Нового времени в большинстве случаев исчезает

посредующее звено в лице небесных сил. Памятник ставится мирянином мирянину или мирскому событию. При этом явное преобладание светского начала весьма ощутимо, хотя сам принцип храма-памятника сохраняется до начала XX века, точнее до 1917 г.

Начало XVIII века и, пожалуй, вся первая половина этого столетия, отмечены господством монументов, адресованных государю — главе государства и самодержцу или событию государственного масштаба. Таковы знаменитые и общеизвестные работы по проектированию монумента в честь победы в Северной войне, проекты памятников Петру I (пеший и конный), изображение Петра, высекающего статую новой России, и целый ряд других начинаний такого же рода, включая строительство церквей, посвященных небесному покровителю Петра святому Исаакию Далматскому и символическое увековечивание начала града Святого Петра возведением Петропавловского собора — главной идейной и высотной доминанты в силуэте новой столицы.

Для второй половины XVIII — начата XX. вв. характерно разделение самого типа посвящения на несколько ветвей, причем количество их довольно велико. Это может быть посвящение памятника государем государственному событию, может быть посвящение государем государю. Одним из самых ярких примеров является «Медный всадник» с надписью «Петру Первому Екатерина Вторая» и памятник Петру, поставленный Павлом I перед Михайловским замком со словами «Прадеду правнук». Точно также Николай I ставит старшему брату «Александрийский столп», а сын Николая I — памятник отцу, знаменитый монумент перед Мариинским дворцом в Петербурге. Тот же Александр II воздвигает памятник Екатерине II перед Александрийским театром. Среди памятников событию — многочисленные колонны и обелиски, поставленные Екатериной II в честь побед в русско-турецкой войне 1770-х гг. В конечном счете, таким же памятником должен был стать и храм Христа Спасителя, который Александр I предполагал посвятить победе России в Отечественной войне 1812 года. В этих мемориальных акциях государей нужно отметить определенный личностный момент: там упоминались имена [китийских военачальников, усилиями которых эти победы завоевывались. Румянцевский же обелиск по распоряжению Павла воздвигают не лично персоне полководца, а его победам.

Третья ветвь, характерная для периода второй половины XVIII — начала XX века, представлена монументами, которые государи сооружают приближенным, но явно частным лицам. В числе примеров — памятник Ланскому в Царском Селе, поставленный Екатериной II. Это могут быть и памятники типа Орловских (Гатчинских) ворот в Царе-

ком Селе, воздвигнутых в честь Г. Г. Орлова по случаю спасения от моровой язвы и связанного с ней народного волнения, о чем и свидетельствует надпись на них: «Орловым от беды избавлена Москва».

Распространяется и прежде, пожалуй, не встречавшееся обыкновение сооружать памятник государю-благодетелю от лица частного, хотя и высокопоставленного. Причем, строго говоря, самоволие все таки не поощрялась. Известно, что Н. И. Тишинин, собираясь построить триумфальную арку для торжественного въезда Екатерины II в свою усадьбу под Рыбинском, заранее узнавал, не будет ли это воспринято как дерзость или излишняя претенциозность. И в дальнейшем подобное соизволение в той или иной форме испрашивалось. Таким образом воздвижение монумента не было сугубо частным делом, когда объектом посвящения оказывалось лицо высшее в иерархии страны. В свое время о сходном разрешении заботился А. Н. Гончаров, заказывая памятник Екатерине II, чтобы поставить его в своей усадьбе Полотняный завод в честь посещения императрицы. Проявления этой ветви многолики. Если Тишинин собирался сделать монумент в виде арки, а Гончаров в виде скульптуры в рост, то в диапазоне между чистой фигуративностью и нефигуративностью существовала масса вариантов. Это и обелиски, и колонны, украшенные вензелями, скульптурой Минервы или орлами и сопровождаемые соответствующими надписями, и небольшие храмы, в которых стояли скульптуры, посвященные государям.

Следующая ветвь, не менее типичная для рассматриваемого периода, связана с сугубо частными инициативами: высокопоставленное лицо возводило памятник другой высокопоставленной особе — благодетелю и покровителю. Здесь также, уже в рамках взаимоотношений частных лиц, посвящение шло по восходящей от низшего — к персоне более влиятельной или оказавшей важную услугу. Это мог быть памятник-статуя II. А. Румянцева, воздвигнутая своему покровителю II. А. Завадовским в усадьбе Ляличи. Характерно, что Завадовский также беспокоился о том, как это начинание может быть воспринято общественным мнением и остановился на усадьбе, чтобы, в городе «не протолковали укоризной». Иногда монументы группируются в значительном количестве в пределах одной усадьбы, как, например, в Студенце А. И. Закревского, где им были установлены памятники П. М. Волконскому, в свое время просватавшего владельца, а также его прежним начальникам — гр. А. И. Ермолову и гр. Н. М. Каменскому, которому, кроме того, Закревский воздвиг монумент еще в одном своем поместье — Ивановском под Подольском (2).

Иногда частное лицо ставило памятник важному для него событию, например, награждению орденом. Так, Дурасов построил в Люблине

дом и виде Аннинского креста (круг пересеченный крестом), увенчав купол статуей святой Анны. Эта история считается легендой, но возможна, ибо она вполне в духе умонастроения людей того времени, причем часто далеких от профессиональных занятий искусством и выступавших в качестве заказчиков, властно определявших замысел. Мысль о символике плана проявлялась и гораздо позже (театр Красной Армии в форме звезды). Другим примером увековечивания важного события можно считать установку в усадьбе Грузино статуи апостола Андрея Первозванного, отлитой в бронзе по модели И. II. Мартоса. Известно, что А. А. Аракчеев, будучи удостоен ордена, отказался от него, но в память о награде воздвиг эту скульптуру. Одновременно, таким образом, была запечатлена намять об отце владельца усадьбы, носившем имя этого святого. Тут можно видеть и характерное для Аракчеева проявление «смирения паче гордости».

Иногда частное лицо ставило памятник частному, равному себе лицу. Это памятники родителям, супругам, детям. В подавляющем большинстве случаев такие монументы закрепляли память об умерших и, в общем, не выходили за пределы сферы камерных: семейных и дружеских связей и отношений.

Где-то с середины XIX века появляется обыкновение ставить памятники видным русским литераторам, причем чаще всего это делается частными людьми. Начало, видимо, полагает памятник В. А. Жуковскому в Поречье (1853) (3). Можно назвать также памятники В. А. Жуковскому, Н. М. Карамзину, П. А. Вяземскому и А. С. Пушкину в Остафьеве (1911 —1913), Пушкину в Архангельском (1903), наконец, в Середникове — памятник-обелиск М. Ю. Лермонтову (1914) в память его пребывания в этой усадьбе (4). С долей условности можно счесть камерным интерьерным монументом фигуру Ж.-Ж. Руссо из папье-маше в библиотеке Архангельского.

Рискну назвать памятниками (данью памяти) культуре античности многочисленные руины, колонны и саркофаги, свидетельствующие, что владелец усадьбы почитает и хранит в их лице воспоминания об искусстве древности. Такие сооружения были в Богородицке и Архангельском (Руинная римская арка). В саду Строгановской дачи должен был находиться каменный саркофаг, спроектированный А. Н. Воронихиным.

Важно подчеркнуть, что все самые разнообразные монументы, заказчиками которых были частные люди, ставились, преимущественно в загородных или городских усадьбах, иначе говоря, в собственных резиденциях. Начинается это со второй половины XVIII в.

До сих пор мы больше говорили о сути содержания и формах посвящения. Рассмотрим поподробнее формы воплощения этого содер-

жания. Попробуем предложить классификацию, которая несколько условна, но при обилии исследуемого материала достаточно удобна и плодотворна. Начнем с того, что память может быть закреплена в слове. Условно назовем эту разновидность «словом-памятником», воплотившим в себе память о человеке, семье, либо событии, закрепленную в названии усадьбы, владения или его части. Таковы Александровск под Петербургом — усадьба вдовы генерал-прокурора кн. А. А. Вяземского, или Елизаветино в Покровском-Стрешневе — усадьбе, построенной для Е. П. Стрешневой. Заметим, что Павловск ранее назывался Павловским в честь великого князя Павла Петровича, когда ему была подарена зта местность. Степановское, которое прежде было Волосовым, переименовано в честь Степана Борисовича Куракина. Интересно, что чаще всего наблюдаются названия, происходящие от имени, а не от фамилии, хотя бывали и случаи другого рода, чаще всего связанные с вотчинами. Такова Волынщина, в XIV—XVII вв. принадлежавшая Волынским. В Орловской губернии было Куракино Куракиных. Обычай связывать название с фамилией тяготеет скорее к древнерусской традиции. Есть и примеры обратного свойства — так Бобрики дали фамилию внебрачному сыну Екатерины II и Г. Г. Орлова — графу А. Г. Бобринскому. Иногда встречаются названия, звучащие необычно — одно из них «Князьборисова роща» близ Архангельского (5). Примером «слова-памятника» событию служит название усадьбы II. А. Румянцева-Задунайского — Троицкое-Кайнарджи и фермы при нем — Кагул.

Бывало и так, что о «слове-памятнике», в широком смысле этого понятия, знали очень немногие, оно становилось при этом сокровенным. Обозначенное на закладном камне, оно скрывалось в фундаменте и не было известно никому, кроме владельцев и присутствовавших при закладке. Так в великолепной по своим художественным достоинствам усадьбе Петровское-Алабино (Княжищево) Н. А. Демидова обнаружился закладной камень, прежде замурованный в основании дома. На нем, помимо указания на авторство архитектора М. Ф. Казакова, имеется посвящение: «1776 года июля второго заложен сей дом Ея Высокород. Александры Евтихиевны сожительницы Стат. Совет, и Кавалер, св. Станислава Никиты Акинфиевича Демидова». Внизу более мелким шрифтом написано: «Имя дому не зобуть меня» (6).

Как мы говорили, произведение могло быть знаком памятного события (дом Дурасова в Люблине). Памятником может быть и малая архитектурная форма, в частности то, что мы привычно именуем мавзолеем. В XVIII — начале XIX в. такие сооружения называли храмами, имея в виду подражание античности, или, исходя из того, что они были настоящими православными храмами, — надгробными церква-

ми, посвященными определенным святым, освященными и зачастую обладавшими настоящими иконостасами. Храмом, в светском значении этого слова, был, по сути дела, лишь мавзолей «Супругу-благодетелю», сооруженный вдовствующей императрицей Марией Федоровной в Павловском парке. Он называется в документах того времени «храмом» или «памятником». Действительно, благодаря своим архитектурным формам здание выглядит как храм. Вместе с тем, надписи на его фронтонах по своему содержанию и форме чрезвычайно близки помещавшимся на «классических» памятниках. На главном фасаде начертано: «Супругу-благодетелю» (первоначально «В память незабвенного»), и еще точнее и пространнее на противоположном — «Павлу Первому императору самодержцу Всероссийскому родившемуся сентября 20 дня 1757 года скончавшемуся марта 11 дня 1801 года» (7). Строго говоря, это именно памятник, а не надгробный храм, ведь Павел Первый похоронен в Петропавловском соборе, усыпальнице российских императоров. Естественно, что расположенная внутри мавзолея мемориальная скульптурная композиция работы И. П. Мартоса, представляет собой не надгробие, а кенотаф.

Гораздо чаще храмы-усыпальницы были настоящими православными церквами, увенчанными главами с крестами. Они всегда центричны и обычно по форме восходят к правильной геометрической фигуре. К примеру таким был мавзолей Ланского па кладбище в Царском Селе, посвященный иконе Казанской Божьей матери (1785—1790). Вслед за ним по времени в 1784—1802 гг. был построен мавзолей И. С. Барышникова в Николо-Погорелом. В 1793 — 1800 гг. был воздвигнут мавзолей в Никольском-Черенчицах Н. А. Львовым. К 1812 г. относится проект церкви-ротонды в Муроме А. Г. Григорьева, а в 1813 г. начато строительство мавзолея Волконских в Суханове (церковь Дмитрия Ростовского). В 1835 г. был сооружен мавзолей Орловых в Отраде (церковь Пресвятой Богородицы), а в 1830-х по тому же проекту — церковь-усыпальница в Пальне — Михайловке Стаховичей. Следует упомянуть также надгробную часовню-мавзолей С. П. Румянцева в Троицком-Кайнарджи. В 1909 — 1916 гг. была возведена церковь-усыпальница Юсуповых в Архангельском, которую даже не успели освятить из-за первой мировой войны и последовавших революционных событий.

Одним словом, в Новое время в границах усадебной культуры продолжал существовать тип надгробного храма-памятника, сооруженного не обязательно в честь государственного события или в честь святого, но возводимого теперь и как памятник частному лицу, и как его усыпальница. При этом само реальное погребение часто находилось в пи-

жнем цокольном этаже надгробного храма, в крипте, а на уровне храма е иконостасом располагался некий вынесенный на более высокий уровень знак погребения.

Понятия обелиск и пирамида существовали на протяжении всего XVIII в. Еще в Петровское время был поставлен «пирамид» па Троицкой площади Петербургской стороны в честь победы под Гангутом, а слова
«марморовый абелиск» есть на чертеже кусковского сада (архитектор А. Миронов, 1782 г.) (8). Порой оба понятия отождествляли, ибо слишком широкий в основании обелиск смотрелся как крутая пирамида, а высокая, но неширокая в основании пирамида могла восприниматься в качестве обелиска. Обе архитектурные формы символизировали память и в этом смысле их мемориальная роль была равноценной.

Обелиски существовали в России Нового времени в двух ипостасях. Одна из них — чисто пространственные вехи. Например, поставленные по три в ряд с каждой стороны на подходе к триумфальным воротам они встречаются на протяжении всей первой половины XVIII в. Подобную роль они продолжают выполнять на городских заставах и на въездах в усадьбы. Вторая функция обелисков — роль монументов. Их много и в качестве примеров можно назвать «Екатерининский» обелиск в Яропольце Чернышевых, «Александровский» обелиск в Степановском С. Б. Куракина (начало XIX в.) и обелиск в Богородицке Бобринских, изображенный на акварели А. Т. Болотова. Проставленная на самом обелиске дата (1785) указывает на то, что по существу перед нами памятник Жалованной грамоте дворянству, давшей сильнейший импульс расцвету усадебного строительства. Укажем также на обелиск в Ропше под Петербургом, па высокий «железный» обелиск в Суханове Волконских, описанный в 1925 г. П. Перцовым как памятник Александру I (9). Об этом свидетельствуют помещенные на нем надписи: с трех сторон даты 1812. 1813, 1814 гг. в лавровых венках. На четвертой стороне — «1807» год — дата заключения Тильзитского мира. Обелиск венчал большой орел с распростертыми крыльями. Чугунный обелиск во Влахернском отмечал мест, где, как считалось, было жилище императора Петра Великого (1844 г.). Упомянутый выше мраморный обелиск в Кускове, судя по его изображению па временных триумфальных воротах (1787), украшали слова: «Екатерина II пожаловала Графу Петру Борисовичу Шереметеву в 1785 году, во время бытности его Губернским Предводителем Московского Дворянства» (10). В Кунцеве, как писал А. Долгов, был пирамидальный гранитный памятник с надписью: «1818 г. Июля 4 дня Король Прусский Фридрих Вильгельм III, узрев из села Купцова Москву, благодарствовал ей за спасение своего государства» (11). Охотное использование

обелисков в усадьбах, видимо, во многом объясняется не только их общепринятостью. Несомненно было легче создать нефигуративную архитектурную форму, нежели заказать достойное скульптурное изваяние, предусматривающее сходство с изображенным и качественность, особенно, когда речь шла об увековечивании высокопоставленных персон. Ответственность за достойный уровень произведения в таком случае неизмеримо возрастала.

Неким промежуточным вариантом служила другая разновидность малой архитектурной формы — колонна. Она давала возможность более абстрактного по сравнению со скульптурным монументом отражения и запечатления события. В Екатерининскую эпоху колонны часто венчали фигурой Минервы, не требовавшей точного портретного сходства с императрицей, тем более, что скульптура располагалось на достаточной высоте. Такого рода колонна есть в Кускове, была в Демьянове Клинского уезда Московской губернии. Чаще колонны украшались изображениями вензеля или орла — в екатерининское время одноглавого, восходящего к Орловской колонне в Гатчине и Чесменской в Царском Селе (обе работы А. Ринальди). Позже, с середины XIX в., колонны стали завершать двуглавыми орлами. Одноглавые орлы ассоциировались с боевыми орлами римских легионов, с орлом — символом Юпитера, а иногда по созвучию и с самими Орловыми. Двуглавый орел был чисто государственным символом и отражал память о государе как его главе. Иногда количество колонн было значительным — пять в Архангельском, поставленных в честь всех императоров, посещавших это поместье. Из них сохранились лишь колонны Александра I, Николая I и Александра II.

Помимо монументов, выполненных в слове, и памятников, решенных вне сферы изобразительности, весьма распространено обращение к средствам скульптуры. Изваяния чаще ставят в садах или в ансамбле усадебных зданий. Как и в городских монументах, материалом обычно бывает бронза.

Определенная разновидность скульптурных монументов в образном плане сопоставима с колоннами, украшенными статуями Минервы. Ряд памятников изображает Екатерину II в виде античных богинь. В саду дачи А. А. Безбородко стояло изваяние императрицы, представленной Цибелой, а в Архангельском Юсупова — Фемидой. В первом случае это был оригинал работы Ж.-Д. Рашетта; во втором — отливка по оригиналу М. И. Козловского. Иногда в монументе используется немифологизированное, в значительной степени портретное изображение. Таковы статуи Екатерины в Полотняном заводе («Медная бабушка») и на куполе дома в Петровском-Алабине

(Княжищеве). Девятнадцатый век по своему обыкновению словно купирует изображение портретируемого. В памятнике работы В. И. Демут-Малиновского 1833 года в Фенине в рост дана фигура ангела Мира, стоящего рядом с бюстом императрицы. Точно также в Грузине, в памятнике Александру I изображение государя представлено в форме бюста в окружении аллегорических фигур, исполненных в рост (С. И. Гальберг, 1828—1830). Из монументов, посвященных знаменитым людям, уже упоминался памятник П. А. Румянцеву-Задунайскому в Ляличах. Он, как и изваяние Цибелы, установлен в беседке, а Фемида в Архангельском — в антикизирующем небольшом храме. Помимо пространственной символики, это позволяло уберечь статуи от непогоды. Точно также в небольшой храм ионического ордера помещена статуя Андрея Первозванного в Грузине. Кстати, статуарные изображения святых, используемые в качестве монументов, достаточно редки в России тех лет. Пожалуй, лишь еще св. Анна на куполе Люблина относится к этому типу изваяний.

К числу усадебных монументов принадлежат и скульптурные надгробия. Это либо кенотафы, либо надгробия в собственном смысле этого слова — надмогильные памятники. Строго говоря, то, что мы сейчас называем надгробием или кенотафом, именовалось в XVIII веке иначе — «мавзолеей», «мосоле» или «мозолеей» (12). Перед нами прямая калька с французского «mausolée». Заметим, что надгробия, обычно называемые «скульптурными», не чисто фигуративны. Их персонажи, участвующие в медитации или оплакивании в ходе мемориального действа, объединяются в мизансцены у непременных саркофага, пирамиды (обелиска) или колонны. В качестве примеров можно привести надгробия И. С. Барышникова в Николо-Погорелом (не сохранилось), П. А. Брюс из Глинок и Чернышевых из Яропольца. Своеобразным интерьерным монументом по существу является памятник Павлу I в соборе Грузина. Мемориальные композиции в Павловском парке — в мавзолее Павла и «Памятнике родителям» — несомненно кенотафы.

С известной долей условности допустимо рассматривать в качестве неких «интерьерных монументов» бюсты, изображающие любимых или знаменитых родственников. Снабженные надписями, они в какой-то мере воспринимаются как запечатленная дань памяти. Таковы бюсты М. Р. Паниной, адмирала В. Я. Чичагова и князя Н. В. Репнина (все работы Ф. И. Шубина).

Кратко обозначив основные разновидности содержания и форм воплощения монументов в усадьбах, хочется надеяться, что этот первоначальный опыт классификации окажется небесполезным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О теме памяти в аспекте усадебной культуры см.:Евангулова О. С. Русская усадьба и тема памяти // Художественная культура русской усадьбы. Сб. статей. М., 1995. С. 7—21; Она же. «И в память на портрете я написал...» // Вестник Московского университета. История. 1996. № 6. С. 19—30.
2. Захарова О. К). Студенец // Остафьевский сборник. Вып. 3. М., 1995. С. 14—22.
3. Памятники архитектуры Московской области. Т. 2. М., 1975. С. 19.
4. Там же. С. 137, 250.
5. Рапопорт В. Л. Парк в Архангельском. М., 1971. С. 20.
6. Торопов С. А. Петровское Демидовых // Среди коллекционеров. 1924. № 5—6. С. 20.
7. Ощепков Г. Д. Архитектор Томой. Материалы к изучению творчества. М., 1950. С. 112, 114, 155: Государственный Эрмитаж. А. Н. Воронихин. Т. де Томой. А. Д. Захаров. Каталог выставки. Л., 1986. С. 32. № 71.
8. «...В окрестностях Москвы». Из истории русской художественной культуры. М., 1979. Ил. 31.
9. Перцов П. Усадебные экскурсии. Поездки но железным дорогам. М. -Л., 1925. С. 54.
10. Згура В. В. Кусковский регулярный сад // Среди коллекционеров. 1924. № 7—8. С.12—14.
11. [Долгов А.] Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в честь замечательных лиц. СПб., 1860. С. 36.
12. Мастера искусства об искусстве. Т. 6. М., 1969. С. 69: Исаков С. И. Федот Шубин. М., 1938. С. 115, 124; Коваленская Н. //. Мартос. М. Л., 1938. С. 32.

/

Л. А. Перфильева

АРХИТЕКТУРНЫЕ УВРАЖИ Ж.-Ф. НЕФФОРЖА И ПРАКТИКА УСАДЕБНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

В ряде работ, связанных с проблемами теории и практики русской архитектуры эпохи классицизма, встречаются указания на то, что, на пути постижения опыта как древней классической, так и современной европейской архитектуры русские зодчие широко пользовались не только теоретическими трактатами зарубежных авторов (Витрувия, Палладио, Виньолы, Серлио, Блондля и др.), но также и различными графическими разработками — чертежами и архитектурными уважами, представляющими обмеры античных построек и проекты современных зданий. Если иметь в виду, что личный опыт непосредственного знакомства с зарубежной архитектурой для русских архитекторов всегда был достаточно затруднен, а сама возможность такого знакомства продолжала оставаться «исключением» даже тогда, когда это пытались сделать «правилом» (мы имеем в виду пенсионерские поездки стипендиатов Академии художеств, а также частные поездки за границу: например И. А. Львова, А. И. Воронихина и немногих других), то необходимость обращения к визуальному («иллюстративному») материалу в виде чертежей и гравюр становилась очевидной и профессионально неизбежной за отсутствием иных форм «коммуникации» в ту эпоху. Однако, возникает вопрос: являлось ли такое обращение лишь частью метода обучения или, быть может, имело характер более глубокого влияния на отечественную архитектурную практику? То есть, в какой степени художественный опыт «чужих стран» через использование разнообразной «бумажной продукции» зарубежных авторов становился достоянием отечественных архитекторов-практиков?

Нельзя сказать, что этот вопрос не рассматривался. Существует, например, немало работ, посвященных влиянию широко тиражированных проектов Парижской академии — знаменитых «Гран при» на архитектуру Европы в целом и России в частности. Между тем существовали и другие известные образцы, служившие источником для рас-

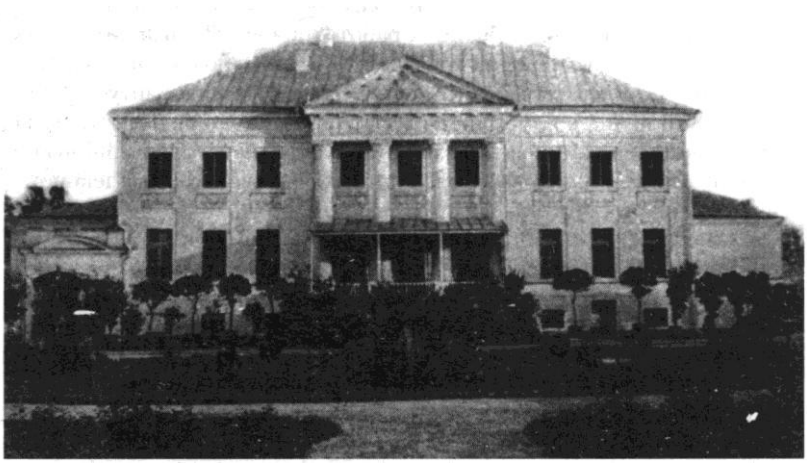
пространения архитектурных идей в Европе, характер влияния которых остается пока не изученным. К их числу принадлежали, в частности, проекты французского архитектора Ж.-Ф. Неффоржа, имевшие во второй половине XVIII в. широкую популярность. Важность данного источника для истории русской архитектуры вытекает из работ целого ряда исследователей русского классицизма, между прочим ссылавшихся (как на общеизвестный факт) на то, что эти проекты в России были широко известны, и что ими в практических и учебных целях пользовались многие русские архитекторы (1). Ценность указанного источника существенно повышается в связи с тем, что хронологически он связан с чрезвычайно интересным для истории русской архитектуры периодом — 60—80-ми гг. XVIII столетия, — наиболее сложным и менее разработанным, характеризующимся хитросплетением разнообразных художественно-эстетических проблем, равно относящихся и к расцвету культуры эпохи барокко и к процессу становления классицизма в России.

Как оказалось, имеется достаточно оснований, чтобы связать с проектами Неффоржа одно заметное явление в отечественной архитектурной практике раннего классицизма. Мы имеем в виду моду на особый тип загородного дома, который получил определение в качестве «дворца во французском вкусе». В образе этих зданий привлекает новое для своего времени и свежее ощущение, отчасти восходящее к эстетике Малого Трианона (1762—1768) Ж.-Ф. Габриэля. Вместе с тем, характерными чертами его явились строгий прямоугольный объем с умеренным применением, преимущественно плоскостного и изящного, декора, и выступ полуротонды в центре главного фасада, увенчанный бельведером или куполом. Планировка подобных зданий также отличается своеобразием, неоднократно отмечаемым исследователями на примере дворца в г. Богородицке, построенного по проекту И. Е. Старова в начале 1770-х гг. При сравнении с традиционной планировкой русских городских и загородных особняков, дворцы «во французском вкусе» обнаруживают специфику и в номенклатуре (составе) помещений и в их взаимном расположении. А непременным элементом их планировки является, так называемый, «салон» — круглый или овальный зал, часто прямо именуемый «залом Луи XVI». Криволинейный абрис стен овальной залы требовал особых приемов при сопряжении помещений, вынуждая делать особые закутки в деревянных зданиях или устраивать в толще каменных стен проходные помещения асимметричной формы или цилиндрические колодцы для лестниц. Все это вносило своеобразие в решение рисунка плана здания, позволяя иногда исследователям говорить об этих особенностях как о «реминисценциях барокко». Но дело, собственно, не в «рисунке плана» как та-

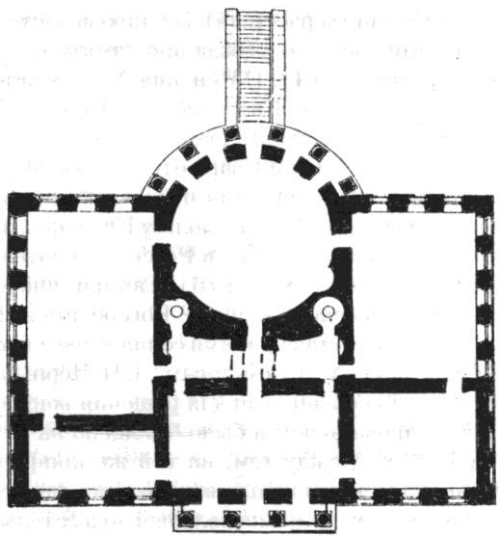
Дворец в Зубри л овне. Рубеж 1770—1780-х гг.
Южный фасад. Фото 1930-х гг.

ковом и не в «барочной традиции», а в особой чисто французской традиции планировки аристократических дворцов XVII—XVIII вв., стремящейся к оптимальному использованию всей площади здания, к умению сочетать в непосредственной близости друг к другу парадные, жилые и необходимые «для комфорта быта» подсобные помещения.

Появление первых образцов этого типа дворца в России на рубеже 60—70-х гг. следует, очевидно, связывать с возвращением И. Е. Старова из-за границы: с его первыми частными заказами (дача А. Г. Демидова на Петергофской дороге), а также проектами загородных дворцов, представленных в Салоне Академии художеств в 1770 г. Престиж архитектора, как и новой архитектурной моды на дворец в современном французском вкусе («architecture modern»), был поддержан заказом Екатерины II на проектирование Старовым дворцов для кн. А. Бобринского в Тульской губернии — в Богородицке и Бобриках. Далее, в пределах 70—80-х гг., аналогичные Богородицкому дворцы были сооружены во многих усадьбах именитых вельмож: в Петербурге — для А. П. Мельгунова на Медвежьем острове (в дальнейшем дворец на Елагином о-ве) и в предместьях города; под Москвой — Вязёмы Н. М. Голицына, Середниково Всеволожских, Знаменское-Губайлово В. М. Долгорукова и др.; в других губерниях: Тульской (Михайловское М. Н. Кре-



Дворец в Зубриловке. Рубеж 1770—1780-х гг.
Северный фасад. Фото 1930-х гг.



Дворец в Зубриловке. Рубеж 1770—1780-х гг. План 1-го этажа.
(По обмеру И. Ежовой 1970-х гг.)

четникова), Смоленской (Самуйлово Д. М. Голицына) и проч. — список конечно не полный. Близок к этому типу и дворец в усадьбе кн. С. С. Гагарина под Москвой (с. Никольское-Гагарино), принадлежащий, как известно, к числу ранних работ Старова. Правда, последний заметно отличается от прочих названных построек яркой индивидуальностью архитектурно-художественных решений: особой виртуозностью компактного плана с комбинацией трех овальных парадных зал, изяществом объемной композиции, напоминающей некоторые приёмы парижского учителя Старова Шарля де Вайи, оригинальным декором с использованием форм малого ордера.

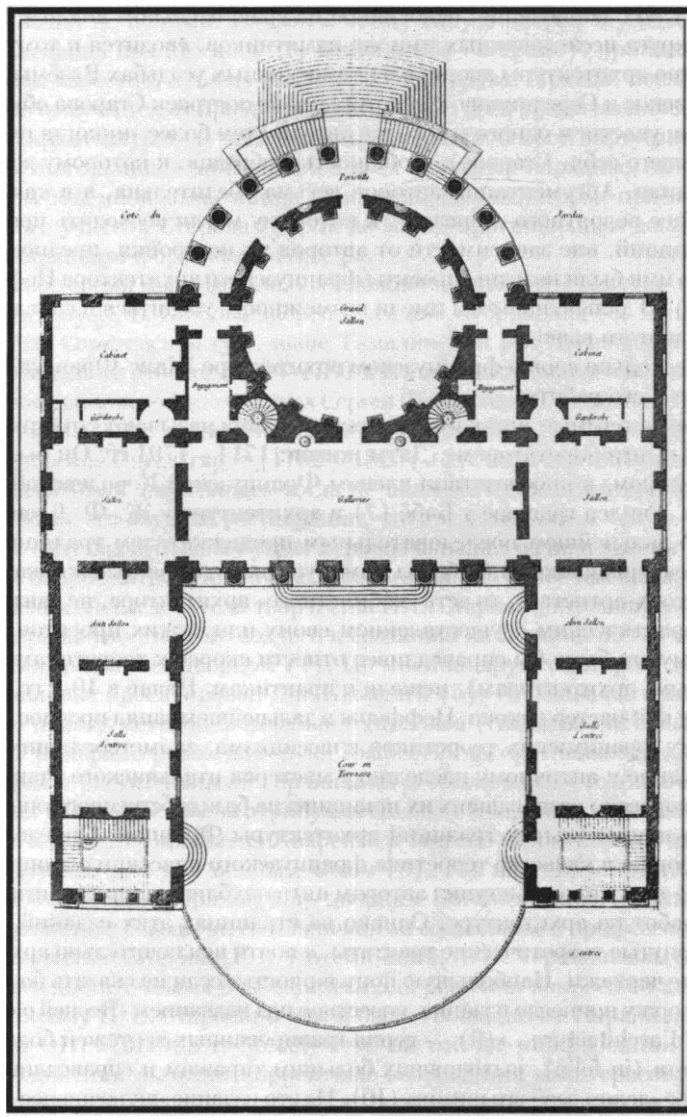
В свое время мы говорили о возможности отнести к тому же типу и к творчеству И. Е. Старова дворец в усадьбе Зубриловка (б. Балашов ский уезд Саратовской губ., ныне Тамалинский р-н Пензенской обл.) построенный на рубеже 1770—1780-х гг. по заказу видного военачальника екатерининской эпохи князя Сергея Федоровича Голицына (1746—1810) в связи с его женитьбой па племяннице князя Потемкина Варваре Васильевне Энгельгардт (1752—1825) (2). Задача атрибуции данного памятника диктовалась тогда не академическими интересами, а проблемами его научной реставрации, что представляло немалую сложность в виду значительных утрат первоначального облика здания (3).

По вопросу атрибуции зубриловского дворца ранее высказывалось два мнения. Исследователи творчества И. Е. Старова допускали возможность причастности этого зодчего к созданию памятника по его аналогии с Богородицким дворцом (4). По мнению других авторов, дворец в Зубриловке проектировал Дж. Кваренги (5). Не вдаваясь в дискуссию по поводу методов формального анализа (сходства системы пропорций и «характерных» для «руки Кваренги» декоративных деталей — рельефов с растительными гирляндами и «бычачьими» головами), на которых и была построена атрибуция в пользу Кваренги, заметим лишь то, что к моменту прибытия Кваренги в Россию строительство дворца в Зубриловке шло уже полным ходом (6). Так или иначе, но типологическое сходство зубриловского дворца с Богородицким, а также родство заказчика с людьми, составлявшими социальное и профессиональное окружение Старова (Г. А. Потемкиным, З. И. Чернышевым) казались нам достаточными основаниями для решения вопроса об атрибуции в пользу И. Е. Старова, о чем и было сообщено на Первой конференции ОИРУ в 1992 г. Между тем, на той же конференции наши предположения вызвали корректные возражения заинтересованных исследователей, желавших не только большей доказательности в атрибуции зубриловского дворца, но и ясности по отношению ко всей группе памятников этого типа в целом. В дальнейшем наши оппоненты

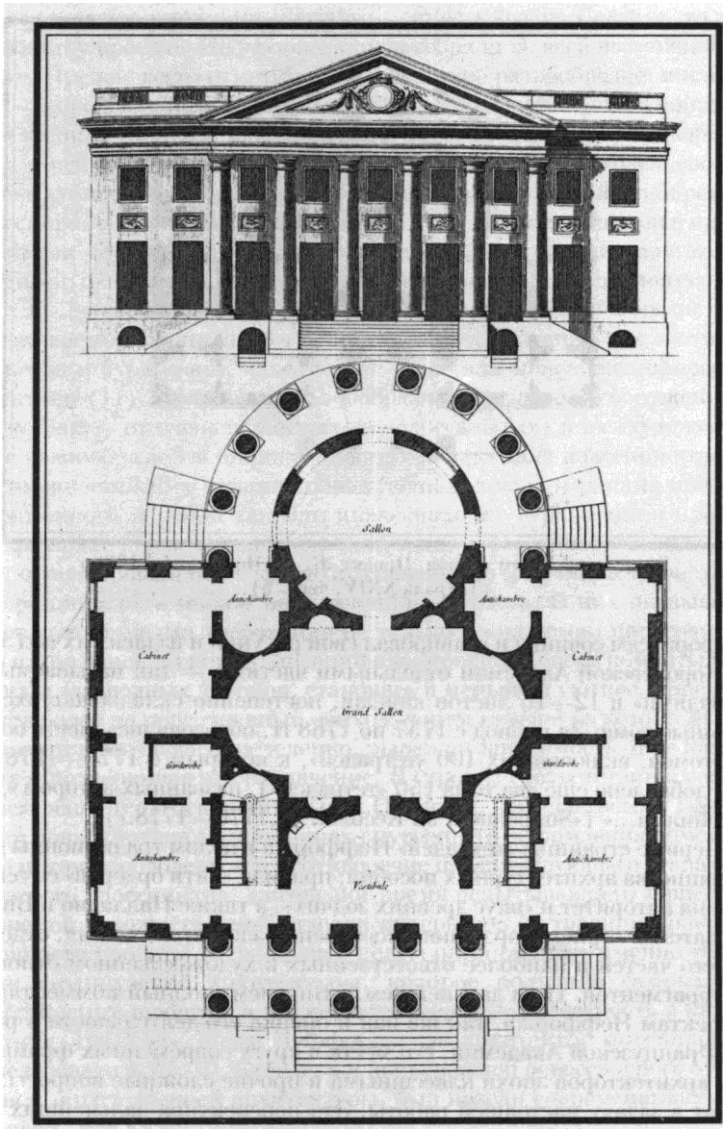
проделали огромную работу, результаты которой теперь опубликованы (7 . Их заключение, основанное на сравнительном анализе большого круга исследованных ими же памятников, сводится к тому, что сходство архитектуры дворцов в подмосковных усадьбах Вязёмы, Михайловское и Середниково с некоторыми из построек Старова обусловлено не участием одного и того же автора (тем более «никогда не повторяющего себя» Старова), а общностью образца, к которому все они восходили. Аргументация авторов весьма убедительна, а в качестве наиболее вероятного «образца», к которому могли восходить проекты этих зданий, вне зависимости от авторов их постройки, предположительно ими были названы проекты французского архитектора Неффоржа (8). В дальнейшем мы имели возможность убедиться в справедливости и этого вывода.

Несколько слов о французском архитекторе Жане-Франсуа Неффоржe и его работах.

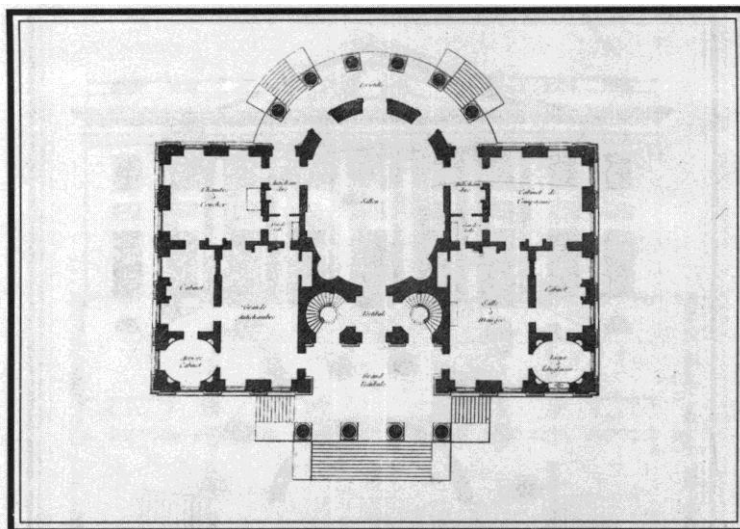
Компетентные энциклопедические издания называют его «архитектором и интерпретатором». Даты жизни: 1714—1791 гг. Он был воспитанником, а впоследствии членом Французской Королевской Академии. Учился гравюре у Бабё (?) и архитектуре у Ж.-Ф. Блонделя, став в дальнейшем последовательным продолжателем традиций его архитектурной школы. Работал в амплуа архитектора-художника («архитектора-артиста»), то есть «кабинетного» архитектора, не связанного с практическим осуществлением своих или чужих проектов. Уже поэтому его было бы справедливее отнести скорее к теоретикам («бумажным» архитекторам), нежели к практикам. Начав в 40-х гг. свою работу как мастер рококо, Неффорж в дальнейшем занял прочное место в кругу французских теоретиков классицизма, заимствовавших свое отношение к античному наследию у мастеров итальянского Ренессанса и творчески развивавших их принципы на базе собственного опыта — опыта национальных традиций архитектуры Франции. Определение Неффоржа в качестве теоретика французского классицизма оправдано уже тем, что он выступил автором пяти опубликованных оригинальных работ по архитектуре. Однако на страницах этих изданий — не развернутые теоретические трактаты, а почти исключительно архитектурные чертежи. Наибольшую популярность (если не сказать больше) Неффоржу принесло издание, известное под названием «Recueil elementarire d'architecture...» (9) — серия гравированных чертежей большого формата (in folio), выходивших большим тиражом и справедливо названное «делом всей его жизни» (10). На это издание, включившее в себя без малого тысячу (а точнее — 918 листов) таблиц — гравированных архитектурных чертежей, ушло более двадцати лет жизни архитектора.



План городского увеселительного здания. Проект Ж.-Ф. Неффоржа.
1776 г. (Тетрадь XXIV, черт. 3)



Фасад и план загородного дворца. Проект Ж.-Ф. Неффоржа.
1776 г. (Тетрадь XXV, черт. 2)



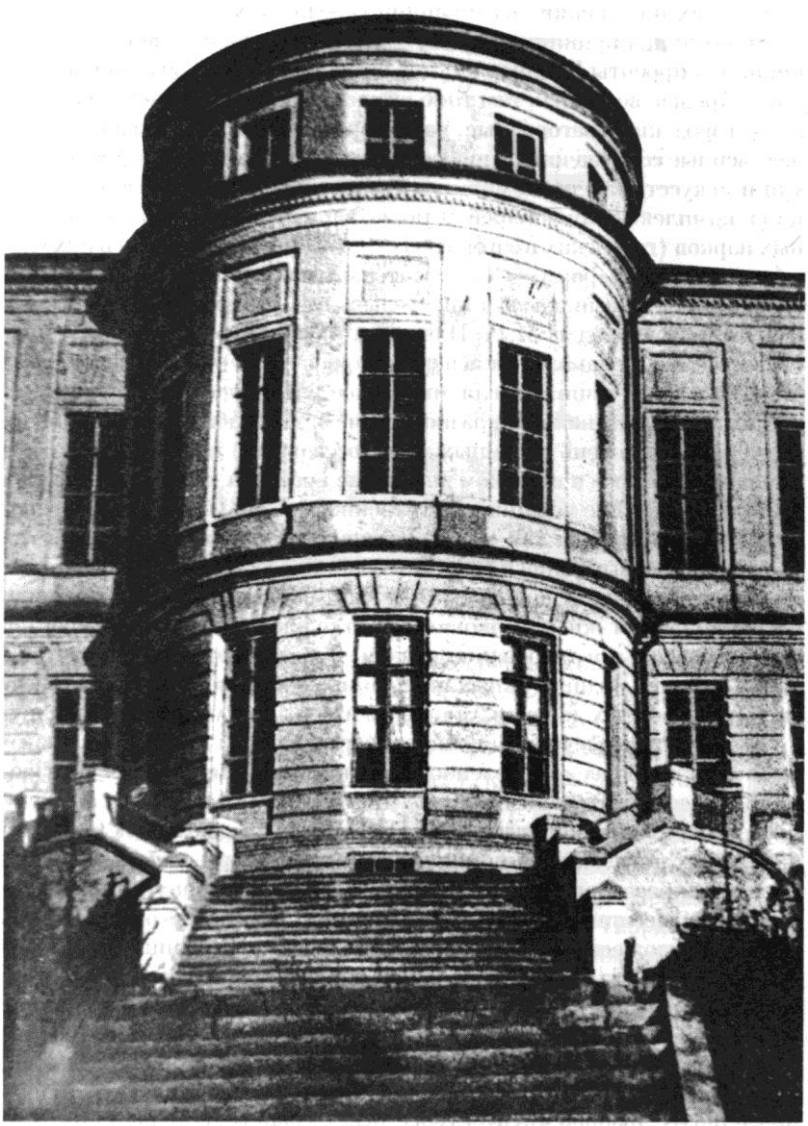
План загородного дворца. Проект Ж.-Ф. Неффоржа. 1776 г.
(Тетрадь XXIV, черт. 5)

Неффорж сам сочинял и гравировал свои рисунки и издавал их под эгидой Королевской Академии отдельными частями — так называемыми «тетрадями» в 12—16 листов каждая, постепенно складывавшихся в объемные тома. За период с 1757 по 1768 гг. образовались шесть больших томов, включивших 100 «тетрадей», к которым в 1776—1778 гг. было добавлено ещё два тома (50 «тетрадей»), названных автором «Добавлениями...» («Suppelment au Recueil... P. 1776—1778.»).

Первые страницы «тетрадей» Неффоржа в целом традиционны для большинства архитектурных пособий: правила «пяти ордеров» со ссылками на авторитет и «вкус древних зодчих», а также Палладио и Виньолу, затем — приёмы ордерного построения элементов здания, отдельных его частей и наиболее ответственных в художественном отношении фрагментов. Но в дальнейшем... Впрочем, полный комментарий к проектам Неффоржа, так же как и оценка его деятельности в рамках Французской Академии, его места в кругу современных французских архитекторов эпохи классицизма и прочие сложные вопросы, не входят в задачу настоящей работы. Это перспектива дальнейших исследований — не обязательно моих. Важно указать лишь на то, что если и в самом деле, как замечает М. А. Ильин, в числе «обобщающих тео-

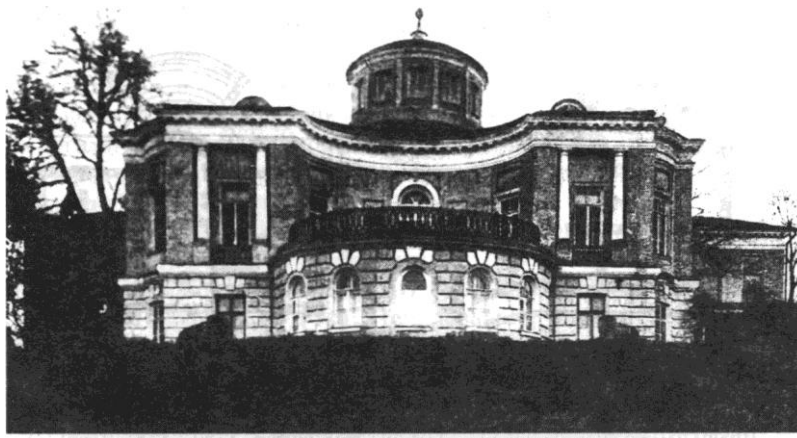
ретических положений» во Франции середины XVIII века на первое место выступал принцип «variete» — то есть «разнообразия», то этому принципу проекты Неффоржа удовлетворяли во всей возможной полноте. Прежде всего отметим типологическое разнообразие: жилые дома — городские и загородные, разнообразные публичные здания и общественные сооружения (университеты, колледжи, театры, дворцы науки и искусств, военные министерства и проч.), культовые сооружения и комплексы монастырей, а также варианты планировки регулярных парков (городских и загородных), со всеми возможными в них элементами «малых форм» — увеселительными домами и павильонами, гротами, фонтанами, каскадами, трельяжами, беседками, монументами и т. п. Далее, вслед за М. А. Ильиным, отметим «разнообразие», прослеживаемое в социальном аспекте: «проекты зданий для знати, дворянства и буржуазии, наделяемые более или менее специфическими чертами» (11). И, наконец, разнообразие в масштабах сооружений (их размерах — от очень скромных до колоссальных) и их «художественное разнообразие» в широком диапазоне арсенала классицистических возможностей. Все новации общественной жизни Франции предреволюционного периода так или иначе находят отражение в проектах Неффржа: новые социальные типы зданий, особенности их планировки, ориентированной на приватную жизнь «естественного человека» или на рационализм жизни новоявленного буржуа. В них оказываются удовлетворенными требования не только к «экономии пространства», но и к большей индивидуализации планировки. Теперь комнаты городских и загородных дворцов, становясь и меньше и уютнее, ориентируются более на повседневный обиход: черты каждой из комнат вырисовываются все более определенно, выражая зависимость от ее назначения и подчеркивая это назначение. В строгом соответствии с назначением решается и декор интерьера. При этом, в предлагаемых Неффоржем новых мотивах и принципах внутреннего оформления помещений с успехом преодолевается противоречие предшествующего этапа французского классицизма, длительное время испытывавшего зависимость приемов художественной отделки интерьеров от традиций рококо. В сущности проекты Неффоржа в целом представляет именно то явление французской архитектуры, которое получило самоназвание «architecture modern», а также более широкую известность в качестве «стиля Луи XVI», а сам Неффорж, как архитектор-интерпретатор, последователь Ж.-Ф. Блонделя и приверженец ренессансного отношения к опыту древней архитектуры, был назван современниками «Виньолой Луи XVI».

Как представитель классицизма, Неффорж, следуя за Блонделем

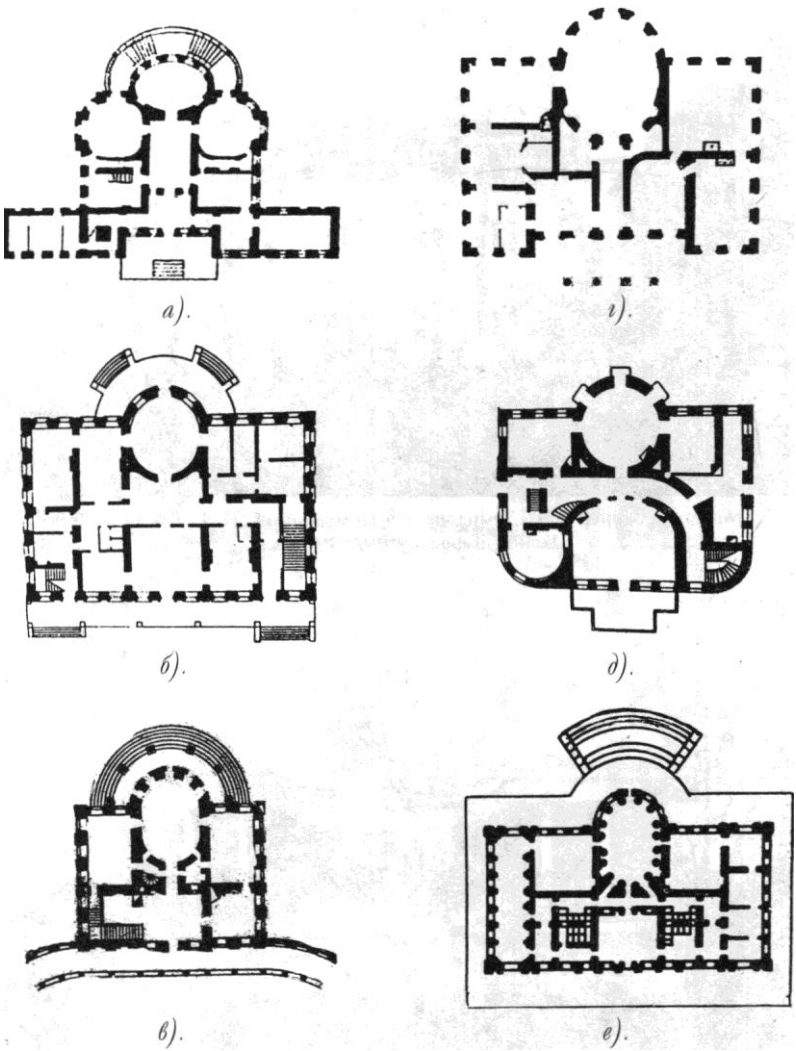


Дворец в Богородицке. Проект И. Е. Старова. 1771 г.
Главный фасад. Фото 1950-х гг.

Загородный дворец А. Г. Демидова под Петербургом. И. Е. Старов. 1769 г.
Главный фасад. Фото 1930-х гг.



Дворец в Никольском-Гагарине. И. Е. Старов. 1774—1776 гг.
Главный фасад. Фото 1900-х гг.

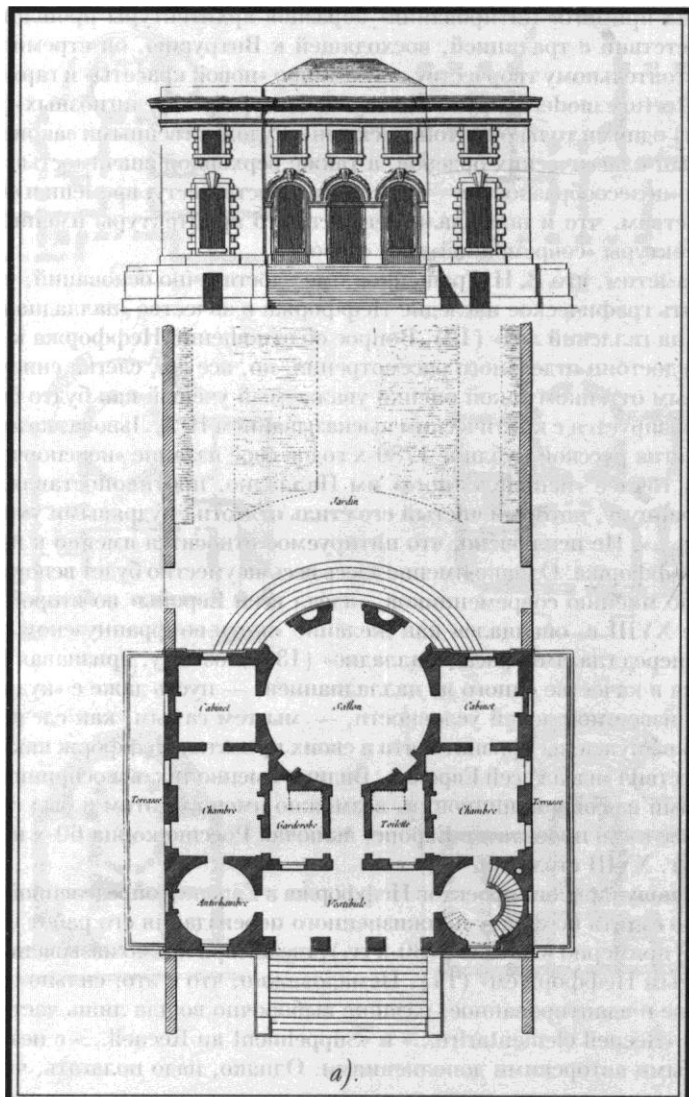


Планы загородных дворцов во «французском вкусе». 1770—1780-е гг.:
а) Никольское-Гагарине; б) Вяземы; в) Середниково;
г) Богородицк; д) Михайловское; е) Елагин остров.

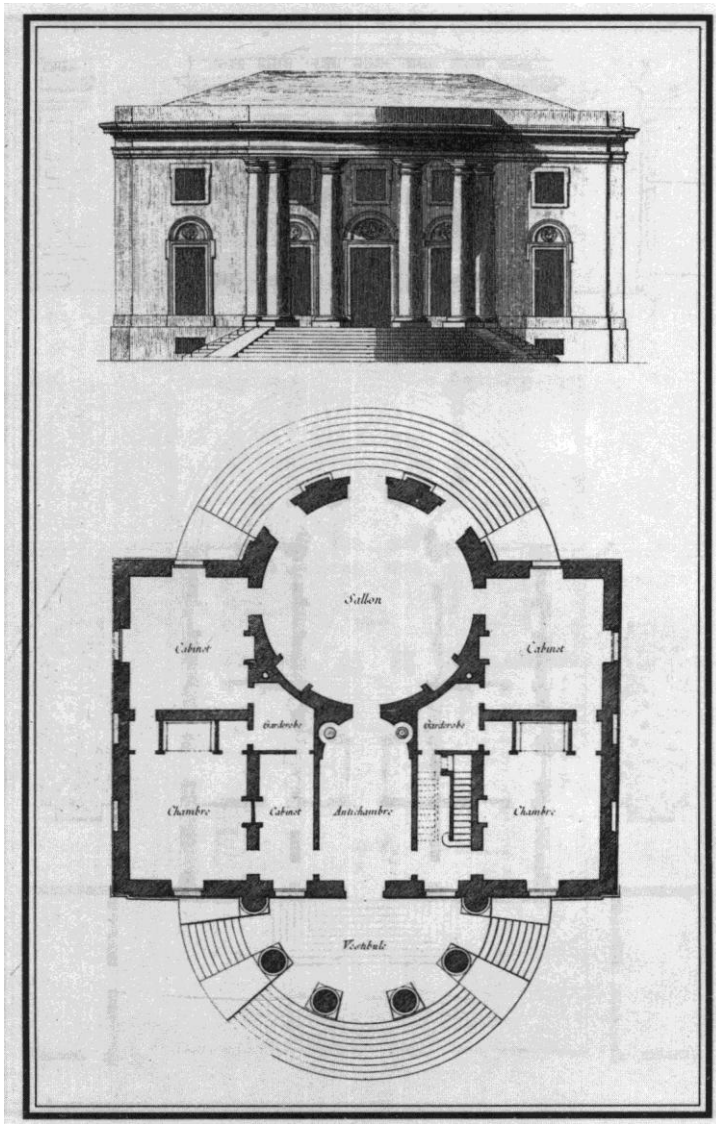
не допускал «археологического» подражания античным прототипам и избегал прямого «цитирования» образцов архитектуры прошлого. И соответствии с традицией, восходящей к Витрувию, он стремился к самостоятельному творчеству, к созданию «новой красоты» и гармонии «architecture modern», руководствуясь (на уровне «религиозных» установок) одними только тектоническими и художественными закономерностями классических ордеров, а также верховной значимостью критерия «целесообразности» — целесообразности месту, времени и обстоятельствам, что и повышало ценность его архитектуры именно как архитектуры «современной» или «новой».

Заметим, что В. Н. Гращенков имел достаточно оснований, чтобы оценить графическое наследие Неффоржа в качестве «палладианской темы на галлский лад» (12). Вопрос об отношении Неффоржа к Палладио достоин отдельного рассмотрения, но, все же, слегка снисходительным оттенком такой оценки уважаемый учёный как будто бы солидаризируется с критическим высказыванием Н. А. Львова, который, предлагая русской публике 1780-х годов своё издание «неиспорченного», а точнее «исправленного» им Палладио, противопоставлял его «...французу, который чистый его стиль отяготил кудрявыми украшениями...». Не исключено, что цитируемое относится именно к проектам Неффоржа. Однако именно здесь весьма уместно будет вспомнить, что, но мнению современников, «идеал всей Европы» во второй половине XVIII в. ощущался как желание «жить во французском доме, имея перед глазами фасад Палладио» (13). Поэтому, признавая Неффоржа в качестве одного из палладианцев, — пусть даже с «кудрями» или с известной долей условности, — мы тем самым, как следствие, будем вынуждены признать, что в своих проектах Неффорж как раз и осуществил «идеал всей Европы». Видимо именно так он воспринимался многими из современников, и, возможно именно с этим и был связан интерес к его проектам в Европе, включая Россию конца 60-х начала 80-х гг. XVIII столетия.

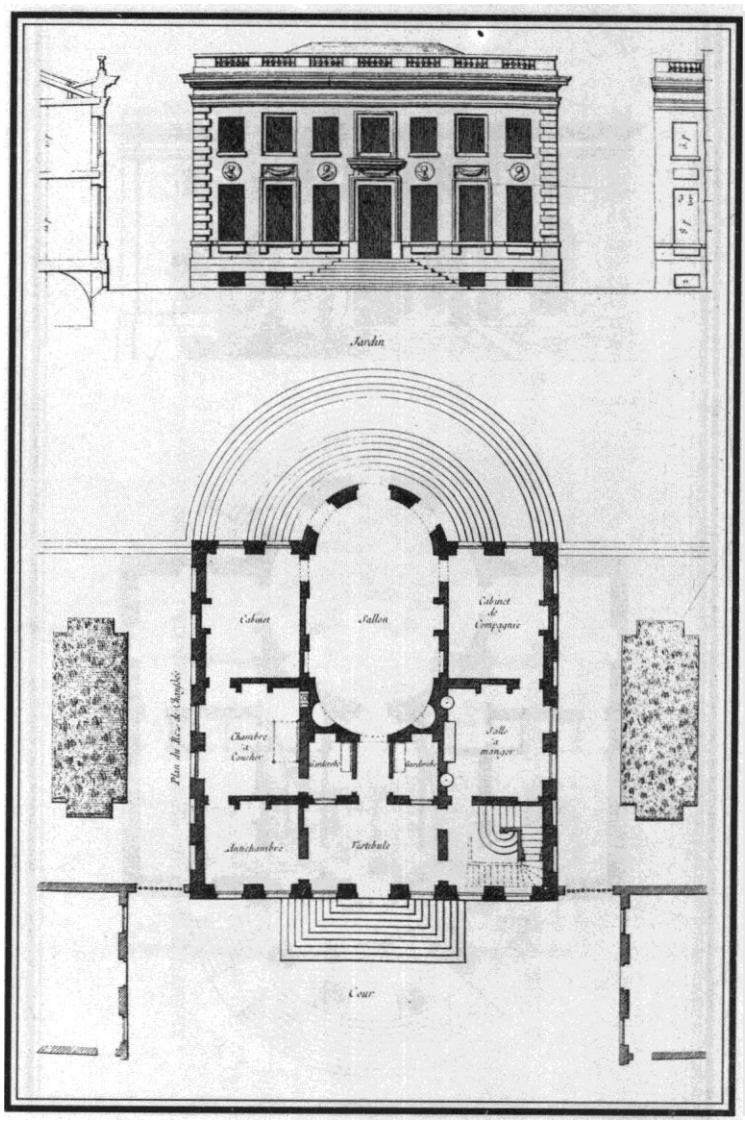
О популярности проектов Неффоржа в Европе в определенной мере можно судить по факту прижизненного переиздания его работ в Варшаве (примерно в начале 1780-х гг.), где автора прямо называли «знаменитым Неффоржем» (14). Немаловажно, что в это, сильно сокращённое и адаптированное, издание выборочно вошла лишь часть тетрадей «Recueil elementarire...» и «Suppelment au Recueil...» с незначительными авторскими дополнениями. Однако, надо полагать, что эта была именно та часть, которая составом представленных проектов оказалась наиболее созвучна практическим требованиям современности. Главное внимание в варшавском издании уделено бюргерским домам



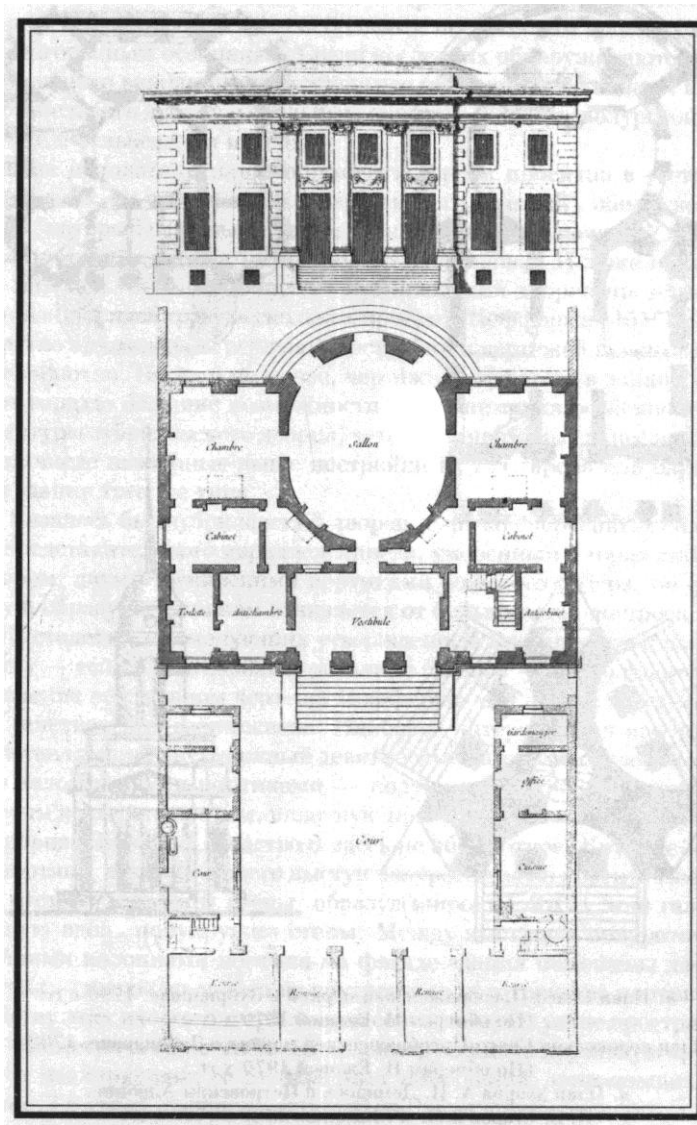
Проекты городских и загородных дворцов. Ж.-Ф. Неффорж.
1757—1778 гг. (а-г)


Sallon
Cabinet
Cabinet
Garderobe
Garderobe
Chambre
Cabinet
Antichambre
Chambre
Vestibule

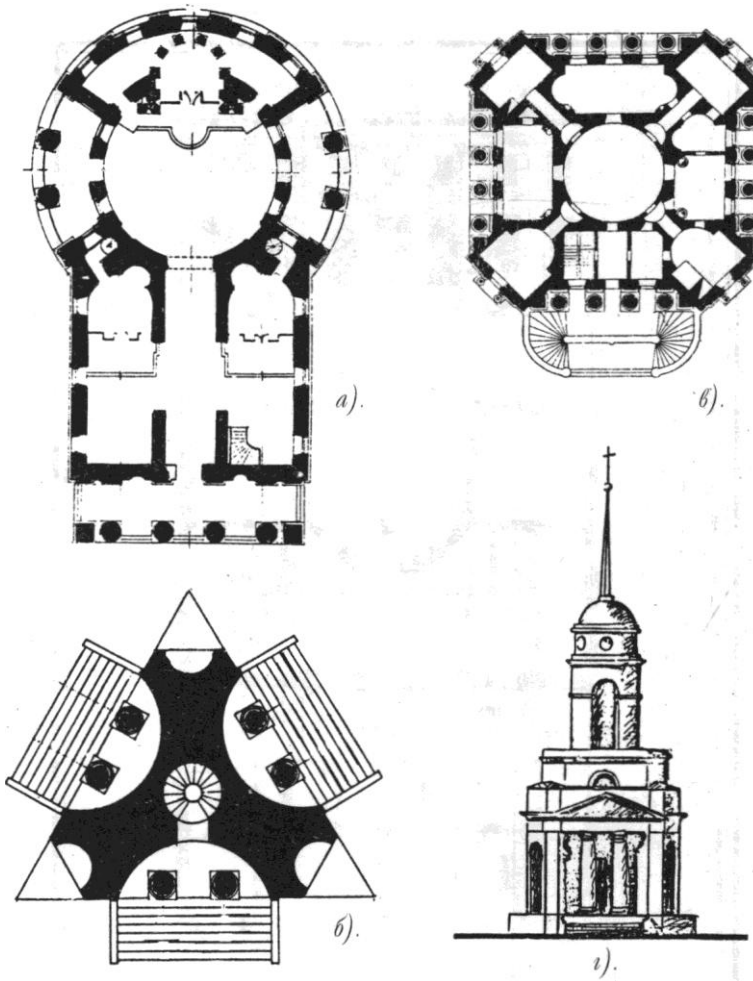
б).


Jardin
Cabinet
Sallon
Cabinet de Compagnie
Chambre à Coucher
Garderob
Garderob
Salle à manger
Antichambre
Vestibule
Cour

в).


Chambre
Salon
Chambre
Cabinet
Cabinet
Toilette
Antichambre
Vestibule
Antichambre
Office
Cour
Cour
Cuisine

г).

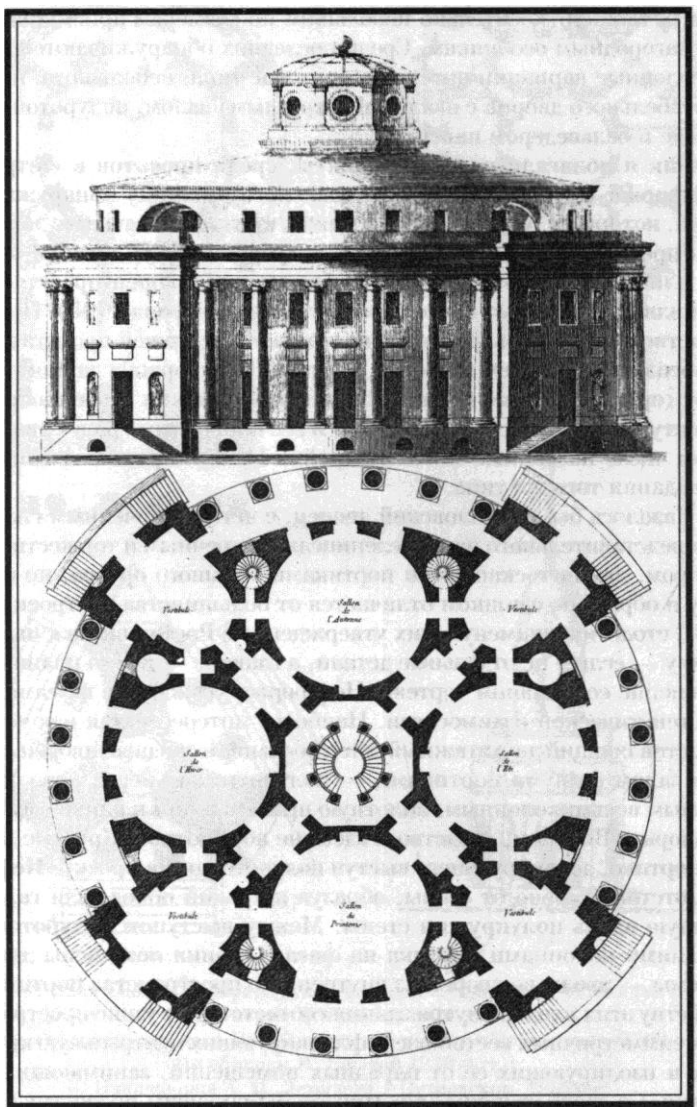


а. План Спасо-Преображенской церкви в Зубриловке. 1790-е гг.
(По обмерам И. Ежовой 1970-х гг.)
б. План колокольни Спасо-Преображенской церкви в Зубриловке. 1790-е гг.
(По обмерам И. Ежовой 1970-х гг.)
«. План дворца А. Н. Демидова в Петровском-Алабине.
И. Е. Старов и М. Ф. Казаков. 1769—1770-е гг.
г. Колокольня Спасо-Преображенской церкви в Зубриловке. 1790-е гг.
(По обмерам И. Ежовой 1970-х гг.)

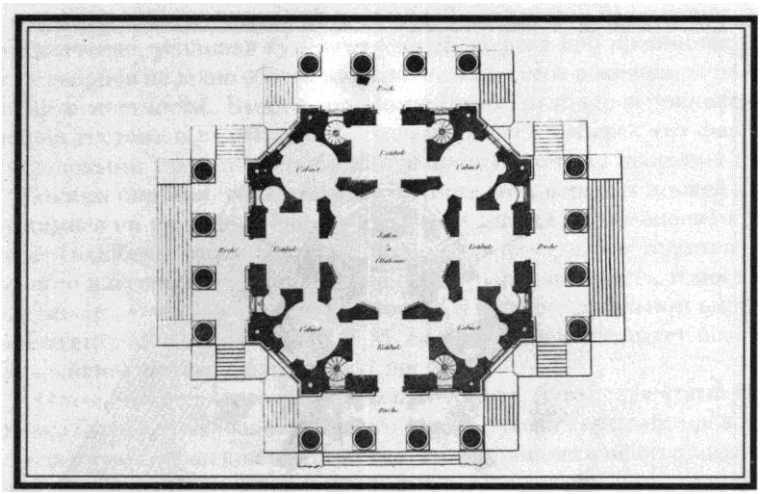
в ситуации плотной фасадической застройки западноевропейского города, а также относительно небольшим но размерам аристократическим загородным особнякам. Среди последних обнаруживаются и многочисленные вариации интересующего нас типа: небольшого, но комфортабельного дворца с овальным (круглым) залом, полуротондой на фасаде и бельведером наверху.

Как и полагали наши оппоненты, среди проектов в «тетрадях» Неффоржа (и парижского и варшавского изданий) обнаружился и такой, который с полным правом можно признать в качестве достоверного прототипа дворца Голицыных в Зубриловке. И даже не один, а два или три. Сказать точнее — зубриловский дворец предстает как компиляция идей сразу нескольких проектов Неффоржа (15). При этом сходство архитектуры реальной постройки и чертежей проекта далеко не абсолютно. Но, тем не менее, чертежи Неффоржа в данном случае дают гораздо большие возможности для понимания особенностей архитектуры зубриловского дворца, чем все приводимые ранее аналогии, в том числе названные выше постройки И. Е. Старова или близкие к ним здания того же типа.

Казалось бы, зубриловский дворец, с четко очерченным силуэтом его представительного параллелепипеда, умеренным и торжественным декором, двумя тосканскими портиками большого ордера, по своему виду и образу не слишком отличается от большинства построек конца XVIII столетия, знаменующих утверждение в России вкуса к палладианству — если б не отдельные детали, а главное — не его планировка. Сравнение ее с планом чертежа Неффоржа убеждает в их самой тесной генетической взаимосвязи. Наиболее интересен для нас чертеж, представляющий двухэтажный девятиосный загородный дворец с круглым залом и двумя портиками — полукруглым (перед ротондой) и прямым восьмиколонным, вплотную прилегающим к широкому фасаду дворца. Впрочем, сходство и здесь не абсолютное. Круглые колонны портика, декорирующего выступ полуротонды на проекте Неффоржа, отстоят далеко от стены, образуя широкий обход, или галерею, идущую вдоль полукружия стены. Между выступом полуротонды и крайними колоннами портика на фасаде здания помещены дверные проемы — входы во дворец из внутреннего пространства портика. Устройству этих входов внутри здания соответствуют узкие пространства двух симметричных вестибюлей, фланкирующих центральную круглую залу и изолирующих ее от парадных помещений, занимающих углы здания. Со своей стороны «архитектор Зубриловки» подвергнул такой проект некоторой переработке. Он приставил колонны портика почти вплотную к наружным стенам полуротонды и перенёс единственный вход



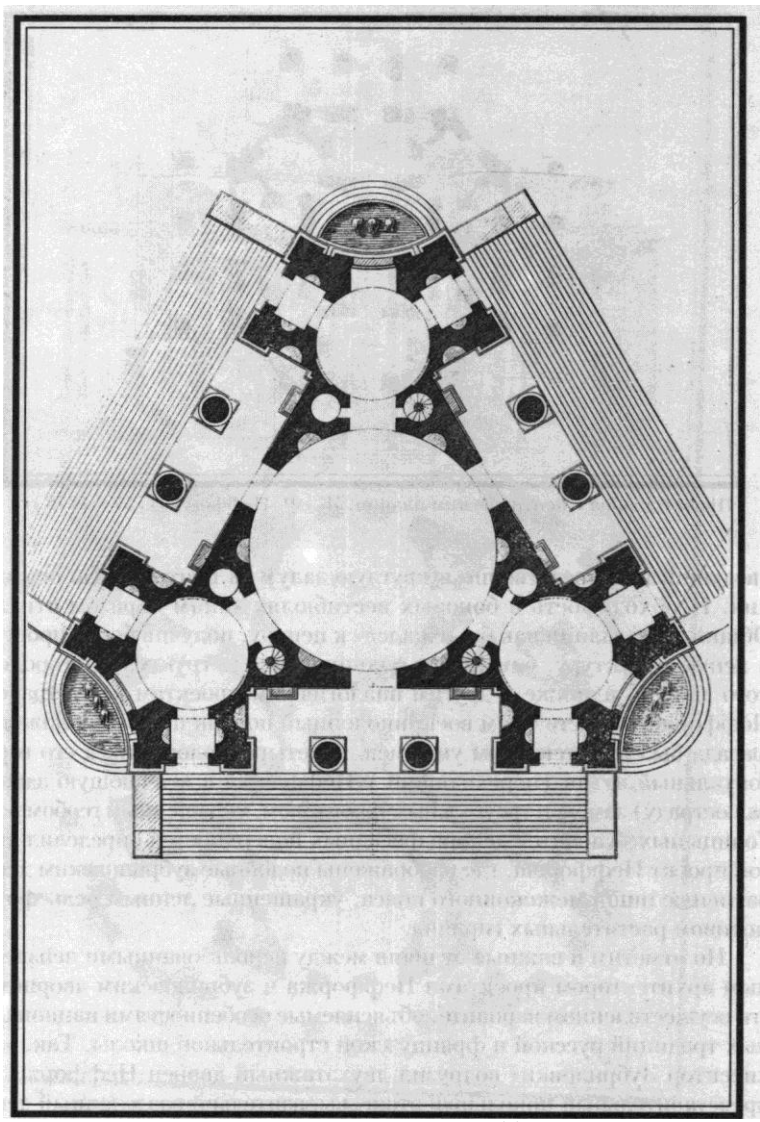
Проект центрического сооружения. Ж.-Ф. Неффорж.
1757—1778 гг.



Проект дворца с центрическим планом. Ж.-Ф. Неффорж. 1757—1778 гг.

(ведущий непосредственно в круглую залу) на центральную ось здания. Необходимость в боковых вестибюлях таким образом отпала. Общий план здания как бы «сжался» к центру, получив более простую и ясную структуру, близкую к планировочной структуре Богородицкого дворца, а также к другим аналогичным проектам из «тетрадей» Неффоржа. Вместе с тем восьмиколонный портик противоположного фасада был архитектором упрощен до четырёхколонного, а его горизонтальный аттик (переходящий у Неффоржа в венчающую здание балюстраду) заменен треугольным фронтоном, украшенным гербом рода Голицыных. Характер декора фасадных поверхностей определил другой проект Неффоржа, где изображены подобные зубриловским декоративные ниши межоконного пояса, украшенные лепным рельефом с мотивом растительных гирлянд.

Но отметим и важные отличия между использованными неизвестным архитектором проектами Неффоржа и зубриловским дворцом в его осуществленном варианте, объясняемые особенностями национальных традиций русской и французской строительной школы. Так, «архитектор Зубриловки» водрузил двухэтажный дворец Неффоржа на представительный цокольный этаж, выразительно разделанный декоративным рустом. В результате и общий силуэт и пропорции монументального трёхэтажного параллелепипеда получили уже совершенно иной

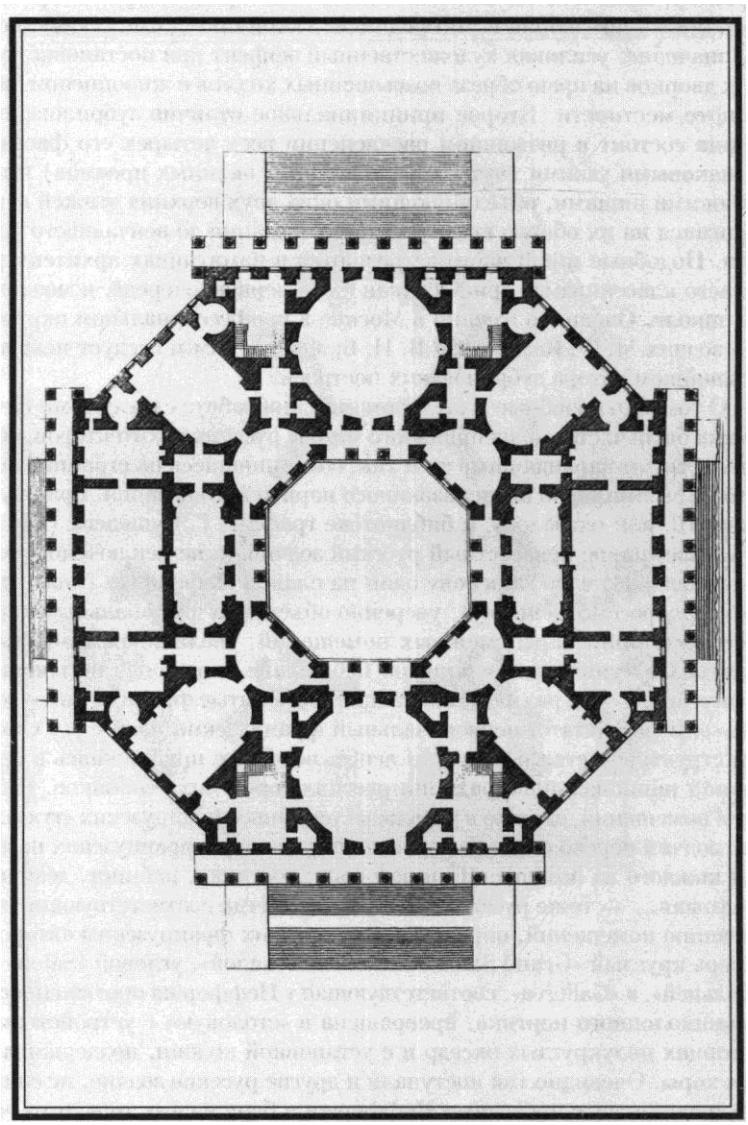


План храма Воины. Проект Ж.-Ф. Нефф оржа
1757 — 1778 гг.

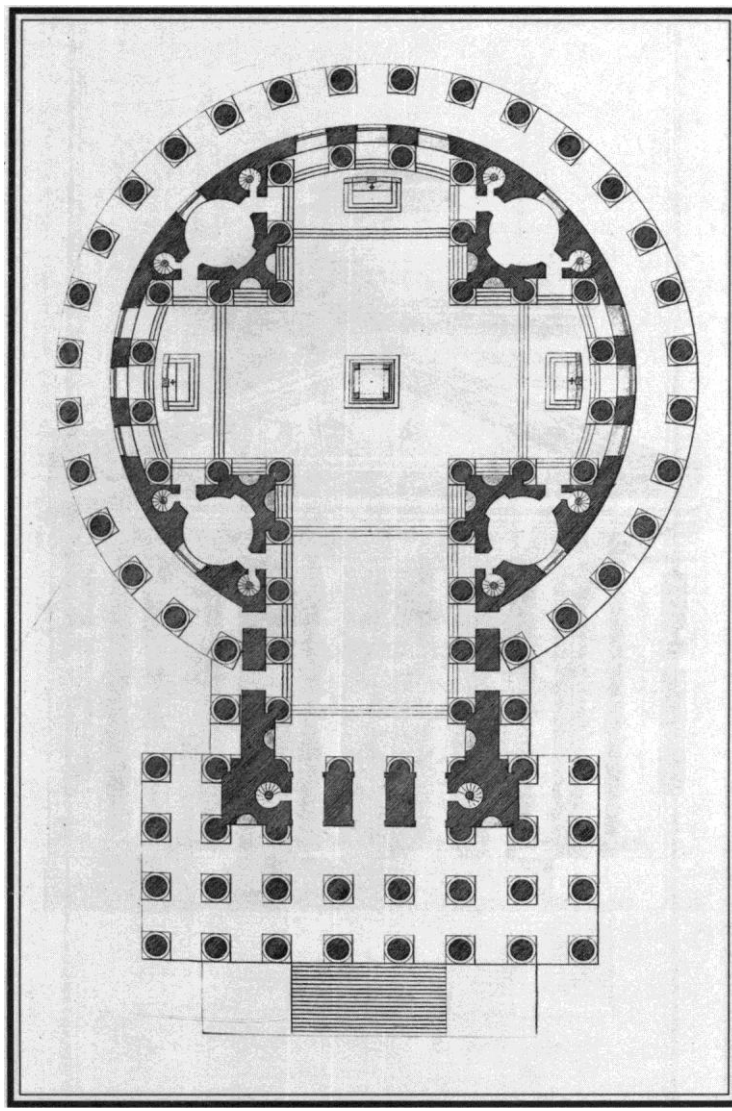
характер. Заметим, что такой же цоколь был предусмотрен Старовым и в композиции дворца в Богородицке. Такой прием имел существенное значение, усиливая художественный эффект при постановке русских дворцов на краю обреза возвышенных холмов в живописном ландшафте местности. Второе принципиальное отличие зубриловского дворца состоит в ритмичном расчленении всех четырех его фасадов одинаковыми узкими (чуть больше ширины оконных проемов) и неглубокими нишами, объединяющими окна двух верхних этажей и тянущимися на их общую высоту от цоколя здания до венчающего карниза. Подобные ниши часто встречаются в памятниках архитектуры раннего классицизма, принадлежащих, в первую очередь, к московской школе. Очевидно именно в Москве в профессиональном окружении зодчих М. Ф. Казакова и В. И. Баженова нам и следует искать в дальнейшем автора зубриловских построек.

О том, что подобные трансформации при работе с проектами Неффоржа были частью общепринятого метода русских архитекторов, свидетельствуют карандашные пометки, сохранившиеся на страницах одного из экземпляров вышеназванного парижского издания, принадлежавшего, как оказалось, к библиотеке графа Г. Г. Кушелева (16). В этом экземпляре неизвестный русский зодчий (а не исключено, что и сам заказчик), взяв за основу один из планов Неффоржа (аналогичный вышерассмотренному), уверенно объединил диагональным перекрестием линий пары смежных помещений, увеличивая комнаты в размерах и «уничтожая» попутно небольшие подсобные помещения («закутки», — как раз и составляющие знаменитые французские «удобства»). В результате, первоначальный французский план с его сложной структурой стал и проще, и яснее, все более приближаясь к привычной национальной традиции русских городских особняков. Габариты помещений, данные в увраже в старинных французских «туазах», наш зодчий переводит в русские сажени, а поверх французских названий каждого из помещений пишет свои: гостиная, кабинет, девичья, прихожая... — тоже русские и отнюдь не всегда соответствующие назначению помещений, определённому для них французским автором. Теперь круглый «Grand Salon» становился «залой», угловой «Salon» — «спальней», а «Gallerea», соответствующая у Неффоржа протяженности восьмиколонного портика, превращена в «столовую» с устройством в ее торцах полукруглых экседр и с установкой колонн, поддерживающих хоры. Очевидно так поступали и другие русские зодчие, не слишком церемонясь с проектами Неффоржа и беря из них только то, что приближало к выполнению задачи, поставленной заказчиком.

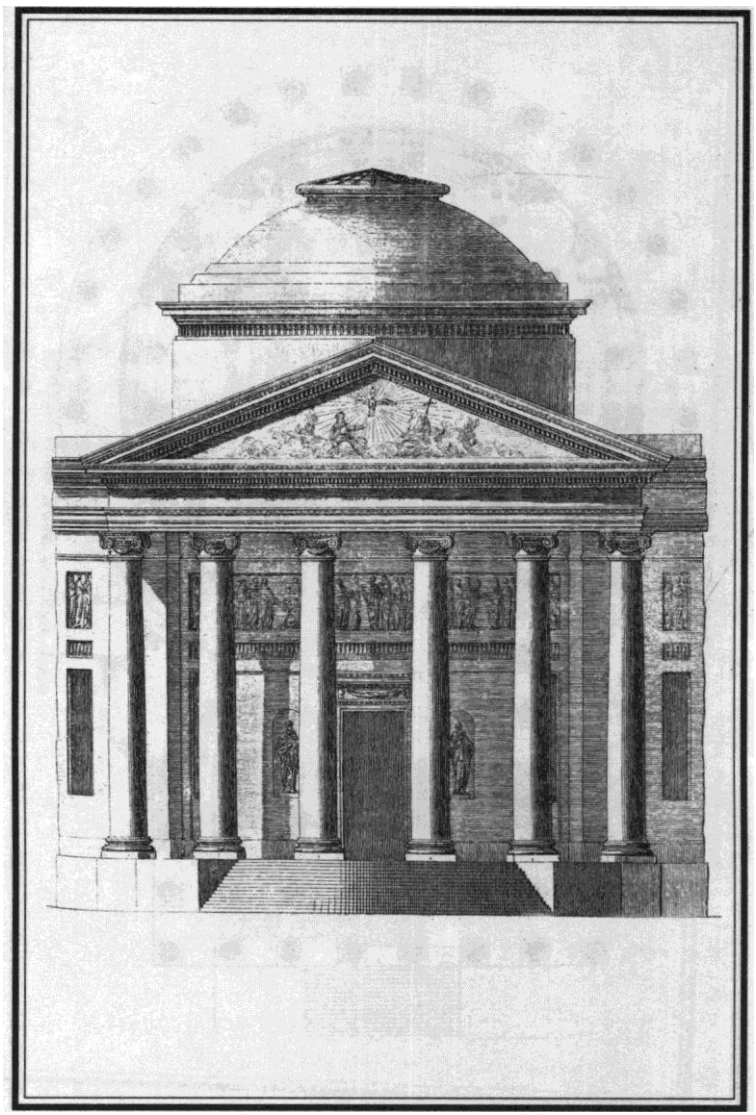
Впрочем, автора проектов это нисколько не смущало: Ж.-Ф. Неф-



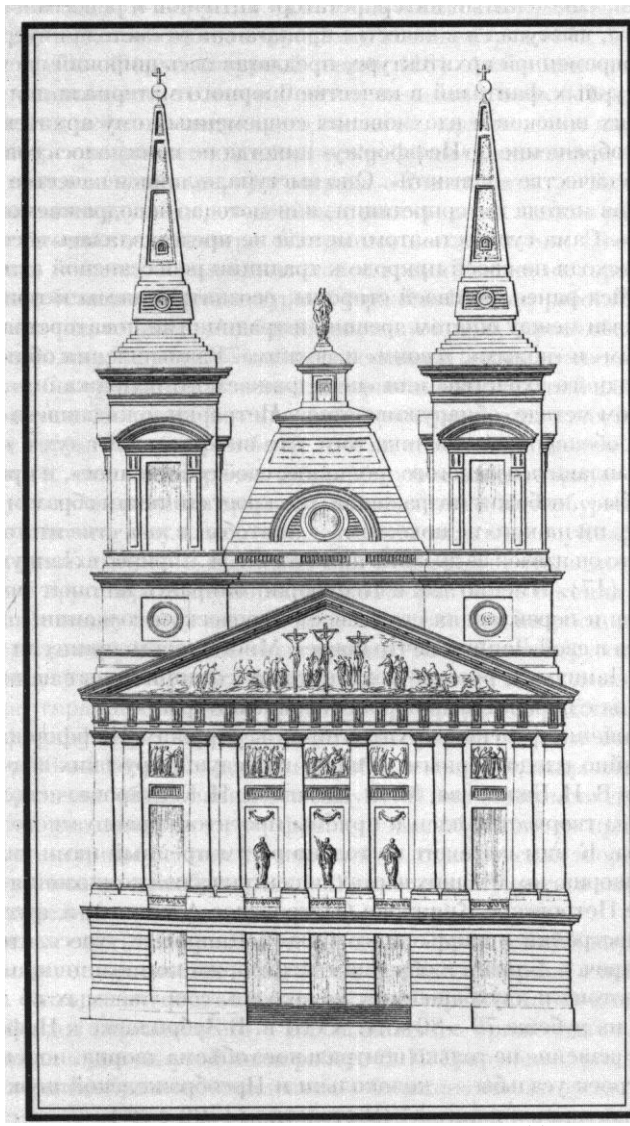
План замка. Проект Ж.-Ф. Неффоржа.
1757—1778 гг.



План ротондалыюго храма. Проект Ж.-Ф. Неффоржа.
1757—1778 гг.



Проект фасада храма-ротонды. Ж.-Ф. Неффорж
1757—1778 гг.



Фасад храма с двумя колокольнями. Проект Ж.-Ф. Неффоржа.
1757—1778 гг.

форж, как «знаменитый интерпретатор» античной и ренессансной архитектуры, выступал и в качестве пропагандиста «метода интерпретации» в современной архитектуре, предлагая весь широкий спектр его архитектурных фантазий в качестве опорного материала для новых творческих поисков и вдохновения современных ему архитекторов. Поэтому обращение к «Неффоржу» никогда не понималось современниками в качестве «плагиата». Оно выступало лишь в качестве одного из приемов метода интерпретации, или метода «неподражаемого подражания». Сама сущность этого метода не представлялась абсолютно новой, восходя по своей природе к традиции ренессансной культуры, пытавшейся ранее, со своей стороны, осознать приемы и принципы взаимосвязи между опытом древних и традициями новаторства, между «старым» и «новым», «своим» и «чужим». Размышления об искусстве «несходного сходства» или «неподражаемого подражания», как о творческом методе, обнаруживаются у Петрарки, ожидавшего от своего многообещающего ученика того, что он «... закалит дух и стиль и сумеет выплавить из многого — единое, своё собственное», и при этом, не то чтобы «...избежит подражания, но скроет его таким образом, чтобы выглядеть ни на кого не похожим...», и чтобы, в качестве итога, казалось «...что он извлёк из древних писателей... и ...принес в Лациум нечто новое...» (17). Именно так и Неффорж, опираясь на опыт предшественников и переплавляя его в своем творческом сознании, пытался «принести в свой Лациум нечто новое». Много нового принесли в «Российский Лациум» и русские архитекторы, соединив опыт национальной школы с наработками европейской культуры.

Обращение русских архитекторов к уврaжам Неффоржа было чрезвычайно плодотворным. Многие из ведущих русских зодчих, не исключая В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, И. Е. Старова, использовали в своём творчестве идеи и приёмы проектов французского интерпретатора. К ним восходит не только рассмотренный нами тип загородного дворца, но, в общих чертах, и центрическая композиция дворца в усадьбе Петровское-Княжище (Петровское-Алабино), и другие усадебные постройки «павильонного типа» («Капризы», «увеселительные дома» и проч.). Близки к образцам Неффоржа композиционные идеи храмов-ротонд и двухбашенных колоколен, сооружаемых во многих усадьбах на рубеже 70—80-х гг. XVIII в. В Зубриловке к Неффоржу восходит решение не только центрального объема дворца, но и культовых построек усадьбы — колокольни и Преображенской церкви, сооруженных лишь к концу XVIII столетия (1790-е гг.).

Отдельные примеры обращения к Неффоржу известны и в начале XIX в., но всё же широкая популярность его проектов в России не

простиралась далее 1780-х гг. Для этого были свои причины. Они открываются при знакомстве с фундаментальным трудом Н. А. Евсиной по отечественной архитектурной теории (18). Автор монографии обращает внимание на то что в России, начиная с эпохи Петра I и на протяжении всего последующего столетия, при издании пособий по архитектуре предпочтение отдавалось работам практического направления, поясняющим, в первую очередь, «Как строить...». И этим объясняется почему, уже переведенные с иностранных языков работы общетеоретического характера оставались неизданными. Необходимо вспомнить и то, что весьма длительное время Россия не торопилась с изданием собственных архитектурных уврaжей. Поэтому работа М. Ф. Ка-
закова над подготовкой «Альбомов партикулярных строений...», представлявших живой практический и современный опыт московской школы зодчества, была, с одной стороны, совершенно уникальной для российской практики, а с другой — являлась примером отставания в этой области от европейских стран более чем на столетие. Наконец, немаловажно и то, что, несмотря на интенсивную и плодотворную деятельность русских теоретиков архитектуры под эгидой Петербургской Академии художеств, результаты этой деятельности, в виде опубликованных теоретических трудов и практических руководств, стали достоянием широкого круга практикующих архитекторов лишь с конца 80-х гг. XVIII в. По всему этому следует допустить, что при возросших с начала 60-х гг. (в силу общеизвестных причин) потребностях русской аристократии в архитекторах и в новых архитектурных идеях легко доступное многотиражное издание проектов Неффоржа, представляющих собою французскую версию «architecture modern», за неимением в России в 60—80-х годах подобных работ и изданий, закрывало собой некую временно образовавшуюся лакуну. И они сохраняли свое влияние до тех пор, пока на смену французским образцам не пришли новые архитектурные веяния и новые имена, пока русская теория и русская практика не приобрели полной самостоятельности и пафоса самоутверждения.

В целом следует признать, что мода на «французский вкус» в частном жилом строительстве оказалась в России элитарной и кратковременной. Интерес к ней довольно скоро был утрачен, и под воздействием новых идей (прежде всего — палладианских, пришедших в Россию, как показал в упомянутой нами работе В. Н. Гращенков, разными путями и в разнообразных «диалектах») большинство загородных дворцов «в стиле Луи XVI», построенных всего двумя десятилетиями раньше, были на рубеже XVIII—XIX вв. существенно обновлены — то есть попросту перестроены. Примеры красноречивы и говорят сами за себя:

дворец в Самуйлове — архитектором Тома де Томоном (1799 г.), в Зубриловке предположительно Д. Кваренги (1812 г.), Елагин дворец — К. Росси (1822 г.). И не только они. Между тем, опыт работы русских зодчих с проектами Нефформа не прошел даром в отношении теории и практики отечественной архитектуры. Отчасти он явился вкладом в процесс сложения и осмысления нового для российской художественной эстетики понятия «вкуса» или «стиля» (19). А кроме того, «тетради» Нефформа оказали влияние, если не на замысел, то на «форму» издания такого основополагающего и практически важного иллюстрированного руководства, каким явилось «Собрание фасадов... для частных строений в городах Российской империи», изданное в Петербурге в 1808—1812 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Будылина М. В. Архитектурное образование в Каменном приказе (1775—1782) // Архитектурное наследство. М., 1963. № 15. С. 20; Гращенков В. Н. Наследие Палладио в архитектуре русского классицизма // Советское искусствознание. М., 1981. Вып. 2 (15). С. 201—234; Басина Н. А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II. М., 1994. С. 100; Ильин М. А. Архитектурная теория французского классицизма // Художественная культура 18 века. ГМИИ им. А. С. Пушкина. Материалы научной конференции. 1973 г. М., 1974. С. 71—79.
2. Перфильева Л. А. Судьба ранних проектов Старова // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 1 (17). М. -Рыбинск, 1994. С. 158—160; Она же. Усадьба Голицыных и Голицыных-Прозоровских Зубриловка. Пензенской обл. // Мир русской усадьбы. М., 1995. С. 226—238.
3. Со времени его первоначального строительства, зубриловский дворец претерпел две капитальные реконструкции (в 1812/13 и 1870-х гг.) и катастрофу 1905 года, когда он был разграблен и сожжен, да так, что три десятилетия от него сохранялся лишь голый остов обгорелых стен. В 1930-е г. дворец восстановили, вернув ему облик внешне, довольно близкий к первоначальному. Но внутренняя планировка оказалась почти полностью утраченной, не говоря уже об отделке, некогда восхищавшей современников, а в предреволюционные годы — поклонников изящной усадебной архитектуры. До конца 1970-х гг. в зубриловском дворце размещался туберкулезный санаторий. После новой катастрофы — прорыва грунтовых вод, затопивших все подвалы здания, санаторий был экстренно эвакуирован, и, к началу реставрационных работ памятник находится почти в таком же виде, в каком его застала Октябрьская революция 1917 г.
4. Белехов Н., Петров А. Старов. Материалы к изучению творчества. М., 1950.С. 37.
5. Грабарь И. Э. История русского искусства. М.. 1909. Т. 8. С. 414; Ежова И. Зубриловка. Надеждино: Дворцовые ансамбли XVIII века в Нижнем Поволжье. Саратов, 1979.
6. Это, впрочем, не исключает для пас возможности более позднего участия Кваренги в реконструкции здания в 1812 г., когда новый его владелец (Ф. С. Голицын) вдруг начал здесь -все знатным образом переделывать» в сознательном желании сделать его «похожим на Павловский дворец». Напомним, что именно в это время и была произведена отделка парадных залов в стиле «Александровского ампира», и, может быть, тогда же ниши фасадов украсили гипсовыми рельефами. — См.: Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1864. Ч. 2. С. 124—126; Верещагин В. Разоренное гнездо // Старые годы. 1908. Март.

7. Самсонова Л. //., Кастальева Т. Б., Можаева Н. А., Цоффка В. В. Дворцовый ансамбль усадьбы Вязомы: типологическое и особенное // Пушкинское наследие и русская усадебная культура. Материалы I Пушкинской научно-практической конференции. Большие Вяземы, 1997. С. 151 —161.
8. Ранее возможность такой атрибуции предлагал искусствовед А. С. Подъяпольский.
9. «Recueil elementarire d' architecture...» Paris, 1757—1768. — «Собрание архитектурных элементов, представляющее главным образом образцы архитектурных ордеров согласно мнению древних и чувству современности» (перевод наш —Л. II.).
10. B. и U. Thieme und F. Becker. Allgeineinez Lexicon der Bildenden Kunstler. Leipzig, 1931. V. 25. P. 407.
11. Ильин М. Указ. соч. С. 77.
12. Гращенков В. Указ. соч.. С. 208.
13. Цит. по: Кантор Е. А. Классическое и неоклассическое во французской архитектуре второй половины XVIII века // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 168.
14. Modèles des Batiments... pour la ville que pour la campagne. Tires du grand oeuver du celebre Neufforge. A Varsovie...
15. Suppement au Recueil... P. 1776. Тетрадь XXIV, черт. III, черт. V — план и главный фасад дворца; тетрадь XXV, черт. II — дворовый фасад. См. рис. 4—5.
16. РГБ. Музей книги.
17. Цит. по: Баткин Л. М. Странности Ренессансной идеи подражания древним. «Imitatio» или «invento» // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 101.
18. Евсина II. А. Архитектурная теория в России второй половины XVIII — начала XIX века. М., 1985.
19. Нащокина М. В. Становление понятия «архитектурный стиль» в процессе развития творческого метода классицизма // История архитектуры. Объект, предмет и метод исследования. М., 1989. С. 100—108.

Н. Г. Преснова

ЕКАТЕРИНА II И ПОДМОСКОВНЫЕ УСАДЬБЫ

Эпоху правления Екатерины II по праву считают «Золотым веком» русского дворянства. Изданный еще Петром III «Манифест о вольности дворянства», освободивший дворян от обязательной службы, вызвал у дворян повышенный интерес к фамильным имениям, что способствовало расцвету русской усадьбы. Екатерина в начальный период своего царствования не только подтвердила основные позиции «Манифеста», но и развила и укрепила ряд других привилегий дворян в «Праве дворянском». Многие владельцы, уйдя в отставку, целиком посвящают себя созданию архитектурно — парковых ансамблей, где можно было предаваться различным забавам: охоте, праздникам, а также наслаждению искусствами и литературой. Это не исключало занятий и хозяйственными делами. Быстрый рост усадеб был характерен именно для Москвы и ее окружения, и усадебный быт становится образом жизни, типичным для москвичей. Как показывают архивные и литературные источники, Екатерина любила навещать своих подданных в их подмосковных гнездах.

Особенной симпатией императрицы пользовалось Кусково — летняя увеселительная резиденция графа П. Б. Шереметева. Сын легендарного фельдмаршала эпохи Петра, обер-камергер при Петре III и Екатерине, в день ее воцарения он был назначен присутствовать в Сенате, а в 1767 г. являлся членом Комиссии но составлению Нового уложения. Яркая характеристика владельцу Кускова дана П. Безсоновым: «Образец екатерининского вельможи-богача, ловкий, хотя не слишком услужливый и довольно самостоятельный придворный; с хитростью, блестевшею в его — несколько скошенных — глазах; важный, но не надменный и со всеми до низших ласковый; не любивший головоломного труда, но очень крепкий природным умом и образованный по-французски; член знати европейской и вместе хлебосольный русский барин; артист в душе для всех искусств — строительного, скульптурно-

го, живописного и сценического, с отличным ко всему вкусом» (1).

До сих пор считалось, что Екатерина приезжала в Кусково дважды: в 1775 и в 1787 гтг Однако, как отмечают камер-фурьерский журнал и другие материалы, императрица наезжала в «Земли лоскутик драгоценный» (2) гораздо чаще. Первые ее приезды в усадьбу были связаны с празднествами, проходившими в Москве после коронации, когда Екатерина длительное время жила в первопрестольной. Из камер-фурьерского журнала становится известным, что 30 января 1763 г. она обедала в Кускове и каталась с сооруженной там снежной горы (3), а 10 июня того же года прогуливалась по кусковскому парку, плавала на лодке по пруду и затем играла в карты (4).

В те годы Кусково выглядело уже сложившейся усадьбой, в которой был разбит французский парк, вырыты пруды, построены многие парковые павильоны: Голландский и Итальянский домики, Грот, церковь, Кухонный флигель. Оранжерея отделывалась, Эрмитажа и дворца еще не существовало (на месте последнего стояли деревянные Старые хоромы).

В следующий раз Екатерина пожаловала к Шереметеву через 12 лет, в связи с подготовкой и празднованием в Москве Кючук-Кайнарджийского мира с турками. «Марта 22-го бывши в Москве, а после Ходынскаго торжества в Августе 23-го числа 1775 года императрица, в сопровождении двора и иностранцев, посетила Кусково. ..Она отметила, чего Кускову недоставало, подарила саду статуи и — особенно — массы мрамора» (5). Кроме того, дополняет камер-фурьерский журнал, «23 августа государыня изволила отобедать в Гроте — парковом павильоне Кускова (6), а 27 августа того же года она вновь обедает в Кускове» (7).

Как известно, в 1771 г. были завершены работы по ракушечной отделке интерьеров Грота, и поэтому неслучайно граф П. Б. Шереметев избрал для приема императрицы сказочное окружение, напоминающее «Нептуново царство».

К этому времени в имении только отстроили новый деревянный дворец
на каменном фундаменте, и хозяину было где принять государыню. Дворец (или «Большой дом») украсили портреты графа П. Б. Шереметева кисти Г. Х. Гроота 1747г. (на котором он представлен с ключом камергера) и работы Н. Б. Делапьера 1770 г. (где он изображен с собственным сочинением — «Уставом о должностях камергеров»). Кроме того, камергерские ключи использованы в живописном убранстве главного зала
дворца — «Галлерее» (Танцевальном). Все это свидетельствует о том, какое важное' значение придавал владелец усадьбы своей придворной дол-

силий Панов и Мартын Андреевич (Казаков?) позднее изваяли колонну со статуей Минервы и обелиск, украшающие усадебный парк и поныне. Колонна, увенчанная статуей Минервы, аллегорически изображающей саму Екатерину, получила надпись о ее посещении усадьбы: «В память чего благодарность сей монументъ изъ пожертвованнаго Ея Величествомъ мрамора соорудила». Этот монумент был установлен на партере парка, около здания Оранжереи, там, где раньше его перегораживала решетка, созданная но рисунку императрицы. Пирамидальный обелиск, напоминающий знаменитый царскосельский и сооруженный перед дворцом, был также отмечен мемориальной надписью, сочиненной самой государыней: «Екатерина II пожаловала графу П. Б. Шереметеву въ 1785 году, во время бытности его губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства».

Граф, действительно выбранный в 1780 г. первым Московским губернским предводителем, был удостоен и второго подарка от Екатерины. В конце 1782 г., во время своей поездки в Петербург для представления государыне, он получил ее портрет, свидетельством чего является надпись на его обороте: «Оной портреть Ея императорское величество всемилостивейше соизволила Пожаловать Графу Петру Борисовичу При отъезде Ево изъ Петербурга Генваря 13-го дня 1783-го Года». Эта фамильная реликвия хранится до сего времени в Кускове.

И, наконец, шестой (и последний) раз Екатерина посетила Кусково в 1787 г., празднуя в Москве 25-летие своего правления. Как указывают литературные источники: «Июня 30-го 1787 года, — в 3 часа пополудни, императрица отправилась в Кусково со всем двором, блестящею свитою и великолепным князем Тавриды. То было последнее звено в ряду триумфальных торжеств, начавшихся путешествием в Крым...» (8). Для въезда государыни была специально сооружена триумфальная арка. Перед въездом в парк, в разрезной Беседке, стоящей рядом с Голландским домиком и убранной дорогами деревьями и цветами, размещены были символические картины, с приветственными надписями, а наверху беседки играла музыка. На Большом пруду с многочисленных, украшенных флагами судов и с берегов гремели пушечные салюты. Ко дворцу вела живая галерея: здесь стояли попарно жители и служители Кускова с корзинами цветов, девушки в белых платьях и венках рассыпали букеты на пути. Через французский парк хозяин провел Екатерину в сад английский и лабиринт, где при вечернем солнце показал свои прихотливые сооружения и редкости, а отсюда пригласил в Театр, где давали оперу «Самнитские браки» и в заключение балет. В онере в главной партии выступала прославленная актриса крепостного театра Прасковья Жемчугова. На возвратном пути

из Театра Большой сад весь блестел огнями. Перед дворцом, на главном пруду, можно было увидеть множество разнообразных суденышек, па которых катались посетители и песельники с песнями. Два обелиска-колонны на противоположном берегу обращены были в маяки, между ними установлен щит с вензелем государыни, и завершалась эта перспектива каскадами воды на канале, ведущем к селу Вешнякову. Подобно древней Ольге, Екатерина пустила из своих рук механического голубя с огнем: загорелся щит, начался великолепный фейерверк, бесчисленные толпы народа любовались им, гуляя целую ночь. Завершился праздник торжественным ужином в Танцевальном зале дворца, называвшемся тогда Зеркальной галереей, в течение которого певчие исполняли Екатерининскую канту («Славься сим, Екатерина»). По дороге, освещенной плошками, фонарями и смоляными бочками, государыня вернулась в Москву уже к утренней заре.

Французский посланник в России граф Сегюр, бывший на этом приеме, выразил свое неподдельное удивление по поводу театрального спектакля, исходившего на кусковской сцене. «Я мог только судить о музыке и танцах, и меня удивило изящество мелодий, богатство нарядов, ловкость и легкость танцовщиков и танцовщиц. Но более всего меня поразило то, что автор слов и музыки оперы, архитектор, построивший театр, живописец, который его расписал, актеры и актрисы, кордебалет и самые музыканты оркестра, все были крепостные люди графа Шереметева. Этот помещик, один из богатейших в России, позаботился напитать их и обучить; ему обязаны они были своими талантами» (9).

Интересно отметить, что в репертуаре кусковского театра был спектакль «Царевич Февей», поставленный по сочиненной Екатериной II пьесе.

Сепор в своих воспоминаниях не забыл указать и на ужин, «который был также роскошен как представление; никогда я не видывал такого множества золотых и серебряных сосудов, столько фарфора, мрамора и порфира. Наконец (что многим кажется невероятным), весь хрусталь на столе на 100 приборов был изукрашен и осыпан дорогими каменьями, всех цветов и родов и самой высокой цены» (10).

Граф Е. Ф. Комаровский, видевший :туг праздник, отмечает в своих «Записках»: «Что более всего меня удивило, это плато, которое поставлено было перед императрицею за ужином. Оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, и на возвышении том был вензель императрицы из довольно крупных бриллиантов» (11).

Граф П. Б. Шереметев принимал Екатерину не только в Кускове, но и в другой своей вотчине — Мещеринове, которое императрица посещала дважды: «В первый раз на пути в Коломну, в 1764, а после

в 1775-м году» (12). Один из этих приездов отмечен в камер-фурьерском журнале, в котором речь идет о том. что «14 октября 1775 г. по дороге в Коломну Екатерина осматривает древности, картины и строение дома в усадьбе Мещерииово» (13), принадлежавшей легендарному фельдмаршалу Петра I графу Борису Петровичу Шереметеву. Мещерииовский усадебный дом, двухэтажный, белокаменный, с двумя высокими шпилевидными башнями на углах, был построен в 1710 г. по инициативе самого фельдмаршала, о чем свидетельствовала надпись на его фасаде: «Совершися сіе зданіе 1710 года Сентября въ 25 день. Борисъ Петровичъ Шереметевъ» (14). Фасад украшала также каменная конная патуя фельдмаршала (быть может, барельеф?) с надписью «Hostis militatum» и датой постройки — «1711». По словам Н. Иванчина — Писарева, в доме были двери с пейзажными росписями работы иностранных художников 1-й четв. XVIII в. и печные узорочные изразцы, привезенные из Голландии (очевидно, знаменитый дельфтский фаянс).

Усадебному ансамблю принадлежала церковь Рождества Богородицы, построенная в конце XVII в. боярами Шереметевыми и имевшая два придела: Введенский и Всехсвятский. Над иконостасом располагаюсь резное распятие в человеческий рост, привезенное Борисом Петровичем из Рима — подарок Папы. В церкви хранилась чудотворная икона Рождества Богородицы, которая якобы исцелила в 1691 г. одну из местных женщин от увечья.

Все эти символические детали свидетельствуют о том, что Мещериново было во времена фельдмаршала его главной резиденцией среди многочисленных имений и, вероятно, хранило многие фамильные реликвии, что и могло вызвать особый интерес Екатерины II к этой усадьбе.

«Изумлявший своей пышностью иноземных Монархов и их послов, этот вельможа (граф П. Б. Шереметев —Н. П.) умел также достойно встретить и угостить свою Царицу в отцовском доме, как и в чертогах Кускова. Еще живы сельские старики, которые помнят это и рассказывают, как они, все от мала до велика, вместе со своим Графом, встречали и провожали Матушку, и однажды ночью, с тысячью факелов, между рядов горевших дехтярных бочек, расставленных на пространстве нескольких верст. Четырнадцать деревянных домов были наскоро построены при этом случае для помещения более пятисот дворян, знатных и не знатных, сопровождавших Государыню или желавших только видеть ее. Мне показывали комнату, в которой она ночевала в оба приезда в Мещериново» (15).

Екатерина жаловала своими визитами не только блистательного графа П. Б. Шереметева, но и других именитых дворян в их подмосков-

пых, Камер-фурьерский журнал приводит сведения, что дважды (8 мая 1763 и 24 сентября 1775 г.) императрица приезжала в Петровское, к владельцу усадьбы, гетману Украины, графу К. Г. Разумовскому (16). «Он был хорош собою, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата своего» — так отзывалась о нем Екатерина.

«Екатерина, отправляясь на коронацию в Москву, останавливалась в Петровском. Здесь провела она несколько дней, посещая изредка город под строгим инкогнито. Здесь увидел ее Державин, находившийся тогда простым солдатом на карауле при Петровском доме. Петровское .. .походило скорее на город, чем на дачу. Оно состояло из сорока или пятидесяти домов разной величины. У...Разумовского находились здесь телохранители, множество слуг, оркестр музыки. Огромные Петровские пруды были выкопаны работниками-малороссами. Граф жил, окруженный блестящим военным штатом, генерал-флигель-адъютантами, ординарцами, почетными караулами, целою толпою егерей, гайдуков, гусаров, скороходов, карликов и всяких других телохранителей» (17).

Имение, названное по несохранившейся церкви Петра и Павла, было приобретено Разумовским в середине XVIII в. и с этого времени стало именоваться Петровским-Разумовским.

Существовавший в ту пору дворец, стоявший недалеко от церкви, видимо, соединялся с ней внутренним переходом. В саду, рядом с дворцом, находился храм Аполлона с небольшими жилыми комнатами по обеим его сторонам. Площадку перед дворцом украшала аллегорическая мраморная скульптура времен года.

Регулярный парк спускался к пруду двумя террасами, разделенными балюстрадой со скульптурой. Со второй террасы гости графа могли полюбоваться на театральную забаву. Здесь «между прочими сочетаниями деревьев в виде арок, ниш, колонн, стен и пр., находился Летний театр, кулисы которого состояли из настоящих деревьев и изгороди, а сцена и амфитеатр из земляной насыпи; между ними помещался оркестр в углублении» (18). Недалеко от театра располагались оранжереи и зверинец. Кроме того, в парке было два грота: один из них, созданный из искусственной насыпи и украшенный колоннадой, сохранился, другой — более затейливый, с темными переходами и пещерой, позднее был срыт. (Ныне территорию усадьбы занимает Сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева).

Екатерина II, еще будучи великой княгиней, очень любила семейство Нарышкиных, которые составляли ее самое дружеское общество. Особое место в нем занимали братья Александр Александрович — обер-шенк, сенатор и камергер и Лев Александрович — обершталмейстер.

Последний восхищал государыню своим комическим талантом, причем это впечатление было столь сильным, что Екатерина посвятила ему комедию «L'Insouciant» («Беспечный») и два юмористических очерка, называла его «арлекином», «слабым головой и бесхарактерным». Императрица часто ездила к нему в гости, и о том, каким он был радушным хозяином, свидетельствуют стихи Г. Р. Державина:

«Твой дом утехой расцветает
И всяк под тень его идет.
Идут прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тем. то сем повеселиться;
В бостон и в шашки поиграть;
И словом: радость всю, забаву
Столицы ты к себе вместил...
Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить в своем раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходят в храмину твою...
Оставя Короли престолы
и Ханы — у тебя гостят:
Киргизы, Немчики, Моголы
Салму и соусы едят».

У Нарышкиных были подмосковные имения в Кунцеве: у Льва Александровича — Кунцево-Знаменское, у Александра Александровича — Покровское-Фили.

«Кунцево было ознаменовано посещением самодержицы летом 1783 года. Это было 7 июня, в субботу. Оказывая свое высочайшее и всемилостивейшее благоволение к обер-шенку Александру Александровичу и к шталмейстеру Льву Александровичу, государыня соизволила удостоить высочайшим своим присутствием подмосковные их домы, с придворною свитой. Из Москвы до перевоза, вероятно, под Шелепихою, императрица ехала в каретах, а через реку переправлялась на собственном великолепно убранном пароме Александра Александровича Нарышкина.

Поезд направился прежде всего в селе Покровское — Фили, и встречен был, при колокольном звоне, священником села с крестом и всем причтом, причем производилась пушечная пальба. Государыня, приложась животворящему кресту, изволила пойти в церковь, где совершено было молебствие, потом изволила вступить в покои хозяина, где был уже приготовлен роскошный стол... По окончании обеда госуда-

рыня гуляла в саду и оттуда проходила смотреть яхту, которая до начатия еще российского флота была сделана и хранилась в нарочно устроенном месте...

Оттуда государыня отправилась в Кунцево-Знаменское к шталмейстеру Льву Александровичу, где в доме и вечернее кушанье изволила кушать, причем также при пушечной пальбе и таким же порядком были питы здоровье императрицы, цесаревича, всех верных рабов Ея Величества и здоровье домохозяина с фамилиею. Государыня оставалась и после ужина несколько времени, а потом при пушечной пальбе возвратилась в Москву трактом на село Покровское, где церковь и дом помещика, а равно и вся дорога до перевозу пребогато были иллюминованы» (19).

Из многочисленных подмосковных Екатерина II отметила своим вниманием и Знаменское-Губайлово князя Василия Михайловича Долгорукова, произведенного в день коронования императрицы в генерал-аншефы. При объявлении первой войны с Турцией ему было поручено охранять крымские границы России, а в следующем году — велено вторгнуться с военным корпусом в Крым. Эта задача была им выполнена блестяще, после чего государыня наградила Долгорукова орденом ев. Георгия I степени и титулом Крымского. «Он жил по-русски, хороший был хлебосол, щедрый человек, благоприступен» — так оценил его И. М. Долгоруков в «Капище моего сердца».

Как отмечают источники, императрица побывала в Знаменском дважды: «2 мая 1763 года — По дороге в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь Императрица обедала и смотрела ловлю рыбы в пруду — в селе Знаменское» (20). Второй раз Екатерина посетила усадьбу 21 декабря 1773 г. вместе с великим князем Павлом Петровичем и великой княгиней Марией Федоровной в связи с освящением церкви (21). Церковь Знамения Пресвятой Богородицы, построенную в 1683 г. бригадиром Василием Ивановичем Волынским (в дальнейшем неоднократно перестроенную), освящал епископ Крутицкий и Можайский преосвященнейший Самуил. «Храм был очень мал: видно было, что устроен был он владельцем именно для себя и своих, может быть, дворовых, людей, так как по обеим сторонам храма, за клиросами, находились особые местечки на одну ступеньку выше остального пола, обитые сукном и обнесенные решетками» (22).

Как указывается в том же очерке, в Знаменской церкви хранились когда-то два барельефа, привезенные Долгоруковыми из Кафы (Феодосии). На одном из них был изображен Георгий Победоносец, пронзающий копьем дракона, и высечена дата «1330», означавшая, вероятно, год создания барельефа. На другом — Мария Магдалина с дву-

мя ангелами. Надпись, высеченная по-латыни, гласила, что данный барельеф выполнен «во времена славного Готфрида, генуэзского консула в «Кафе в лето 1352, первого дня месяца января», Установка барельефов в церкви также была сопровождена соответствующей надписью: «Привезено в 1771 г. из гор. Кафы князем Василием Михайловичем Долгоруковым-Крымским. А поставлено на сие место в 1826 г. внуком его князем Николаем Васильевичем Долгоруковым» (23). Кто знает, хранились ли эти барельефы в Знаменской церкви с момента их приобретения до установки. Но если это так, то Екатерина, присутствовавшая на освящении, могла видеть и эти старинные диковинки.

Трудно утверждать, что еще находилось в Знаменском к моменту приезда императрицы, так как известно, что владелец усадьбы увлекся ее строительством, выйдя в отставку в 1775 г. Им был воздвигнут господский дом с двумя одноэтажными флигелями, построен просторный манеж, разбит обширный пейзажный парк с гротами, оранжереями, молочной фермой и павильоном, с колоннами, напоминавшим Музыкальный салон в Царском Селе.

С освящением еще одной усадебной церкви была связана поездка Екатерины в подмосковное село Остров в 1767 г. (24). В этом же году императрица пожаловала село в потомственное и вечное владение графу А. Г. Орлову — одному из активнейших участников переворота, возведшего императрицу на престол, герою Чесмы. Название села произошло от леса, старого бора, казавшегося, действительно, островом среди открытых полей и лугов. Но настоящей жемчужиной этой местности являлась шатровая церковь Преображения — уникальный памятник, по преданию, построенный Иваном Грозным во второй половине XVI в. Храм сооружен из белого камня, декорирован пирамидами кокошников и в своем убранстве имеет детали, не встречающиеся в русском каменном зодчестве.

При Орлове здесь были дворцовые постройки и сооружения летнего павильонного типа, проходили многолюдные охоты, столь любимые владельцем. 6 мая 1782 г. граф Орлов праздновал в Острове свое бракосочетание с Е. Н. Лопухиной, и это торжество продолжалось несколько дней.

Еще одно владение А. Г. Орлова было отмечено посещением Екатерины, но уже в 1787 г. — находящееся рядом с Нескучным. Англичанин Кокс после своего приезда в усадьбу в 1790-х гг. писал: «Дом находился на краю города, на возвышенном месте; у него очень хороший вид на Москву и окрестности. Вокруг него расположено много отдельных зданий. Помещения служащих, конюшни, берейторская школа и другие здания построены из булыжника, фундамент и нижний

этаж графских хором также из булыжника, верх же деревянный и выкрашен в зеленую краску» (25). Это необычное зеленое жилище Орлова своей неподобающей скромностью вызвало сетования императрицы. «Какое-то очарование окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшего на лаврах в простоте частной жизни, и привлекало к нему любовь народную. Неограниченно было уважение к нему всех сословий Москвы, и это общее уважение было данью не сану богатого вельможи, но личным его качествам», — писал С. П. Жихарев.

При Орлове в Нескучном был разбит английский сад с павильонами, беседками, мостиками через овраги и ручьи, оранжереями. Гордостью усадьбы были Манеж, в котором устраивались карусели, и «Воздушный театр», где давались патриотические аллегории на фоне естественных декораций.

1775 год, как и 1763-й, был периодом длительного пребывания Екатерины II в Москве, что было связано с празднованием мира с турками. «С тою же свитой, да еще с батальонами гвардии, посетительница направилась из Кускова верст за десять, в имение, недавно пред тем приобретенное Румянцевым, в село Троицкое, чтобы продолжить тогдашний триумф героя в его собственном доме и владении» (26). Троицким с 1760 г. владел граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, знаменитый полководец, главнокомандующий русской армией в первой турецкой войне, получивший после Кючук-Кайиарджийского мира титул Задунайского и фельдмаршальский жезл. К селу прилегали две деревни: Фенино и Зенино, названные так по именам дочерей графа. В Троицком были выстроены главный дом в формах псевдоготики (не сохранился) и церковь, приписываемая В. И. Баженову, значительно расширен и перепланирован парк, выкопаны пруды, устроены оранжереи. Аллеи в парке подводили к площадкам, носившим названия взятых русскими войсками турецких крепостей, что свидетельствовало о ратных подвигах владельца.

Итак, «Екатерина II праздновала здесь Кючук-Кайнарджийский мир после своего десятидневного празднества в столице. По преданию, государыня встретила там великолепный бал и народный праздник. «Троицкое» в то время представляло роскошную царскую дачу, вроде французского Версаля, где государыню окружал весь блестящий ее двор. Министры, вельможи, полководцы, иностранные послы, несколько полков гвардии были расположены по окрестным полям и рощам Троицкого; тысячи народа пировали на празднике; для всех был стол и вино полной чашей. Верстах в двух от теперешней фермы старожилы указывали место под названием Столы; здесь праздник продолжался несколько дней. Для государыни были разбиты роскошные шатры, в од-

ном из них был накрыт обеденный стол; поеле стола царица слушала музыку, цыганские песни и смотрела на пляску. Вечером после заревой пушки были иллюминации и фейерверк; по преданию, государыня отослала почетный караул, назначенный для нее, в лагерь за кагульскую ферму, препоручив себя караулить народу, кочевавшему всю ночь в троицких саду и селе. Государыня, уезжая из Троицкого, изъявила желание, чтобы дом свой в имении П. А. Румянцев-Задунайский назвал «Кайнарджи» в память того, что здесь среди роскошного пира не забыт был и мир с турками» (27).

Уже в 1833 г. младший сын фельдмаршала — граф С. П. Румянцев в память приезда Екатерины поставил в деревне Фенино памятник императрице работы В: И. Демут-Малиновского, восходящий к «Статуе Мира» Кановы. На постаменте стоит бюст Екатерины с надписью под ним «Кайнарджи», под ней змей поднимает голову к трофеям Задунайского, но богиня Мира, стоящая справа, чуть опираясь на пьедестал, попирает змею и предстоит перед императрицей. На постаменте надпись, объясняющая новое название села: «От Екатерины дана сему месту знаменитость, оглашающая навсегда заслуги графа Румянцева-Задунайского».

15—16 сентября 1775 г. государыня навестила другого фельдмаршала, участника Семилетней войны, президента Военной коллегии графа Захара Григорьевича Чернышева в его имении Я|юполец (28). «З. Г. Чернышев пользовался отличным уважением и был разумным администратором по военной и гражданской части» (Н. В. Репнин).

К этому времени Ярополец представлял уже сложившийся ансамбль. Владелец превратил усадьбу в великолепную резидецию вельможи с дворцом, церковью, хозяйственными корпусами и парками, регулярным и пейзажным, что дало основание современникам называть Ярополец Чернышевых «Русским Версалем». Регулярный липовый парк спускался к пруду тремя террасами: на первой был разбит фруктовый сад, на второй построены оранжереи, на третьей поставлен обелиск из гранита в память о приезде императрицы. В пейзажном парке находились овальный «Храм дружбы», ванный домик в помпейском стиле, павильон под статуей Екатерины и так называемая «Мечеть», построенная в 1774 г. в ознаменование победы России над Турцией. В ее сооружении были использованы чертежи английского архитектора, теоретика и практика садового искусства Чемберса. Эти постройки не сохранились, как и обелиск в честь Г. А. Потемкина. Интересна была отделка интерьеров усадебных зданий. Так, Голубой зал дворца украшали мраморные медальоны с барельефными портретами Чернышевых работы Рашетта и их гербами. Стены оранжереи

были оформлены прицеленными из Крыма старинными генуэзскими рельефами, а также изразцами XVII в. «новоиерусалимской» работы мастерской Никона из иконостаса церкви села Суворова (29).

Все это могла видеть Екатерина в Яропольце, за исключением необычной по композиции двухкупальной Казанской церкви, построенной в 1780-е гг.

Как указывает камер-фурьерский журнал, 16 октября 1775 г. императрица обедала в селе Быково у Михаила Михайловича Измайлова, начальника «Экспедиции кремлевских строений» (30). Под его руководством работал В. И. Баженов, который принял деятельное участие в строительстве усадьбы. По его проектам были возведены дворец, церковь и беседка в парке. В XIX в. дворец был перестроен заново, от баженовского сохранились только подводящие к главному фасаду пандусы с белокаменной балюстрадой. В настоящее время в ансамбле утрачены хозяйственные и большинство парковых сооружений, в том числе Эрмитаж, и белокаменная пристань у пруда. Жемчужиной усадьбы является сохранившаяся Владимирская церковь, построенная в псевдоготическом стиле — уже после приезда государыни.

«Возвращаясь из Калуги в Москву, императрица обедала в Никольском у бригадира Поливанова и затем она по дороге остановилась в селе Воронове, принадлежащем графу Ивану Илларионовичу Воронцову. Достигнув села 17 декабря, Ее Величество была принята графом с семьей и ее отвели в предназначенные для нее апартаменты, куда она и удалилась. Вечером фрейлины и кавалеры кушали в зале. В селе Воронове Ее Императорское Величество провело ночь. Дом графа и перспективы были иллюминованы. В пятницу, 18 декабря (того же 1775 г. —Н. П.) в Воронове перед обедом Ее Императорское Величество вышла из своих внутренних апартаментов и вместе с кавалерами из свиты играла в шахматы. В полдень Ее Величество соизволила отобедать вместе с фрейлинами и кавалерами из свиты, а также с гостями общим числом в 27 человек и среди них хозяйка имения Мария Артемьевна Воронцова» (31). В память о посещении Екатерины в Воронове были поставлены каменные обелиски по сторонам главной аллеи.

Хозяин имения Иван Илларионович Воронцов, генерал-поручик, п|)езидент Вотчинной коллегии, был представителем известной дворянской фамилии, но не сделал сталь блестящей карьеры, как его братья генерал-аншеф Роман Илларионович и вице-канцлер Михаил Илларионович. О том, как выглядела при нем усадьба, дает представление межевой план 1766 г. (РГАДА). Центр имения занимали два рядом стоящих жилых дома, один из которых большего размера, был каменным, другой, меньший, — деревянным. От жилых домов к парку спускался

регулярный парк с террасой, лестницей, гротом и беседками. До настоящего времени в Воронове сохранились церковь и парковый павильон Голландский домик, построенные в середине XVIII века К. Бланком, известным в ту пору московским архитектором.

Кроме перечисленных усадеб, более или менее полно отраженных в литературных источниках, были и такие подмосковные, посещаемые Екатериной II, о которых сохранились лишь краткие упоминания. Так, в камер-фурьерском журнале есть отметки о ее приездах 5 мая 1763 г. и в августе 1775 г. к Лопухиным в усадьбу Садки (32). Садки (Ивановское-Садки) принадлежали тогда Федору Абрамовичу Лопухину, мужу сестры графа П. Б. Шереметева — Веры Борисовны. На средства владельцев в усадьбе в 1741 г. была построена церковь Иоанна Предтечи.

В том же источнике записано: «26 апреля 1763 г. императрица посетила Воробьевы горы и заезжала в Васильевское к князю Долгорукову» (33). Усадьба Васильевское принадлежала тогда В. М. Долгорукову-Крымскому и, вероятно, была названа по его имени. При нем в 1756—1761 гг. на берегу Москвы-реки был построен большой каменный дом и разбит регулярный парк с двумя копаными прудами. Самым подробным архивным документом, содержащим сведения об имении, является опись, составленная архитектором Р. Казаковым на рубеже XVIII.—XIX вв. И, хотя этот источник охватывает более поздний период в жизни Васильевского, возможно, в нем указаны те постройки, которые существовали к приезду Екатерины. Из описи (34) следует, что в главном доме на втором этаже находилась церковь, к началу XIX в. упраздненная. Несколько парадных комнат в доме были украшены резьбой и росписями, большинство же покоев были оклеены бумажными обоями. Близ дома располагались разнообразные хозяйственные сооружения: людские, кухня, ледник, погреб, хлебные амбары, навесы для домашнего изготовления ветчины; в саду находились мыльня, горница, погреб для варенья, сарай для коз, конюшня, два каретных сарая, кузница, а в роще, на берегу Москвы-реки — трактир.

Столь немалый перечень подмосковных усадеб, связанных с приездами Екатерины II, свидетельствует о том, что императрица проявляла к ним большой интерес и охотно наезжала к их владельцам. Как показывает данный экскурс, мотивы ее посещений были самые разнообразные: простые будничные занятия (обеды, рыбная ловля в пруду, игра в карты и шахматы), познавательные цели (знакомство с усадебными коллекциями), участие в русских обрядах (освящение церквей) и, наконец, грандиозные празднества, сопровождавшиеся шествиями, театральными спектаклями, народными гуляниями и угощениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Безсонов П. Прасковья Ивановна графиня Шереметева, ея на|юдная песня и родное ея Кусково. М., 1872. С. 33.
2. Так называл Кусково родственник Шереметевых князь И. М. Долгорукий.
3. Камер-фурьерский журнал за 1763 г. С. 23.
4. Там же. С. 113. Все сведения, почерпнутые из данного источника, предоставлены Л. С. Артемьевой.
5. Бсзсонов П. Указ. соч. С. 30—31.
6. Камер-фурьерский журнал за 1775 г. С. 530.
7. Там же. С. 541.
8. Безсонов П. Указ. соч. С. 32—33.
9. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб., 1865. С. 236.
10. Там же.
11. Записки графа Е. Ф. Комаровского. М.,1990. С. 14.
12. Иванчин-Писарев Н. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1844. С. 55.
13. Камер-фурьерский журнал за 1775 г. С. 667.
14. Там же.
15. Там же. С. 55—56.
16. Там же.
17. Пыляев М. И. Старая Москва. М., 1990. С. 179.
18. Чаянова О. Парк и воздушный театр Петровско-Разумовского // Среди коллекционеров. 1924. № 7- 8. С.49.
19. Забелин И. Е. Кунцово и древний Сетунский стан. М., 1873. С. 205—206.
20. Камер-фурьерский журнал за 1763 г. С. 74.
21. Поляков И. А. Село Губайлово-Знаменскос Московского уезда //Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины. М., 1906. Т. 3. Вып. 2.
22. Там же.
23. Там же.
24. Камер-фурьерский журнал за 1767 г. С. 298; Шамурин Ю. Подмосковные. Ч. И. М., 1914.
25. Шамрин Ю. Указ. соч.
26. Безсонов П. Указ.соч. С. 31.
27. Пыляев М. И. Указ. соч. С. 138.
28. Камер-фурьерский журнал за 1775 г. С. 591—592.
29. Греч А. Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества. № 32. 1995.
30. Камер-фурьерский журнал за 1775 г. С. 59.
31. Из камер-фурьерекого журнала по Палентреер С. Н. Усадьба Вороново. М., 1960. С. 14.
32. Камер-фурьерский журнал за 1763 г. С. 78—79.
33. Там же. С. 69.
34. Нащокина М. В. История усадьбы Васильевское // Мир русской усадьбы. М., 1995. С. 123—124.

Раздел по усадьбе «Кусково» подготовлен в соавторстве с Э. Д. Журавской (см.: Екатерина Великая и Москва. Каталог. Выставка, посвященная 850-летию Москвы. ГТГ. М., 1997).

М. В. Нащокина

РУССКИЕ УСАДЬБЫ ЭПОХИ СИМВОЛИЗМА

«...По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листы.

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решеткой мелькает резной...»

А. А. Блок. Соловьиный сад

Русские усадьбы второй половины XIX — начала XX вв. в последнее время все больше притягивают к себе внимание историков. Это закономерно, поскольку они наименее исследованы. Великая реформа 1861 г., внесшая структурные изменения в усадебное хозяйство и быт, не остановила дальнейшего развития существовавших и появления новых усадебных комплексов. Конечно, в 1860—1890 гг. произошло некоторое сокращение строительства новых усадеб, но преобразование старых комплексов никогда не прекращалось.

Примеров тому можно привести множество. В обзоре помещичьих имений новгородской губернии за 1916 год (1), где, как правило, помечены даты возведения главного дома читаем: Александровка Е. Н. Сиротининой — дом 1895 г., Брызгалово Сукиных — дом 1880-х годов, Василево Н. И. Каменской — дом 1879 г., Вашково А. П. Шестакова — дом 1875 г., Головково В. Г. Фаворского — дом 1895 г., Гришина Гора Л. П. Самсоновой (Лупандиной) — дом 1903 г., Дворищи Н. А. Долгорукого — дом 1898 г., Ждани Аничковых — дом 1867 г., Забытное Висленевых — дом 1889 г. и т. д. Аналогичные перечни можно, видимо, составить и по большинству других губерний Центральной России. Все это свидетельствует о том, что в конце XIX — начале XX вв. усадьба продолжала занимать существенное место в российской действительности.

Длилась и ее жизнь в русской культуре.

Интерес к усадьбе обозначенного периода определяется и общим вниманием к культуре «серебряного века», познание которой постоянно углубляется. Сравнительно новым аспектом ее изучения является проблема символизма как значительного художественного направления рубежа и первого десятилетия XX в. В авангарде исследования русского символизма естественно находится литературоведение — как известно, именно в литературе это течение было терминологически отрефлектировано еще современниками. В последние годы растет число работ, вводящих понятие «символизм» в изобразительные искусства (2) и в архитектуру (3). Среди них роль своеобразного мировоззренческого фундамента несомненно принадлежит исследованиям Г. Ю. Стернина — пионера изучения этой темы в нашем искусствознании. Многогранность затронутой проблемы и ее пока недолгая исследовательская жизнь оставляет широкое поле для дальнейших научных поисков. В частно<ти, усадьбы эпохи символизма как целостный культурный феномен, обладающий яркими характеристическими чертами и ограниченный определенными временными рамками, до сих пор не рассматривались.

Для того, чтобы попытаться определить усадьбы русского символизма, наметим канву формирования этого направления, истоки которого имели западноевропейское происхождение. Введение в 1886 г. французским поэтом Жаном Мореасом термина «символизм» (в программном произведении «Манифестсимволизма»), фактически, завершило процесс самоопределения нового художественного течения, признаки которого появились в искусстве Западной Европы еще в 1850—1860-х годах. Стихотворные опусы Бодлера, оперы Вагнера, живопись прерафаэлитов, философские идеи Д. Рескина, многообразная деятельность У. Морриса — вот вехи, способствовавшие формированию основ художественного мышления символизма (4).

Постоянное внимание к западноевропейской культурной жизни, характерное для всей русской культуры второй половины XIX в., способствовало быстрому укоренению его идей и на русской почве, обусловило «предрасположенность» к нему многих русских художников, литераторов, музыкантов, архитекторов. В России хорошо были известны произведения классиков литературы символизма К. Гюисманса, Г. д'Аннунцио, К. Гамсуна, М. Метерлинка, А. Стриндберга, Г. Ибсена, А. Рембо, П. Верлена, С. Малларме, вызывали интерес живописные работы А. Беклина, У. Крэна, Дж. Уистлера, Г. Моро, Ф. Штука, Ф. Кнопфа, О. Редона, Дж. Сегантини, Пюви де Шаванна и многих других адептов нового мироощущения.

В конце 1880-х годов В. С. Соловьевым были написаны сочинения «Красота в природе» и «Общий смысл искусства», заложившие основы

теории русского символизма (5). В 1893 г. появился первый манифест русского литературного символизма — им стала брошюра Д. С. Мережковского «О принципах упадка и о новых течениях в современной русской литературе», содержавшая тексты двух лекций писателя, прочитанных в 1892 г. (6), а в 1894 г. В. Я. Брюсов уже издает сборники «Русские символисты». В 1890—1900-е годы тематика символизма широко вошла в русскую живопись. К этому периоду относятся программные работы М. В. Нестерова, А. И. Куинджи, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, М. В. Якунчиковой, В. Э. Борисова-Мусатова и других художников, представлявших многообразную поливариантную палитру русского символизма. В 1910 г. Андрей Белый опубликовал свою книгу «Символизм», наиболее полно и точно определившую мировоззренческие основы этого художественного течения. В том же году Александр Блок написал статью «О современном состоянии русского символизма», в которой изложил свой взгляд на дальнейшее развитие этого направления. Несмотря на уже раздававшиеся в тот период голоса о закате символизма, одному из его столпов еще виделись его перспективы в будущем. В данной работе неуместно вдаваться в подробности русского литературного или изобразительного символизма, однако приведенные даты позволяют нам сориентировать это направление в историческом контексте культуры России.

Архитектура, в особенности широкая и свободная от регламентаций сфера загородного жилья — русских усадеб, оказалась, как это ни парадоксально, областью искусства, куда образы символизма стали проникать, пожалуй, даже раньше, чем в литературу и поэзию, непосредственно из западноевропейской литературы. Первые отечественные опыты отражения в архитектурных образах нового символистского мировосприятия, как представляется, относятся к 1880-м годам, к которым можно отнести нижнюю временную границу бытования идей символизма в культуре русской усадьбы. Хотя в то время символизм в России еще не оформился как самостоятельное литературно-художественное течение, алияние западноевропейского искусства и литературы этого направления на культурное развитие страны обусловило опережающее внедрение круга его тем и культурных предпочтений в архитектуру и изобразительные искусства. (Введение термина «протосимволизм», уместное для истории живописи, в отношение усадеб данного времени кажется излишним, поскольку само направление воплощалось в усадебной культуре весьма опосредованно. В то же время, круг идей и образов символизма в этой сфере был дотаточно устойчивым на протяжении всего существования символизма).

Калейдоскопичность, разноплановость образов русской усадьбы

конца XIX — начала XX вв. — своеобразное выражение чувства сопричастности человека эпохи символизма всем предшествующим культурам. Употребляя словосочетание «всем культурам», мы вторим самим символистам, понимая, что это преувеличение. У эпохи символизма были свои культурные предпочтения. Историзм эпохи обусловил тогда повышенный интерес к формам величественной, полной мистики готики, к монументальным формам европейского барокко, к экзотике Востока (символизм привлекало все необычное, таинственное, редкое, роскошное, цветное — иначе не трогали бы так душу «серебряные руки в тройке улетевшей навсегда», «лиловый негр» и «бананово-лимонный Сингапур» Александра Вертинского). Подобные мотивы достаточно прочно внедрились в архитектурную практику, придали неповторимую интонацию внешнему облику усадебных зданий и убранству их интерьеров.

Намеренный архитектурный полистилизм 1880—1890-х годов, рассчитанный на вполне определенные историко-культурные ассоциации, по своему воплощал в реальности формулу литературного символизма, высказанную Валерием Брюсовым: «цель символизма — рядом сопоставленных образов как бы загипнотизировать читателя, вызвать в нем известное настроение» (7).Уникальность культурной ситуации русского символизма состояла в том, что в архитектурных (и в литературных) произведениях осознанно выстраивался беспрецедентный «парад культур», вступавших друг с другом в самые неожиданные, порой намеренно контрастные взаимосвязи. Андрей Белый писал об этом: «...новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и средневековье, — оживают проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи нам более близкие.... Мы действительно осязаем что-то новое; но осязаем его в старом; в подааляющем обилии старого — новизна так называемого символизма» (8).

В 1900—1910-е годы русская усадьба пережила короткий, но яркий период «усадебного Ренессанса» (9). К стилям давно прошедших эпох и экзотике дальних стран в то время прибавилось прибавилась восторженное почитание русской усадьбы «золотого века» — эпохи классицизма. В процессе происходившей в тот период своеобразной «сакрализации» усадьбы в русской культуре, она была впервые осмыслена, как сложная синтетическая целостность, вобравшая в себя особенности национального мировоззрения и уклада жизни, очарование русского пейзажа и разнообразие искусств и ремесел, и возведена в ранг национального идеала (10). Интерес к искусству усадебной помещичьей России был одной из характерных черт позднего русского символизма,

а потому верхняя граница его существования в образах русской усадьбы, думается, приходится на 1910-е годы.

Определить усадьбу русского символизма нелегко, хотя бы потому, что внешне она во многом подобна усадьбе предшествующего времени. (Заранее оговоримся, что полноценное сравнение усадеб обоих периодов не входит в задачи данной статьи.) Более того сами старинные усадьбы оказались на рубеже веков введены в круг символистски переосмысленных ансамблей. Трансформация «романтической» усадьбы в «символическую» происходило прежде всего в сфере содержательной наполненности усадебных образов. Попробуем обозначить основные семантические признаки усадьбы русского символизма.

Едва ли не главным свойством такой усадьбы являлась ее непременная принадлежность истории. Ассоциативная связь с прошлым стала в эпоху символизма едва ли не главным признаком их современности. Строения, парковые дорожки, сад, пруды... были не столько функциональны, сколько служили для их создателей и владельцев своеобразными знаками преданий данной местности, вехами в истории культуры, наконец, символами связи с историей государства. Круг такой символики был достаточно широк и выражался всеми усадебными составляющими — архитектурой, скульптурой, топонимикой.

Программный усадебный «историзм» проявлялся очень разнообразно.

Во многих старинных усадьбах России трепетно сохранялись исторические реликвии. Прежде всего это были многочисленные мемориальные памятники — усадебные храмы с могилами предков, парковые монументы в честь посещения той или иной усадьбы коронованными особами или в честь великих людей России. Напомним несколько хорошо известных примеров. В Остафьево при князе П. П. Вяземском усадьба превратилась в подобие музея. В доме, в бывшем кабинете Н. М. Карамзина сохранялась обстановка, сберегались мемориальные вещи великого историка, а также А. С. Пушкина, А. П. Ганнибала, П. А. Вяземского. После того как усадьба перешла к графу С. Д. Шереметеву, женившемуся на дочери П. П. Вяземского, мемориальный характер усадьбы был еще более усилен — 1911—1913 гг. в парке были установлены памятники А. С. Пушкину, Н. М. Карамзину, В. А. Жуковскому, П. А. Вяземскому. В усадьбе Лукино баронов Боде-Колычевых находился обелиск в память всех убитых и замученных предков — бояр Колычевых и уюдовое древлехранилище. В имении Воронцовых-Дашковых Троицкое каждого въезжавшего в усадьбу встречал монумент в честь императрицы Екатерины II, появившийся еще при Екатерине Романовне Дашковой — строительнице усадьбы. В Диканьке Кочубеев сохранялся «Мазепин дуб» пяти саженей в обхвате, сорочка казненного В. Л. Кочубея, «там

Усадьба Знаменское-Губайлово. Склеп над могилой Я. А. Полякова.
Арх. И. Е. Бондаренко. Фото нач. XX в.

же — ряд реликвий эпохи Петра Великого и шведской кампании и большая библиотека, богатая рукописями и книжными редкостями.» (11). Перечень можно продолжить.

Поиск связи с прошлым выразился в конце XIX — начале XX вв. в повальном увлечении археологическими раскопками на территории усадеб. Огромное количество усадебных курганных групп было в те годы профессионально или дилетантски изучено при участии владельцев. Весьма красноречивым знаком стремления к обретению в усадьбе зримых свидетельств прошлого может служить и установка в многочисленных усадебных комплексах так называемых «половецких баб». Самым известным примером этого модного в конце XIX — начале XX вв. элемента русской усадьбы являются «бабы» в Абрамцево.

Усадьбы символизма, также как и их предшественники в эпоху Просвещения и Романтизма, представляли собой своеобразный развернутый текст. Сохранявшиеся в них исторические постройки, мемориальные памятники, парковые аллеи, статуи, беседки-бельведеры, гро-

ты оставались в них нередко те же, но их восприятие, «прочтение» существенно менялось. Старые жилые и хозяйственные постройки, мифологические и литературные персонажи скульптурных рельефов и статуте регулярность липовых аллей, романтичность потаенных парковых гротов — вес, что некогда было рассчитано на ощущения гармонии, порядка и практической пользы (эпоха Просвещения), или на освежение воспоминаний о прочитанном, погружение в состояние задумчивости и меланхолии (эпоха Романтизма), в годы символизма наполнилось иными эмоциями. Вся совокупность составляющих любой старинной усадьбы прежде всего теперь воспринималась во взаимосвязи с прошедшими конкретными событиями в жизни владельцев, с историей семьи, данного места, историческими вехами в развитии России.

Срощенность русской усадьбы с культурной жизнью России, характерная для усадебного «золотого века», оказалась свойственна и эпохе символизма. Неудивительно и по-своему закономерно, что, например, старинная долгоруковская подмосковная Знаменское-Губайлово стала родовым гнездом московского символизма. Именно здесь у Валерия Брюсова родился план организации знаменитого символистского издательства «Скорпион», здесь не раз обсуждались проблемы журнала «Весы» и альманаха «Северные цветы». Здесь любил бывать Андрей Белый и Юргис Балтрушайтис, а Константин Бальмонт написал книгу стихов «Горящие здания» и начал работать над поэтическим сборником «Будем как солнце». Здесь искали и находили вдохновение художники Н. Феофилактов, С. Судейкин, В. Милиотти, В. Владимиров (12).

Что же привлекало их здесь? Радушие хозяев-купцов-меценатов А. Я. и С. А. Поляковых? — Безусловно. Но, видимо, не только это, ведь дружеские и деловые контакты могли быть ограничены и Москвой. Представляется, что именно традиционный усадебный быт, «прекрасное ничегонеделанье», прогулки в великолепном старом парке, беседы в уютных гостиных классицистического дома возбуждали воображение, тягу к творчеству и желание вновь вернуться сюда из шумного города.

Попробуем представить себе, каким было Зиаменское-Губайлово на рубеже веков. «Большая часть площади имения сплошь покрыта лесом, в котором, особенно по направлению к северо-западу, преобладают сосны. Стройные, прямые, высокие и могучие, стоят они как исполины, покачивая своими верхушками, убаюкивая посетителя своим шумом и освежая его своим смолистым благоуханием, не менее живописны и березовые купы на южных окраинах имения... По берегам прудов доселе стоят еще полуразрушенные каменные беседки с колоннами и гротами.

Среди этих-то рощ и прудов расположены барские постромки имения, окруженные небольшими парками, кленовыми и липовыми, на площадке перед главным зданием, бывшим когда-то красивым барским домом, стоят поломанные бурями и попорченные временем несколько кедров, лиственниц и других редких деревьев» (13).

Природа и архитектурный облик Знаменского-Губайлово, казалось бы еще сохраняли явственную печать своей далекой эпохи, здесь почти не было нововведений и на всем лежала патина времени (14). И этот образ как нельзя лучше соответствовал внутреннему миру и поэтическому видению молодых художников и поэтов символизма.

Образы прошлого входили неотъемлемой частью в мироощущение эпохи символизма. А потому воздух усадьбы рубежа веков как бы соткан из «воспоминаний». Густой, но прозрачный и по-мусатовски светящийся в лучах заходящего солнца, он обволакивал усадебный мир и

Усадьба Абрамцево. Вид бани. 1995 г. Фото М. В. Нащокиной.

его обитателей легким покровом ощущений исторического времени. Эти воспоминания были чаще всего не конкретны и максимально обобщены, что придавало им по-своему «вселенский» характер. Это свойство «адаптировало» их к новой среде усадебных владельцев, состоящей уже, в основном, из нуворишей-купцов и промышленников с крестьянскими или разночинными корнями. Конкретика легендарной семейной истории Шереметевых, Долгоруких, Гагариных, Вяземских... в купеческих усадьбах сменялась обобщенной историей помещичьей России, воплощенной средствами усадебной архитектуры. В этом кроется один из важных мотивов столь однозначного и органичного предпочтения классических форм, породившего неоклассицизм начала XX в. — стиль, первое появление которого в России совпало со знаменитым Указом о вольности дворянства, положившим начато расцвету русской дворянской усадьбы.

Описание типичных «трансформированных» воображением усадеб эпохи символизма можно найти во многих произведениях А. П. Чехова. Приведем одно из них: «Дом у Песоцкого был громадный, е колоннами, со львами, на которых облупилась штукатурка, и с фрачным лакеем у подъезда. Старинный парк, угрюмый и строгий, разбитый на английский манер, тянулся чуть ли не целую версту от дома до реки и здесь оканчивался обрывистым, крутым глинистым берегом, на котором росли сосны с обнажившимися корнями, похожими на мохнатые лапы; внизу нелюдимо блестела вода, носились с жалобным писком кулики, и всегда тут было такое настроение, что хоть садись и балладу пиши» (15).

К числу почитавшихся исторических раритетов, хранившихся в усадьбах относились и картины, и фарфор, и мебель, и разнообразные коллекции (порой весьма необычные), и библиотеки. Например, в имении Бобринских Богородицкое в каретном сарае был устроен «целый музей колесного транспорта для конной тяги. Тут были экипажи самых разнообразных фасонов, соответствующих вкусам и моде XVIII—XX веков, от карета «дормеза» до современного началу XX века английского экипажа...» (16). А вот описание звенигородского имения «Введенское»: «Внутри введенский дом сохранил типичный характер эпохи. Высокие большие залы, из них одна огромная с колоннами — театральная; мебель Людовика XVI; по стенам зеркала и портреты в напудренных париках. ...соединение благородно-чопорной внутренней обстановки с возвышающей красотой...» (17).

Эти «остатки прошлого», как их называли в начале XX в., стали в тот период предметом описания, изучения и экспонирования на выставках. Благодаря довольно обширному своду публикаций в журналах

«Старые годы» и «Столица и усадьба» о сохранявшихся в те годы исторических усадебных ценностях, сегодня мы можем судить о многих впоследствии утраченных произведениях искусства и полностью погибших усадебных ансамблях (18).

Принадлежность к истории во вновь создаваемых усадебных ансамблях или в существенно перестраиваемых комплексах чаще всего выражалось с помощью исторических архитектурных стилей. Образы древних боярских теремов, европейских рыцарских замков или сельских шале создавали в усадьбах среди среднерусских полей и перелесков небывалую культурную комбинацию, столь привлекательную для символистской эстетики (19).

Наш современник князь К. Н. Голицын в своих воспоминаниях об усадьбе Шипово, располагавшейся в Тульской губернии неподалеку от г. Ефремова, писал о новом доме, возведенном его отцом в 1912 г.: «Дом, построенный в духе швейцарского шале с островерхой крышей и мансардой, выглядел чужаком, по ошибке забредшим в помещичью усадьбу средней полосы России.» (20). В этих словах звучит, конечно, оценка нашего времени; для князя Н. В. Голицына — строителя усадьбы выбор стиля новой постройки безусловно имел вполне определенный культурный смысл. Подобные постройки были родовой чертой эпохи. Тот же мемуарист, вспоминая о другой родовой усадьбе — Железники в Калужской губернии, констатировал: «Дом, в котором мы так удобно разместились, был выстроен скорее во вкусе европейской виллы, чем в русском помещичьем духе. Запомнились его островерхие крыши с крутыми скатами, коричневые деревянные балки каркаса но белым стенам.» (21). Неточность сказанного лишь в том, что таков, собственно, и был «помещичий дух» эпохи символизма.

В усадьбах позднего символизма наиболее популярным стал образный ряд русского классицизма. Важнейшей мировоззренческой основой канонизации отечественной усадьбы в русской культуре начала XX в. стала эстетическая приверженность эпохи идеализированной «онегино-ларинской» России — не крепостнической, а родной, домашней, опоэтизированной творчеством.

Большинство усадеб в тот период в своих образных реалиях были ориентированы на помещичью культуру второй половины XVIII — начала XIX вв. Здесь необходимо акцентировать еще одно существенное свойство усадеб символизма — они мыслились как «приют муз». Эпоха «золотого века» русской усадьбы, оставившая великое множество прекрасных произведений искусства, заставляла задуматься о породившей их атмосфере интенсивной духовной и творческой жизни. Элита нового слоя усадьбовладельцев старалась не потерять это качество. Многие

просвещенные владельцы были движимы идеями превратить свои необжитые семейные гнезда в «обитель муз», по примеру своих аристократических предшественников. Для этого они со всей серьезностью занимались художественным обустройством усадеб, приглашая знаменитых архитекторов, декораторов, художников, старательно наполняли усадебную жизнь музыкой, изобразительным творчеством, беседами и спорами об искусстве (22).

Другим не менее важным свойством усадьбы русского символизма, тесно взаимосвязанным с его первой обозначенной нами чертой, была, воплощенная в ней, связь поколений, значимость для истории конкретной семьи, рода, сословия. Бережно сохранялись и по-своему канонизировались с конца XIX в. старые родовые гнезда, обретая черты живых семейных музеев. Во многих из них сохранялись галереи семейных портретов, предметы искусства и убранство интерьеров XVIII — начала XIX вв., коллекции живописи, скульптуры, монет, оружия, наконец, великолепные библиотеки прежних владельцев.

Среди бережно сохранявшихся усадеб — знаменитые родовые вотчины графов Шереметевых — Кусково и Останкино, Архангельское князей Юсуповых, Богородицкое графов Бобринских, Введенское графа Гудовича, Степановское-Волосово и Куракино князей Куракиных, Денежниково Татызиных, Диканька князя Кочубея, Большие Вяземы, Дубровицы, Зубриловка, Кагул-Кайнарджи, Кузьминки, Марьино и Петровское-Датьнее князей Голицыных, Марьино князей Барятинских, Караул Чичериных, Андреевское и Воронцовка графов Воронцовых, Качановка Тарновских (затем Олив), Люблино графа Дурасова (затем Голофтеева), Ляличи графов Завадовских, Марфино графов Паниных, Михайловское А. С. Пушкина, Мураново Боратынских, Ольгово Апраксиных, Отрада графов Орловых-Давыдовых, Покровское-Стрешнево князей Шаховских-Глебовых-Стрешневых, Полотняный завод Гончаровых, Прыски Н.С. Кашкипа, Рюмина дача Рюминых, Рябово Всеволожского, Сокиренцы графов Ламсдорф-Гатаган, Софиевка графов Потоцких, Середниково Фирсановой, Стольное Кушелевых-Безбородко, Троицкое князей Воронцовых-Дашковых, Поречье графов Уваровых, Холомки князей Гагариных, Ярополец графов Чернышевых и т. д.

Мотив благодарности потомков, их нравственного долга перед драгоценной памятью предков звучал во многих усадебных описаниях начата XX в. Вот одно из них, посвященное усадьбе графов Орловых-Давыдовых: «Прошло более века, и давно почили вечным сном и просвещенный основатель «Отрады», и его блестящие братья, но благодаря заботам их потомков старая екатерининская усадьба бережно и гордо хранит память о своем первом владельце» (23).

А вот размышление о судьбе голицынских Вязем, в котором звучит радость за молодое поколение, воспитывающееся в старинных усадебных стенах и призванное стать достойным продолжением рода: «Опять те же старые, давно знакомые покои; они переносят в заветный мир дорогого минувшего: но оно не угасло: здесь, на родовом своем корне, растут новые, свежие побеги. [...] Культурное значение подобных средоточий, на старых родовых гнездах основанных, несомненно: пока еще живут эти, увы, поредевшие ныне уголки в старом отечестве, [...] еще нельзя отчаиваться за будущее; [...] Невольно находят эти мысли в Вяземах при виде этого старого семейного гнезда с его памятниками живой церковной старины, с богатым его книгохранилищем, с драгоценностями письменными, историческими н литературными, с целым миром преданий...» (24).

В старинных русских усадьбах современники рубежа веков увидели поэтическую ипостась Родины и концентрированное емкое образное воплощение русской природы, ее своеобразный «национальный лик», и наделили этими чертами усадьбы своего времени. Только в усадьбе, особенно родовой, знакомой и любимой с детства можно было по-настоящему ощутить себя ее частью, «сыном полей». Эти мотивы пронизывают многие произведения русской литературы того времени. В качестве иллюстрации приведем несколько стихотворных строф:

«В туманах над сверканьем рое,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рое.
И солнце золотило кудри»...

А. А. Блок

«И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав -
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.»

И. А. Бунин

Еще одной важнейшей чертой, которой были наделены усадьбы эпохи символизма, была их способность легко превращаться в объект созидания, в просторное поле для самовыражения владельца. Сильное индивидуалистическое начало, присущее символистскому мировоззрению, не исключало почти безграничного выбора архитектурных сти-

лей или конкретных образцов построек, порой намеренно экзотических, необычных, обусловленных личностью владельца или художника-творца. Личностный характер усадеб эпохи символизма прекрасно выразили в своих владениях художники, писатели, композиторы, музыканты. Абрамцево Мамонтовых, Новое Рябово В. М. Васнецова, Здравнево и Куоккала И. Е. Репина, Бехово В. Д. Поленова, Дютьково С. И. Танеева, Ивановка С. В. Рахманинова и многие, многие другие усадьбы русской интеллигенции, рассеянные по просторам России, несли на себе яркий отпечаток индивидуальности владельца.

Хозяин усадьбы, всегда игравший первостепенную роль в формировании ее ансамбля, в эпоху символизма превратился в «художника жизни» (слова Ф. Ницше), преображавшего свои владения в соответствии со своими вкусами и пристрастиями. Справедливо писала Т. П. Каждан о подмосковной усадьбе Мелихово: «Чехов был творцом художественного
мира Мелихова, его духовной атмосферы, воспринимавшейся всеми, когда-либо побывавшими в этой усадьбе как специфически чеховской» (25). Сам писатель в одном из писем из своей подмосковной с удовлетворением писал знакомому: «Я стал архитектором. Построил школу. Построил колокольню. Приедете, посмотрите» (26). Где еще, кроме усадьбы, он смог бы применить свои архитектурно-строительные и садовнические наклонности?

Воплощенность в усадьбе своеобразного «портрета» владельца порой приводила и к курьезам. К числу таковых можно отнести главный дом в усадьбе Ховрино (Грачевка) М. С. Грачева, построенный по образцу казино в Монте-Карло, где владелец по преданию выиграл целое состояние. В своей усадьбе М. С. Грачев увековечивал свою любимую грезу, создавал для себя некий образный сюрприз, постоянно оживлявший память и ушедшие эмоции. Сходство с прототипом, достигавшееся не только образно, но и со свойственным времени вниманием к мелочам, деталям, создавало для него удивительный эффект как бы одновременного присутствия в Ховрине и в Монте-Карло.

Итак, мы коснулись всех наиболее существенных черт, присущих, как представляется, усадьбам русского символизма. Теперь попробуем подробнее рассмотреть их наиболее важные компоненты. Состав пореформенного усадебного ансамбля почти не изменился, сохранив устойчивый набор элементов: главный дом (часто с флигелями), церковь (нередко), парадный двор, парк, конюшня, службы — в той или иной комбинации их можно найти буквально во всех усадьбах второй половины XIX — начала XX вв. Остановимся на трех из них — главном доме, храме и парке (саде) как наиболее существенных составляющих усадебных ансамблей эпохи символизма.

Усадьба Муромцево. Главный дом.
Фото нач. XX в.

Главный дом, его образ, величина, архитектурный стиль, размещение в ландшафте, по сути, во многом определяли облик усадебного комплекса в целом. Именно в его архитектурных формах, как правило, наиболее полно отражался содержательный замысел владельца.

Как уже отмечалось выше, одним из самых распространенных в русских усадьбах раннего символизма был круг образов и символов западноевропейской готики. Он не только заставлял вспомнить рыцарские романы, которые принято читать в юности, но и был неразрывно связан с социокультурными представлениями о стабильности и буржуазной респектабельности, которые воплощала Западная Европа или, например, старая добрая Англия. Русскому помещику, сидевшему в своем «замке» посреди рязанских, тамбовских или владимирских лугов и перелесков, вероятно, приятно было воображать себя английским лордом или французским графом, а свой замок — надежным родовым гнездом, возведенным еще в Средние века. Такое пространственное и временное преображение, видимо, не только тешило самолюбие, но и давало реальную пищу воображению. Действительность, конечно, была весьма
далека от рыцарских турниров, меннизингеров и привидений, но детская жажда чего-то необычайного позволяла преодолевать преграды трезвого разума. Этот конфликт воображаемого и действительного с тонким

Усадьба Муромцево. Конный двор. Фото нам. XX в.

Усадьба Муромцево. Общий вид. Фото нач. XX в.

юмором описан одним из крупнейших писателей эпохи символизма — Оскаром Уайльдом в «Кентервильском привидении».

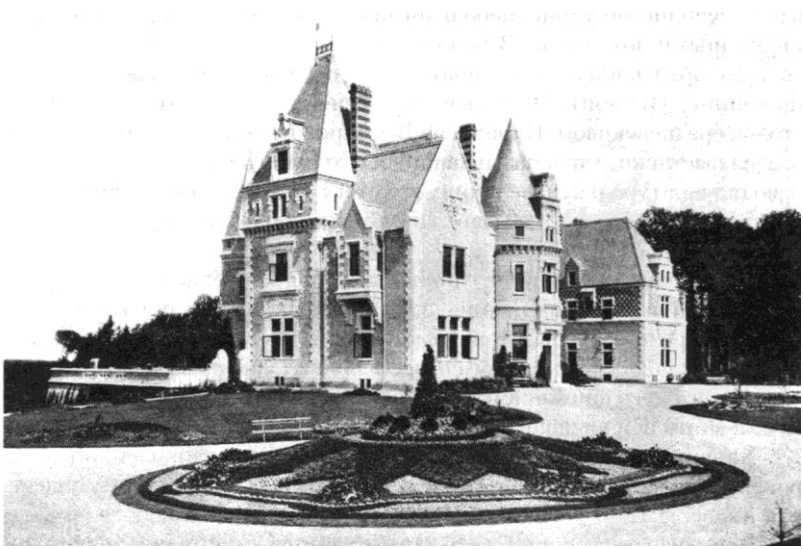
Формы западноевропейской готики были едва ли не самыми устойчивыми в усадебном строительстве эпохи символизма — они использовались с 1880-х по 1900-е гг. В те годы в ландшафт России вплелось множество новых усадеб, облик которых в той или иной степени напоминал феодальные замки Франции и Англии. Привязанность к ним определялась не только кругом чтения, например, необычайно популярными романами Вальтера Скопа или Виктора Гюго, но и немалым числом произведений изобразительного искусства, воплощавших идеализированные образы европейского Средневековья. Среди них значительное место занимали виды замков. Для примера приведем картину Кристиана Янка (1833—1888) «Замок Фалькенштейн при короле Людовике II», написанную в 1883 г. и изображавшую довольно фантастический конгломерат готических башен и щипцовых кровель, вознесенных на верхушку неприступной скалы.

Интерес к реконструкции готической архитектуре поддерживали и международные выставки. Например, на выставке в Турине в 1884 г. на берегу реки По в парке Валентино была выстроена небольшая крепость со стенами, башнями и подъемным мостом, застроенная внутри вдоль извилистой улицы небольшими «готическими» фахверковыми и кирпичными домиками. В целом этот небольшой ансамбль был призван воплотить в натуре собирательный образ средневекового замка в провинции Пьемонт. Не менее интересной была попытка воссоздать уголок средневекового Парижа на Всемирной выставке 1900 года. Этот раздел выставки, так и называвшийся «Старый Париж», также воспроизводил в натуральную величину архитектурные реконструкции давно утраченных построек и создавал вокруг них подобие исторической городской среды (27).

Такие попытки были не единичны. Они достоверно свидетельствуют о желании человека в конце XIX — начале XX вв. окунуться в атмосферу Средних веков. Стоит заметить, что международные выставки, на которых появлялись аналогичные экспонаты, активно посещали и русские туристы, со вниманием относившиеся ко всем европейским новинкам, а затем воплощавшие понравившиеся идеи у себя на родине.

Характерна в этой связи легенда о появлении великолепного «старого замка» В. Храповицкого во Владимирской губернии. Путешествуя в начале 1880-х годов по Франции он не раз восхищался ее средневековыми замками и высказывал это своим французским знакомым. Польщенные похвалой, французы имели неосторожность «уколоть русского путешественника: в России-де такого не встретишь.» (28).

Усадьба Васильевское. Главный дом. 1997 г. Фото М. В. Нащокиной.



Усадьба Подушкино П. А. Веригиной. Главный дом. Фото нач. XX в.

Обиженный «за державу» Храповицкий заключил пари, что возведет такой замок у себя в вотчине. Пригласив через несколько лет на Владимирщину своих французских друзей и продемонстрировав им огромный и великолепный «готический» дворец, построенный по проекту архитектора П. С. Бойцова, хозяин вдосталь насладился их удивлением и восхищением. А восхищаться было чем — новая «готическая усадьба», занимавшая огромную территорию, состояла из множества построек, задуманных в одном стиле, и обладала роскошным парком с редкими породами деревьев и единственным в своем роде изящным водным каскадом перед главным домом, действительно, напоминавшим великолепие французских парков.

В качестве характерных примеров русских «готических замков» эпохи символизма упомянем усадьбы — Васильевское князя Г. А. Щербатова (1881—1884, арх. П. С. Бойцов), Подушкино Н. А. Веригиной (1885—-1887, арх. П. С. Бойцов), Княжья Байгора Г. Н. Вельяминова (1880-е годы, арх. П. С. Бойцов), Юрино графов Шереметевых (1890-е годы, арх. С. К. Родионов (?), Зубалово Л. К. Зубалова (нач. XX в., арх. ?), Успенское князя В. А. Святополк-Четверти некого (1880-е годы, арх. II. С. Бойцов), Кирицы баронов фон Дервизов (1880-е годы, арх. Ф. О. Шехтель), Одинцово-Архангельское В. Е. Морозова (1892, арх. Ф. О. Шехтель), Льялово (Морозовка) Н. Д. Морозова (1908—1909, арх. А. В. Кузнецов) и другие.

Нетрудно заметить, что большинство наиболее значительных «готических» дворцов было возведено по проектам крупных московских архитекторов, некоторые из которых даже специализировались на этой стилистике (например, II. С. Бойцов). Однако, это не означает, что их постройками исчерпывался круг подобных усадебных комплексов. Существовало немало провинциальных усадеб, выстроенных в том же стиле, но менее интересных в архитектурном отношении, а потому не столь известных.

Пожалуй, стоит обозначить еще один содержательный аспект, способствовавший распространению в России стилизаций усадебных домов под западноевропейские замки и дворцы. Их владельцы интуитивно «приспосабливали», «примеривали» к себе, адаптировали саму европейскую культуру. Усадебные ансамбли в готическом стиле или в более редких для страны формах европейского Ренессанса и барокко становились своеобразным воплощением идей синтеза Европы и России, которые мы находим в философии Достоевского, Соловьева, Бердяева.

Не было в тот период забыто и русское Средневековье. Построек в русском стиле немало в усадьбах конца XIX в. Русским стилем усадебных построек владельцы нередко подчеркивали свою связь с историей

Усадьба Льялово Н. Д. Морозова. Общий вид. Фото нач. XX в.

Усадьба Льялово. Фрагмент фасада главного дома. Фото нач. XX в.

Усадьба Абрамцево. Спасская церковь.
Фото нач. XX в.

Древней Руси, свою любовь к Родине. Такое толкование вполне адекватно для еще стилистически не вполне определившихся русских форм и деталей усадебного дома в Лукино баронов Боде-Колычевых, для первоначальных форм главного дома в усадьбе Мещерское, для нарядного деревянного узорочья «Мастерской» и «Бани» в Абрамцево, внушительного главного дома усадьбы Г. Брокера близ Пушкино, для неорусского стиля большого дома в усадьбе братьев Стуловых и многих других построек в усадьбах конца XIX — начала XX вв.

Безусловно, наиболее широко различные варианты русского стиля применялись в усадебных храмах и часовнях. Здесь необходимо затронуть саму проблему храмоздания в рассматриваемую эпоху.

Хотя усадебная культура Нового времени была во многом порождением «просвещенства», наполненного идеями секуляризации культуры, в России, благодаря прочной православной традиции и народному бытовому укладу, духовное начало в усадьбе не была подавленным. Напротив, именно жизнь в единении с природой, возможность несуетного уединения, естественность соблюдения традиционного религиозного распорядка — все это порой даже усиливало связь усадебных обитателей с православной духовностью. Неслучайно, именно храм был одной из неотъемлемых составляющих каждого более или менее крупного русского усадебного ансамбля. Его значимость, хотя и наполненная уже несколько иными культурными смыслами, сохранилось в усадьбе и в эпоху символизма, как известно, устремленную к своеобразной интеграции богословия, науки и культуры в единое целое.

Назовем хрестоматийный пример — церковь Спаса Нерукотворного в усадьбе Абрамцево С. И. Мамонтова, собственноручно построенную обитателями усадьбы в 1880—1882 г. Сначала — возможность совместного созидательного духовного труда, затем — обретенная отрешенность от повседневного усадебного быта, возможность уединенной молитвы, хрупкое единение с неяркой щемящей красотой окружающего пейзажа — буквально все аспекты возведения и бытования маленького уютного храма в Абрамцево были созвучны символистской эстетике. Воплощенная в нем «поэзия намеков» (определение В. Я. Брюсова), свойственная символизму, способствовала в дальнейшем кристаллизации образных основ неорусского стиля — еще одного варианта темы национальной истории в архитектуре русской усадьбы.

Абрамцевская церковь, впоследствии соединявшая в себе функции храма и усыпальницы, фактически заложила новую традицию в усадебном храмостроении. В ее русле — церковь в Кунцево архитектора С. У. Соловьева, храм в Бехове, возведенный по проекту В. Д. Поленова, надгробная часовня в Знаменском-Губайлове, созданная по проекту

Усадьба Любвино Л. Г. Пыльцевой. Фасад главного дома со стороны парадного двора. Фото нам. XX в.

И. Е. Бондаренко, мемориальный храм в Осташеве, построенный по проекту М. М. Перетятковича, церковь в Натальевке (имении П. И. Харитоненко), спроектированная А. В. Щусевым и другие произведения. Следует подчеркнуть, что обновление, перестройке и постройка усадебных семейных усыпальниц, надгробных часовен, склепов были особенно многочисленными в эти годы.

В начале XX в. к перечисленным стилистическим приоритетам усадебного строительства символизма прибавился стиль модерн в его западноевропейском и русском вариантах и подражание русским усадьбам эпохи классицизма и ампира. Усадебных ансамблей в формах западноевропейского модерна было выстроено немного. Среди них усадебные дома А. И., П. А. и С. А. Морозовых в Глуховском парке, возведенные в стиле английского модерна (29), усадебные постройки в имении Некрасова Райки, в том числе «Американский дом» (1901, арх. Л. Н. Кекушев), подобный сооружениям американского модерна и некоторые другие постройки.

Круг усадеб, стилизованных под русский ампир, признанный в то время наиболее подходящим для усадебного применения, оказался гораздо более обширным. Использование неоклассических стилизаций в

новых усадьбах как бы сразу встраивало их постройки в историю русской усадебной культуры, снабжало их своего рода «родословной». Барский дом с белоснежным колонным портиком, столь органично сочетавшийся с российским пейзажем, стал объектом подражания для множества усадебных комплексов того времени.

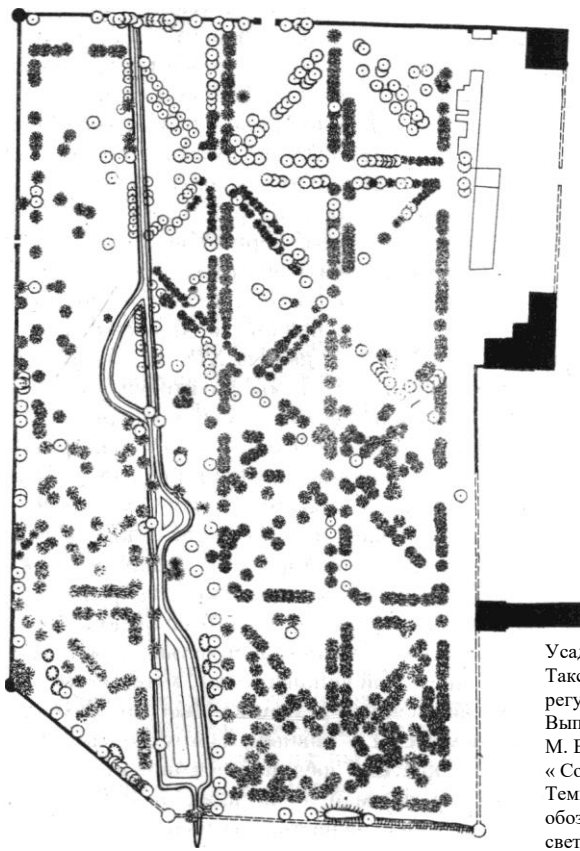
Одной из программных усадеб этого времени стала вилла Н. П. Рябушинского «Черный лебедь», выглядевшая снаружи как типичное произведение «пушкинского времени». В ней чрезвычайно ярко оказалось выражено едва ли не главное свойство этого пласта усадеб русского символизма, которое хотелось бы подчеркнуть — устремленность не к археологической реставрации старой усадьбы, а к созданию в форме усадьбы целостного произведения искусства своего времени (30).

К созданию великолепных ансамблей неоклассических усадеб оказались причастны многие крупные зодчие начала XX в. Назовем некоторые из их произведений — дом Половцева на Каменном острове (1907—1909, арх. И. А. Фомин), усадьба Горки З. Г. Морозовой-Рейнбот (1912, арх. Ф. О. Шехтель), усадьба Иславское И. В. Морозова (1914, арх. В. Д. Адамович), усадьба Любвино Л.А. Пыльцовой (1910, арх. А. Э. Эрихсон), ряд построек в усадьбе Кочановка М. С. Олив и в усадьбе Парафиевка П. И. Харитоненко (1910-е гг., арх. А. Е. Белогруд), постройки в имении Холомки Гагариных (1910-е гг., арх. И. А. Фомин) и другие.

К этому же кругу усадеб следует отнести достаточно редкие в стилистическом отношении усадьбы в формах «петровского барокко», обратившего на себя внимание не только по случаю пышно отмеченного в 1903 г. двухсотлетнего юбилея Петербурга, но и в связи с общим поворотом русской культуры к своему недавнему прошлому. Одной из самых выдающихся усадеб этого направления было Степино С. П. Рябушинского
(1911—1912, арх. В. Д. Адамович, В. М. Маят).

Если облик главного усадебного дома чаще всего определяли вкусовые и культурные предпочтения владельца, его интеллект, хозяйственная сметка, парк или сад был подлинным царством эмоций. Здесь хотелось забыть суету, повседневность и от души насладиться красотой природных созданий и чудесами садового искусства. Вернемся к чеховскому описанию усадебного сада: «... около самого дома, во дворе и в фруктовом саду, который вместе с питомниками занимал десятин тридцать, было весело и жизнерадостно даже в дурную погоду. Таких удивительных роз, лилий, камелий, таких тюльпанов всевозможных цветов, начиная с ярко-белого и кончая черным, как сажа, вообще такого богатства цветов, как у Песоцкого, Коврину не случалось видеть нигде в другом месте. [...] Каких только тут не было причуд, изысканных

уродств и издевательств над природой! Тут были шпалеры из фруктовых деревьев, груша, имевшая форму пирамидального тополя, шаровидные дубы и липы, зонт из яблони, арки, вензеля, канделябры и даже 1862 из слив — цифра, означавшая год, когда Песоцкий впервые занялся садоводством. Попадались тут и красивые стройные деревца с прямыми и крепкими, как у пальм, стволами, и, только пристально всмотревшись, можно было узнать в этих деревцах крыжовник или смородину. Но что всего больше веселило в саду и придавало ему оживленный вид, так это постоянное движение. От раннего утра до вечера около деревьев, кустов, па аллеях и клумбах, как муравьи, копошились люди с тачками, мотыгами, лейками...» (31).



Усадьба Гребнево. Таксационный план регулярного парка. Выполнен в 1976 г. арх. М. В. Нащокиной. Архив « Союзреставрации». Темными кружками обозначены липы, светлыми — березы.

«Портрет» сада в этом отрывке неразрывно связан с трудом, создавших его людей — владельца и его работников. На это стоит обратить внимание. Сад эпохи символизма никогда не старался воспроизвести нетронутую природу, как это было в период Романтизма, напротив, он гордился своей зримой, насыщенной рукотворностью. Создавая свой сад, ухаживая за ним, человек конца XIX — начала XX вв. пытался творить островок гармонии среди враждебного окружающего мира, микро-Эдем, микро-Аркадию, хорошо понимая, что их созидание в больших масштабах утопично.

Полное и обстоятельное описание сада в усадьбе своего литературного героя обнаруживает пристрастие к садоводству самого Антона Павловича. Поселившись в Мелихове — небольшой усадьбе, представлявшей собой как бы миниатюрную модель, конспект традиционной барской подмосковной с домом на берегу реки, с копаным прудом, старым парком, крошечным «Парнасом», белоколонной беседкой и службами — он «с самого раннего утра... выходил в сад и подолгу осматривал каждое фруктовое дерево, каждый куст, подрезывал его или же долго просиживал на корточках у ствола и что-то наблюдал» (32).

Симптоматично, что как раз здесь, среди патриархального усадебного ландшафта Антон Павлович создал свой первый вишневый сад — он высадил возле дома около тысячи вишен и некоторые другие деревья и кустарники (33). Для усадебного сада эпохи классицизма создание такого «моно-фруктового» сада было совершенно не характерно. Как правило, в русских садах конца XVIII — начала XIX вв. высаживалось сбалансированное количество разных пород фруктовых деревьев, которые к концу лета могли обеспечить необходимый урожай плодов. В этом смысле старый вишневый сад Раневской — не столько реальность, сколько красивая и очень современная литературная аллегория, волновавшая Чехова. Ее он и пытался воплотить в своем Мелихове.

В отличие от сада эпохи Просвещения, в котором человек искал четкости, порядка, вызывавших ощущение гармонии, в саду символизма его интересовала прежде всего неуловимость, зыбкость природных состояний, проявление стихий, порывы, своевольный «беспорядок». Человек эпохи символизма наделял природу эмоциями, страстью, порой, даже чувственными «желаниями». Цветущий вишневый сад, менее всего рассчитанный на ощутимый хозяйственный результат, был для Чехова и Раневской живым воплощением весны — дивным, благоуханным, единственным в своем роде и, увы... кратким зрелищем, символом молодости, чистоты, света, надежды. «О, сад мой! — восклицала Раневская в пьесе «Вишневый сад», -— После темной, ненастной осени и холодной зимы опять Ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя...».

В. Я. Лакшин первым обратил внимание на одну из записных книжек А. П. Чехова, лаконично названную «Сад». В ней оказались переписаны около двухсот русских и латинских наименований растений, высаженных писателем в своем ялтинском саду в Аутке. Антон Павлович мечтал создать здесь непрерывно цветущий сад — сад «вечной весны». Это одна из главных ипостасей сада русского символизма. «Вечная весна», «священная весна» (Ver Sacrum) была одной из неизменных тем и метафор литературного символизма.

Существенную роль в облике и композиции сада эпохи русского символизма играл цвет — листвы, стволов деревьев, соцветий. Очень популярными в этот период стали березовые аллеи. На березовую обсадку порой меняли даже старые липовые посадки. Например, в усадьбе Гребнево в старом регулярном парке XVIII в. в конце прошлого века на нескольких аллеях липы были заменены березами. Такая же «Белая аллея» — была самой любимой для С. В. Рахманинова, как и Чехов, увлекавшегося садоводством в имении своей жены «Ивановка» в Тамбовской губернии. Кроме нее в парке выделялась «Красная аллея», состоявшая из кленов (вероятно, из кленов Шведлера, имевшего весной и осенью темно-пурпурный цвет листвы). Подобные яркие моноцветные аллеи — одна из специфических черт усадьбы символизма, тяготевшей к природному многоцветью.

Особую популярность в те годы приобрели аллеи, обсаженные кустами сирени. Такие аллеи были и в Ивановке Рахманинова — известно, что белая сирень была любимым цветком композитора. Купы сирени нередко обрамляли дом (Абрамцево) или высаживались на центральную клумбу перед его фасадом (Воронцовка Воронцовых-Дашковых); их сохранили многие усадебные парки. Знаменитое полотно М. А. Врубеля «Сирень» живо иллюстрирует вид такой цветущей аллеи или купы весенним вечером — в излюбленное для символистского сада время.

Вспомним усадебные комплексы Крыма и Кавказа конца XIX — начала XX вв. — роскошь южной природы как нельзя лучше воплощала с одной стороны стремление парковых композиций эпохи символизма к ярким цветовым сочетаниям в ландшафте парка, с другой — к редким, экзотическим по происхождению или форме и, желательно, цветущим деревьям, кустам, цветам. Цветы на клумбах в это время выбирались зачастую очень ярких контрастных оттенков. Флоксы, астры, георгины, ирисы, пионы, тюльпаны, петунии, настурции, мальвы, анютины глазки и, конечно, розы были фаворитами парков поздней русской усадьбы.

Не менее важным качеством усадебного сада была его наполненность пеньем птиц (весной) и напоенность дивными запахами. Харак-

терное описание усадьбы, звенящей голосами птиц, и утопающей в свежих ароматах сада, содержится в воспоминаниях В. П. Зилоти о подмосковной усадьбе Сапожниковых Куракино, много лет подряд снимавшейся на лето Третьяковыми: «Были здесь и старинные липовые аллеи и много лужаек, среди которых высились громадные плакучие березы и группы сосен; множество было кустов сирени, шиповника, жасмина, жимолости. Был и пруд, покрытый кувшинками, с плакучими ивами на чужом берегу. Соловьи по веснам щелкали с вечера до ночи. Днем щебетали и пели всевозможные птички. Из-за Клязьмы, до которой шел громадный заливной луг, куковали кукушки» (34).

Эпоха символизма вообще была неравнодушна к запахам — сколько строк в литературе того времени констатировало различные ароматы — дорогих духов, нередко смешанных с запахом табака (терпким, удушливым, крепким, дорогим) и т. д. Однако, едва ли не самым пленительным набором запахов обладали сад или парк.

Волнующий, цветущий, «соловьиный» сад весной — черемуховый, сиреневый, яблоневый, вишневый. Он же летом — пряный, наполненный, липовый, с цветущими медоносными лужайками, гудящими пчелами и кузнечиками, а осенью торжественно печальный и неподвижный — с запахами прелого листа, сырости, печного дыма. Неслучайно, как раз на рубеже веков сделались особенно популярными сильно пахнущие кустарники и цветы — жасмин, черемуха, акация, экзотическая магнолия (в южных усадьбах), лилии, розы, левкои, душистый табак, резеда и т. д.

Не менее важна для эпохи символизма была ночная ипостась усадебного сада — она не просто обостряла все чувства, но и оставляла место тайне, мистическому разговору с бесконечным звездным небом, Богом.

«Ночь все темней и благовонней.
Все громче свищут соловьи,
Все бесконечней, многотонней
Журчат незримые струи...

За старой липой покрывало
Мелькнуло, скрылось... Вот опять...
И в лунном свете побежала
Тропою тень ее порхать»

(А. А. Блок.Собр.соч., Т. 1.М.,1971. С. 295—296)

Перечислив основные черты усадеб русского символизма, попробуем их представить такими, какими их видели современники. Сделать это достаточно просто. Наиболее ярко их образ воплотился в картинах

В. Э. Борисов-Мусатов. Весна. 1901 г.

двух очень разных художников — Виктора Ельпидифоровича Борисова-Мусатова и Станислава Юлиановича Жуковского. Первый отобразил ее в грезах, второй — в реальности.

Полотна Борисова-Мусатова представляют нам своеобразный свод усадебной символики своего времени. Особенно наглядно его воплотили работы художника последних лет жизни, а среди них — эскизы к неосуществленным росписям особняка А. И. Дерожинской в Москве. Основная их тема — усадебный пейзаж, наполненный «призраками прошлого», их неясно различимыми сквозь временную вуаль чувствами, размышлениями, поступками, наконец, почти физически осязаемой протяженностью их жизни — они жили, любили, страдали и давно ушли из реального мира действий, но остались в мире грез, снов, ностальгических раздумий о прошедшем. Мусатовские пейзажи, пожалуй, образовали своеобразную изобразительную пару к известному стихотворению Владимира Соловьева:

«Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?»

С. Ю. Жуковский — тонкий лирик, верный апологет усадебной темы. В его произведениях, как ни у одного другого мастера того времени, с нежностью и любовью отображены самые привлекательные стороны усадебной жизни. Закономерно, что множественные усадебные образы, которые отразила его живопись связаны прежде всего с поэтизацией мира старинной «уходящей» русской усадьбы — в этом зримо проявилась особая эстетика эпохи русского символизма. Здесь и старый усадебный дом с колоннами и остатками снега на ступеньках, греющийся в лучах весеннего солнца, и его комнаты с простой ампирной мебелью, редкими портретами предков па стенах и лучами заходящего солнца на половицах.

Особенно много художник писал усадебные сады. Сад весенний, только пробуждающийся; летний, тенистый с яркими лужайками перед домом или темный, отдыхающий — ночной; осенний с яркими пятнами последних цветов и желтыми листьями па дорожках и веранде. Картины Жуковского позволяют нам заглянуть в усадьбу того времени ночью, ранним утром, в полдень и светлым вечером, и в будни, и в праздники — на Пасху, в Рождество. Именно заглянуть, потому что такова, как правило, точка зрения художника — его взгляд выхватывает небольшие фрагменты усадебного быта, отдельные предметы или уголки сада, и с их помощью передает зрителю особое настроение места, дня, природного состояния.

В произведениях Жуковского усадьба предстает перед нами как неразрывно связанная с прошлым поэтическая ипостась Отчизны, ее восхитительной природы, ее рукотворного, дышащего человеческим теплом быта, полного предметов искусства. Другими словами, в его картинах воплотились все наиболее характерные черты усадеб русского символизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Аничков И. В. Обзор помещичьих имений Новгородской губернии. Новгород, 1916.
2. См.: Стернин Г. Ю. Проблема «реальности» в изобразительном искусстве XIX в. / / Советское искусствознание ’77. Вып. 1. М., 1978; К вопросу о путях самоопределения символизма в русской художественной жизни 1900-х годов // Стернин Г. Ю. Русская художественная культура второй половины XIX — начала XX века. М., 1984; «Голубая роза» и пути самоопределения символизма в русской художественной жизни 1900-х годов //Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России 1900—1910-х годов. М., 1988;Русакова А. Л. Символизм в русской живописи. М., 1995; Символизм в России. СПб., 1996.
3. Нащокина М. В. К интерпретации образной структуры усадьбы Грачевка // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 2(18). М.,1996, С. 159—170; НащокинаМ. В. Неоклассические усадьбы Москвы // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып.З (19). М., 1997, С. 55—74; Нащокина М. В. Дача Пфеффер в Сокольниках и ее амери-

канские прототипы.— Доклад. Федоро-Давыдовские чтения. МГУ, 19 апреля 1997 г.
4. Delevoy R.L. Le Symbolisme. Geneve. 1982. P. 16—44.
5. Символизм в России. С. 7.
6. Там же. С. 13.
7. Русские символисты. Вып. 1. Валерий Брюсов и А. А. Миропольский. М., 1894. С. 3—4.
8. Белый А. Символизм. М., 1910. С. 143
9. Нащокина М. В. Неоклассические усадьбы Москвы. С. 73
10. Там же. С. 63.
11. Лернер Н. Диканька // Столица и усадьба. 1916. № 66. (Цит. по : Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 19.)
12. См.: Давыдов В., Ногтева М. На весах истории // Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 4. С. 27.
13. Спутник по Московско-Виндавской железной дороге. М., 1909. С. 3—13.
14. В 1908—1909 гг. после смерти владельца Знаменского-Губайлова А. Я. Полякова его дети возвели возле церкви часовню в нео-русском стиле (арх. И. Е. Бондаренко, худ. В. В. Владимиров).
15. Чехов А. П. Черный монах // Цит. по А. Я. Чехов. Собр. соч., Т. 7. М., 1956. С. 282—283.
16. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997, С. 353.
17. Лукомский Г. Введенское // Столица и усадьба. 1916. № 59. (Цит. по: Памятники Отечества. С. 13.)
18. См.: Русская усадьба на страницах журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба». М., 1994.
19. Нащокина М. В. Усадьба Грачевка: образы символизма // Архитектура и строительство Москвы. 1995. № 6. С. 43.
20. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. С. 81.
21. Там же, С. 62.
22. Нащокина М. В. Неоклассические усадьбы Москвы. С. 69.
23. Кондаков С. Отрада // Столица и усадьба. 1917. № 83—88. (Цит. но: Памятники Отечества. С. 11)
24. Г. С. Ш. [С. Д. Шереметев] Вяземы. М., 1906. (Цит. по: Памятники Отечества. С. 21—22.)
25. Каждан Т. П. Личность художника в усадебном мире. Чехов в Мелихове // Русская художественная культура второй половины XIX века. Диалог с эпохой. М., 1996. С. 311.
26. Чехов А. Я. Письма. Т. 5. М., 1978. С. 167.
27. «Старый Париж» на Всемирной выставке 1900 года // Архитектурные мотивы. 1899. № 3. С. 1—6.
28. Алексеев В. Я. Старый замок // Московский журнал. 1996. № 5. С. 39—47.
29. Нащокина М. В. Усадебные постройки А. В. Кузнецова для семьи Морозовых // Труды первых Морозовских чтений. Ногинск (Богородск), 1995. С. 184—187.
30. Нащокина М. В. Неоклассические усадьбы Москвы. С. 71.
31. Чехов А. II. Черный монах. С. 283.
32. Чехов М. II. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М.,1964. С. 244.
33. Батракова С. Я. Чеховский сад («Черный монах» и «Вишневый сад») // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. Статьи, публикации, эссе. М., 1995. С. 46.
34. Цит. по: Хохлова Е. «Когда они вспоминают нас — мы оживаем» // Наше наследие. 1996. №38. С. 133.

ХРОНИКА ВОЗРОЖДЕННОГО ОИРУ

М. А. Полякова

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ (1992—1997): ЛЮДИ И ВРЕМЯ

Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ) возродилось на волне демократических реформ в 1992 г., и деятельность его продолжается и поныне в отличие от многочисленных обществ- «однодневок», которыми так богаты были перестроечные годы. Основой его успешной работы стали те глубинные процессы, которые происходят в российской культуре, освобожденной от идеологического прессинга. Об основных направлениях и разнообразных формах деятельности Общества известно многое (1). О нынешних же членах ОИРУ — специалистах в различных областях наук, краеведах, общественниках, эрудиция, знания и энтузиазм которых являются залогом его успешной деятельности, написано мало.

Прошло пять лет. Сегодня можно подвести некоторые итоги. За это время от Общества отошли люди случайные, и окончательно определился тот актив, без которого трудно представить себе его многообразную работу. В нем работают люди самых разных профессий, объединенные стремлением изучить и сохранить такой феномен отечественной культуры, как русская усадьба. По сути их всех можно назвать усадьбоведами или, употребляя новомодное слово — культурологами, так как трудно расчленить на отдельные составляющие русскую усадьбу и ее многогранную культуру.

Вместе с тем, по традиции, идущей от двадцатых годов, важную роль в деятельности ОИРУ играют искусствоведы, архитекторы, пристально изучающие художественные грани усадебной культуры. Хотелось бы назвать имена Ольги Сергеевны Евангуловой, Татьяны Павловны Каждан, Евгении Ивановны Кириченко, Марии Борисовны Михайловой, Марии Владимировны Нащокиной, Игоря Васильевича Рязанцева, Григория Юрьевича Стернина, Валерия Стефановича Турчина, Леопарда Владиславовича Тыдмана. Парк как непременный элемент усадебной культуры стал объектом исследования архитекторов-ландшафтпиков, геоботаников Валентины Александровы Агальцо-

вой, Натальи Алексеевны Филипповой, Галины Андреевны Поляковой, Аркадия Павловича Вергунова, Елены Прокопьевны Щукиной. Во многих работах этих исследователей анализируются не только художественные элементы усадебной культуры (архитектурные ансамбли, интерьеры, ландшафтная архитектура, парковая скульптура), но и само понятие «усадьба» рассматривается с более общих философско-культурологических позиций. В них также представлен широкий диапазон вопросов, входящих в проблему «русская усадьба — картина мира» и ориентированных на разнообразные формы мировосприятия (2).

Весомое место в деятельности ОИРУ занимают историки культуры, которые за последние годы много сделали для изучения малоизвестных среднепоместных и мелкопоместных усадеб, усадебных коллекций памятников старины и искусства, библиотек и музеев. В изучении проблемы «усадьба — культурное гнездо», интересующей многих исследователей, центральное место занимает «личностный» аспект — биографии владельцев, их домочадцев, гостей, то есть всех тех, кто и создавал в усадьбе ту неповторимую атмосферу, которая нашла отражение в многочисленных мемуарах, письмах и художественной литературе. В четырех (включая настоящий) научных сборниках ОИРУ подобные материалы занимают большое место. Целые разделы в первом и втором выпусках, озаглавленные «Страницы истории усадьбы» и «Быт, окружение, связи», полностью посвящены им. Среди имен авторов — Ирина Михайловна Марисина, Зинаида Константиновна Покровская, Инесса Николаевна Слюнькова, Всеволод Владимирович Синдеев, Екатерина Эдуардовна Спрингис, Александр Иванович Фролов, Екатерина Ильинична Щулепникова (3).

По специфике своей работы Обществу очень близки специалисты-практики: музейные работники и реставраторы. Если реставраторы сохраняют, а нередко и спасают то, что еще осталось от уникальных усадебных построек, то музейные работники решают другой, не менее важный вопрос их музеефикации. Спорные проблемы обсуждаются на заседаниях Общества, на проводимых им научных конференциях. С ОИРУ тесно сотрудничают музеи-усадьбы «Архангельское», «Царицыно», «Большие Вяземы», Пушкинские Горы, «Русский парнас» в Остафьеве. В марте 1995 г. в последнем была проведена научная конференция «История и культура подмосковных усадеб. Проблемы создания музея истории русской усадьбы».

О тесном сотрудничестве реставраторов с ОИРУ свидетельствует третий, «московский», выпуск сборника «Русская усадьба», один раздел которою полностью посвящен результатам архивных и натурных исследований московских городских усадеб и особняков. Без преуве-

Презентация книги «Мир русской усадьбы» в Академии Художеств. Слева направо: М. Нащокина, Л. Иванова, Л. Перфильева, Л. Мановский. 24. II. 1994 г.

личения можно сказать, что эти материалы свидетельствуют о ряде важных открытий в сфере изучения и сохранения архитектурных памятников Москвы. Прочтены ранее неизвестные страницы их истории, уточнены датировки строительства, найдены новые данные об авторстве выдающихся зодчих. Среди имен реставраторов и искусствоведов, опубликовавших свои материалы в этом разделе, — Людмила Александровна Перфильева, Галина Ивановна Науменко, Елена Валерьевна Степанова, Лидия Алексеевна Шитова, Татьяна Леонидовна Энговатова, Наталья Сахановна Датиева, Сергей Семенович Попадюк и другие.

Таким образом, членами ОИРУ являются ученые — теоретики и практики, работающие в самых различных областях гуманитарных знаний. Но есть среди его активных членов и представители точных наук. Хотелось бы назвать имена кандидата технических наук, постоянно публикующегося библиографа и историографа ОИРУ Гарольда Давидовича Злочевского, а также инженера Александра Борисовича Чижкова, увлеченно работающего над атласом усадеб Московской губернии.

Эффективность любого научного общества в значительной степени зависит от личности его руководителя. В истории немало примеров,

Правление ОИРУ на заседании в Доме журналиста. 1995 г.
Сидят (слева направо): Е.П. Щукина, В. В. Синдеев, Т. П. Каждан, С.В. Фицева.
Стоят в центре (слева направо): Л. В. Иванова, М.К. Гуренок, М. Б. Михайлова.

когда инициатива и подвижничество одного человека становились важнейшим фактором активизации деятельности общественной организации. Достаточно вспомнить В. В. Згура, талантливого ученого, личность которого неотделима от самого яркого, плодотворного периода в истории ОИРУ 20-х годов. Современное Общество изучения русской усадьбы возродилось по инициативе Людмилы Васильевны Ивановой, доктора исторических паук, ведущего сотрудника Института российской истории РАН. С 1995 г. она является и его председателем. Научные интересы Л. В. Ивановой, без сомнения, отразились на широте усадебной проблематики, которой занимаются члены ОИРУ. В сферу их интересов и исследований были включены экономические, социальные и историко-культурные проблемы усадьбоведения, ранее остававшиеся за рамками исследований. Помимо профессионализма руководителю научного общества необходимы особые качества, позволяющие объединять людей в общем деле. Людмила Васильевна, безусловно, обладает этими качествами. Члены ОИРУ, несмотря на их повседневные заботы и дела, в течение нескольких лет периодически собираются вместе, решают научные и сугубо организационные вопросы, борются

Участники усадебной конференции в Художественном музее им. А. II. Радищева. Саратов, 1995. Слева направо: Т. П. Каждан, Л. В. Машкова; справа — Л. В. Иванова.

за сохранение той или иной усадьбы, проводят экскурсии но уникальным усадебным ансамблям Москвы и Подмосковья.

Общество изучения русской усадьбы — научное, и вполне естественно, что приоритетным направлением его деятельности является исследование различных проблем усадьбоведения. Бесспорно, интенсивная научная жизнь Общества способствовала активизации изучения усадьбы за последние пять лет. Важную роль в этом играют, прежде всего, ежегодные научные конференции. Они собирают не только москвичей, по и специалистов из различных городов России. Нередко конференция сопровождается выставкой, тематически с ней связанной. Так, к первой конференции, проходившей в апреле 1992 г., была приурочена выставка «Русские дворянские усадьбы в живописи и графике XVIII—XIX вв.», развернутая в выставочном зале Российского фонда культуры. По инициативе ОИРУ готовятся каталог и вторая усадебная выставка, прежде всего силами Исторического музея и благодаря энергии Марты Константиновны Гуренок. Тематика конференций отражает различные аспекты изучения усадьбы, реставрации и использования сохранившихся уникальных усадебных комплексов.

По материалам конференций подготовлено четыре выпуска научного сборника «Русская усадьба», выход в свет которых свидетельствует о преемственности традиций в работе ОИРУ. Не случайно, эти сборники

Члены правления ОИРУ на конференции
в Художественном музее г. Александрова. Март 1996 г.

Участники конференции «Источники по истории русской усадебной культуры».
Ясная Поляна. 1996 г.

имеют двойную нумерацию, вторая цифра которой обозначает номера выпусков трудов ОИРУ 20-х гг. Сборники (тали важной вехой в развитии усадьбоведения, так как наряду е новым фактическим материалом по истории российских усадеб они содержат интересные теоретические и научно-методические статьи. Многие проблемы поставлены ОИРУ впервые и уже стали отправной точкой для новых научных исследований. В качестве примера можно назвать статьи, касающиеся эволюции городской и загородной усадеб, особенностей купеческой усадьбы, неоклассической усадьбы, проблемы «архитектор и заказчик» и др. (4).

Общество изучения русской усадьбы, сохраняя верность традициям 20-х годов, многое делает для изучения деятельности своих предшественников. Работу эту можно определить как особое научное направление, в центре которого — усадьбоведы двадцатых годов, их научный и жизненный путь, изученный пока явно недостаточно. В сборниках ОИРУ и других краеведческих изданиях сегодня опубликовано немало материалов, проливающих свет на судьбы ученых далеких двадцатых годов (5). Но многое еще предстоит сделать. Общество намерено переиздать наиболее ценные работы ОИРУ 20-х годов, ставшие уже давно библиографической редкостью. Один из первых шагов в решении этой задачи — настоящий «юбилейный» четвертый выпуск сборника «Русская усадьба».

В своей научной деятельности современное ОИРУ большое внимание уделяет усадьбам, находящимся в российской глубинке, так как состояние их архитектурных ансамблей значительно хуже, чем подмосковных, а проблемы их реставрации и использования стоят очень остро и нередко остаются нерешенными. В сборниках ОИРУ большое место занимают материалы именно об этих усадьбах. На заседаниях Общества не раз заслушивались доклады краеведов из различных регионов о наболевших проблемах сохранения местных усадеб. Большой интерес вызвали сообщения А. С. Полищука об усадьбе Паниных «Душно» Смоленской области, Г. В. Голутвы о «Барятино» Калужской области.

Сегодня усадьба как уникальное явление отечественной культуры безвозвратно уходит в прошлое. Перестраиваются и разрушаются усадебные постройки, а непродуманное использование ансамблей, которое нередко приобретает просто чудовищные формы, приводит к утрате того неповторимого образа, который когда-то создавался домом, парком, окружающим ландшафтом. Поэтому одной из первоочередных задач, которую ставит перед собой ОИРУ, является максимально полное выявление и фиксация всего того, что еще сохранилось. Многие члены Общества работают над составлением усадебных картотек (Л. В. Иванова, Т. П. Каждая, В. М. Рудченко, А. Б. Чижков). Гото-

Члены ОИРУ на докладе американской исследовательницы русских усадеб Присциллы Рузвельт (справа). Институт российской истории РАН. 1996 г.

Юбилейное заседание ОИРУ в РААСН 22 декабря 1997 г.
Слева направо: Л. В. Иванова, М. В. Нащокина. С. Б. Ткаченко.

вится к изданию каталог усадеб Московской губернии (А. И. Фролов). Дело ближайшего будущего — выпуск в свет атласа усадеб этого же региона (А. Б. Чижков).

Кроме упомянутых научных сборников «Русская усадьба», за последние годы усилиями Общества, прежде всего, его председателя Л. В. Ивановой, вышел еще ряд научных трудов и справочных изданий (6). Публикация этих работ не осталась незамеченной научной общественностью, напечатанные небольшими тиражами, они были раскуплены очень быстро и получили положительную оценку в научной печати. Помимо научных работ в творческом багаже ОИРУ великое множество журнальных и газетных публикаций. Некоторые номера широко известных журналов «Художник», «Наше наследие», альманаха «Памятники Отечества» полностью посвящены усадебной тематике (7). Интервью и заметки о деятельности ОИРУ не раз появлялись па страницах газет «Культура», «Литературная газета», «Независимая газета», «Народная газета». Такое внимание Общества к периодическим изданиям диктуется не только научными интересами, но и стремлением к популяризации материалов об усадьбах среди самых широких слоев населения.

Изучать усадьбу без сведений о ее современном состоянии очень труд-
но. Поэтому с 1993 г. возродилась традиция 20-х гг. — экскурсии по усадьбам Подмосковья. За прошедшие четыре года осмотрено большею количество усадеб (8). В этих поездках не бывает профессиональных экскурсоводов. Знания и эрудиция специалистов ОИРУ этого не требуют. А если учесть, что в поездках участвуют и историки, и архитекторы, и реставраторы, можно с уверенностью говорить о высоком профессиональном уровне каждой из них. Следствием натурных осмотров усадебных ансамблей нередко бывали целые компании, организованные Обществом в защиту того или иного объекта, требующего неотложной помощи. В качестве примера можно назвать усадьбы Н. А. Дурасова в Люблино, Л. А. Тамбурер в пос. Удельная, подмосковное Архангельское и др. Кроме того, экскурсии сплачивают актив Общества, повышают его жизнедеятельность. Неформальное общение, которое происходит в этих поездках, стало объединяющим фактором, так необходимым любому творческому коллективу.

Члены Общества изучения русской усадьбы в большинстве своем люди среднего возраста или уже немолодые. Именно поэтому работа с молодежью, воспитание молодых исследователей — одно из приоритетных направлений в его деятельности. Оно работает в тесном контакте с крупнейшими вузами Москвы — искусствоведческим отделением Московского государственного университета им. М. В. Ломоно-

Юбилейное заседание ОИРУ в РААСН 22 декабря 1997 г.
Слева направо: Л. В. Тыдман, И. В. Рязанцев, Г. К). Стернин.

сова, факультетами музеологии РГГУ и архивного дела Историко-архивного института. Усадебная проблематика в этих вузах очень популярна среди студентов. Они пишут курсовые, защищают дипломные работы, многие из них продолжают заниматься этой же темой в аспирантуре. В мае-июне 1996 и 1997 гг. в музее-усадьбе «Ясная Поляна» ОИРУ и факультетом музеологии РГГУ были проведены две научно-практические конференции. Результатом первой из них стал выход в свет сборника «Источники по истории русской усадебной культуры». Интересный опыт приобщения школьников к истории и современному состоянию подмосковных усадеб проделали летом 1997 г. Л. В. Иванова и А. Б. Чижков в усадьбе Григорово — загородной московской турбазе. Немало молодежи и среди тех, кто обращается в Общество за консультациями.

ОИРУ, как многие подобные общественные научные организации, с самого начала испытывало большие финансовые трудности, так как ни государство, ни коммерческие структуры за все время существования не помогли ему ни рублем. Оставалась только надежда на благотворительность человека, знающего и любящего русскую усадьбу и

способного но достоинству оценить деятельность общества. Таким человеком стал для ОИРУ Сергей Борисович Ткаченко, архитектор, руководитель мастерской № 15 Моспроскта-2. Именно с его помощью издаются научные сборники общества. И юбилейные торжества, посвященные 75-летию ОИРУ и 5-летию его возрождения, также прошли при его содействии.

22 декабря 1997 в зале Российской Академии архитектуры в теплой и доброжелательной атмосфере актив общества отметил эту знаменательную дату. На этом вечере присутствовали президент Российской Академии архитектуры и строительных наук Александр Григорьевич Рочегов, директор НИИ теории архитектуры и градостроительства В. Л. Хайт, другие представители РААСН, а также С. Б. Ткаченко, которому была преподнесена на память копия с оригинального памятника рубежа веков —силуэт «Мадригал» М. В. Добужинского, созданная членом ОИРУ А. И. Фроловым.

Юбилей ОИРУ был отмечен и прекрасным музыкальным концертом, состоявшимся 16 января 1998 г. в отреставрированном здании Всероссийского фонда культуры на Гоголевском бульваре. В этот вечер звучала музыка В. А. Моцарта, Г. Ф. Генделя, Дж. Россини в исполнении молодых музыкантов и солистов ансамбля «Ренессанс» (руководитель Сергей Назаров) и театра «Амадей» (руководитель Олег Митрофанов). После концерта была проведена экскурсия по зданию, владельцами которого когда-то были С. М. Третьяков и П. П. Рябушинский.

Эти юбилейные дни были ознаменованы и еще одним очень важным для общества событием, отмеченным также в здании Фонда культуры, — восьмидесятилетием Татьяны Павловны Каждан и семидесятилетием Леонарда Владиславовича Тыдмана — прекрасных специалистов, знатоков и защитников русской усадьбы, которые, несмотря на возраст, являются активными членами общества.

Возрожденному Обществу изучения русской усадьбы пять лет. У него большие планы на будущее. Многое роднит его с далекими двадцатыми годами. Верное традициям своих предшественников, оно изучает и творчески переосмысливает то, что было сделано. Связь времен не прерывается и никогда не прервется. Но главное, что объединяет два общества — это люди, специалисты своего дела, которые составляли и составляют основу их существования. Профессионализм, увлеченность делом, инициатива и подвижничество были во все времена теми ценностями, которые не зависели от изменения политической ситуации. Именно поэтому с уверенностью можно сказать, что ОИРУ предстоит долгая научная жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иванова Л. В. Общество изучения русской усадьбы и задачи его возрождения // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. Вып. 1 (17). М. Рыбинск, 1994; Она же. Общество изучения русской усадьбы // Россия и современный мир. М., 1995. № 4; Она же. О воссоздании ОИРУ и проблемах исследования усадьбы // Усадьба в русской культуре XIX — начала XX веков. М., 1996; Основные направления долгосрочной программы Общества // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. Вып. 3 (19). М., 1997; Злоневский Г. Д. Чтобы не прервалась связь времен (Общество изучения русской усадьбы в прошлом, настоящем и будущем) // Археографический ежегодник за 1997 г. М., 1997.
2. См. например, Каждан Т. П. Русская усадьба // Русская художественная культура второй половины XIX века. Картина мира. М., 1991; Она же. К вопросу об изучении русской усадьбы второй половины XIX — начала XX вв. // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. Вып. 1 (17). М. -Рыбинск. 1994; Кириченко Е. И. Русская усадьба в контексте культуры и зодчества второй половины XVIII века // Там же; Стернин Г. К). Усадьба в поэтике русской культуры // Там же; Он же. Об изучении культурного наследия русской усадьбы // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. Вып. 2. (18). М., 1996; Нащокина М. В. О русской усадьбе // Художник. 1992. № 4—5; Она же. К интерпретации образной структуры усадьбы Грачевка // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. Вып. 2 (18). М., 1996 и др.
3. См., например: Синдеев В. В. Усадьба Глинки // Русская усадьба. Вып. 1 (17). М. -Рыбинск, 1994; Щуленникова Е. И. Гибель архивов и библиотек помещичьих усадеб в 1917—1920 гг. //Там же. 7; Слюнькова И. //. Великокняжеская подмосковная Ильинское // Русская усадьба. Вып. 2 (18). М., 1996; Фролов А. И. Частные коллекции дворянских усадеб (вторая половина XIX — начало XX вв. // Там же. и др.
4. Тыдман Л. В. Роль заказчика в формировании художественной культуры XVIII-XIX вв. // Русская усадьба. Вып. 2 (18). Сб. ОИРУ. М., 1996; Кириченко Е. И. Усадьба в застройке Москвы середины XIX — начала XX вв. // Там же. Вып. 3 (19). М., 1997; Никулина Е. Г. Развитие понятия о городской усадьбе как определяющем типе застройки Москвы // Там же. и др.
5. См. например: Меленевекая М. Ю. О тех, кого уже нет // Русская усадьба. Сб. ОИРУ. Вып. 2 (18). М., 1996; Иванова Л. В. Трагические судьбы членов Общества изучения русской усадьбы // Там же; Она же. «Такой талантливый и так много обещавший человек» // Краеведы Москвы. Вып. 1. М., 1991; Злочевский Г. Д. «Пути и поиски историка искусства» // Там же. Вып. 2. М., 1995; Он же. «Совкусом и горячей любовью к истинным культурным ценностям» // Там же. (Последние три публикации посвящены В. В. Згура, А. И. Некрасову, А. II. Гречу).
6. Русская усадьба на страницах журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба». 1, 2-е изд., 1994; Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995; Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы. М., 1996; 2-е изд. М., 1997.
7. Памятники Отечества: Мир русской усадьбы. М., 1992. № 25; Художник. 1992. № 4—5; Наше наследие. 1996. № 29—30.
8. Болес подробно об экскурсионной деятельности ОИРУ см. статью М. Б. Михайловой в настоящем сборнике.

М. Б. Михайлова

ЭКСКУРСИОННАЯ РАБОТА ОИРУ В 1993—1997 гг.

Восстановленное в 1992 г. Общество изучения русской усадьбы возобновило экскурсионную работу, прерванную более чем на полстолетия.

Если члены ОИРУ первого поколения оказались свидетелями начального периода разорения и разрушения дворянских гнезд, что и побудило их спешно фиксировать наиболее ценные объекты исчезающей на их глазах усадебной культуры, то мы — их преемники — продолжили их деятельность в иных условиях.

Прежде всего, значительно сократилось число объектов изучения. В период с начала 1930-х гг. до середины 1990-х гг. многие усадьбы были уничтожены или искажены. Одни из них были снесены или истреблены пожаром; другие лежат в руинах (в том числе шедевр русской архитектуры, творение М. Ф. Казакова — усадьба в Петровском-Алабиие); третьи перестроены в процессе приспособления зданий к новому назначению; во многих уцелевших усадьбах ныне утрачены те или иные из прежних построек, представлявших собой необходимые элементы традиционного дворянского имения, вследствие чего оказалась нарушенной присущая им прежде гармоничность архитектурно-природного ансамбля. От ряда усадеб остались только парки — островки некогда культивированной природной среды. В большинстве своем усадебные парки находятся в крайне запущенном состоянии.

Происходящий сейчас в стране процесс передела собственности непосредственно и далеко не лучшим образом сказался на состоянии и судьбах усадеб.

Ряд усадебных комплексов, ранее находившихся в ведении ЦК КПСС или системы профсоюзов и использовавшихся как дома отдыха и санатории для партийной номенклатуры, при продаже их новым собственникам не только утратили еще сохранившуюся кое-где утварь и убранство интерьеров, но оказались вне сферы контроля органов по охране

памятников, какой бы малоэффективной ни была их деятельность. В результате возникает серьезный риск перестройки усадеб соответственно вкусам их нынешних владельцев, а также строительства на территории парков новых зданий в формах и материалах современной архитектуры, внедрение которых в усадебный ансамбль разрушает его визуально.

Не может не тревожить и то обстоятельство, что на протяжении нескольких последних десятилетий происходила постепенная ликвидация (по разным причинам) музеев, существовавших в ряде усадеб (Никольское-Урюпино, Ольгово, Введенское, Остафьево и др.).

В этих условиях возрождение ОИРУ стало делом крайне насущным. Одной из главных задач Общества является необходимость установить, какой именно объем усадебного наследия сохранился на данный момент и в каком состоянии оно находится. С этой целью с 1993 г. правление Общества организует экскурсии по Подмосковью — пешеходные и автобусные. В состав постоянного актива участников экскурсий — членов ОИРУ входят историки и специалисты но отечественной культуре и музейному делу Института Российской истории РАН, МГУ, Российского Государственного гуманитарного университета, Российского института искусствознания, архитекторы-реставраторы и ландшафтные архитекторы из Спецпроектреставрации, Моспроекта и других проектных организаций, историки архитектуры и искусствоведы из научно-исследовательских институтов и музеев Москвы, архивисты, библиографы, художники, краеведы и ботаники.

Ознакомление с усадебными объектами сопровождается информацией руководителя ОИРУ Л. В. Ивановой, а также Т. П. Каждан и ряда участников экскурсии об истории усадьбы и стадиях ее формирования, о ее менявшихся владельцах XVII—XIX веков, о привнесенных ими дополнениях или изменениях в ее облик. При осмотре усадьбы — главного дома и флигелей, церкви, хозяйственных построек, конного и скотного дворов, оранжереи, садовых сооружений и системы прудов (в столь полном варианте до нас дошли лишь очень немногие из дворянских имений) — производится фотофиксация состояния зданий (в целом и в деталях) и видов усадебного комплекса с различных точек зрения, а также происходит обмен мнениями по поводу увиденного. Специалистами но ландшафтам выявляется степень перепланировки парков или их деформации, отмечается степень сохранности культурного растительного покрова и редких древесных пород, восходящих ко временам бытования усадьбы. По их мнению, для восстановления усадебных парков потребовалось бы как общее их прореживание, так и удаление групп деревьев, деформирующих первоначальную пространственную композицию.

Члены ОИРУ во Введенском. 1993 г.

Члены ОН РУ в усадьбе Скобеево. 1996 г.

Л. А. Перфильева рассказывает об усадьбе Спасское. 1997 г.

В усадьбе Садки. Слева направо: Г. Яроцевич, Н. Филиппова, М. Михайлова.

Одновременно фиксируются наличие новых построек, появившихся на территории усадеб, степень тактичности их возведения относительно соседних исторических зданий, а также случаи резких нарушений охранных зон; выясняется характер современного использования усадебных комплексов XVIII—XIX веков и ведомственная принадлежность их арендаторов.

Хотя общая картина состояния русской усадьбы на конец XX века вырисовывайся довольно неблагополучная, вое же несомненны и некоторые положительные сдвига. Так, ряд усадеб, в течение многих лет все более приходивших в упадок, начал возрождаться (Большие Вяземы, Волынщина, Валуево, Царицыно, Андреевское, Аннино, Шахматово и др.).

При посещении нами ряда усадеб-музеев проводились совместные заседания правления Общества с коллективами музейных сотрудников для обсуждения перспектив и направленности их научной и экспозиционной работы в современных условиях, а также мер, необходимых для защиты зданий и музейных коллекций. На этих совещаниях речь шла и о различных проблемах музеев, в разрешении которых ОИРУ может оказать свое содействие. Это происходило в Остафьеве, Больших Вяземах, Архангельском, поселке Удельная, Горках Ленинских, Семеновском-Отраде, Царицыне, Богородске (Ногинске), Щапове, Белой даче и др.

В отличие от наших предшественников 1920-х годов, которые присутствовали при подавлении религиозного начала в жизни общества, закрытии и разорении храмов и монастырей, мы во время экскурсий наблюдаем обратное явление — возрождение «духовного слоя» культурной атмосферы России, массовое восстановление церквей и монастырей. Среди последних отрадно отметить приведенный в прекрасное состояние величественный монастырский ансамбль Берлюковской пустыни и находящиеся в разных стадиях восстановления Николо-Угрешский монастырь в Люблинском районе, усадебные храмы в Воронцове, Остафьеве, Царицыно, Введенском, Братцеве, Грачевке, Марфине, Красном и др.

В течение прошедших пяти лет (1993—1997) члены ОИРУ посетили около 80 усадеб в различных районах Москвы и Подмосковья. Приводим перечень этих усадеб соответственно годам их посещения.

1993 г.

Ворон ново (Юго-запад Москвы).
Глинки (Щелковский район).
Молоди (Чеховский район).
Суханово (Ленинский район).
Пехра-Яковлевское и Горенки (Балашихинский район).

Введенское (Одинцовский район).
Лукино, Измалково (Одинцовский район).
Середниково, Усадьба Юона, Церковь Алексея Митрополита (Солнечногорский район).
Дачи Л. А. Тамбурер и Н. А. Обуховой (Пос. Удельная).

1994 г.

Знаменское-Садки (Ленинский район).
Михайловское (Подольский район).
Братцево (Северо-запад Москвы).
Горки Ленинские (Ленинский район).
Петрово-Дальнее (Красногорский район).
Знаменекое-Губайлово (Красногорский район).
Поречье (Можайский район).
Валуево, Филимонки (Ленинский район).
Одинцово-Вахрамеево, Архангельское (Одинцовский район).
Липки, Алтуфьево, Неклюдово (Мытищинский район).
Царицыно (Юг Москвы).

1995 г.

Любвино (Рузский район).
Михалково (Северо-запад Москвы).
Грачевка (Северо-запад Москвы).
Марфино, Николо-Прозоровское (Мытищинский район).
Богородск (Ногинск) — город и район: усадьбы в Глухове, Успенском. Воскресенском, Райках; Берлюковская пустынь. (Щелковский район).
Большие Вяземы, Захарово (Одинцовский район).
Подушкино (Барвиха) (Одинцовский район).
Абрамцево (Загорский район).
Алабино, Бурцеве (Наро-Фоминский район).
Архангельекое-Тюриково, Виноградове (г. Долгопрудный).

1996 г.

Поречье, Старки (Можайский район).
Люблино (Юго-восток Москвы).
Щапово, Красное (Ступинский район).
Семеновское-Отрада (Ступинский район).
Алмазово (Щелковский район).
Поречье Попова, Поречье Медведниковых, Дунино (Одинцовский район).
Прохоровка, Мещерское, Скобеево (Чеховский район).
Андреевское, Сушнево. Владимирская область.

1997 г.

Архангельское (Красногорский район).

Белая дача, Котельники, Николо-Угрешский монастырь (Люблинский район).
Покровское Шереметевых, Никольское-Гагарино, Аннино, Волынщина, Осташево (Волоколамский район).
Воскресенск, Кривякино, Дубки, Спасское (Воскресенский район).
Васильевское, Марьина гора (Рузский район).
г. Чехов (Лопасня), Садки, Зачатьевское, Васькино, Мелихово (Чеховский район).
Измалково, Лукино, Переделкино (Одинцовский район, Москва).

Итак, в юбилейном выпуске оказались опубликованными как сведения об экскурсиях по усадьбам XVIII и XIX вв., совершенных членами ОИРУ в 1920-х годах, так и отчет об аналогичных поездках возрожденного Общества в течение пяти лет в конце того же столетия. И хотя, планируя ежегодно наши поездки, мы не ориентировались сознательно па маршруты наших предшественников, но исходили из познавательных интересов и из необходимости в нашей конкретной научной или организационной помощи тому или иному усадебному объекту, возникает невольное сопоставление характера экскурсионной деятельности разных поколений ОИРУ. При этом обнаруживаются, с одной стороны, любопытные сближения, а, с другой, — не менее очевидные расхождения в направлении наших усилий.

Как может судить читатель, большая часть усадеб в равной мере привлекала к себе внимание членов ОИРУ обоих поколений, что явно объясняется общностью подхода к оценке их высоких архитектурных достоинств и их культурной значимости. Однако, сравнительно с нами коллеги 1920-х годов посещали некоторые из них многократно (например, Марфино — 4 раза, Архангельское — 5 раз и т. д.), предварительно давая об этом объявления в газетах. Это свидетельствует о преимущественно просветительском характере их экскурсий, тогда как наши экскурсии нередко являлись скорее поездками экспертов разных специальностей и историков, фиксирующих сегодняшнее состояние усадебных построек и парков. Нам удалось посетить около двадцати усадеб (в Рузском и Можайском районах), которые из-за их удаленности и труднодоступности не видело старшее поколение ОИРУ; однако, мы не были во многих известных им усадьбах.

Предстааляется целесообразным в наших очередных экскурсионных планах устранить эти лакуны; кроме того, стоит обдумать также организацию под эгидой ОИРУ просветительских групп, возможно, с привлечением специалистов со стороны и работой на финансовой основе д ля популяризации прекрасного усадебного наследия Подмосковья.

НАУЧНЫЕ И ОТЧЕТНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ОИРУ

20—22 апреля 1992 г. — 1-я, учредительная, конференция. Тема: «Русская усадьба XVII — начала XX вв.: проблемы изучения и возрождения».

Материалы опубликованы: «Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы» № 1 (17). Рыбинск-Москва, 1994. 14 н. л.

22 апреля 1992 г. воссоздано Общество изучения русской усадьбы. Председатель — доктор искусствоведения В. П. Выголов.

25—26 января 1993 г. — 2-я конференция ОИРУ. Тема: «Усадьба и современность».

23—24 января 1995 г. — 3-я, отчетная, конференция ОИРУ. Тема: «Культура русской усадьбы«. Председатель ОИРУ — доктор исторических наук Л. В. Иванова. Материалы опубликованы: «Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы». № 2 (18). М., 20 п. л. Тираж 1000 экз.

22 марта 1995 г. — конференция ОИРУ совместно с музеем-усадьбой Остафьево. Тема: «Культура подмосковных усадеб».

Материалы опубликованы: «Остафьевский сборник». Вып. 3. Тезисы; «История и культура подмосковных усадеб. Проблемы создания музея истории русской усадьбы». Остафьево, 1995. Тираж 250 экз.

14—15 февраля 1996 г. — 5-я конференция ОИРУ. Тема: «Московская городская усадьба».

Материалы опубликованы: «Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы». № 3 (19). М., 1997. 24,5 п. л. Тираж 1000 экз. Отчет о конференции см.: «Вопросы искусствознания», IX (2/1996).

22 марта 1996 г. — конференция ОИРУ совместно с Александровским художественным музеем. Тема: «Русская усадьба» (владимирские и александровские усадьбы), г. Александров.

14—15 мая 1996 г. — конференция ОИРУ совместно с Музеем-усадьбой «Ясная Поляна» и Российским государственным гуманитарным университетом. Тема: «Источники по истории русской усадебной культуры».

Материалы опубликованы: «Источники по истории русской усадебной культуры». Ясная Поляна — Москва, 1997. 12 п.л. Тираж 200 экз.

29 мая 1996 г. — конференция ОИРУ совместно с Государственным историческим заповедником «Горки Ленинские». Тема: «Историко-культурное наследие России конца XIX — начала XX вв.».

20 февраля 1997 г. — 6-я, отчетная, конференция ОИРУ. Тема: «История дворянской сельской усадьбы в России ХУ1-XX вв.». Председатель — доктор исторических наук Л. В. Иванова.

ХРОНИКА

Октябрь 1996 — май 1997 г. Члены ОИРУ опубликовали в ежемесячном журнале «Мир и дом. Недвижимость» цикл из 8 статей по истории московских и подмосковных усадеб: Измалково (№ 10, 1996, Л. В. Иванова), Грачевка (№ 11, 1996, М. В. Нащокина), Черемушки (№ 12, 1996, Л. А. Перфильева), Троицкое-Лыково (№ 1, 1997, Г. Р. Вялая), Поречье Уваровых (№ 2, 1997, М. А. Полякова), Ильинское (№3, 1997, И. Н. Слюнькова), особняк С. Т. Морозова (№ 4, 1997, Н. С. Датнева), Горки (№ 5, 1997, С. В. Давиденко) — последние две посвящены 200-летию рода Морозовых. Все работы выполнены авторами безвозмездно с целью пропаганды русской усадьбы и сбережения ее как золотого фонда отечественной культуры.

• 7 февраля 1997 г. Докладом А. С. Полищука «Смоленская усадьба Дугино» в ОИРУ открылся цикл докладов по истории отдельных усадеб и проблемам усадебной культуры.

• 20 февраля 1997 г. Прошла 6-я, отчетная, конференция ОИРУ. Избран новый состав Правления: Иванова Л. В. (председатель), Агальцова В. А., Афиани В. Ю., Веденин Ю. А., Вергунов А. ГГ, Гуренок М. К., Каждая Т. П., Карнишина Л. М., Кириченко Е. И., Маковский Л. Н., Михайлова М. Б., Нащокина М. В., Перфильева Л. А., Полякова М. А. (зам. председателя), ПоляковаГ.А., Рудченко В. М., Синдеев В. В., Слюнькова И. Н., Турчин В. С. (зам. председателя), Тыдман Л. В. (зам. председателя), Филиппова Н. А., Фицева С. В. (секретарь), Фролов А. И., Щукина Е. П. На конференции обсуждалась тема: «История дворянской сельской усадьбы в России XVI—XX вв.». С докладами выступили научные сотрудники Института российской истории РАН, завершающие коллективную монографию на эту тему.

На конференции присутствовали около 120 человек. Работала выставка материалов ОИРУ 1920-х годов из архива В. М. Рудченко.

• 20 марта 1997 г. Доклад С. А. Козлова «Помещики-рационализаторы дореформенной России».

• Март 1997 г. Вышел в свет выпуск 3 (19) «Русской усадьбы. Сборника изучения русской усадьбы», посвященный московской городской усадьбе в связи с 850-летием Москвы. Первый раздел сборника — «Вопросы истории и методологии изучения городских усадеб» — освещает проблему в Историческом и современных аспектах. Второй — «Московские усадьбы XVII — начала XX вв. по новым материалам» — это исследования по 18 усадьбам. В третьем разделе помещены материалы современного ОИРУ: основные направления его долгосрочной программы, опыт библиографии русской усадьбы, хроника.

Объем книги 25 п. л., тираж 1000 экз. Научный редактор д.и.н. Л. В. Иванова, художественный редактор канд. арх. М. В. Нащокина. Издательство «Ворон».

• 14 апреля 1997 г. Доклад Г. В. Голутвы «Калужские усадьбы Барятино и Роща». Докладчиком предложен, одобренный ОИРУ, проект воссоздания и использования под краеведческий музей и обсерваторию утраченной башни дома в Барятине.

• Лето 1997 г. Вышли из печати:

— «Источники по истории русской усадьбы (с грифами музея «Ясная Поляна», РГГУ и ОИРУ) — материалы конференции в Ясной Поляне в мае 1996 г. Объем 11 п. л., тираж 200 экз. Научные редакторы д.и.н. Э. Г. Истомина и к.и.н. М. А. Полякова.

— «Русские дворянские усадьбы в изображениях XVIII—XIX веков. Из собрания ГИМ». Составитель М. К. Гуренок. 42 цветных иллюстрации, текст на русском и английском языках, тираж 1000 экз. Издательство ГИМ.

— «Усадебное ожерелье Юго-Запада Москвы». 2-е изд. 13 л. С иллюстрациями (грифы ОИРУ и Мосгорархива). Тираж 20000 экз. Издательство Мосгорархива.

• 5 июня 1997 г. Вторая конференция по проблемам усадьбы в музее «Ясная Поляна» с участием членов ОИРУ. Тема: «Русская усадьба в истории Отечества».

• 13—15 июня 1997 г. В бывшей усадьбе Лужиных Григорове (Дмитровский район Московской области), где работает загородная база Московской станции юных туристов, подведены итоги 52-го первенства Москвы по школьному туризму. По инициативе ОИРУ в программу соревнований впервые были введены задания по обследованию усадеб (в феврале составлена Памятка для школьников по фиксации усадеб). Из представленных свыше 30 отчетов отмечены лучшие, рекомендованы к печати, некоторые из отчетов доложены па конференции в Григорове в октябре этого года.

• Сентябрь 1997 г. В юбилейные для Москвы дни вышел «Археографический ежегодник» — орган РАН и Государственной архивной службы Российской Федерации, в котором роль Общества отмечена обзором истории, деятельности и планов ОИРУ, а также рецензией на третий выпуск «Русской усадьбы».

• 11—12 октября 1997 г. В Пушкинских Горах прошла научная конференция «Дворянская усадьба как явление русской культуры. Проблема ее воссоздания, сохранения и развития как музейного комплекса». В конференции участвовали члены ОИРУ.

• 27 ноября 1997 г. Вторая усадебная конференция «Лики ушедшей России» в Александровском художественном музее (Владимирская область), проведенная совместно с ОИРУ.

• 22 декабря 1997 г. Актив Общества изучения русской усадьбы отметил 75-летие со дня основания Общества 22 декабря 1922 г. На заседании, состоявшемся в здании Российской Академии архитектуры и строительных наук, с приветственным словом выступил президент академии А. Г. Рочегов.

Здесь же состоялась презентация приуроченного к 850-летию Москвы третьего (девятнадцатого) выпуска «Русской усадьбы».

Л. Н. Иванова

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Злочевский Гарольд Давидович — кандидат технических наук, ВНИИ Алмаз.

Иванова Людмила Васильевна — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, Председатель ОИРУ.

Кызласова Лариса Леонидовна — кандидат исторических наук, Государственный Исторический музей.

Леренман Майя Михайловна — старший научный сотрудник ОНИ Государственного Исторического музея.

Летягин Лев Николаевич — кандидат филологических наук. Российский Гос. Педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

Меленевская Марина Юлиановна — журналист, почетный член ОИРУ.

Меленевская Елена Сергеевна — архивист, дочь М. Ю. Меленевской.

Михайлова Мария Борисовна — кандидат искусствоведения, НИИ теории архитектуры и градостроительства РААСН, член Правления ОИРУ.

Нащокина Мария Владимировна — кандидат архитектуры, НИИ теории архитектуры и градостроительства РААСН, член Правления ОИРУ.

Перфильева Людмила Александровна — искусствовед; институт «Спецпроектреставрация», член Правления ОИРУ.

Преснова Наталья Григорьевна — старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи.

Полякова Марта Александровна — кандидат исторических наук, доцент, Российский Гос. Гуманитарный университет, зам. председателя ОИРУ.

Рудченко Виталий Михайлович — зам. начальника института «Спецпроектреставрация», член Правления ОИРУ.

Рязанцев Игорь Васильевич — доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств.

Слюнькова Инесса Николаевна — кандидат архитектуры, Академия архитектуры и строительных наук, член Правления ОИРУ.

Стернин Григорий Юрьевич — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, Гос. Институт искусствознания.

Тутова Татьяна Алексеевна — зав. сектором Отдела рукописных, печатных и графических фондов Гос. Историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль».

Лицензия ЛР № 071507 от 26.09.97 г.
Подписано в печать 20.05.98 г. Формат 60x90/16
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 499
Отпечатано в Патриаршем издательско-полиграфическом центре.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемые фотографии из архива ОИРУ, выполненные, в основном, в 1920-х годах, любезно предоставлены В. М. Рудченко.

АЛЕШИНО Нарышкиных. Рязанский у. Рязанской губ. Фото 1920-х гг.

ВЕШКИ. Московский у. Фото 1928 г.

ГИРЕЕВО. Московский у., Московской губ. Главный дом. Фото 1928 г.

ДЕДЕВШИНО. Клинский у., Московской губ. Главный дом.

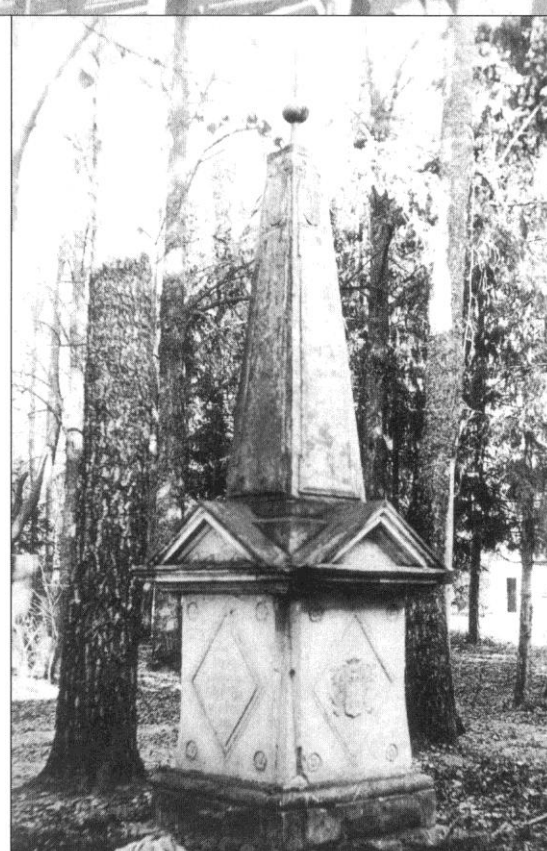
Дмитровский у., Московской губ.

ДОБРОЕ (АКСЕНКИ)

Общий вид.

Мраморная скульптура в парке перед главным домом.

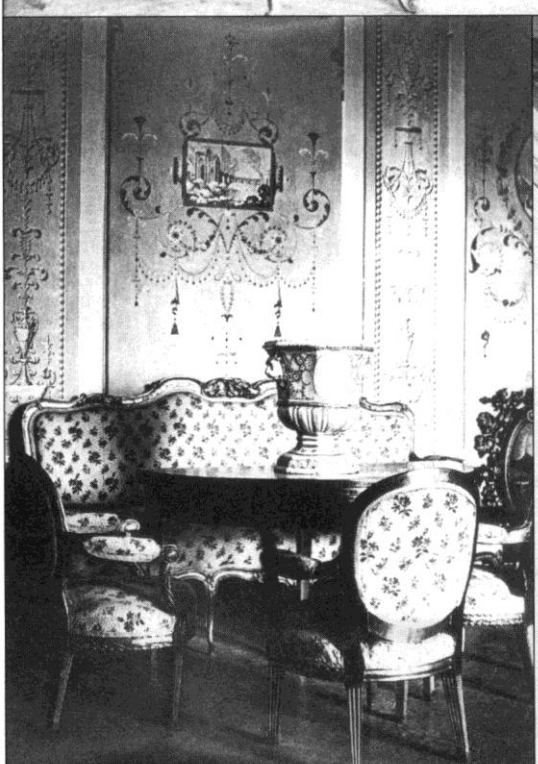
ДОБРОЕ (АКСЕНКИ).

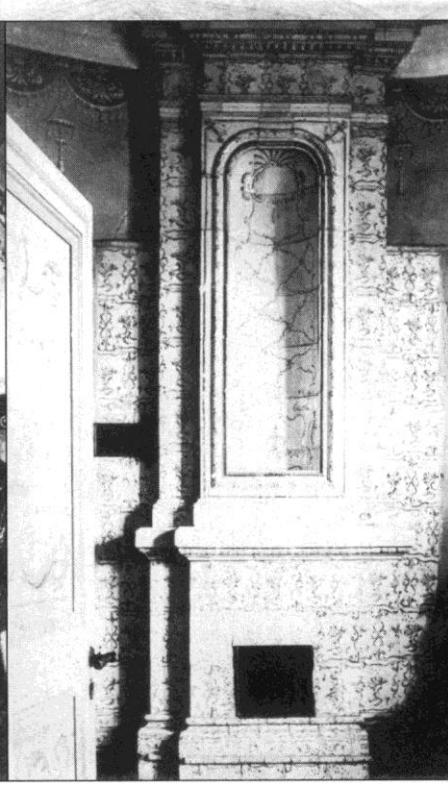


Главный дом.

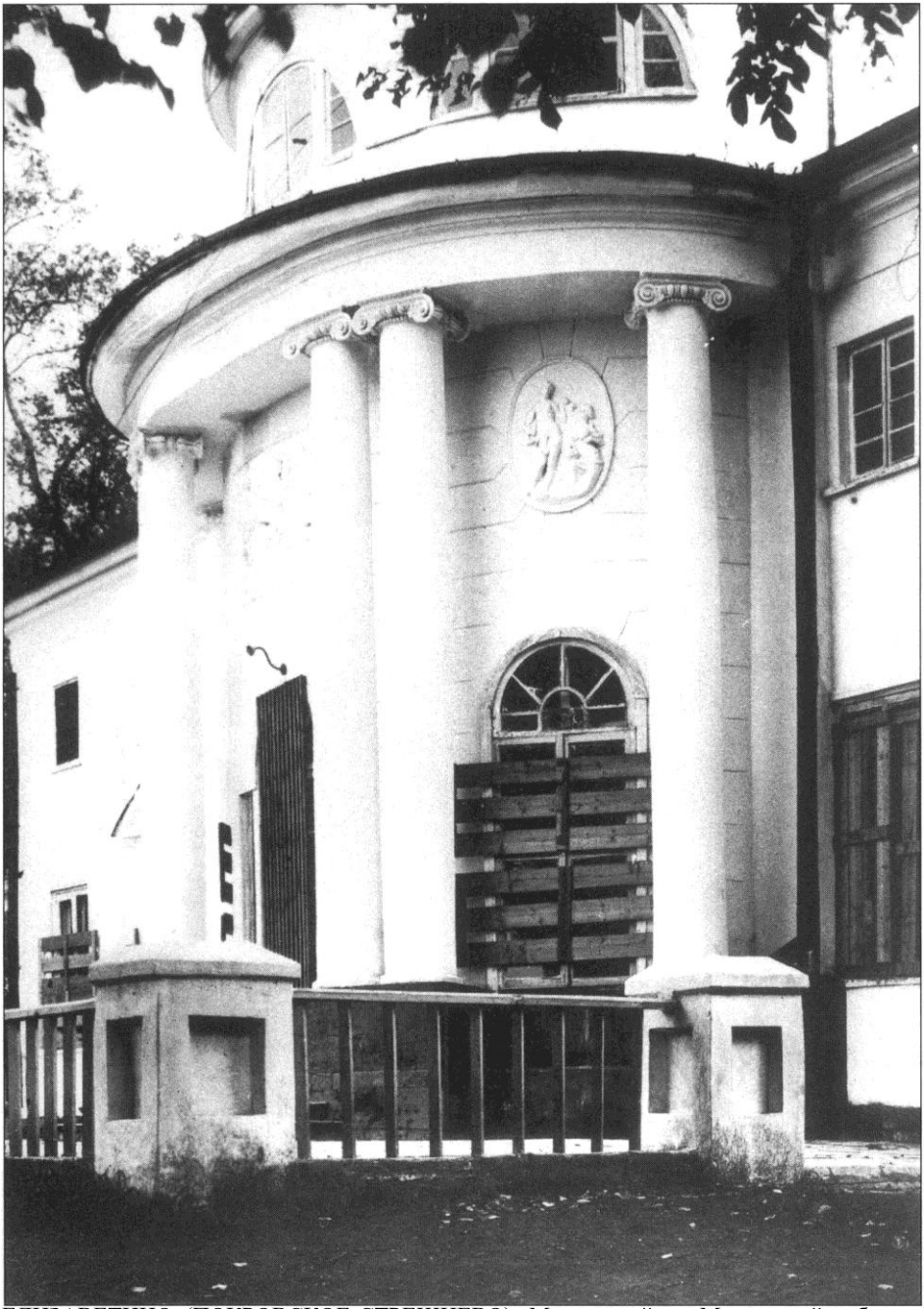
Обелиск в парке.

САБИНСКОЕ. Богородский у., Московской губ. Юнгов остров и «Храм Дружбы».

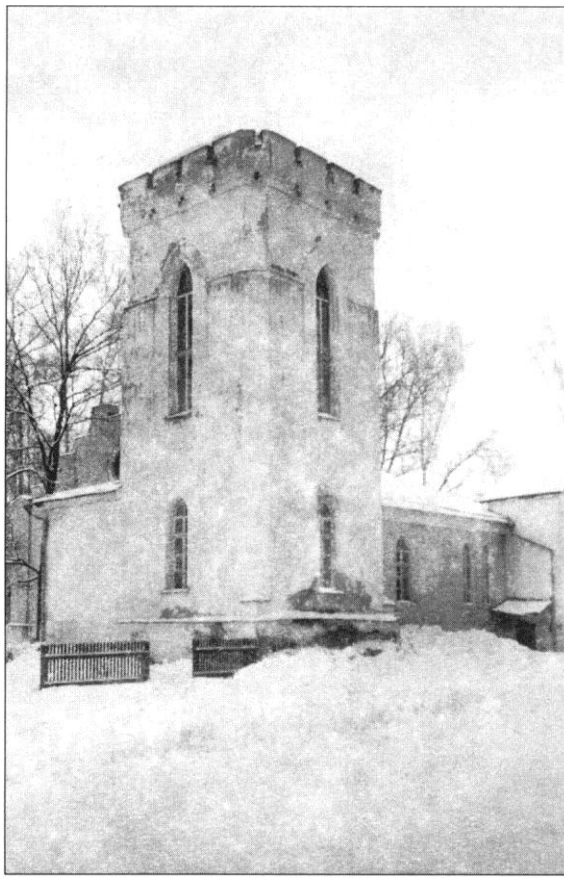




Интерьер гостиной главного дома.
Уголок гостиной.
Изразцовая печь в главном доме.



ЕЛИЗАВЕТИНО (ПОКРОВСКОЕ-СТРЕШНЕВО). Московский у., Московской губ. Фрагмент фасада главного дома. Фото 1928 г.



ЗЕНИНО (КОРНЕЕВО, ЗНАМЕНСКОЕ)
Московский у., Московской губ.

Главный дом.

Готическая часовня.

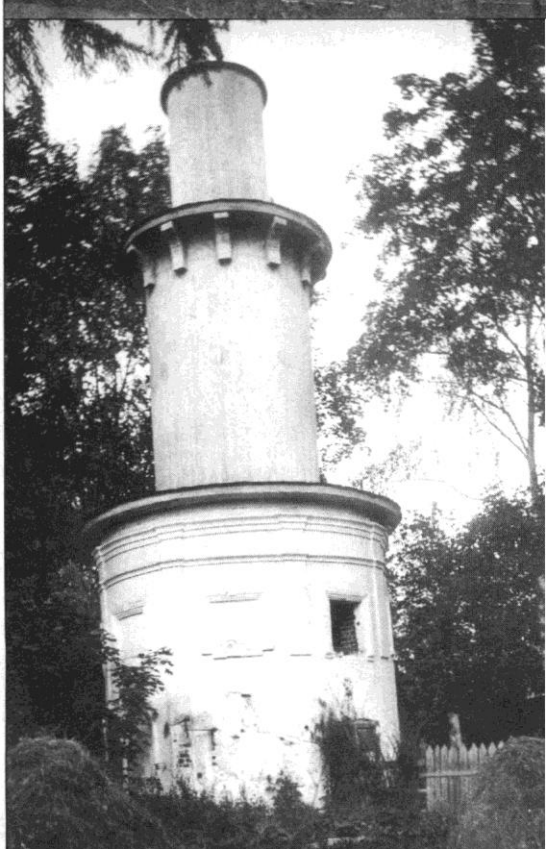
Интерьер спальни (?).

СЕМЕНОВСКОЕ-ОТРАДА.

СОКОЛОВО (МЕЩЕРСКОЕ). Парковый фасад главного дома.
Московский у., Московской губ. Фото 1926 г

СТУДЕНЕЦкн. ЕНГАЛЫЧЕВЫХ. Главный дом. Боковой фасад.
Тамбовская губ.

Московский у., Московской губ. ОПАЛИХА-АЛЕКСЕЕВСКОЕ.

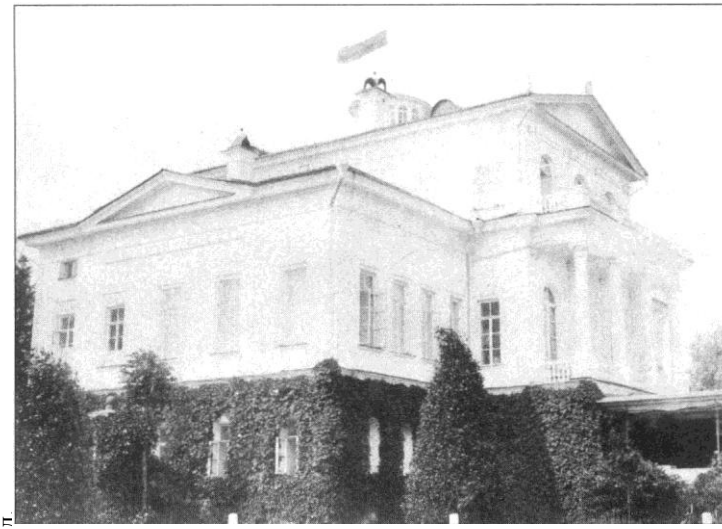


Главный дом.
Фото А. И. Устинова.
Июль 1925 г.

Башня парадного двора (?)

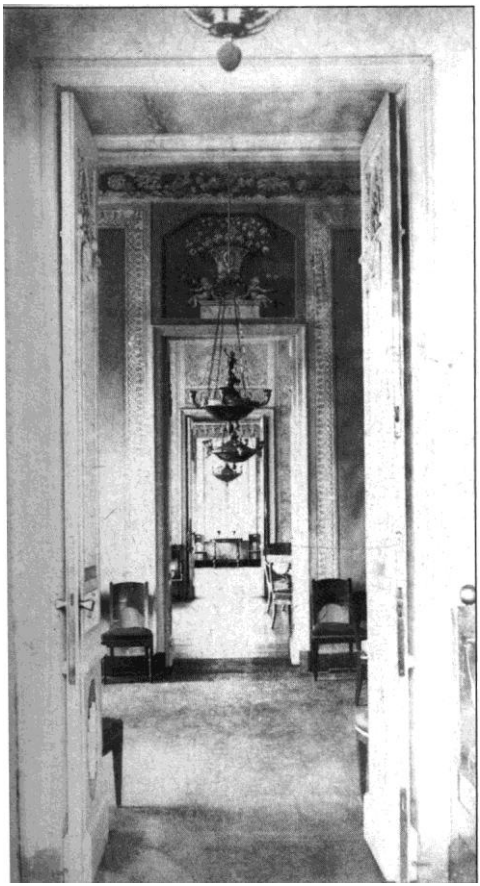
Кн. ЧЕРКАССКИХ
(ЧЕРКИЗОВО-СТАРКИ ?)

из станции
Iески» Рязанской



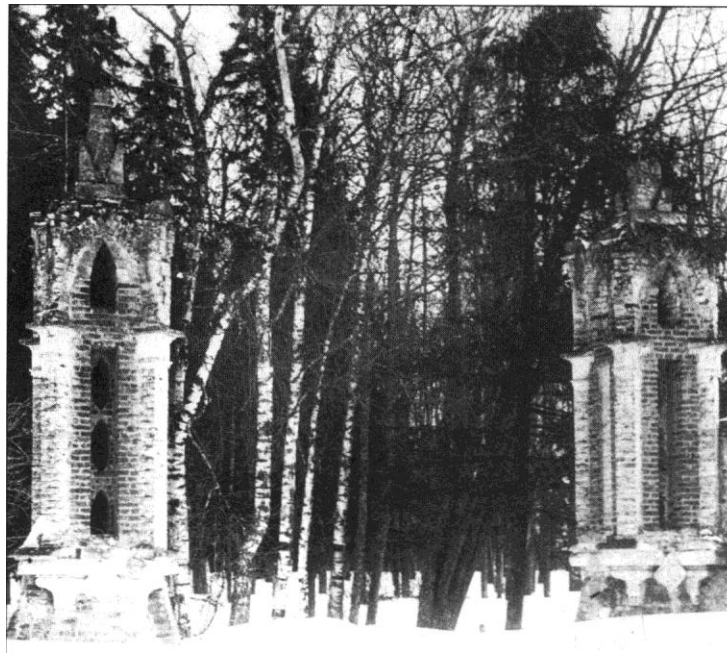
ОРЕХОВО. Тульская губ.
Господский дом.

Главный дом со стороны парадного двора.
Фото 1926 г.



Анфилада главного дома.

ТИШКОВО. Московская губ.

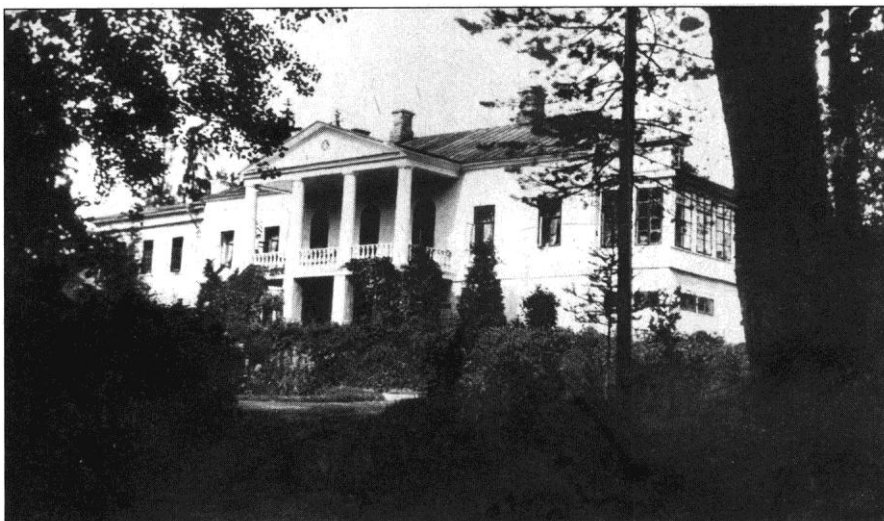


Въездные ворота.

Павильон в парке.

ТРОИЦКОЕ-ЧЕРКАСОВО. Подольский у., Московской губ.

ТРОЕКУРОВО. Московский у., Московской губ.



ХОЛМЫ В. А. Чижова.
Московская губ (?).

Господский дом. Главный фасад.
Фото ранее 1917 г.

Флигель (?).

Настоящий выпуск альманаха "Русская усадьба" посвящен 75-летию образования Общества русской усадьбы (1922—1930) и 5-летию его воссоздания (1992). Публикуются также архивные материалы по истории ОРУ и ранее неизвестные фотографии старинных усадеб.

Вместе с современными исследованиями читателю малодоступные читателю ранее публикации ОРУ.